

'Witty, darkly thrilling
and oh-so-sexy!'
Gena Showalter

FOURTH GRAVE

Beneath My Feet

Meet Charley Davidson —
PI and grim reaper
extraordinaire . . .

DARYNDA
JONES

Порой быть ангелом смерти — совсем не сахар. После последнего дела, которое, прямо скажем, пошло наперекосяк, Чарли взяла отпуск на пару месяцев, чтобы со всем возможным удовольствием погрязнуть в жалости к себе родимой. Но когда у нее на пороге возникает женщина, убежденная, что кто-то хочет ее убить, Чарли приходится взять себя в руки. Ну или хотя бы прилично одеться. Она подозревает, что что-то не так, когда все знакомые этой женщины утверждают, что та спятила. Чем охотнее люди опровергают ее историю, тем больше верит ей Чарли. Тем временем с умопомрачительно сексуального сына Сатаны, Рейеса Фэрроу, сняты все обвинения. Он оказывается на свободе и, по воле Чарли и после весьма конкретных угроз, старается не пересекаться с ней. Однако без него личная жизнь Чарли превращается в полное ничто. Кроме всего прочего, в Альбукерке весьма успешно орудует поджигатель, поэтому Чарли трудно оставаться не у дел. Тем более что в это, похоже, вовлечен Рейес. Стоило жизни войти в привычную колею, как Чарли снова втягивают в мир преступлений и наказаний, где последнее слово останется за дьяволом в синих джинсах. Переводчик: Euphony Редактор: Nikitina.

Порой быть ангелом смерти — совсем не сахар. После последнего дела, которое, прямо скажем, пошло наперекосяк, Чарли взяла отпуск на пару месяцев, чтобы со всем возможным удовольствием погрязнуть в жалости к себе родимой. Но когда у нее на пороге возникает женщина, убежденная, что кто-то хочет ее убить, Чарли приходится взять себя в руки. Ну или хотя бы прилично одеться. Она подозревает, что что-то не так, когда все знакомые этой женщины утверждают, что та спятила. Чем охотнее люди опровергают ее историю, тем больше верит ей Чарли.

Тем временем с умопомрачительно сексуального сына Сатаны, Рейеса Фэрроу, сняты все обвинения. Он оказывается на свободе и, по воле Чарли и после весьма конкретных угроз, старается не пересекаться с ней. Однако без него личная жизнь Чарли превращается в полное ничто.

Кроме всего прочего, в Альбукерке весьма успешно орудует поджигатель, поэтому Чарли трудно оставаться не у дел. Тем более что в это, похоже, вовлечен Рейес.

Стоило жизни войти в привычную колею, как Чарли снова втягивают в мир преступлений и наказаний, где последнее слово останется за дьяволом в синих джинсах.

Глава 1

***В жизни можно быть уверенным только в двух вещах. Угадайте, какая из них я.
Чарли Дэвидсон, ангел смерти***

Я смотрела канал «Магазин на диване» со своей мертвой бабушкой Лиллиан и раздумывала, какой была бы моя жизнь, если бы я только что в один присест не слопала целую упаковку шоколадного мороженого с кусочками шоколада и шоколадным пудингом под названием «Шоколадная терапия» (1), припивая его мокко латте. Наверняка ничего бы

не изменилось, зато есть о чем подумать.

Стояло позднее утро. Солнце, пробивавшееся сквозь жалюзи, обложило меня яркими полосками, отчего создавалось крутейшее впечатление киношки в жанре нуар. Поскольку жизнь моя с недавних пор круто свернула на темную сторону, нуар подходил как нельзя кстати. И подходил бы даже больше, не будь на мне пижамных штанов с кадрами из «Звездных войн» и блестящей майки, гордо провозглашающей, что «Земные девушки легкодоступны». Однако этим утром у меня не было сил переодеться во что-то более уместное. Уже несколько недель мы с апатией соседи. Плюс у меня в какой-то степени развилась агорафобия. С тех самых пор, как меня пытал человек по имени Эрл.

И это полный абзац.

Пытки, не имя.

Меня же зовут Шарлотта Дэвидсон, но большинство людей называют меня Чарли.

— Можно с тобой поговорить, сладкая тыковка?

Или сладкая тыковка. Вместе с сотней других ласкательных имен, включающих весь осенний урожай, которыми постоянно называет меня бабушка Лиллиан. Бабуля Лил умерла примерно в шестидесятых, и вижу я ее потому, что родилась ангелом смерти. А это, в свою очередь, означает три вещи. Во-первых, я могу общаться с мертвецами — то есть с умершими, которые не перешли сразу после смерти, — и, как правило, общаюсь с ними ежедневно. Во-вторых, для обитателей призрачного измерения я супермегаяркая, и упомянутые мертвецы могут увидеть меня из любой точки мира. Когда они чувствуют, что готовы, то могут перейти через меня. И это подводит к пункту три: я — портал между землей и тем, что многие называют раем.

К этому короткому списку есть кое-какие дополнения, включая и то, чего я еще сама о себе не знаю, но указанное составляет суть моей основной работы. За которую, кстати, мне никто не платит. Поэтому официально я работаю частным детективом, но это тоже не помогает оплачивать счета. По крайней мере в последнее время.

Я откинула голову на спинку дивана, чтобы посмотреть на бабушку Лил. Вообще-то, она моя двоюродная бабушка по папиной линии. На вид — худая пожилая женщина с добрыми серыми глазами и бледно-голубыми волосами. На ней был обычный ее наряд, потому что мертвые редко переодеваются: кожаный жилет поверх цветастого гавайского платья и хипповские бусы. В общем, прикид сам по себе подсказывал, что из жизни она ушла в шестидесятых. А еще у нее любящая улыбка, демонстрирующая нехватку зубов, но я только еще больше ее за это люблю. Есть у меня такой пункт — я равнодушна к сумасшедшим. Уж не знаю, откуда взялось это необъятное гавайское платье. Сама бабушка Лиллиан тоненькая, как тростинка, и в нем выглядит как жердь с обвисшей вокруг палаткой, но кто я такая, чтобы возражать?

— Конечно, можно, ба.

Я попыталась выпрямиться, но в голове вертелась назойливая мысль — любое движение потребует усилий. Я просидела то на одном, то на другом диване уже два месяца, приходя в себя после пыток. Вдруг я вспомнила, что сейчас покажут посуду, рекламу которой я жду все утро. Конечно же, бабушка Лиллиан поймет. Пока она не начала говорить, я подняла палец и попросила:

— А может разговор подождать, пока не закончится реклама посуды с керамическим покрытием? Я ее очень жду. И она с покрытием. Керамическим.

— Ты ж не готовишь.

Бабушка Лил права.

— Ладненько, что стряслось? — Я сложила накрест ноги в пушистых тапочках с кроликами на журнальный столик.

— Даже не знаю, как сказать. — Она глубоко вздохнула, и голубоволосая голова поникла.

Наплевав на усилия, которые для этого потребовались, я беспокойно выпрямилась.

— Ба?

Она печально опустила голову еще ниже.

— Мне... мне кажется, я умерла.

Я моргнула. Уставилась на нее. Потом снова моргнула.

— Понимаю. — Бабушка Лил смачно шмыгнула носом в широченный рукав своего платья, и беззвучно сдвинулись бусы братской любви. В смерти неодушевленные предметы хранят зловещую тишину. Вроде как мимы. Или как тот крик, который испустил Аль Пачино в фильме «Крестный отец 3», когда на ступеньках умерла его дочь. — Знаю-знаю, — утешительно хлопала меня по плечу бабуля Лил, — переварить такое непросто.

Умерла бабушка Лиллиан задолго до того, как родилась я, но я понятия не имела, знает она об этом или нет. Многим призракам даже невдомек. Вот почему я никогда не заикалась при ней об этом. Год за годом она по утрам варила мне несуществующий кофе и жарила невидимые яйца, а потом снова пускалась в очередное приключение. Бабушка Лил по-прежнему вела свою разгульную жизнь. В смысле путешествовала по миру. И редко надолго оставалась в одном и том же месте. Что само по себе очень неплохо. Иначе не видать мне по утрам настоящего кофе. И не только по утрам, а и все те двенадцать раз за день, когда мне кровь из носа необходим кофеин. Будь она чаще рядом, у меня бы наблюдалась постоянная кофеиновая ломка. И страшные мигрени.

Быть может, теперь, когда она сама все выяснила, я смогу объясниться с ней по поводу кофе.

Обстоятельств ее смерти никто доподлинно не знал, поэтому я не могла не спросить:

— Ты знаешь, как умерла? Что произошло?

В нашей семье ходили слухи, что бабушка Лиллиан умерла в коммуне хиппи в Мадриде на подъеме «цветочной революции». До этого она действительно вела жизнь путешественницы. Летом ездила в Южную Америку и Европу, а зимой — в Африку и Австралию. И даже после смерти не изменила этой традиции, «разъезжая» по всему миру. Тем более что с тех пор отпала нужда в паспорте. Но никто так и не смог рассказать мне, как именно она умерла. Или чем зарабатывала на жизнь. Как ей удавалось обеспечивать себе все эти путешествия, пока она была жива. Я в курсе, что какое-то время бабуля Лил была замужем, но у меня в семье о ее муже почти ничего не знали. Как-то дядя рассказывал мне, что муж ее скорее всего был нефтяным магнатом из Техаса, но со временем связи оборвались, и никто ничего не знал наверняка.

— Точно не знаю, — покачала головой бабушка Лиллиан. — Помню, мы сидели у костра, пели песни, закидывались кислотой...

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы накативший ужас не отразился на лице.

— ... а потом Берни спросил, что со мной, но он и сам только что принял, поэтому я не обратила на него внимания.

Это я могла понять.

Она подняла на меня влажные от горя глаза.

— Наверное, надо было к нему прислушаться.

Я обняла ее за узкие плечи.

— Мне очень жаль, ба.

— Знаю, тыковка. — Она потрепала меня по щеке холодными пальцами, в которых не было ни плоти, ни крови. Потом улыбнулась своей жутковатой улыбкой, и я подумала, не умерла ли она от передозировки. — Я помню день, когда ты родилась.

И снова я удивленно моргнула.

— Правда? Ты там была?

— Ну конечно. Мне очень жаль, что так случилось с твоей мамой.

Меня пронзила вспышка острой скорби. Я не была к этому готова, поэтому несколько секунд ушло, чтобы взять себя в руки.

— Мне тоже.

Воспоминание о том, как умерла мама сразу после моего рождения, не входило в число моих любимых. И воспоминание это было ясным и точным до мельчайших деталей. Когда она отделилась от своего физического тела, послышался щелчок, будто лопнула натянутая резинка. В тот момент я поняла, что наша связь оборвалась. Я любила ее уже тогда.

— Ты была особенной, — проговорила бабуля Лил и покачала головой, предаваясь воспоминаниям. — И раз уж теперь ты знаешь, что я покойница, я просто обязана спросить: какого пестика ты такая яркая?

Вот дерьмо. Не могла я ей сказать правду о том, что я ангел смерти, а весь этот свет — бонус к профессии. Она думала, я особенная, а не какая-то там еще с намеком на смертельность. Вслух такая правда звучит фигово. Поэтому я решила как угодно обходить ее за тридевять земель.

— Ну... долго рассказывать, ба, но если хочешь, можешь перейти через меня. Попадешь на другую сторону и окажешься рядом с родными. — Я опустила голову, надеясь, что она не примет предложения. Мне нравилось, что она со мной, пусть это и делает меня эгоисткой.

— Шутишь? — Она хлопнула себя по колену. — И пропустить все то дерьмо, в которое ты постоянно вляпываешься? Ни за что. — Она еще покудахтала, что напомнило мне последний ужастик, который я посмотрела, и повернулась к телику. — Ну рассказывай, что такого кайфового в этой твоей посуде?

Я поудобнее примостилась рядом с ней, и мы посмотрели ролик про целый набор сковородок, которые в состоянии пережить любые издевательства. В том числе и огромные горсти щебня, которыми елозили по антипригарным покрытиям. Поскольку люди не имеют привычки жарить камни, я никак не могла взять в толк, к чему это показывают. Но сковородки выглядели симпатично. К тому же купить их можно было в рассрочку. И мне они были нужны позарез.

Мы мило беседовали по телефону с жизнерадостным представителем службы по работе с клиентами по имени Герман, когда зашла Куки. Она так часто делает. Заходит. Как к себе домой. Само собой, я была в ее квартире. В моей было не продохнуть от коробок и подавляющих воспоминаний, поэтому я перебралась в пучине собственного ничегонеделания к ней.

Куки — крупных габаритов женщина с черными волосами, торчащими во все стороны, и без малейшего намека на вкус, о чем так и кричал надетый на ней прямо сейчас желтый костюм. А еще она моя лучшая подруга и секретарь, когда у нас есть работа.

Я помахала ей и вернулась к телефону:

— Не проходит платеж? Как это не проходит? У меня еще баксов двенадцать на карточке, а у вас в рекламе говорится, что можно взять в рассрочку.

Перегнувшись через спинку дивана, Куки отобрала у меня телефон и нажала «отбой», полностью игнорируя возмущение, ясно написанное у меня на лице.

— Не то чтобы «не проходит», — сказала она, отдавая мне телефон, — сколько «отказано». — Потом взяла пульт и переключила на новости. — Я заблокировала все исходящие платежи с твоей шопоголической кредитки.

— Что? — Я раздумывала, как бы прикинуться оскорбленной до глубины души и выйти из себя, но я и так была не в себе без всяких усилий. И честно говоря, меня обуревало нешуточное восхищение. — Как ты умудрилась?

Ведущий новостей говорил о недавней серии банковских ограблений. В сюжете показали видеозапись с четырьмя людьми, которых теперь называли «воры-джентльмены». Их лица скрывали белые резиновые маски. Они были вооружены, но ни разу за все восемь ограблений никто из них не вытащил пушку. Отсюда и название.

Я как раз думала, не кажутся ли они мне знакомыми, когда Куки схватила меня за руку и подняла с дивана.

— Умудрилась, — сказала она, подталкивая меня к двери.

— Как?

— Легко и просто. Позвонила и назвалась тобой.

— И они купились? — Теперь я официально в шоке. — С кем ты говорила? С Германом? По голосу он настоящий милашка. Секундочку! — Я уперлась пятками в пол. — Ты выгоняешь меня?

— Не то чтобы выгоняю, но занимаю твердую позицию. Пора уже.

— Пора? — нерешительно переспросила я.

— Пора.

Что ж, хреново. Теперь я могу смело сказать, что сегодняшний день — полный отстой.

— Люблю желтый, — промямлила я, послушно шагая под присмотром Куки из ее квартиры в свою. — Ты совсем не похожа на огромный банан. Зачем ты заблокировала кредитку, с которой я могла оплачивать покупки на любимом канале? У меня их всего-то три.

— И все они заблокированы. Надо же мне было убедиться, что я буду получать зарплату каждую неделю. А еще все остатки с твоего счета я перевела на секретный счет в банке на Каймановых островах.

— Ты смогла перевести деньги?

— Как видишь.

— А разве это не присвоение чужого имущества?

— Оно самое. — Буквально толкнув меня через порог, Куки закрыла за нами дверь моей квартиры. — Я хочу, чтобы ты хорошенько посмотрела на все это барахло.

Признаюсь, у меня в квартире царил полный хаос. Но каким макаром это касалось моей кредитки? Она всего лишь вспомогательный инструмент. В правильных руках (в моих, например) она могла воплотить мечты в реальность. Я осмотрелась, глядя на коробки с суперскими вещами, которые назаказывала за это время. Здесь было все: от волшебных чистящих губок, незаменимых в обиходе для любой фанатичной домохозяйки, до приемопередающих радиоустановок на случай, если грянет апокалипсис и сотовые станут мусором. Относительно аккуратная стена коробок кончалась нагроможденной горой черте какого

барахла, обозначающей одно особое место. Сама моя квартира — как иллюстрация к детскому конструктору «Lego». И тот крошечный островок пространства выглядел так, будто кто-то разрушил аккуратно построенные там кусочки из конструктора. Или будто этот изуродованный островок не выстоял при вторжении маленьких Lego-пришельцев.

За видимой стеной коробок были еще коробки. Где-то за ними затерялся мистер Вонг. Призрак, который жил в углу моей гостиной и вечно парил над полом спиной ко всему миру. Никогда не двигался и никогда не говорил. Бедняжка. Скучнее жизни не придумаешь.

Вдобавок мне пришлось освободить офис и перетащить все оборудование и папки к себе домой. Точнее — в кухню, где негде было развернуться, поэтому все, что раньше обеспечивало работу офиса, превратилось в банальный склад, пригодный лишь для хранения бумажек. Я была вынуждена выехать из офиса, потому что мой отец предал меня худшим из всех возможных способов. По его указке меня арестовали, пока я лежала в больнице, выздоравливая после того, как меня пытал психованный маньяк. А так уж вышло, что помещения моего офиса находились прямо над папиным баром. Не знаю, какая муха его укусила, когда он организовывал мой арест. То есть он хотел, чтобы я бросила сыскной бизнес, но время и способ действия ему определенно стоило продумать получше.

К сожалению, бар располагался метрах в пятнадцати от моего дома, поэтому приходилось избегать встреч с папой, когда надо было выйти по делам. Однако с этим я легко справлялась, поскольку не выползала на свет божий больше двух месяцев. Последний мой поход в большой мир был за вещами из офиса, и тогда я заранее убедилась, что папы нет в городе.

Поразглядывая коробки, я решила напустить на Куки. Разыграть из себя жертву. Свалить все на нее. Я указала на коробку с логотипом «Electrolux» и уставилась на Куки.

— Кто, черт возьми, оставил меня без присмотра? Это все ты виновата.

— Еще чего, — отозвалась она, ни капельки не впечатленная моим спектаклем. — Мы это все рассортируем и отошлем обратно. Кроме того, чем ты действительно будешь пользоваться, а это капля в море. Повторюсь: мне бы хотелось и дальше получать свою зарплату, если, конечно, ты не считаешь, что это вопиющая наглость с моей стороны.

— Ты берешь с карточки American Express?

— Нет, ее я тоже заблокировала.

Я громко ахнула, притворяясь потрясенной. Решительно расправив плечи, Куки сопровождала меня к моему собственному дивану, убрала с него коробки, которые поставила сверху на другие коробки, и уселась рядом со мной. Ее глаза блестели теплотой и пониманием, и мне мигом стало не по себе.

— Что, опять разговаривать будем?

— Боюсь, что да.

— Кук... — Я попробовала встать, чтобы сбежать куда глаза глядят, но она положила руку мне на плечо. — Я уже не знаю, как еще сказать, что со мной все в порядке. — Взгляд Куки опустился к Маргарет, уютно примостившейся у меня в набедренной кобуре, и я сказала в свою защиту: — А что? Куча частных детективов носят при себе оружие.

— С пижамой?

Я фыркнула:

— А то. Особенно если пижама с кадрами из «Звездных войн», а пушка очень смахивает на бластер.

Маргарет была моей новой лучшей подругой. И она никогда не переводила деньги с

моего счета на какой-то другой, как некоторые лучшие подруги, чьи имена называть необязательно.

— Чарли, я ведь прошу только, чтобы ты поговорила с сестрой.

— Я с ней каждый день разговариваю.

Я сложила на груди руки. Ни с того ни с сего все дружно стали твердить, что мне необходимо проконсультироваться с мозгоправом, когда на самом деле со мной все в полном порядке. Что с того, что мне не хочется выходить из дома? Многим нравится сидеть в четырех стенах. Месяцами.

— Ага. Она звонит и пытается поговорить с тобой о том, что произошло и как ты себя чувствуешь, а ты ей постоянно затыкаешь рот.

— Ничего подобного. Я просто меняю тему.

Пока я томила в чудесных парах отрицания, Куки успела сделать и налить нам обеим по чашке кофе. Когда я пришла к выводу, что люблю отрицание ничуть не меньше, чем мокко латте, она снова села рядом со мной и вручила мне чашку. Я сделала глоток и от восторга закатила глаза. Ее кофе в сто раз лучше, чем кофе бабушки Лиллиан.

— Джемма считает, что тебе не помешало бы какое-нибудь хобби. — Куки посмотрела на коробки. — Вменяемое хобби человека со здоровым образом жизни. Пилатес, например. Или борьба с аллигаторами.

— Я в курсе. — Я откинулась на спину и локтем закрыла лоб. — Я уже думала о том, чтобы начать свои мемуары, но ума не приложу, как описать в прозе музыку из порнухи семидесятых.

— Ну вот! — Куки ткнула меня локтем. — Писательство. Чудесное начало. Можешь попробовать себя в стихах. — Она встала и покопалась на моем заставленном коробками столе. — Держи, — сказала она, подсовывая мне несколько листов бумаги. — Напиши мне стихотворение о том, как проводишь день, а я начну с этих коробок.

Я отставила кофе и села.

— Серьезно? А можно я напишу стихотворение о своем мировом господстве или о том, какую пользу здоровью приносит ежедневное употребление гуакамоле?

Чтобы посмотреть на меня поверх одной из впечатляющих коробочных стен, Куки поднялась на цыпочки.

— Ты купила две электроскороварки? Две?

— На них была скидка.

— Чарли, — с укором начала она. — Минуточку. — Внезапно она скрылась за стеной и снова вынырнула. — Они суперские! — Как будто я не знаю. — Можно мне одну?

— Естественно, блин. Вычту из твоей зарплаты и все.

А это мысль. Я могла бы платить ей зарплату покупками через «Магазин на диване», хотя это вряд ли сохранит ей электричество или воду в кранах. Зато Куки будет счастлива, а разве счастье — не самое важное в жизни? Вот об этом и надо написать стишок.

— Ты же понимаешь, что надо сходить в магазин, чтобы начать пользоваться всеми этими штуковинами?

Слова Куки еще глубже столкнули меня в яму отчаяния, которую чаще называют сожалением по поводу покупок.

— Разве не для этого существует служба доставки в «Мачо Тако»?

— Придется покупать еду, специи и море прочей фигни.

— Ненавижу ходить за продуктами.

— И тебе придется научиться готовить.

— Ладно, — тяжело вздохнула я, признавая поражение. Когда возникает нужда, во мне просыпается нешуточный актерский талант. — Верни обратно все, что хоть как-то связано с приготовлением пищи. Ненавижу готовить.

— Памятный браслет в честь Джеки Кеннеди оставить хочешь?

— Его надо готовить?

— Нет.

— Тогда оставляем. — Я подняла руку и повертела браслетик на запястье. — Только посмотри, как блестит.

— И очень подходит к Маргарет.

— На все сто.

— Тыковка? — позвала бабушка Лиллиан.

Я оторвалась от созерцания браслета. Теперь, раз она знает, что мертва, мне больше не грозят приступы паники от ее регулярных предложений готовить для меня две недели кряду. В последний раз я чуть не умерла от голода. Я показала ей браслет.

— Как думаешь, такой браслет — не слишком?

— Джеки идет ко всему, дорогуша. Но я хочу поговорить с тобой о Куки.

Я посмотрела на Куки и разочарованно нахмурилась.

— Что еще она натворила?

Бабуля Лил села рядом со мной и похлопала меня по руке.

— Думаю, она должна знать правду.

— О Джеки Кеннеди?

— Обо мне.

— А-а, ну да.

— Для чего, бога ради, нужна эта чудовищная машина? — спросила Куки откуда-то со стороны кухни. Потом, будто из ниоткуда, появилась коробка, неуверенно паря над башней из других коробок.

Я взволнованно улыбнулась:

— Помнишь, как мы с тобой иногда заказывали кофе, а его доставляли с потрясающей пеной сверху?

— Ага.

— Так вот эта машина и творит то пенное волшебство.

Темная голова выскочила из-за коробок.

— Не может быть.

— Может.

Куки с любовью воззрилась на коробку.

— О'кей, можно ее сохранить. Мне только надо будет выкроить немножко времени из расписания, чтобы прочесть инструкцию.

— Ну так как? — продолжала бабушка Лиллиан. — Собираешься сказать ей?

Я кивнула — она права. Ну или была бы права, если бы Куки уже не была в курсе.

— Кук, можешь подойти на секундочку?

— Ладно, но прямо сейчас я мысленно разрабатываю систему сортировки. Если отвлекусь и все пойдет насмарку, ответственности нести не буду.

— Ничего не могу обещать.

С тревожным блеском в глазах она пошла ко мне, на ходу встряхивая очередную

коробку.

— Ты знаешь, как долго я мечтаю о сушилке для салата?

— Неужели люди и правда о таком мечтают?

— А ты нет?

— Думаю, я купила это в четыре утра, когда потеряла связь с реальностью. Даже понятия не имею, зачем людям сушить салат.

— Зато я имею.

— Ясно. В общем, у меня плохие новости.

Куки присела на кресло, приставленное к дивану. На лице ее отчетливо читалось беспокойство.

— Ты бог знает сколько сидишь тут и уже умудрилась получить плохие новости?

— Вроде того.

Я едва заметно наклонила голову, чтобы дать ей знать: мы не одни.

Куки нахмурилась.

Я повторила маневр.

Сбитая с толку, она пожала плечами.

Я громко вздохнула:

— У меня новости о бабушке Лиллиан.

— А-а. А! — Она заозиралась, а потом посмотрела на меня, вопросительно приподняв брови.

Я быстренько покачала головой. Обычно Куки подыгрывает, притворяется, что тоже видит бабушку Лил. Но теперь, когда бабушка Лил осознала, что проходит сквозь стены, это было бы ни к чему.

Я накрыла ладонью руки Куки и многозначительно проговорила:

— Бабушка Лиллиан умерла.

Куки нахмурилась.

— Ее больше нет.

Она пожала плечами, сбитая с толку. Опять.

— Так и знала, что ей будет нелегко, — сказала бабуля Лил и снова шмыгнула носом в рукав.

Мне просто жуть как хотелось закатить глаза. Куки не понимала моих намеков. Значит, нужно поднапрячься.

— Ты же знаешь, что я вижу призраки.

Куки просветлела лицом, когда поняла, что бабушка Лиллиан наконец-то осознала свою смерть.

Я похлопала ее по руке. Сильно.

— Сейчас она здесь с нами. Только ты ее уже не сможешь увидеть.

— То есть...

— Да, — перебила я, пока Куки не сболтнула лишнего, — бабушка Лиллиан умерла.

В конце концов до Куки дошел весь смысл происходящего, а не маленький его кусочек. Ее рука метнулась ко рту, и слабый писк просочился сквозь пальцы.

— Только не бабушка Лил!.. — Она согнулась пополам и затряслась от рыданий.

Как тонко.

— Даже не подозревала, что ей будет настолько тяжело, — заметила бабушка Лиллиан.

— Я тоже. — С ужасом я наблюдала, как Куки разыгрывает сцену из «Крестного отца».

Жути наводило еще и то, что все происходило в шаге от меня. — Все хорошо, — проговорила я и погладила Куки по голове. Сильно погладила. Ее глаза из-за пальцев метали молнии. — Бабушка Лил с нами. Как призрак. Она передает, что любит тебя.

— Ой, точно, — исступленно закивала бабуля Лил, — передай, что я ее люблю.

— Бабушка Лил, — сказала Куки, выпрямляясь и глядя сбоку от меня. Правда, не с той стороны.

Я кивком показала ей, где сидит бабушка Лиллиан, и Куки посмотрела туда.

— Бабушка Лил, мне очень-очень жаль. Нам будет ужасно вас не хватать.

— Ой, ну разве она не милашка? Она мне всегда нравилась.

Я взяла бабушку Лил за руку.

— Мне она тоже всегда нравилась. По крайней мере нравилась еще минут пятнадцать назад.

Я решила, что отказывать себе в душе ни в коем случае нельзя, и побежала в ванную, пока Куки проводила инвентаризацию, а бабушка Лил отправилась посмотреть, как с нового ракурса выглядит Африка. Интересно, узнает ли она когда-нибудь, как давно уже мертва? Я уж точно не собиралась ей рассказывать.

Горячая вода — одно из лучших лекарств в мире. Снимает напряжение и успокаивает нервы. Но еще круче в этом смысле — ротвейлеры. С тех пор как красавица-ротвейлер по кличке Артемида умерла и стала моим хранителем (отчего она меня оберегает, понятия не имею), обычный душ превратился в испытание. А все потому, что ей тоже нравится принимать душ. Появляется она нечасто, но стоит мне включить воду — тут как тут.

— Привет, золото, — поздоровалась я, глядя, как Артемида пытается поймать ртом струю воды.

Она игриво залаяла, и от стенок ванной отразилось громкое эхо. Я наклонилась и почесала ее по ушам. На ощупь она была абсолютно сухой, потому что струи текли прямо сквозь нее, но Артемида усердно старалась поймать языком тяжелые капли.

— Я знаю, каково тебе, красавица. Иногда то, чего нам больше всего хочется, получить никак нельзя.

Она прыгнула на меня, восторженно виляя купированным хвостом, и от ее веса я неловко впилась спиной в кафельную стену. Чтобы не грохнуться, ухватила за душ и дала Артемиде вылизать мне шею, пока поток воды снова не привлек ее внимание. Она нырнула за ним, чуть не сбив меня с ног. Мне позарез надо обзавестись ковриком для душа. Брить ноги в компании гоняющейся за любым всплеском воды псины сильно смахивает на хождение по краю пропасти, но задание это надо выполнить несмотря ни на что.

С горем пополам и минимальной потерей крови я закончила брить ноги и притянула к себе Артемиду. Она лизнула меня в левое ухо, слегка прижав мочку передними зубами, отчего по мне побежали мурашки, и я громко рассмеялась.

— Спасибо, как раз собиралась вымыть это ухо. Огромное тебе спасибо.

Она гавкнула, понимая, что забава подошла к концу — чудесный мир водных брызг исчез. Потом прыгнула прямо в наружную стену и испарилась. А я задумалась, нормально ли это — принимать душ с собакой.

Высушив волосы, я стянула их в нечто, отдаленно напоминающее хвост, надела джинсы

и белый свитер с молнией у воротника и посмотрела в зеркало. Зачем — сама не знаю. Через пару часов все равно переоденусь обратно в пижаму. Так зачем же я одевалась? Тратила на это силы? И в душ-то зачем полезла?

Вылив на ладонь немного лосьона, я стала втирать его в руки, изучая противный шрам на щеке. Он почти исчез. На любом другом человеке такой шрам остался бы вечным напоминанием о событиях, которые лучше навсегда похоронить в памяти. Но в том, чтобы быть ангелом смерти, есть свои преимущества. В частности, скорое исцеление и минимальный риск занять постоянные шрамы. И никакого видимого объяснения, откуда у меня взялся не самый запущенный в мире случай агорафобии. Какой же я была душой!

Я взяла лосьон, который втирала в руки, и размазала его по зеркалу. Белые полосы исказили в отражении мое лицо. Так-то лучше.

Вмиг разозлившись на себя еще больше, я подошла к окну посмотреть, на работе ли уже мой предатель-отец. Казалось, что с каждым днем он появляется все позже и позже. Не то чтобы меня это как-то заботило. Ни один человек, по указке которого арестовывают его собственную дочь, когда та лежит при смерти в больнице, после того как чуть не умерла от пыток, не заслуживает моего внимания. Но вместо отцовского коричневого джипа я увидела некоего мистера Рейеса Фэрроу и затаила дыхание. Он прислонился спиной к задней части папиного бара, скрестив на груди руки и подперев подошвой ботинка стену.

Он был на свободе.

То есть я знала, что его отпустили, но до сих пор с ним не виделась. Десять лет он сидел в тюрьме за преступление, которого не совершал. Копы поняли, как облажались, когда чувак, которого он якобы убил, связал меня и самозабвенно пытал. Я была рада, что Рейеса освободили, если бы не одно «но»: он использовал меня, как приманку, так что мы с ним снова в тупике. Я злюсь на него за то, что он использовал меня как приманку. Он злится на меня за то, что я злюсь на него. Похоже, наши отношения из одних только тупиков и состоят. Это мне в награду, что хватило ума вспылать страстью к сыну Сатаны. Было бы куда проще, не будь он таким восхитительно и опасно обалденным. Слабость у меня к плохим парням.

Этого конкретного плохого парня при рождении окунули в озеро красоты. Сложенные на широкой груди руки бугрились мускулами. Полные, слишком чувственные, чтобы оставаться спокойной, губы сложились в угрюмую прямую линию. Темные волосы, по которым вечно ножницы плачут, вились у шеи и густыми локонами падали на лоб. А если присмотреться, держу пари, что смогла бы разглядеть длинные густые ресницы, веером лежащие на щеках.

Мимо прошел какой-то мужчина и махнул рукой. Рейес кивнул ему в ответ и в тот же миг, видимо, почувствовал, что я за ним наблюдаю. Секунду назад он смотрел вниз и вот теперь — прямо на меня. Сердитый взгляд встретился с моим. Несколько долгих напряженных мгновений мы смотрели друг другу в глаза, а потом с медлительной целеустремленностью он дематериализовался — его тело превратилось в дым и пыль, пока от него не осталось и следа.

Рейес умел отделяться от физического тела. Его нематериальная форма, которую я видела так же легко, как призраков, могла оказаться в любой точке мира, стоило Рейесу только захотеть. Это меня ни капельки не удивило. Зато удивило другое. В нематериальном состоянии Рейеса никто из людей, кроме меня, видеть не мог. Но тот мужик помахал. Увидел Рейеса и помахал ему. Это означало, что у кирпичной стены стояло его физическое тело.

Это означало, что физическое тело Рейеса дематериализовалось. Испарилось в прохладном утреннем воздухе.

Но ведь это невозможно.

Глава 2

Сложно ничего не делать. Никогда не знаешь точно, когда закончил.

Надпись на футболке

Вся моя сила воли до последней капли ушла на то, чтобы оторваться от окна. Неужели Рейес и правда только что дематериализовался в человеческом теле? Вдруг нагрянула следующая мысль: какого черта он вообще тут торчал? И еще одна: с какой стати он такой сердитый? Моя очередь злиться. А у него нет никаких причин. И я бы сказала ему это прямо в лоб, будь у меня хоть малейший стимул выйти из дома и попытаться его догнать. Но дома я чувствовала себя слишком уютно. Мысль о том, чтобы выйти и вступить в борьбу с сыном абсолютного зла, казалась мне такой же разумной, как и летающие муравьи. То есть где логика? Муравьи сами по себе жуткие, ни к чему давать им возможность еще и летать.

Совершенно сбита с толку, я вошла в гостиную.

— Снаружи был Рейес Фэрроу. Стоял у стены бара и смотрел на мои окна.

Куки так и подскочила. Секунд десять она смотрела на меня с отвисшей челюстью, а потом перепрыгнула через диван и бросилась ко мне в спальню, чуть не выдавив наружу окно. Когда речь идет о мужчинах, проворства ей не занимать. Мне не хватило духу признаться, что из гостиной было бы видно лучше. Причем прямо с того места, где она и сидела. Не рискнула я сообщить ей и о том, что Рейеса там уже нет.

— Его там нет, — сказала Куки взволнованным и испуганным голосом.

— Как? — спросила я, притворяясь удивленной, бросилась к окну и выглянула из-за занавесок. Само собой, его там не было. — А ведь минуту назад был. — Я нарочито внимательно оглядела всю улицу.

Куки нахмурилась:

— Ты знала, что он ушел.

Я пристыженно съежилась.

— Извини. Ты так погрузилась в свою гимнастику, что не хотелось тебя отвлекать. Представляешь, как трудно было бы объяснить копам, почему ты выпала из окна и умерла лепешкой на асфальте? — Я снова посмотрела туда, где стоял Рейес. — Клянусь, если этот мужик сидит у меня на хвосте...

— Солнце, чтобы кто-то сидел у тебя на хвосте, тебе нужно хоть куда-нибудь ходить. А так он вроде как просто за тобой следит.

Она права. И это тоже я ему в лицо брошу, если когда-нибудь захочу с ним поговорить.

Я опустила голову, а Куки продолжала изучать глазами парковку в надежде, что он снова появится. Трудно ее за это винить.

— Пока мы не сменили тему, мне кажется, он дематериализовался в человеческом теле.

Куки тут же взвилась:

— Я думала, такое невозможно. Ты уверена?

— Нет. — Я вернулась от окна в загроможденную коробками гостиную. На ум пришла

другая мысль. Чертов синдром дефицита внимания. — Будь предельно искренней: сильно я на мели?

Глубоко вздохнув, Куки поплелась за мной. Перед тем как ответить, она печально оглядела меня с ног до головы.

— По шкале от одного до десяти... в общем, тебя на этой шкале нет. Ты скорее на отметке в минус двенадцать.

— Вот блин. — Я посмотрела на памятный браслет Джеки Кеннеди, чувствуя большой и ужасный груз в душе. Расстегнула застёжку. — Вот. Его тоже верни.

Куки взяла браслет.

— Точно?

— Ага. Все равно я только притворялась, что он сочетается с Маргарет. Вот будь он черным, да с черепами...

— Боюсь, Джеки нечасто носила черепа. Знаешь, у нас ведь еще парочка клиентов, которые нам должны.

— Правда?

Звучало обнадеживающе. Я обошла коробки, направляясь к мистеру Кофе. В последнее время свидания с ним — единственное активное действие, которое я себе позволяла.

— Угу.

Куки явно колебалась, а значит, что-то не так. Налив себе кофе, я обернулась к ней, вопросительно изогнув брови.

— Кто, например?

— Например, миссис Аллен.

— Миссис Аллен? — Я поелозила ложкой в блюде со сливками и добавила в кофе заменитель сахара. — Она платит мне печеньем. Не думаю, что это поможет со счетами.

— Верно, но за прошлый раз, когда ты нашла Пипи, она не заплатила.

Пипи, он же Принц Филипп, — шизанутый пудель миссис Аллен. Ей надо было назвать его Гудини. Этот песик может смыться даже из запертого банковского хранилища. Но, по правде сказать, Куки ошибалась. Чувствуя себя виноватой, я прикусила губу и отвела взгляд.

Куки ахнула:

— Она тебе заплатила?

— Вроде того.

— И ты не поделилась?

— Ну...

— Целая тарелка печенья, а ты не поделилась? И это после того, как вся беготня легла на мои плечи?!

У меня отвисла челюсть.

— Беготня? Ты подошла к окну и заметила его у мусорного бака!

— Да, но я шла, — она двумя пальцами наглядно изобразила процесс ходьбы, и мне стало немножко веселее, — к окну на своих двоих.

— Да, но ведь это я гналась за зловредным кусочком дерьма семнадцать кварталов.

— Три.

— И он меня укусил.

— У него нет зубов.

— Деснами тоже больно. — Я машинально почесала руку, вспоминая весь тот ужас.

— Он пудель. Неужто он может так сильно прижать деснами?

— Прекрасно. В следующий раз сама будешь за ним гоняться.

Куки громко вздохнула:

— А как насчет того парня? Билли Боб? Он до сих пор нам должен.

— Ты имеешь в виду Бобби Джо? Парня, который считал, что подружка пытается убить его арахисом? Так он заплатил натурой.

— Чарли, — укоризненно произнесла Куки, — сколько раз тебе говорила: не торопись спускать штаны!

— Не в том смысле, — разобиделась я. — Он покрасил нам стены в офисе.

Долго и нудно Куки смотрела на меня раздраженным взглядом, а потом уточнила:

— В том офисе, где нас больше нет?

Я робко пожала плечами:

— Ну да. Я забыла его предупредить, и он покрасил стены, когда мы уже выехали. Еще радовался, что там так пусто и под ногами никто не путается.

— Ну просто фантастика. — Ее энтузиазм показался мне фальшивым, и это было непривычно. — Наверняка кто-то еще нам должен денег, — добавила она.

И тут меня осенило. Вот он — ответ на все наши молитвы! Или как минимум на некоторые.

— Ты права, — сказала я. Рейес Фэрроу мне должен, и должен неслабо. Я усмехнулась, глядя на Куки. — Я раскрыла дело. Мне задолжали обычную таксу плюс медицинские расходы и моральный ущерб.

Ее лицо посветлело от надежды.

— Какое дело? И кто должен?

По тому, как я решительно стиснула зубы, она сразу поняла, о ком речь. Взгляд у нее тут же сделался рассеянным и мечтательным.

— Можно я помогу тебе с тем, чтобы нам вернули долг?

— Нетушки, твоя задача — отослать все это барахло обратно. Иначе на что мы будем питаться в следующем месяце?

— Вечно я в стороне от веселья.

— Сама виновата.

Куки откашлялась.

— Как вот в этом, — она широко развела руки, — виновата я?

— Это тебе за то, что оставила меня без присмотра. Чеки на возврат нашла?

Она подняла стопку бумажек:

— Да.

— У себя дома справишься?

— Справлюсь.

Собрав все чеки, Куки пошла на выход. Опять на те же грабли.

— Кстати, — сказала она, перед тем как открыть дверь, — у меня твой пульт, так что даже не думай.

А вот это уже было лишнее.

Куки ушла, а я сидела и пыталась придумать план действий. Жаль, что я не могла связаться с Ангелом. Вот если бы кто-то сумел найти этого противного, гадкого...

— Как ты это сделала? — раздался позади голос, и я подскочила от неожиданности.

Ух, какой высокий! Скачок, не голос. Прижав руки к груди, я повернулась к тринадцатилетнему мертвому гангстеру по имени Ангел Гарса. Он стоял посреди моей квартиры, одетый в свои вечные джинсы и грязную футболку. На голове красовалась бандана.

— Ангел, какого черта?

— Как это «какого черта»? Что ты сделала?

— Чего? — переспросила я, уговаривая сердце успокоиться. Обычно я так не пугаюсь, когда появляется Ангел.

Темные глаза вопросительно сощурились:

— Как ты это сделала?

— Не знаю. А что я сделала?

— Только что я был на кинсеньере (1) у кузины, и вот торчу у тебя.

— Серьезно?

— Так это твоих рук дело?

— Вряд ли. Я просто подумала о тебе, а ты тут как тут.

— Ну, тогда прекрати так делать. Странно это было. — Он обнял себя и потер ладонями.

— Это же круто. Ты никогда не приходишь, когда надо.

— Я твой детектив, *pendeja* (2), а не комнатная собачонка.

— Поверить не могу, что это сработало.

— Откуда такая прорва коробок?

— Ты только что назвал меня *pendeja*?

Наконец Ангел обратил на меня внимание, и я заметила знакомый взгляд.

— Неплохо выглядишь, босс.

— А ты выглядишь на свои тринадцать.

Напомнить Ангелу о его возрасте — это всегда эффективно. Он тут же ошетинился и отвернулся, притворившись, будто рассматривает мою новую фондюшницу. То, о чем я собиралась его спросить, ему явно придется не по вкусу, поэтому я поднялась и решительно встала прямо перед ним с суровым выражением на лице.

— Мне нужно знать, где он.

От удивления Ангел выпрямился, но сразу взял себя в руки и пожал плечами:

— Кто?

Он совершенно точно знал, о ком я говорю.

— Минуту назад он был на улице прямо перед домом. Где он остановился?

Ангел огорченно вздохнул:

— Ты неделями не желала его видеть. С чего вдруг сейчас?

— Он мне денег должен.

— Меня это не касается.

— Коснется, если я не смогу выдать тебе зарплату. — За работу в качестве детектива я каждый месяц анонимно высылаю его матери чек. В своем нынешнем неплотном состоянии пользоваться деньгами Ангел не может, зато может его мама. Идеальное соглашение.

— Вот же дерьмо. — Он исчез за стеной из коробок. — Каждый раз, когда ты рядом с ним, с тобой случается всякая фигня.

— Неправда.

Он опять появился, но только частично.

— Что такое флоуби (3)?

— Ангел. — Я коснулась его пальцем под подбородком, ощутив едва заметную щетину, только-только обозначившуюся у него на лице. — Мне нужно знать, где он.

— Может, сначала разденешься мне на радость?

— Нет.

— Хочешь, чтобы разделся я?

— Нет. И фу-у.

Он обиженно расправил плечи.

— Будь я живой, то был бы старше тебя.

— Но это не так, — мягко напомнила я. — И мне очень, очень жаль.

— Тебе ответ не понравится.

— Ничего. Мне только нужно знать, где он, и все.

— Сегодня вечером он будет в районе складов в доках компании «Гарбер».

— В районе отгрузочных складов? — удивилась я. — Он там работает?

У Рейеса есть деньги. Куча денег. Мне его сестра рассказывала. Так зачем ему пахать на судоходную компанию?

Несколько долгих мгновений Ангел молча грыз заусеницу на пальце, а потом ответил:

— Смотря что называть работой.

Информация о новой, так сказать, должности Рейеса, так меня потрясла, что на какое-то время я лишилась дара речи. Потом подошла к двери и взялась за ручку. Что я делаю? Собираюсь встретиться с Рейесом Фэрроу. Без оружия. Он никогда не пытался лично причинить мне вред, но на свободе он уже два месяца. Кто знает, на что он вообще способен? А с момента выхода из тюрьмы мог приобрести уйму вредных привычек и научиться плохому. Например, блефовать в покер. Или мочиться в публичных местах.

Вообще-то я не очень люблю носить с собой огнестрельное оружие. Всякий раз, когда пушка при мне, перед глазами так и пляшут картинки, как ее у меня отбирают и ею же убивают не отходя от кассы. Но несмотря на это я все же вернулась в спальню за Маргарет. По-моему, при личной встрече с грязным лживым мерзавцем вроде Рейеса Фэрроу невозможно переборщить с осторожностью. Или с количеством оружия. Поэтому я продела ремень в петли на джинсах, засунула «глок» в кобуру и щелкнула застежкой.

Глубоко вздохнув, я вышла за дверь, дошла до лестницы и растеряла весь запал. По этой самой лестнице я спускалась и поднималась миллионы раз. Но сейчас она казалась круче. Опаснее. Руки тряслись на перилах, когда я останавливалась на каждой ступеньке, собираясь с духом шагнуть на следующую и раздумывая, что, черт возьми, со мной не так. Согласна, прошло немало времени с тех пор, как я в последний раз выходила из дома, но вряд ли мир снаружи мог сильно измениться.

Когда мне в конце концов удалось одолеть два лестничных пролета до первого этажа, я уставилась на металлическую входную дверь в здание. Она была чуть приоткрыта, и дневной свет просачивался в щели по краям. Дыхание стало поверхностным и частым, от напряжения вспотели ладони. Усилием воли я по очереди заставила ноги шагать. Потянулась трясущейся рукой к вертикальной ручке и толкнула. В коридор ринулся ослепительно яркий свет дня. У

меня перехватило дыхание, и я захлопнула дверь. Держась за ручку, чтобы не упасть, я огромными глотками глотала воздух и старалась успокоиться.

Одна минута. Мне нужна всего минута, чтобы собраться с мыслями. Вечно они разбегаются кто куда, и потому в голове первостатейный бардак.

— Мисс Дэвидсон?

Не задумываясь, я достала из кобуры пистолет и навела на затененную лестницу, откуда слышалась голос.

Женщина ахнула и отскочила, огромными глазами глядя на целившееся ей в лицо дуло.

— И-извините. Я думала...

— Кто ты? — спросила я, уверенно держа пушку. А ведь думала, что такое невозможно, учитывая, какой хаос царил у меня внутри.

— Харпер. — Она подняла руки, показывая, что безоружна и не собирается сопротивляться. — Харпер Ло...

— Чего тебе надо?

Я понятия не имела, почему до сих пор в нее целюсь. Как правило, симпатичные женщины без скрытых намерений меня не пугали. Жуть какая-то.

— Я ищу Чарли Дэвидсон.

Я опустила пистолет, но в кобуру засовывать не стала. Рано еще. Вдруг она окажется психопаткой. Или продавцом, который ходит по домам.

— Это я. Чего надо? — От резкости в собственном голосе я даже поежилась. Почему я так ужасно себя веду? Хорошо ведь позавтракала.

— Я... я бы хотела вас нанять. По-моему, кто-то хочет меня убить.

Я сощурилась, изучая ее внешность. Длинные темные волосы. Высокая и фигуристая, с округлостями там, где им и положено быть. Мягкие черты лица. Опрятно одета. Вокруг шеи свободно повязан нежно-голубого цвета шарф, концы которого спрятаны под темно-синим пальто. Глаза у нее были большие, теплые и пленительные. Ну никак не похожа на сумасшедшую. Впрочем, большинство психов выглядят очень даже нормально.

— Сыщика ищешь? — Мало ли. У меня два месяца работы не было. Судя по всему. Яглянула вверх, где находилась квартира Куки.

— Да. Мне нужен частный детектив.

Я глубоко вздохнула и убрала Маргарет в кобуру.

— Я вроде как переезжаю в другой офис. Можем поговорить у меня дома, если устроит.

Она поспешно кивнула. В каждом ее движении сквозил страх. Бедняжка. Она явно не заслуживала лицеизреть мою неприглядную сторону.

Стыдясь самой себя, я свесила голову и стала подниматься вверх. Это оказалось намного проще, чем спуститься. А по идее, наоборот. Особенно после двухмесячной овощной диеты. Мышцы у меня должны были уже атрофироваться.

— Чего-нибудь выпьешь? — спросила я, когда мы оказались у меня в квартире. Запахалась я совсем чуть-чуть.

— Нет-нет, спасибо. — Харпер изучала меня настороженным взглядом. И поделом мне. Мои навыки общения срочно необходимо отшлифовать. — С вами все в порядке? — спросила она.

— Все прекрасно. Через минуту перестану сопеть. Я по лестницам уже давненько не ходила.

— В здании есть лифт?

— М-мм, нет. Видишь ли, мне почему-то не кажется мудрым поступком пойти домой к тому, кто только что целился в тебя из пистолета.

Она разглядывала бедлам, он же мой дом/офис/бальный зал. С поправкой на то, что танцевать тут никак не получится. Услышав мои слова, она смущенно опустила взгляд.

— Наверное, я немножко в отчаянии.

Жестом предложив ей присесть на кресло, я плюхнулась на диван. Хорошо, что бабушка Лиллиан еще не вернулась из Африки. Я взяла блокнот и ручку и поинтересовалась:

— Так в чем дело?

— Со мной происходят странные вещи, — тяжело сглотнув, ответила Харпер. — Очень странные.

— Например?

— Кто-то вламывается ко мне домой и... оставляет там всякое.

— Что значит «всякое»?

— Ну, вот сегодня утром у себя в постели я нашла мертвого кролика.

— Надо же. — Застигнутая врасплох, я сморщила нос от отвращения. — Нехорошо это, конечно. Но, может быть... ну не знаю, кролик покончил с собой.

Она торопливо пресекла любые мои попытки продолжить:

— Вы не понимаете. Такое происходит постоянно. Кролики с перерезанными глотками. Перерезанные тормоза.

— Секундочку. Тормоза? В машине?

— Да. Да! — Харпер начинала паниковать. — Тормоза в моей машине. Они просто отказали. Как могут тормоза просто взять и отказать? — Она была напугана, и у меня в ответ разрывалось сердце. Руки у нее тряслись, глаза наполнились слезами. — А потом моя собака. — Она спрятала лицо в ладонях и спустила с поводка до сих пор подавляемые эмоции. — Ее больше нет.

Теперь мне уже всерьез было не по себе из-за того, что я вообще достала Маргарет. Я наказала ее суровым взглядом. Маргарет. Не Харпер. А Харпер с рыданиями, от которых ее всю трясло, выплакивала свои страхи. Я подалась вперед и положила руку ей на плечо. Через несколько минут она начала успокаиваться, и я снова стала задавать вопросы:

— В полицию обращалась?

Вытащив платок из кармана пальто, Харпер промокнула нос.

— Снова и снова. Так много раз, что в конце концов одному из офицеров поручили изучить мои жалобы.

— Надо же. И какому офицеру?

— Офицеру Тафту, — ответила она с намеком на резкость в голосе. Стало ясно, что симпатией тут и не пахнет.

— Понятно. Я с ним знакома. Могу поговорить с ним, чтобы...

— Он мне не верит! Никто из них не верит.

— А как насчет тормозов? Наверняка можно узнать, были ли они испорчены намеренно.

— Механик не сумел определить, имело ли место умышленное вмешательство. Поэтому в полиции просто не обратили на этот случай никакого внимания. Как и на все остальные.

Я снова откинулась на спинку дивана и задумчиво постучала ручкой по блокноту.

— Давно это происходит?

Харпер прикусила губу и смущенно отвела взгляд.

— Уже несколько недель.

— А что говорят родные?

Она пальцами разгладила край шарфа.

— Мои родители не из тех, кто бежит на помощь по первому зову. А бывший муж... Ну, он при любой возможности обратил бы все против меня. Поэтому я ничего ему не рассказывала.

— Ты его подозреваешь?

— Кеннета? — тихонько фыркнула она. — Нет. Он гад, конечно, но безобидный.

Стараясь быть предельно осторожной, я спросила:

— Он платит тебе алименты?

— Нет. Ни цента. У него нет причин желать мне смерти.

Я не была в этом так уж уверена, но пока решила согласиться.

— Как насчет коллег по работе?

И снова я ее смутила. Под моим вопросительным взглядом Харпер слегка побледнела.

— У меня... Я... Уже какое-то время я не работаю.

Любопытно.

— Как же ты оплачиваешь счета?

— Мои родители весьма обеспеченные люди. Они регулярно платят мне, чтобы я не лезла в их жизнь. Ситуация устраивает и их, и меня.

Так и напрашивался вывод, что, не будь Харпер поблизости, им не пришлось бы ее содержать. Может статься, родители еще меньше готовы прийти на помощь, чем ей представляется.

— А что они думают по поводу происходящего?

Харпер пожала плечами:

— Они верят мне даже меньше, чем офицер Тафт.

На Тафте она меня подловила. Врагами мы с ним не были, но и друзьями тоже. Была у нас с ним разок стычка, закончившаяся тем, что он отчихвостил меня на чем свет стоит и пулей вылетел из моей квартиры. А такие стычки я не забываю. В той, о которой я говорю, была замешана его сестра, умершая, когда он сам был совсем еще мальчишкой. Тафт вышел из себя, когда я сказала, что сестра увязалась с тех пор за ним. Некоторые люди становятся ужасно обидчивыми, когда я им говорю, что их умершие родственники ходят за ними попятам.

— Ладненько, — сказала я, — я возьмусь за это дело при одном условии.

Казалось, напряжение отпустило Харпер. Не знаю только почему: потому что я согласилась взять дело, или потому что она действительно так сильно боялась за свою жизнь.

— Что угодно, — проговорила она.

— Ты должна пообещать, что будешь со мной абсолютно честной. Как только я возьмусь за твое дело, я на твоей стороне. Понимаешь? Представь, что я твой врач или психоаналитик. Ничего из того, что ты мне скажешь, я никому не разболтаю без твоего разрешения.

Харпер кивнула:

— Я расскажу вам все, что смогу.

— Вот и славно. Итак, есть у тебя какие-нибудь мысли или подозрения, кто может хотеть твоей смерти?

У большинства людей, которые становятся жертвами угроз, такие наметки есть. Но Харпер покачала головой:

— Я не раз пыталась понять, кому это нужно, но ума не приложу, кто бы хотел причинить мне вред.

— Довольно искренне. — Мне не хотелось на нее давить. Она казалась по-настоящему хрупкой, и то, что я тыкала ей в лицо пушкой, только усугубляло ситуацию.

Я записала имена родных и друзей Харпер — всех, кто мог подтвердить ее историю. Покушение на убийство — дело не шуточное. Как и преследование, и запугивание. Меня тревожило, что ближайшие родственники не принимают ее всерьез. Надо будет нанести им неожиданный визит в ближайшее время.

— Тебе есть где остановиться, чтобы не возвращаться домой? — спросила я, закончив с писаниной.

Едва заметно Харпер покачала головой, и от этого легкого движения волосы упали ей на лицо.

— До сих пор даже не задумывалась. Но, наверное, нет. Там, где я буду в безопасности, точно нет.

Это могло оказаться проблемой. Хотя...

— А знаешь, у меня, кажется, есть такое местечко. Почти как приют, только это тату-салон.

— Ох, хорошо.

Похоже, она была не против. Я уж точно за.

— Супер. Тогда посиди пока здесь, а я передам всю информацию своей помощнице. Она живет напротив. А потом отвезу тебя туда.

Харпер рассеянно кивнула, глядя на коробку, стоявшую на диване рядом со мной. Это была полная коллекция фигурок членов группы «Kiss».

— Да-да, — согласилась я с ее искренним недоумением. — К таким решениям приводит избыток кофеина.

— Могу себе представить.

Я вышла в коридор, испытывая небывалый подъем от мысли, что сейчас брошу Куки в лицо своего нового клиента — не буквально, конечно, а то неудобно бы получилось, — и едва не вписалась в мистера Самору, нашего управдома.

— Привет-привет, — поздоровался он.

Пухлый человечек был ниже меня ростом, его волосы цвета соли с перцем всегда выглядели так, будто за ними никто никогда нормально не ухаживал. Сам он постоянно носил треники и футболки, какие не увидишь даже на самом зачуханном наркомане. Но хозяин из него был что надо. Когда у меня посреди декабря накрылся обогреватель, мистер Самора починил его всего за каких-то там две недели. Само собой, от отчаянного желания хоть немного поспать в тепле мне пришлось долбиться в его дверь. Всего одна ночь у него на диване, которая стоила мне ночных кошмаров и эпилептического припадка, и этот тюлень раскошегарился не хуже «мерседеса». В общем, потрясно получилось.

— Привет, мистер Зи (4).

Он тащил на себе стремянку, защитную пленку и галлон краски. И направлялся в квартиру в конце коридора. Это как, черт возьми, понимать? Когда я только сюда въезжала, я хотела занять ту квартиру. Просила. Умоляла. Но ее хозяева не желали раскошелиться на ремонт. А теперь вдруг мистер Зи сам ее красит? Теперь им вдруг приспичило?

— А что тут происходит? — как можно равнодушнее поинтересовалась я.

Он остановился передо мной с ключом в руке. Наши с Куки квартиры находились напротив друг друга. А площадь квартиры в конце коридора, дверь в которую располагалась в торцовой стене, была равна обоим нашим. Все равно что взять обе наши квартиры и объединить в одну. Несколько лет назад квартиру затопило, а деньги по страховке хозяева просадили в казино раньше, чем успели закончить ремонт. Поэтому там годами никто не жил. Чего я лично до сих пор не понимаю.

— Заканчиваем наконец-то с этой квартиркой, — ответил мистер Самора, ключом указывая на дверь. — После обеда приедут ребята из строительной бригады, так что, может, шумно будет.

У меня в груди буйным цветом, как бегония весной, расцвела надежда. Из-за всех новоприобретений моя квартира стала чересчур тесной. Кому-кому, а мне уж точно не помещает берлога побольше да получше.

— Я ее хочу, — вырвалось у меня помимо воли.

Он изогнул брови.

— Не выйдет. Сдана уже.

— Как же так, мистер Зи? Я эту квартиру хотела, когда только пришла к вам. И вы обещали внести меня в список потенциальных квартиросъемщиков.

— А ты и так в списке. Прямо после этих людей.

Я ахнула:

— То есть вы сжульничали?

— Нет. Мне дали взятку. Это не одно и то же.

Он пошел к двери в вожденную квартиру. Я угрожающе встала перед ним.

— Если помните, я вам тоже взятку давала.

— Так то была взятка? — фыркнул он. — А я-то думал, мне на чай.

Теперь я официально обалдела.

— А еще я предлагала вам платить больше, чем плачу за эту коробку от печенья.

— Оскорбляешь мое здание?

— Нет, ваши моральные принципы.

— Если мне память не изменяет, ты предлагала за эту квартиру на пятьдесят баксов больше, чем платишь за свою.

— Так и есть.

— За квартиру, которая в два раза больше твоей.

— И что с того? Тогда у меня больше не было.

— Как я понимаю, новый съемщик платит в три раза больше, чем ты за свою квартиру.

К тому же оплачивает весь ремонт.

Гадство. Вряд ли я могу себе такое позволить. Разве что верну кофемашину, которая варит эспрессо. И электрошуруповерт.

— Поверить не могу, что вы так всадили мне нож в спину.

Мистер Самора удобнее поддернул стремянку.

— Не думаю, что сдать квартиру — это всадить тебе нож в спину, мисс Дэвидсон. Но если тебя это так задело, всегда можешь поцеловать меня в зад.

— Мечтать не вредно.

С тихим смешком он скрылся за дверью. Мне удалось заметить зашитые в новенький и некрашенный гипсокартон стены. Много же я успела пропустить.

Проклиная на все лады свою дерьмовую удачу и такой же слух, я зашла к Куки.

— Ты знала, что мистер Зи сдал квартиру 3В?

Куки оторвалась от монитора компьютера и посмотрела на меня.

— Не может быть. Я ее хотела.

— Я тоже. Как думаешь, кого мы в соседи получим?

— Может, еще одну старушку с пуделями.

— Может. А может быть, серийного убийцу.

— Ну, помечтать-то никто не мешает. Что у тебя? — кивнула Куки на лист бумаги у меня в руках.

— А, да. У нас клиент.

— Правда?

Я, конечно, ждала, что она удивится. Все-таки прошло немало времени. Но все равно было немножко обидно.

— Ага. Свалилась как снег на голову. Наверное, наша реклама в ночном эфире на радио все же дает плоды.

— Может быть. Но я все равно считаю, что результат был бы лучше, будь реклама на английском. Здесь не так уж много людей говорит на японском.

— Ей-богу, Кук, ты ведешь себя так, будто мне вовсе не хочется привлечь клиентов.

Она протянула руку и выхватила у меня лист.

— И как только мне в голову могло такое прийти?

Смущенно пожав плечами, я оглянулась убедиться, что Харпер нет в дверях. А потом тихонько сказала Куки:

— Найди о ней все, что сможешь. О членах ее семьи, о коллегах по работе. Была ли она волонтером, и если да, то в какой области. Вплоть до того, выписывали ли ей штрафы за парковку в неположенных местах. В общем, все, что сумеешь достать.

— Будет сделано. А ты сейчас куда? — спросила Куки, когда я направилась на выход.

— Харпер считает, что ее пытаются убить. Так что я отвезу ее в безопасное место.

— Похоже на план. — И вдруг, когда уже входная дверь с щелчком закрылась, она крикнула: — А у нас есть такое место?!

(1) Кинсеньера — (исп. quinceañera) в странах Латинской Америки возраст совершеннолетия девочек, символизирующий переход от подросткового возраста к взрослой жизни. Кинсеньера празднуется в день пятнадцатилетия.

(2) Pendeja — (исп.) дура; чувиха.

(3) Флоуби — (англ. Flowbee) машинка для стрижки волос в виде насадки на пылесос.

(4) Самора — (исп. Zamora). Отсюда англ. сокращение Mr. Z — мистер Зи.

С возвращением.

Наемники, смотрю, облажались.

Надпись на футболке

После эпической битвы, в которой мои ноги хотели шагать в одно место, а голова требовала идти в другое, мы с Харпер миновали папин бар и вышли в переулок, ведущий к нашему только что придуманному безопасному месту. Не в силах с собой справиться, я сканировала окружающее пространство, как солдат на вражеской территории. Что странно — Харпер делала то же самое. Мы обе опасливо озирались по сторонам и смахивали на двух наркоманок, проходя мимо спешащих по делам людей, студентов колледжа и какого-то бездомного.

Я решила попытаться поднять нам настроение.

— Кем ты хотела стать, когда вырастешь? — спросила я у Харпер. Обняв себя руками, она шла рядом со мной с поникшей головой и честно старалась выдавить улыбку. — Мы почти пришли, — добавила я, спасая ее от необходимости отвечать. — Пари святая. Только с татуировками по всем рукам и крутым нравом. А вообще на нее всегда можно положиться. В основном, конечно, в смысле сомнительных советов, но у всех у нас должна быть своя фишка, верно?

— Как думаете, вы его поймаете? — Видимо, Харпер не удавалось думать ни о чем другом, кроме грозящей ей в данный момент опасности. То есть она явно не страдала синдромом дефицита внимания.

— Я сделаю все, что в моих силах, солнце. Крест на пятке.

— Я устала чувствовать себя беспомощной. Надо было заняться карате или еще чем-то в этом духе, да?

Мне нравился ход ее мыслей, но даже боевые искусства не дают гарантии на долгую и счастливую жизнь.

— Не изводи себя, Харпер. В мире полно психов. Да таких, чьи поступки даже приблизительно невозможно понять без диплома психотерапевта. Так что нельзя знать наверняка, что движет этим человеком.

Она кивнула, соглашаясь с моим экспертным мнением по поводу психов. Я выросла бок о бок с одним из них в лице Дениз Дэвидсон. Она же — моя мачеха родом из ада. Уж она могла бы преподать сыну Сатаны парочку уроков.

— Вот и пришли, — сказала я, указывая на сетчатую дверь в деревянном обрамлении, покрытом облупившейся красной краской.

Харпер остановилась и осмотрела переулок. Мы стояли у черного хода в убогий на вид тату-салон. Похоже, вера в меня у Харпер немного пошатнулась.

— Здесь абсолютно безопасно. Честное слово.

Неуверенно кивнув, она проговорила:

— Хорошо. Я вам верю.

Может, она и правда сумасшедшая.

— А еще у Пари очень симпатичный помощник.

Лицо Харпер озарила робкая улыбка. Она казалась такой чистой, неземной и все равно была настоящей красавицей. Мне стало интересно, какой была ее жизнь. Надеюсь, что узнаю, пока буду заниматься ее делом.

Я уже открывала дверь, когда услышала ее голос:

— Учителем.

— Что, прости?

— Учителем. Вы спрашивали, кем я хотела стать, когда вырасту. Я хотела стать учителем.

Я повернулась к ней:

— А почему не стала?

Пожав плечами, Харпер отвела взгляд:

— Мама не одобрила. Ей хотелось, чтобы я стала врачом или адвокатом.

Я в упор не могла представить Харпер адвокатом, зато легко представляла ее врачом. Она определенно была из тех, кто умеет заботиться о других. Правда, далеко не все доктора могут похвастать таким качеством. Так что, быть может, из нее получилась бы чудесная медсестра. Хотя и учителем она была бы замечательным.

— Надеюсь, твои мечты воплотятся в жизнь, Харпер.

— Спасибо, — удивленно отозвалась она. — Надеюсь, ваши тоже.

Я благодарно улыбнулась:

— Большинство моих связаны с мужчиной, от которого проблем больше, чем он того стоит. Но мысль приятная.

Она мягко рассмеялась, прикрыв ладонью рот. Зря — у нее слишком красивые губы, чтобы их прятать.

Мы вошли в салон Пари. Перед главным входом стоял стол, но так называемый кабинет у нее находился в задней части студии — в уголке размером с мошонку мотылька, откуда открывался вид из окна на мусорный бак на другой стороне переулка. Услышав раздраженное бормотание из-под стола, я пошла на звук, почти надеясь поймать Пари на чем-то незаконном. Ну очень уж симпатичный у нее помощничек.

По столу были разбросаны компьютерные внутренности. Каждый доступный сантиметр столешницы усеивали провода и какие-то приспособления всех мастей и размеров.

Создавалось впечатление, будто всякий раз, когда я прихожу к ней в салон, она занята какой-нибудь технической фигней. Что, по-моему, шло вразрез с самой сутью ее художественной натуры. Впрочем, натура Пари одной только художественностью не ограничивается.

Я услышала глухой стук, от которого у меня на губах расползлась злорадная ухмылка. Извращенка я.

— Привет, Пар, — сказала я, с беспечным видом прислонившись бедром к столу.

Послышались звуки напряженной возни, включая резкий треск и какое-то бульканье, а потом появилась голова Пари. Густые темные волосы, которые одним показались бы спутанной копной, а другим (то есть мне) — произведением искусства, выглядели так, будто намертво приросли к проводам, над которыми она трудилась. Выплюнув микроскопический кусочек пластмассы, она выдергивала провода из прически одной рукой и прикрывала глаза другой.

— Черт тебя дерит, Чарли. — Пари зажмурилась и стала вслепую шарить рукой по столу в поисках очков.

Пари способна видеть то, что нормальные люди называют призраками, с тех пор как в двенадцать пережила околосмертный опыт. Различать внешности и общаться с призраками она не умеет, зато видит их как серую дымку, так что всегда знает, когда они рядом.

Но меня она в состоянии заметить даже за милую. Кажется, моя яркость ее бесит. И это

забавно.

Уже в третий раз она слепо оттолкнула от себя солнцезащитные очки и наконец открыла глаза, наградив меня сердитым взглядом. Наверное, это было больно. Мне оставалось лишь надеяться, что у Пари нет похмелья.

Вздохнув, она нырнула обратно под стол.

— У тебя там парень, что ли? — поинтересовалась я.

— Парень? — ворчливо переспросила она, явно пытаясь до чего-то дотянуться. — Нет у меня никакого парня.

— А я думала, есть.

— Нет.

— У тебя есть помощник.

— Это не парень. Это Тре.

— Который и есть парень.

— Но не в этом смысле. Как ты сюда попала? Дверь же была закрыта.

— Ничего подобного. Не была.

Она снова высунула голову и огляделась.

— Серьезно? А должна быть закрыта.

Когда Пари опять спряталась под столом, я спросила:

— А что такого? Чем ты занимаешься?

— Ничем...

Как-то неубедительно это прозвучало. Зуб даю, у нее что-то на уме. Я наклонилась посмотреть, что она делает.

— Я бы сказала, ты меняешь телефонный кабель.

— Ничего подобного, — огрызнулась Пари. — С какой стати мне этим заморачиваться?

Будь лжецы основным блюдом на собрании шрайнеров (1), Пари была бы запеченным поросенком на шикарной тарелке.

— Ладно, как знаешь. Ничего мне не рассказывай. Мне нужно на несколько дней приютить у тебя клиентку. Можно воспользоваться твоей запасной комнатой?

— Там только диван, но на нем удобно.

— Сойдет. Это Харпер. Харпер, это Пари.

— Привет, Харпер, — сказала Пари, и прежде, чем Харпер успела ответить, помещение озарилось вспышкой искр из-под стола. За вспышкой послышался глухой удар, когда Пари уже в сотый раз стукнулась макушкой снизу об столешницу.

Сомневаясь, что телефонный кабель может так искрить, я снова наклонилась.

— Нет, правда, что ты там делаешь?

— Ты видела искры?

— Я собираюсь показать Харпер комнату. Постарайся не убить себя, пока я не вернусь.

— О'кей. Запри дверь, когда будешь уходить.

— А...

— Стой! — Снова показалась голова Пари, лицо просияло от какой-то идеи. Ярко подведенные глаза сузились, пока она хлопала по столу, снова пытаясь найти свои очки. На этот раз я дождалась, пока она их найдет. Водрузив очки на лицо, Пари проговорила: — Я делаю тебе одолжение.

Я опять прислонилась к столу бедром.

— Ага.

— А долг платежом красен, так?

Гадая, к чему это она, я повторила:

— Ага.

— Сходи со мной на свидание.

— Ты не в моем вкусе.

— Ну же, Чак. Одно свидание, и я никогда больше об этом не заикнусь.

— Да нет же, я серьезно: ты не в моем вкусе.

— Я, понимаешь, о том, что у тебя офигенный дар знать наверняка, когда кто-то лжет.

Я глянула на Харпер. Похоже, у нее резко подскочил интерес к происходящему.

— Ну, — пожала плечами я.

— В общем, я подумываю сходить на свидание с одним парнем, но вряд ли сумею понять... ну, знаешь, честен ли он со мной.

— Ты его в чем-то подозреваешь?

— Да нет. Просто подумала, что ты могла бы «внезапно появиться», — Пари показала в воздухе кавычки для убедительности, — и посидеть с нами минутку-другую. Короче говоря, столько, сколько тебе понадобится, чтобы прочесть его.

— Я вообще-то не читаю людей.

— Ну, чувствуешь их.

— Весело, конечно, но было бы неловко.

— Ты понимаешь, о чем я. Баш на баш, дамочка. Что посеешь, то и пожнешь. — Она посмотрела мимо меня. — Без обид, Харпер.

— Да-да, я вовсе не оби...

— Ну? — перебила Пари бедную Харпер, которая наконец-то решилась заговорить. — Мой диван за твою суперсилу.

— Раз ты так ставишь вопрос.

— Чудненько. Пришлю тебе эсэмэской где и когда.

— Замечательно. Покажу-ка я Харпер ее диван.

— О'кей.

Я уже было решила, что разговор окончен, раз уж Пари снова нырнула под стол, но внезапно она опять выскочила. Прямо как печенье для тостера, только не замороженное.

— Минуточку. А где тебя носило?

— Да так. Дома сидела.

— Два месяца?

— Вроде того.

— Хм. Ну ладно. Дверь запри! — крикнула она напоследок. Вот же настырная.

— А она необычная.

— Да уж. — Я провела Харпер за угол, заставленный коробками с какими-то товарами для тату-салона, и мы с ней оказались в маленькой задней комнате. — Не хоромы, конечно, но уверена: никто и не подумает здесь тебя искать.

Она отреагировала вежливым кивком. Я бы побилась об заклад, что она готова была сморщиться от отвращения, но не стала этого делать из-за присущей ей доброты.

— Здесь замечательно, — сказала Харпер вопреки всем моим ожиданиям. Мало таких

приятных людей мне встречалось.

— Супер. Я отчаливаю заниматься расследованием и все такое. Вечером вернусь. Справишься тут?

— Конечно. Со мной все будет в полном порядке.

Я коснулась ее руки, чтобы отвлечь от созерцания нового, пусть и временного, места жительства.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти того, кто за всем этим стоит. Клянусь.

Лицо Харпер озарилось даже от слабого намека на улыбку. Если не ошибаюсь, напряжение в ней немного ослабло.

— Спасибо.

Я оставила Харпер посреди крошечной комнатухи, и мне на глаза тут же попался помощник Пари, Тре. Он набивал татуировку девушке, которая выглядела так, будто страдает от боли и охвачена желанием одновременно. Понять ее можно. Тре был как коктейль «Лонг-Айленд»: высокий, с непритязательной начинкой, достаточно вкусный, чтобы смочить горло и другие места, но с ног собьет легко, когда меньше всего ожидаешь.

— Здорово, Чак, — поздоровался он, сделав паузу в монотонном гудении иглока.

Для меня не секрет, что всем татуировщикам в глубине души нравится причинять людям боль. Мне стало любопытно, отразилась ли эта особенность на интимной жизни Тре. Если ему такое по душе, то я могу вынести боль. Немного, но...

— Здорово, чувак, — отозвалась я, почти не задумываясь, что отвлекаю его. В этом деле ошибки остаются навсегда. Как результат девятимесячного ожидания после выпускного.

Тре сделал очередную паузу и поинтересовался:

— Ты сказала «чувак», потому что не помнишь, как меня зовут?

Мои плечи поникли.

— Черт возьми, подловил. Хотя нет, минуточку. Я же помнила... — Я задумчиво постучала себя пальцем по виску, а он вернулся к своему занятию. — Ну вот же! Тебя зовут Пожарная Тре-вога?

Сосредоточенно сдвинув брови, он покачал головой, не отрываясь от работы.

— Рыбья Тре-буха?

— Нет, — мягко рассмеялся он.

— Тогда Тре-зубец?

Он снова остановился, и огромные темные глаза девушки стали метать в меня молнии. То ли она ревновала, то ли ей было так больно, что она хотела поскорее закончить. В общем, я перестала им мешать.

— Забудь, что спросил, — сказал мне Тре, весело улыбаясь.

Вот же сердцеда. Неудивительно, что клиентура Пари женского пола увеличилась втрое с тех пор, как он стал на нее работать.

— Как-нибудь свидимся, красавчик.

Он подмигнул в ответ и снова занялся татуировкой. В его глазах искрилась лукавая улыбка. Мне стало жаль эту девушку.

На обратном пути я пронеслась через парковку напрямик к Развалюхе — моему вишневому джипу «вранглеру». На полуоткрытом пяточке в центре Альбукерке я чувствовала

себя голой. Однажды мне уже приходилось бывать голой в общественном месте. Дискомфорт ощущался тот же, но на этот раз было иначе. Резче. Острее. Болезненнее.

— А ведь он по тебе скучает.

Я развернулась и увидела темнокожую женщину с шикарной фигурой. Она прошла мимо меня, направляясь к черному ходу папиного бара. За последние несколько недель я ее пару раз видела и подумала, что ее нанял барменом папа, когда я отказалась от этой работы. Он хотел, чтобы я бросила свое детективное агентство и работала на него. Глупость несусветная.

Женщина остановилась и дружелюбно улыбнулась мне. Я миролюбиво улыбнулась в ответ. Назвать ее потрясающей было бы катастрофическим преуменьшением. Она была как сияющий небоскреб, гордо стремящийся в небеса и бросающий вызов простым смертным попытаться его низвергнуть.

— Твой отец, — уточнила она. Целую минуту я тонула в омуте экзотических глаз, пока она не повернулась снова к бару. — Он только о тебе и говорит.

Видимо, ей было известно о нашей размолвке, но все ее слова были как горох об стену. Даже если это правда, я еще не была готова простить папу. Интересоваться его жизнью — тоже.

Я забралась в Развалюху и села на обитое кожаном сиденье. Машина казалась удобной, как большая красная перчатка, и такой же теплой. Не буквально, конечно. Погода стояла холодная, и на окнах из пластика виднелся морозный узор. Я вставила ключ в замок зажигания, чтобы разогреть двигатель. Развалюха проснулась с резким рычанием, постепенно переросшим в тихое мурлыканье. Давненько уже мы с ней не проводили время вдвоем. Попозже мы обязательно поговорим по душам, а сейчас ей придется кое-куда съездить и встретиться с парочкой подозреваемых.

Харпер дала мне свой адрес, и я решила проверить ее жилище, перед тем как копнуть глубже. Если тот, кто ее преследует, подкинул очередное послание, мне хотелось увидеть это собственными глазами. Можно немало узнать о человеке, судя по тому, как именно он оставляет такие улики. Например, просто сыплет угрозами преступник или на самом деле готов воплотить их в жизнь? Причинит он вред жертве, в моем случае — Харпер, или только хочет напугать ее до смерти? Чтобы, скажем, манипулировать ею?

Харпер жила в охраняемом районе «Таноан Estates» (2), и я не знала, нужно ли для проезда туда ее официальное разрешение. На всякий случай я достала удостоверение частного детектива. Может пригодиться, а может и нет.

Подъехав к воротам, я самым дружелюбным образом улыбнулась охраннику в форме.

Он смотрел на меня, совершенно не впечатленный моими стараниями.

— Привет, — сказала я.

Он коротко кивнул с тем же безразличием. Пора мне вступать в игру.

— Меня зовут Чарли Дэвидсон. Я работаю по иску одного из ваших жильцов. В последнее время у вас случались грабежи? Срабатывала сигнализация?

Охранник пожал одним плечом:

— Сигнализации срабатывают постоянно. В основном по вине самих жильцов. Попытки проникнуть в дома тоже случаются, но редко. А кто вас нанял?

— Харпер Лоуэлл. Она живет...

— Я знаю, где она живет.

Я лишь молча подняла брови, и тогда охранник стянул кепку и почесал макушку.

— Послушайте, мы получили от нее несколько звонков, но ничего подозрительного так и не нашли. Никаких признаков взлома, никаких следов обуви. У ее дома никогда не останавливались незнакомые машины. И она так и не сумела описать злоумышленника. Если такой вообще существовал в природе.

— Так, по-вашему, она лгала?

— Нет, — снова пожал плечами охранник. Пришел его черед соврать. — Не столько лгала, сколько... надумала себе невесть чего.

— То есть у нее паранойя?

Он задумался на несколько секунд.

— Скорее чрезмерная подозрительность.

— Вот оно что. Понятно. Не возражаете, если я осмотрюсь у нее в доме? Мисс Лоуэлл дала мне ключи и код сигнализации.

— Да, пожалуйста. Я только запишу номер вашей машины.

— Всех посетителей у вас регистрируют?

— Само собой.

Я изобразила самую ослепительную улыбку из своего арсенала:

— А могу я как-нибудь получить копии последних страниц вашего журнала?

Он покачал головой:

— Без ордера — никак.

Блин. Надо будет поручить это Куки. У нее талант получать закрытую документацию без всяких ордеров. Лично я считаю, что это ее суперсила.

Охранник записал необходимую информацию обо мне, и я поехала по застроенной территории, пока не нашла дом Харпер. Таноан — один из самых красивых районов Альбукерке. Хотя на это родители Харпер не поскупились.

К самой же Харпер никаких претензий: закрытая территория с охранниками в форме, постоянно активированная система безопасности, по три замка на каждой двери. Я бродила из комнаты в комнату в поисках хоть каких-нибудь признаков незаконного проникновения в дом, пока меня не занесло в кухню. С моей последней чашки кофе прошло около часа. Наверняка Харпер не обидится.

Я обалдела от радости: у нее была кофе-машина, для которой нужны особые пластмассовые стаканчики, продающиеся в отдельных упаковках, и которая варит одну порцию кофе за раз. Может быть, я заказала себе такую же. Надо будет прошерстить коробки, когда вернусь домой.

Я копалась в шкафчиках, раздумывая, где бы я была, будь я стаканчиком для кофе, пока не пришла к выводу, что в таком случае я была бы в раю, не иначе. Где же еще, если бы меня до краев наполняло блестящее молотое черное золото? Открыв дверцу последнего шкафчика, я отшатнулась от неожиданности. Напротив банки с консервированной свеклой сидела мягкая игрушка в виде белого кролика. Как правило, белые кролики, тем более игрушечные, меня не пугают, но наткнуться на такого в кухонном шкафу, по-моему, жутковато.

А он сидел и смотрел.

Словно осуждал.

Я уже было потянулась к нему, но остановилась. Это улика. Согласна, в игрушке нет ничего такого, что могло бы сойти за прямое доказательство чьей-то вины. Не было в ней и открытой угрозы. Но все-таки это была улика.

К тому же кролик был страшненький. Что-то не так с глазами, и из шеи будто извлекли

набивку, отчего голова сидела криво прямо на крошечных пушистых плечах.

Я оставила игрушку на месте и вышла из дома Харпер, испытывая тревогу и острую нехватку кофеина.

Рассказав охраннику о находке (и опять не произведя на него никакого впечатления), я дала ему свою визитку и заставила пообещать, что он будет внимательно следить за домом Харпер и позвонит мне, если произойдет что-то необычное. А потом, поджав хвост, поехала домой. По словам Ангела, вечером Рейес будет на складе. Значит, мне нужно убить время. Я могла отлежаться на диване с тем же успехом, что и мотаться по Альбукерке, как перепуганный цыпленок с отрезанной башкой.

Минуточку. Почему-то меня задело словосочетание «перепуганный цыпленок». Я мысленно поиграла с ним. Несколько раз произнесла, катая звуки на языке. А потом поняла: я и есть перепуганный цыпленок. Потому что внезапно до меня дошло, что я боюсь всего и сразу.

Я проехала мимо Академии (3) и остановилась на парковке торгового центра, чтобы вдоволь повариться в собственном изумлении. Я — перепуганный цыпленок в самом трусливом смысле. Вроде курицы, высиживающей яйца. Как ангелу смерти выполнять свою работу, если она — курица на насесте? Вдруг каждый звук, каждое движение стали вызывать во мне парализующие вспышки адреналина размером с Австралию. Так нельзя. Нужно взять себя в руки.

Я посмотрела на приборную панель Развалюхи. Сидеть в ней было хорошо, но не так хорошо, как валяться на диване. И тут меня осенило. Годами я не замечала собственной грубости. Я ведь так и не дала имени своему дивану. Как я могла так поступить со своей же софой? Как могла быть такой черствой, холодной и эгоистичной?

Но как мне ее назвать? Это важно. Очень важно. Нельзя, чтобы она шла по жизни с именем, которое не подходит ее исключительной индивидуальности.

Пусть это странно, но сейчас меня переполняло облегчение от новообретенной цели в жизни. Я снова завела Развалюху, и мы поехали. О курице с яйцами подумаю позже. Мне нужно выбрать имя дивану.

В приподнятом настроении я свернула обратно к Академии, не забыв заехать за чашкой мокко латте, и уже направлялась домой, когда зазвонил мой сотовый.

— Да? — ответила я, нарушая закон о запрете разговоров по телефону за рулем в пределах города. Осматриваясь в поисках копов поблизости, я ждала, когда дядя Боб закончит говорить с тем, с кем говорил прямо сейчас, и вернется к разговору со мной.

Дядя Боб (или Дибби, как я его называю при каждом удобном случае) служит детективом в управлении полиции Альбукерке. Время от времени я ему помогаю с делами. Он в курсе, что я вижу призраки, и пользуется этим. А я и не против вовсе.

— Отнеси это ей, а потом сразу звони судмедэксперту.

— Лады, — сказала я, — но не уверена, что сиюминутный звонок судмедэксперту чем-то поможет. И еще, кажется, его зовут Джордж.

— А, точно. Чарли. Привет.

— Привет, дядя Боб. Что там у тебя?

— Ты за рулем?

— Нет.

— Слышала что-нибудь?

Такие диалоги у нас с ним частенько. Он задает случайные вопросы, я придумываю такие же случайные ответы. С моей стороны усилий минимум.

— Слышала, что Тиффани Горэм, с которой я сидела за одной партой в младших классах, до сих пор сует в лифчик вату. Но это только слухи.

— По делу, — процедил он сквозь зубы. Я знала, что он стиснул зубы, потому, что слышала, как он выдавливая слова. Это означало, что он раздражен. Хреново, потому что я понятия не имела, о чем речь.

— Не знала, что у нас есть дело.

— Ох ты ж... Так Куки тебе не говорила?

— Как-то она говорила, что я какашка.

— О деле. — Держу пари, он снова стиснул зубы.

— Так у нас есть дело?

Однако ответа я не получила. Дядя Боб уже говорил с другим офицером. Или детективом. Или проституткой. В зависимости от того, где он находится и сколько у него наличных. Хотя сомневаюсь, что он бы велел проститутке проверить отчет о вскрытии человека, скончавшегося в «скорой» по пути в больницу. Разве что у него в голове тараканы крупнее, чем мне всегда казалось.

Я подумала, что с его стороны было нагло набрать меня, чтобы поговорить с другими людьми.

— Перезвоню, — рявкнул он, понятия не имею кому.

Связь прервалась, а я стояла на светофоре и думала, каким был бы гуакамале, будь авокадо оранжевым.

Наконец я сосредоточилась на мальчишке у меня на заднем сиденье. У него были светлые волосы до плеч и ярко-голубые глаза. На вид лет пятнадцать-семнадцать.

— Часто сюда заходишь? — спросила я у него, но не успел он ответить, как снова затрещал мой сотовый. Не проблема — у пацана был пустой взгляд, и я сомневалась, что он вообще мне ответит.

— Извини, — сказал дядя Боб в трубку. — Хочешь обсудить дело?

— У нас есть дело? — снова спросила я, взбодрившись.

— Ты как?

Этот вопрос он задавал мне каждый раз, когда звонил.

— Лучше не бывает. Я и есть дело? Если так, то я решу эту задачку как два пальца об асфальт прямо сейчас: я еду по Сан-Матео к перекрестку с Сентрал на вишневом джипе «вранглер» с фиговой выхлопной.

— Чарли.

— Поторопись, пока я не взлетела!

И тут он сдался:

— Короче, поджигатель обнаглел.

К сожалению, я даже не представляла, о чем он говорит. Дядя Боб — детектив по расследованию убийств и редко работает над чем-то, что с убийствами не связано.

— Ладно. Проглочу наживку. Зачем ты ищешь поджигателя? И почему он обнаглел? А раньше он что, шутки шутил?

— Три вопроса, один ответ. — Диби пробубнил что-то другому офицеру, потом

вернулся к разговору со мной. — И ответ этот — потому что наш поджигатель теперь официально убийца. В здании, которое он спалил вчера ночью, находилась бездомная женщина. Она погибла.

— Черт. Теперь понятно, почему ты занимаешься поджогами.

— Ага. Так ты что-нибудь слышала?

— Кроме новостей о Тиффани Горэм, ничего.

— Ты не могла бы поразнюхивать по своим каналам? А то парень становится небрежным.

— Погоди-ка. Это тот, который перед поджогом всегда проверяет, пусто в здании или нет?

— Он самый. На сегодняшний день мы связали его с четырьмя пожарами. Тот же почерк, вплоть до синхронизатора и горючего. Вот только на этот раз он не стал утруждаться и проверять, есть ли кто в здании. Тебя случайно не навещала эта бездомная женщина?

— Нет, но я постараюсь что-нибудь разузнать.

— Спасибо. Вечером занесу тебе файл на этого парня.

— Договорились. — Хотя я-то знала, что приедет он исключительно из-за Куки. Втрескался по уши, бедняга.

— Ты разговаривала с отцом?

— Вот блин! Связь прерывается. Я почти ничего не слы... — Я нажала «отбой», чтобы не дать ему завалить меня вопросами. Тема папы закрыта, и дядя Боб прекрасно это знал.

Как только мы разъединились, телефон тут же опять зазвонил. В третий раз. Я ответила на звонок:

— Дом сухих завтраков Чарли.

— Звонил твой дядя, — сообщила Куки. — Хочет, чтобы ты взглянула на одно из его дел.

— Знаю, — сказала я, притворяясь разочарованной. — Мы с ним только что говорили по телефону. Он рассказал, как просил тебя немедленно связаться со мной, а ты отказалась. Да еще и заявила, что у тебя уйма дел поинтереснее. Вроде перекачки денег на оффшорные счета.

— А ты в курсе, что у тебя тут массажер для шеи? Шикарная штука.

— А ты хоть что-нибудь полезное сделала?

— Конечно! Достала все необходимые тебе адреса. Правда, на брата информации мизер. Он ни разу в жизни не оплачивал коммунальные услуги.

— Может, за него платят родители.

— Логично. Я проверю их счета, посмотрим, куда они тратят деньги. Зато я нашла его рабочий адрес и адрес родителей Харпер.

— Супер. Напиши им от меня сообщение.

— Сейчас? Понимаешь, этот массажер — чудо что такое.

— Ну, если ты не хочешь, чтобы я подала на тебя в суд за присвоение чужих денег...

— Сейчас так сейчас.

(1) Шрайнеры — североамериканское парамасонское общество, основанное Уолтером Флемингом и Уильямом Флоренсом в Нью-Йорке в 1870 году. Также «храмовники», или

«Древний арабский орден благородных братьев-мистиков Храма». Англ. Shriners, или A.A.O.N.M.S. (Ancient Arabic Order of the Nobles of the Mystic Shrine). По утверждению членс Ордена, несмотря на название, к исламу Орден не имеет никакого отношения.

Лого шрайнеров

(2) Tanoan Estates — строительная фирма и агентство по продаже недвижимости, широко известные в штате Нью-Мексико, в частности, в г. Альбукерке, где есть целый одноименный район в северо-восточной части Хайтс.

(3) Академия Альбукерке — независимая от госфинансирования и правительственного аппарата Штата некоммерческая средняя школа, принимающая учеников с шестого по двенадцатый классы.

Глава 4

Дурака не исправить, зато его можно надолго отвлечь одним блоком из конструктора.

Надпись на футболке

Я ехала в родные трущобы, и расстояние между мной и домом родителей Харпер только увеличивалось. Вот почему мне пришлось круто развернуться под жуткий ор автосигнала (это я злобно давила на свой) и поехать в обратном направлении. В конце пути меня ждали затейливые ворота из кованого железа с высокими кирпичными стенами с обеих сторон. Я нажала на кнопку переговорного устройства.

Сквозь потрескивание динамика послышался надменный мужской голос:

— Да?

Должно быть, я оказалась в гостях у потомственных богачей. Огромный особняк, чьи очертания были мне видны, словно заявлял о двух вещах: у Лоуэллов денег куры не клюют, и Лоуэллы хотят, чтобы люди это знали.

Снова посмотрев на переговорное устройство, я ответила:

— Мне тако с двойной сальсой. — Почему-то мне не предложили напитки на выбор, и я попробовала другой подход: — Я к мистеру и миссис Лоуэлл. — Улыбнувшись в камеру, установленную над коробком с динамиком, я вытащила удостоверение частного детектива и показала его в объектив. — Меня наняла их дочь. Харпер. — Не получив ответа, я решила сменить тактику. — Мне всего лишь нужно задать им несколько вопросов.

Последовала долгая пауза, в течение которой я лучезарно и непрерывно улыбалась мертвому мальчишке у меня на заднем сиденье и очень старалась не задумываться о том, насколько идиотской становится сложившаяся ситуация. Наконец надменный мужик вернулся:

— Мистер и миссис Лоуэлл не принимают.

И что бы это значило?

— А я и не бросаю пас на сорок ярдов. Всего лишь хочу задать парочку вопросов. Похоже, их дочери грозит опасность.

— Они не принимают посетителей.

Надо же, какие заботливые.

— В таком случае через несколько минут здесь будет полиция. Заранее приношу извинения за мигалки и сирены.

Больше всего на свете богатые люди не любят скандалов. А я скандалы просто обожаю. Особенно такие, где фигурируют интрижки на стороне и фотографии генеральных директоров на каблуках и в боа из перьев.

— У вас пять минут, — сказал тот же голос.

Стискивать зубы у него получалось куда лучше, чем у Дибби. Надо будет упомянуть об этом, когда в следующий раз увижусь со своим угрюмым дядюшкой. Может, он на специальные занятия походит.

Проехав по длинной и широкой подъездной дороге, которая превратилась в мощеную булыжником тропинку, я поставила Развалюху на ручной тормоз и глянула в зеркало заднего вида.

— Даже не думай прокатиться с ветерком, приятель.

Мальчишка и ухом не повел. Весело с ним, однако.

У массивной белой двери меня ждал самоуверенный мужчина, одетый намного проще, чем я ожидала. Сам особняк больше напоминал дома на Восточном побережье, чем большинство домов в Нью-Мексико. Ни слова не говоря, мужчина сопровождал меня в помещение, которое мне лично показалось смесью гостиной и выставочного зала какого-нибудь художника. Хотя никаких принадлежностей для рисования я здесь не увидела. А раз уж и рисовать я не умею, то решила хорошенько осмотреться. Повсюду на стенах и полках стояли и висели фотографии, но ни одного обыкновенного снимка среди них не было. Каждый портрет был сделан профессиональным фотохудожником, и у каждого был свой цветовой акцент. Черный. Коричневый. Синий. Судя по портретам, семья состояла из четырех человек: родители, сын и дочь. Харпер. У всех, кроме мальчика, были темные волосы. И вообще он мало походил на остальных. Неужто к курочке в гости ходил петух из другого курятника? Петух-блондин? Вереница фотографий отчетливо отражала этапы развития детей в этой семье. От четырех-пяти лет до двадцати с хвостиком. Даже на первый взгляд становилось ясно, что родители Лоуэлл детей своих держали в ежовых рукавицах. На одном портрете все четверо были одеты в белое и смахивали на психов.

От этих людей мороз по коже.

— Чем могу помочь?

Я обернулась к женщине. Если верить фотографиям, она и была главой этого закрытого клуба снобов. По тому, как она задирала нос, было ясно: дамочка о себе крайне высокого мнения. Или так, или она сочла мое восхищение ее же гостиной омерзительным.

Руки я не протянула.

— Миссис Лоуэлл, меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Я приехала поговорить о Харпер.

— Мне сказали, вы частный детектив.

— Верно. Меня наняла ваша дочь. Она считает, что кто-то пытается ее убить.

Долгий вздох сказал мне, что миссис Лоуэлл, по всей видимости, глубоко наплевать.

— Падчерица, — поправила она, и у меня тут же загривок дыбом встал.

Интересно, поступает ли моя мачеха так же? Поправляет людей, когда они называют меня ее дочерью? Коробят ли ее такие слова? Или даже сама мысль об этом?

— Харпер упоминала о том факте, что ее преследуют?

— Факте? — переспросила дамочка, всем своим видом демонстрируя презрительное

недоверие. — Да, мисс Дэвидсон. И нас от всего этого уже тошнит. Не думаю, что вам удастся удивить нас чем-нибудь новеньким.

Меня просто поражало безразличие этой женщины. Одно дело — не верить Харпер, и совсем другое — оставаться совершенно безучастной к страданиям собственной падчерицы. Вдруг мне пришло на ум, что я могу все-таки кое-что для себя прояснить.

— Позвольте спросить, а брат Харпер — он ваш пасынок?

Ее тут же раздуло от гордости.

— Артур — мой родной сын. Мы с отцом Харпер поженились, когда Арту было семь. Харпер тогда было пять. Ее наш брак не порадовал, и сразу после свадьбы начались эти ее выходки.

— Выходки? — переспросила я.

— Да, — миссис Лоуэлл небрежно махнула рукой. — Целые театральные представления. Высший пилотаж драматического искусства. Ее постоянно кто-то преследовал, пытался напугать, причинить вред, убить. Представьте себе, как трудно воспринимать всерьез то, что длится уже больше двадцати пяти лет.

Любопытно. Об этом Харпер мне даже не заикнулась.

— Значит, все началось, когда она была маленькой?

— Когда ей было пять лет.

— Понятно.

Я достала блокнот и притворилась, будто делаю для себя пометки. Отчасти для того, чтобы выглядеть официально, но больше для того, чтобы выкроить минутку и тщательно прочесть ее эмоции. На мой взгляд, миссис Лоуэлл говорила правду. Она считала, что жалобы Харпер — не более чем выдумка, и не верила, что жизни Харпер угрожает хоть какая-нибудь опасность.

С другой стороны, моя собственная мачеха никогда не верила ни единому моему слову. В общем и целом, безразличие миссис Лоуэлл далеко не невидаль, но ясно доказывало, что она мелочный и тщеславный человек.

— По словам психотерапевтов, — продолжала она до невозможности ядовитым тоном, — точнее даже семи, у которых наблюдалась Харпер, нет ничего необычного в том, что дочь, когда ее отец снова вступает в брак, чувствует себя отверженной и пытается привлечь внимание. Харпер была младенцем, когда умерла ее родная мать, и, кроме Джейсона, у нее никого не было.

— Ваш муж дома? Можно с ним поговорить?

Мое рвение вызвало у нее вспышку раздражения.

— Нет, нельзя. Мистеру Лоуэллу нездоровится. Едва ли его порадуют очередные заблуждения Харпер по поводу неминуемой гибели, а уж тем более — новости о том, что она наняла частного детектива.

По лицу миссис Лоуэлл было видно, что она считает меня обычной шарлатанкой, цель которой — выудить у Харпер, а значит, и у самой миссис Лоуэлл побольше денег. Я давно привыкла к тому, что люди мне не верят, поэтому меня подобное пренебрежительное отношение абсолютно не тронуло. А вот пренебрежение в адрес Харпер — еще как. Миссис Лоуэлл самым очевидным образом не питала ни малейшей привязанности к своей падчерице. Она видела в ней только лишнее неудобство. Ненужное бремя. И это очень напоминало то, как моя мачеха думает обо мне.

— К тому же, — опять заговорила миссис Лоуэлл, вспомнив что-то еще, — она

испарилась на три года. Три года! Что мы только ни делали, чтобы ее отыскать, но она просто исчезла с лица земли. Об этом она вам рассказывала?

Мне до смерти хотелось сказать, что с такой мачехой я бы сделала то же самое, но вслух я ответила:

— Нет, мэм, не рассказывала.

— Вот видите? Она совершенно не в себе. Когда наконец она соизволила навестить нас, то заявила, будто бы сбежала, чтобы спасти свою жизнь. Какой абсурд! — Миссис Лоуэлл раздраженно переступила с ноги на ногу. — А теперь она еще и нанимает частного детектива? Что ж, на этот раз она переступила черту.

Я написала в блокноте слово «коза» и быстренько замалевала его, пока она не увидела. До сих пор в этом деле мной руководили мои собственные предубеждения, а так я ни к чему не приду. Мысленно сделав шаг назад, я попробовала посмотреть на все с точки зрения миссис Лоуэлл, как бы трудно это ни было. Нечасто мне приходилось ставить себя на место богатеньких стерв, но ведь они тоже люди. Правда?

Итак, миссис Лоуэлл выходит замуж. За состоятельного человека. И выясняет, что его дочь со всем пылом ненавидит ее и сам союз своего отца с новой мамой. Ненавидит настолько, что сочиняет дикие истории, будто кто-то пытается ее убить. Зачем? Чтобы избавиться от новой матери? Или отомстить отцу за то, что бросил ее?

Ну уж нет. Ни за что на это не куплюсь. Миссис Лоуэлл — хладнокровная стерва. Из тех, кто легко выйдет замуж из-за денег. Где-то я ее могу понять — иногда девушке приходится делать то, что приходится. Но так открыто и черство игнорировать страхи Харпер — это, по-моему, очень похоже на жестокость. Джейсон Лоуэлл для этой дамочки был талоном на еду, а его дочь — частью сделки. И я никак не могла понять отца Харпер. Какую роль играл в этом он? Почему не поддержал собственную дочь? Не протянул ей руку помощи?

Я откашлялась и спросила:

— Вы говорили о театральных представлениях, можете привести пример?

— Да сколько угодно. То кто-то оставляет мертвых кроликов у нее в постели, то на дне рождения кухни ее выворачивает на праздничный торт только потому, что кто-то рядом взорвал хлопушку. Хлопушку! А все эти кошмары? Нас постоянно будили ее крики посреди ночи. Или в три утра мы просыпались и видели, как она стоит у нашей кровати.

— Она ходила во сне?

— Ничего подобного. Она просыпалась и приходила к нам. Говорила, что кто-то у нее в комнате. Несколько раз Джейсон выскакивал из постели и бежал проверять. А потом ее врач нам сказала, что именно этого она и добивается. И мы перестали реагировать. Говорили ей, чтобы возвращалась к себе.

— И она слушалась?

— Ну конечно же, нет. Наутро мы находили ее спящей то под лестницей, то за диваном. Из-за ежедневных утренних поисков мы постоянно опаздывали по делам. Эти ее выходы были по-настоящему утомительны.

— Даже представить не могу.

— Поэтому мы прекратили искать. Хотелось ей спать в чулане — бога ради. Мы ее не трогали и занимались своими делами. Врач по-прежнему настаивала, что с ней все в порядке. Предупреждала, что чем больше внимания мы будем уделять Харпер, тем больше драм она будет разыгрывать. Так что уделять ей внимание мы тоже перестали.

У меня в груди забилась тупая боль от одной только мысли о том, через что пришлось пройти Харпер. И никто ее не поддерживал. Никто ей не верил.

— То есть вы ничего не делали?

Миссис Лоуэлл тихонько фыркнула:

— Как и советовала ее врач. Однако выходки Харпер лишь участились. Ночь за ночью мы переживали кошмары и панические атаки, но не делали ничего, только снова и снова велели ей возвращаться в постель. В итоге, чтобы расквитаться с нами, она перестала есть.

— Чтобы расквитаться с вами? — переспросила я, чувствуя, как сводит горло.

— Да. А потом перестала мыться, расчесываться. Вы хоть представляете, как это унижительно? Иметь ребенка, который больше похож на помойную крысу, чем на приличную юную леди?

— Наверное, ужасно, — отозвалась я бесцветным, ничего не выражающим тоном.

От этой гадкой барышни мой сарказм не ускользнул, и я тут же пожалела о сказанном. Она закрылась. Из-за развязности моего собственного языка больше мне от нее никакой информации не получить.

— Думаю, ваше время истекло, мисс Дэвидсон.

Мысленно отругав себя на чем свет стоит, я спросила:

— А брат Харпер здесь? Могу я с ним поговорить?

— Сводный брат, — поправила меня миссис Лоуэлл. Мне показалось, что она почувствовала, как я расстроилась. — И у него есть собственное жилье.

Последняя фраза сопровождалась в ней любопытной вспышкой негодования. Я ощутила, как сильно миссис Лоуэлл недовольна тем, что ее сын переехал. Но бога ради, ему ведь уже за тридцать. Чего она ожидала?

Она велела домработнице проводить меня к выходу, пока я не задала очередных вопросов. Как, например, кто стрижет ее газон. До сегодняшнего дня я понятия не имела, что кустам можно придать форму Кокопелли (1).

— Давно здесь работаете? — поинтересовалась я у молодой женщины, провожавшей меня до двери, хоть и понимала, что ответ не может быть положительным. На вид ей было лет двадцать.

Она нервно оглянулась и покачала головой.

— Могу я спросить, как давно вы знаете Лоуэллов?

Открыв мне дверь, она еще раз осмотрелась и только потом ответила:

— Нет. Я здесь всего пару недель. С тех пор как предыдущая домработница вышла на пенсию.

— Правда?

Похоже, ей очень хотелось, чтобы я убралась из этого дома. Хреново. Мне самой не хотелось втягивать ее в неприятности. Я знаю, как работается таким людям: наниматели запрещают болтать о том, что происходит в их домах, иначе тут же увольняют. Но речь шла о члене семьи.

— И как долго последняя домработница проработала здесь?

— Почти тридцать лет, — ответила моя сопровождающая, и мне показалось, она не меньше моего озадачена этой информацией. Ума не приложу, как можно продержаться тридцать лет под руководством женщины вроде миссис Лоуэлл. Но если кто и знал, что происходит в таких домах, то только наемные работники.

— Спасибо, — сказала я, подмигнув, и получила в ответ робкую улыбку.

Когда я уезжала из особняка Лоуэллов, у меня было еще больше вопросов, чем когда я приехала. Зато у меня появилась более ясная картина того, что пережила Харпер. И все-таки она ни словом не обмолвилась, как долго это продолжается. Конечно, ее можно понять: если никто ей не верил, то с чего ей думать, что поверю я? Необходимо как можно скорее с ней встретиться. Мне не хватало важной информации, которая могла бы нам помочь раскрыть все это дело.

Однако кое-что не давало мне покоя. Все, что делала Харпер, все ее кошмары, заблуждения и истерики, указывали на одно и то же — посттравматическое стрессовое расстройство. На эту мысль меня навели хлопущки. В колледже я плотно изучала психологию и теперь легко узнала один из основных симптомов ПТСР: обостренная реакция, вроде дрожи или тошноты, на громкие звуки.

В определенной степени ПТСР может быть спровоцировано даже преследованием особенно если жертве угрожают. Однако симптомы Харпер указывали на более серьезную форму расстройства. Само собой, дипломированный психотерапевт сумел бы распознать проблему. Может быть, мне стоит навестить тех семерых врачей, о которых говорила миссис Лоуэлл.

Я позвонила Куки и поручила ей узнать, у кого и в какой период наблюдалась Харпер.

— Еще я хочу поболтать с их предыдущей домработницей, которая недавно вышла на пенсию. А потом попробуй накопать побольше информации на семейство Лоуэллов.

Куки застучала по клавишам:

— Домработница. Будет сделано. А вот по поводу информации...

— Грязное белье, Кук. Мне нужно, чтобы ты наскребла как можно больше грязи на эту семью. У таких напыщенных снобов всегда есть, что скрывать, и я хочу знать, что это такое.

— Такое грязное бельишко редко появляется на первых полосах газет, но я попробую.

— А еще мне надо поговорить с психотерапевтами, к которым Лоуэллы гоняли Харпер. Начала она ходить по ним приблизительно лет с пяти.

— Тут могут возникнуть сложности.

— Хочешь сказать, тебе не по зубам?

— Нет, — по голосу было слышно, что Куки улыбается. — Хочу сказать, что давненько уже ты не испытывала мои способности.

— На такой ответ я и рассчитывала.

Повесив трубку, я сразу набрала номер Дэвида Тафта. Офицер Тафт служил в том же участке, что и дядя Боб, и у него была мертвая младшая сестра, которая любила навещать меня в самое непотребное время. То есть — в любое. Мы не были лучшими друзьями — Тафт и я, и этим объяснялся его прохладный официоз.

— Тафт, — ответил он на звонок.

— Привет, вещает Чарли Дэвидсон. — Он молчал, поэтому я продолжила: — У меня клиентка, которая говорит, что общалась с тобой в участке. Харпер Лоуэлл.

— Не припоминаю. Так ты вернулась?

— Я никуда и не уходила. Она утверждает, что ее преследуют и пытаются убить.

— Понял, о ком ты говоришь. Никаких следов преследования мы так и не обнаружили.

— Ты ей веришь?

— Не верил, пока не поговорил с ее родителями.

Так-так, он начинает мне нравиться.

— А что так?

— Не знаю. Мне показалось, они уж слишком пытались меня убедить, что их дочь сумасшедшая.

— У меня возникло такое же впечатление.

— Значит, она тебя наняла?

— Ага. Тебе хоть какие-нибудь улики попадались на глаза? — В моем голосе так и звучала надежда.

— Ничего такого, что нельзя было бы объяснить попытками спятившей барышни привлечь к себе внимание. Мягкие игрушки в виде кроликов трудно назвать угрозой чьей-либо жизни.

— Еще бы. Особенно когда их выпотрошили и с перерезанным горлом подбрасывают тебе в постель, пока ты спишь.

— Слушай, я с тобой не спорю. Просто не удалось найти никаких свидетельств, чтобы подтвердить ее историю.

А ведь он только-только начал мне нравиться.

— Искал ты, само собой, в поте лица.

— Я не халтурил, Дэвидсон, — раздраженно рявкнул Тафт.

— Ладно-ладно. Нечего в позу становиться.

— Моя сестра не появлялась?

Сестра Тафта умерла, когда они оба были еще детьми, и с недавнего времени решила, что доставать меня куда веселее, чем день за днем повсюду следовать за братцем. Ему понадобилось время, чтобы поверить, что я ее вижу, могу с ней говорить и пылаю несвойственной мне жадой убийства из-за ее дурацкой привычки задавать вопросы один за другим. Но с тех пор, как до него дошло, что все по-настоящему, Тафт решил приглядывать за сестрой через меня. Радость-то какая.

— За последние дни — нет, — сказала я. — Она много времени проводит у Рокета.

— То есть в том заброшенном дурдоме, где ты общаешься с призраками?

— Да, а общаюсь я только с одним призраком. С Рокетом. У него есть младшая сестра, и они с твоей младшей сестрой стали не разлей вода. Я планирую провести их как только, так и сразу. Потом дам тебе знать, как у нее дела.

— Спасибо. Я правда очень благодарен...

Ага-ага.

— Если что-нибудь выяснишь...

— Тебе позвоню первой.

— На случай, если твоя сестренка поинтересуется, ты все еще якшаешься со шлюшками?

Из трубки в ухо просочился мягкий смех.

— Нет. То есть не всегда.

— Смотри мне. Чтобы мне не пришлось потом ехать и надирать твой обожающий шлюшек зад.

— Постараюсь не мучиться бессонницей от таких угроз.

— Удачи.

Я повесила трубку и глубоко вздохнула, решив, что пора. Сейчас брат Харпер наверняка уже дома, а его домашнего адреса у меня все еще нет. Завтра придется ловить его на работе. Если Куки права, он работает на какую-то энергосберегающую компанию. А на сегодняшний вечер у меня забот полон рот. Я распрямила плечи и покрепче взялась за руль. Потому что мне предстоит схватка с драконом. С драконом по имени Рейес Фэрроу.

Мы с Развалюхой ехали по району складов недалеко от железнодорожных путей в центре города. Дождь лил как из ведра, потоками заливая лобовое стекло. В нашем засушливом климате никому и в голову не придет расстраиваться из-за ливня. Жаловаться на дождь в Альбукерке — все равно что жаловаться на солнце в Сиэтле. Поэтому я не столько сетовала на непогоду, сколько была раздосадована необходимостью вести машину под проливным дождем, из-за которого почти не разбирала дороги. Оставалось надеяться, что владелец мусорных баков, которые я сбила по пути сюда, окажется понимающим человеком.

Я остановилась в переулке и какое-то время наблюдала через рабицу за проезжающими на огражденную территорию машинами, а потом решила отрастить яйца и тоже попасть за забор. Какие неприятности могут меня там ждать? Перед тем, как двинуться вперед, я достала Маргарет и засунула под свое сиденье.

Как только я миновала въезд, гигантских размеров мужик в пончо из синтетики поднял руку, требуя остановиться. Я остановилась. Отчасти потому, что он был огромный, и отчасти потому, что его вид хоть и нагонял страху, но все же вдохновлял сцепиться с ним и победить.

Я вручную опустила стекло, раздумывая, стоит ли мне купить машину со всеми новехонькими наворотами. Без опускания стекол вручную я бы вполне обошлась, но Развалюха стала мне такой родной, что я уже не представляла жизни без нее. Разве что на капоте моей новой тачки красовался бы ягуар. Тогда бы Развалюха покатила в кювет быстрее, чем алюминиевая банка.

Я погладила приборную панель.

— Шучу-шучу, девочка моя. Ни за что тебя не брошу. Только если ты сама загорись, и мне придется спасаться бегством.

Словно приходя в себя после потрясения, она поворчала и подребезжала, пока снова не начала привычно мурлыкать. Норовистая, что тут скажешь. Мы просто созданы друг для друга.

— Ты коп? — спросил мужик в пончо.

— Нет. Но когда-то встречалась с копом.

Он поднял фонарик и осмотрел нутро Развалюхи. Жаль его, конечно, но все, что ему попало на глаза, — это беспорядочно разбросанные кипы документов, пара курток, набор первой необходимости, состоящий в основном из упаковок с сырными крекерами, и НЗ из мятного печенья с шоколадом. Чертовы девочки-скауты. Как по мне, и крекеры, и печенье — слишком уж большое искушение. Наверняка туда крэк подсыпают.

Из-за темноты и капюшона на голове у мужика в пончо я не могла разглядеть его лица. Однако он прекрасно справлялся с задачей одним своим присутствием олицетворять опасность.

Он слегка склонил голову набок:

— Тебя сюда копы прислали?

— Не сегодня, — улыбнулась я, будто совсем не замечала бьющего в лицо дождя.

— Кто-то приглашал?

— Ага, Нэнси Берк приглашала на пижамную вечеринку в шестом классе. Мы играли в бутылочку, и мне пришлось целоваться с черепашкой по имени Эстер.

— Да ладно? Ну, я тебя не знаю, и мне на тебя насрать.

— Так вот в чем дело! — Я протянула в окно руку. — Я Чарли.

Мужик отступил и жестом показал мне разворачиваться.

— В проезде отказано. Езжай туда, откуда приехала.

Проклятье. Чужало мое сердце, что надо было одеться посексапильнее и назваться Киской.

— Погодите! — я пошарила рукой под торпедой в поисках своего денежного запаса на случай экстренной нехватки мокко латте. — Я приехала поговорить с Рейесом Фэрроу.

Однако на громилу мои слова, похоже, не произвели никакого впечатления.

— Фэрроу ни с кем не разговаривает. А теперь вали отсюда, иначе я вытащу твою задницу из этой консервной банки и вытряхну из тебя все дерьмо.

А вот это уже совсем ни к чему. Пальцы сами по себе прошлись вдоль двери, пока вслепую не наткнулись на замок. На всякий случай. Потом я протянула мужику пятьдесят баксов одной бумажкой. Что ж, поиграем в игру. Я — влюбленная в бога Рейеса бедняжка, готовая на все, лишь бы попасть внутрь. Взглянуть на него хоть одним глазком.

— Умоляю. Я всего лишь хочу его увидеть. Только... посмотреть.

Громко вздохнув, мужик выхватил протянутый мной полтинник.

— Если только замечу, как ты что-то снимаешь, вытащу твою задницу на улицу и вытряхну из тебя все дерьмо.

Святой ежик, да он просто фанат вытаскиваний и вытряхиваний.

— Спасибо. — Я признательно поморгала, в основном играя роль, а не потому, что дождь заливал глаза. — Огромное вам спасибо.

Он нахмурился и убрал фонарик влево, показывая, где мне припарковаться. Я послушалась и взяла одну из валявшихся на заднем сиденье курток, чтобы использовать ее в качестве зонтика. Попрощавшись с мальчишкой, который смотрел в какой-то свой кусочек космоса, я поспешила к боковой двери склада, куда чуть раньше на моих глазах вошла какая-то пара. К сожалению, меня снова остановили. Еще один здоровый чувак в пончо из черной синтетики. И он тоже хотел денег.

— Пятьдесят баксов, — ровным тоном заявил он.

Ни за какие коврижки.

— Пятьдесят баксов? Я же только что отдала полтинник парню на воротах, чтобы сюда попасть.

Мне была видна только нижняя часть его лица. Он улыбался.

— Это за парковку. Чтобы войти — еще полтос.

Вот гадство. Быть на мели — один сплошной геморрой. Я вытащила кошелек, и тут же несколько человек у меня за спиной разочарованно застонали.

— Дождь, вообще-то, дамочка. Вы бы поспешили.

— Охренительно сегодня будет, — сказал второй, не обращая внимания на слова друга.

— Точняк. Я слышал, его не одолеть.

— Чертовски верно, этот чувак непобедимый. Ты его видел? Он двигается, как гребаная пантера.

Отлично зная, о ком они говорят, я покопалась в кошельке, надеясь найти еще одну заначку на мокко латте. Больше у меня не было ни цента. И, черт побери, лучше бы вся эта лабуда того стоила.

— Ну, не знаю, — сказал кто-то еще. — Я бы его уделал.

Я оглянулась через плечо. У всех друзей оратора отвисли челюсти.

Чувак усмехнулся:

— Если бы он был безоружен, а у меня в руках торчал бы АК-47.

Все рассмеялись, пока не заметили, что я перестала искать деньги. Один из них оттолкнул меня почти на метр.

— Ничего личного, детка. Мы тут на махалово посмотреть пришли.

— Твою мать, началось уже.

Из-за двери послышались приветственные вопли толпы.

— Держи, — кто-то из них вручил охраннику полтинник и проскользнул мимо меня.

Остальные последовали примеру, и вскоре я поняла, каково оказаться в стиралке в режиме отжима. Меня буквально прижало к мужику в пончо номер два, и каким-то чудом в моей руке оказалась бумажка достоинством в пятьдесят долларов. Наверное, это произошло потому, что в тот момент, когда в дверь протискивался последний чувак, я сумела выдернуть денежку. Чувак думал, что заплатил, а охранник — что получил плату.

— Вот, — я протянула полтинник, немного переигрывая с энтузиазмом, но вышибала, похоже, ничего не заметил.

Он забрал у меня деньги и помог войти — то есть, не проявив ни малейшей любезности, втолкнул меня внутрь. Я споткнулась от наплыва других людей, подпирающих меня сзади, и метнулась к относительно освещенному пятачку посреди темного и почти пустого склада. Запах грязи смешивался с запахами пива, дыма и мужских одеколонов. Мне нравится, когда в воздухе витает аромат мужественности. Особенно если это — одеколон.

И все же я была на взводе, когда шагнула вперед.

Чем ближе я подходила к основному зрелищу, тем яснее понимала, что народу тут больше, чем можно было ожидать. Вокруг клетки из рабицы, очень похожей на те, что показывают в кино, только примитивнее, стояли люди — в основном мужчины, — выкрикивая ободряющие короткие фразы. У этой допотопной конструкции не было ни мягких матов, ни канатов, а вход на «ринг» закрывался цепями на замок. Снаружи. Нехорошо. Ой, как плохо.

Крики толпы подзадоривали, и было ясно: крови всем хочется больше, чем льющегося здесь рекой бесплатного пива. Напитки оплачены. Ставки сделаны. Кулаки в игре. Меня поразило, как много здесь женщин. Пока я не поняла, что они не кричат, как мужчины. А смотрят. Следят. Тогда-то я и увидела, к чему прикованы их взгляды. Точнее к кому.

К Рейесу Александру Фэрроу.

Не замечая сетки, я сосредоточилась на главном — на шоу, ради которого пришли все эти люди.

(1) Кокопелли — одно из божеств плодородия, обычно изображается в виде сгорбленной фигуры, играющей на флейте.

Глава 5

Привет. Я Неприятность. Слыхала, вы меня искали.

Надпись на футболке

Ангел не шутил. Рейес принимал участие в боях без правил. Для меня сама мысль была

настолько чуждой, что поначалу мне почудилось, будто Ангел говорил о кошачьих боях. С трудом поборов изумление, я, проталкиваясь сквозь толпу плечами и локтями, торопилась подойти как можно ближе, чтобы лучше видеть. Традиционные боксерские трусы у бойцов явно не были в чести. На сопернике Рейеса были треники, на нем самом — только джинсы и ничего больше. Разве что руки чем-то обмотаны, а торс и плечо перебинтованы. К легальным соревнованиям травмированного бойца никогда бы не допустили. Происходящее здесь было так же законно, как магазинная кража.

В тот миг, когда Рейес почувствовал мое присутствие, он оторвал взгляд от текущей задачи, включавшей кровь, пот и противника в сто тридцать с лишним килограммов, и посмотрел мне в глаза. На его лице мелькнуло удивление. Сомневаюсь, что это хоть кто-нибудь, кроме меня, заметил. Он мгновенно взял себя в руки. Выражение его лица ожесточилось, крепкие мышцы напряглись, а парень, которого он скрутил в узел, истошно завопил от боли и похлопал ладонью по полу клетки, сдаваясь.

Тяжело, наверное, такому человеку, явно закаленному бойцу, вот так сдаться, признав поражение. Видимо, боль, которую причинял ему Рейес, была по-настоящему мучительной.

И все же Рейес не остановился. Не отпустил его. Исполняющий роль рефери ворвался в клетку, когда парень постучал по полу еще раз. От боли, исказившей его лицо, у меня внутри все сжалось, но взгляд Рейеса по-прежнему был прикован ко мне. Он смотрел на меня пылающими от злости глазами, его челюсти были крепко сжаты, и в какой-то момент захват стал еще крепче. Рефери бешено пытался оттащить Рейеса от поверженного соперника. Еще двое мужчин вбежали в клетку, но у них не было и сотой доли энтузиазма рефери. Они осторожно приближались под рев обезумевшей толпы. Которая хотела крови. То есть еще больше крови. Боль того человека была непереносимой. Она пульсировала у меня в венах колючими жидкими волнами, смешиваясь с гемоглобином.

Не сводя глаз с Рейеса, я опустила голову и прошептала:

— Пожалуйста, прекрати.

Он тут же отпустил мужика и выпрямился, сидя на корточках. На невозможно красивом лице отражалось лишь опасное обещание всевозможных удовольствий.

Ему не нравилось, что я здесь. Это очевидно. Но было и кое-что еще. Он злился. Он — тот, кто подставил меня, чтобы увидеть, как я сломаюсь. Тот, кто может поцеловать меня в лилейно-белую задницу хоть миллион раз. Он злился — на меня. Свести у него нет!

Его соперник лежал на брезенте, хрипя и корчась в муках. Наверное, в последние секунды Рейес нанес ему какое-то серьезное повреждение. Сам Рейес не обращал на него ни малейшего внимания. Как и на рефери, который стучал его по спине и нервно о чем-то предупреждал, и на какого-то парня, который без задней мысли попытался положить ему на плечо руку в знак поддержки. Вскочив на ноги, Рейес стремительно вышел из клетки, как будто его где-то ждут. Пока он шел сквозь толпу, приветственные оклики и поздравления сыпались со всех сторон, но и на них он никак не реагировал. Хорошо, что у людей хватало ума отступить с его пути.

Без помех пройдя мимо зрителей, Рейес скрылся за дверью в дальнем углу, которая вела в большое помещение. Может быть, там находились какие-то подсобки. Тренеры помогли второму парню подняться на ноги и повели его в противоположную сторону, пока уборщик смывал кровь с пола на «ринге».

Ноги понесли меня туда, куда смотрели глаза. К двери в углу. Я с трудом протискивалась сквозь беснующуюся толпу и томящихся женщин. Несколько из них сбились

в группку у двери, но войти не осмеливались. Меня немало удивило, что дверь никто не охранял. Оттуда вышел еще один парень, ниже Рейеса и на вид покрепче. Его руки тоже были чем-то обмотаны. Он поднял кулаки, готовый с боем пробиваться к клетке.

И толпа взбесилась.

Я шагнула за дверь и оказалась в комнате, похожей на раздевалку. Не такую, как в спортзалах — чистую и ярко освещенную, а как на старых заводах — душную, темную и грязную.

Три ряда металлических шкафчиков разделяли наполненную паром комнату пополам. Слева виднелось несколько коморок, отгороженных друг от друга стенками, и письменный стол. А справа...

— И они хотят, чтобы ты не спешил, — послышался оттуда мужской голос. — Мы с тобой об этом уже говорили, помнишь?

Я пошла на голос мимо шкафчиков и оказалась перед открытым пространством со скамейками и парой столов. За ними находились душевые, которые кто-то, судя по всему, совсем недавно использовал по назначению. Рейес сидел на столе в клубах теплого пара. Какой-то мужчина (должно быть, его тренер) стоял перед ним и обматывал ему руки белыми эластичными бинтами, совсем как в фильмах. Джинсы на Рейесе сидели достаточно низко, чтобы мне была видна впадинка между тазовой костью и мышцами живота, отчего моим ногам тут же расхотелось поддерживать меня в вертикальном положении. Обычные бинты и свежий белый эластичный бинт красовались на плече и вокруг ребер. Мне с трудом удалось подавить прилив беспокойства. Что до всего остального... Смуглая кожа идеально обтекала внушительные твердые мышцы и жилистые изгибы. Одним словом — неотразим.

Впервые я увидела Рейеса, когда мы с Джеммой, моей сестрой, учились в старших классах. Однажды поздно ночью я заметила его через кухонное окно квартиры, где он тогда жил. Это был неблагополучный район города, и сцена перед моими глазами была лишним тому доказательством. Его избивал мужчина. Позже я узнала, что того мужика звали Эрл Уокер. И это чудовище вырастило Рейеса, а много лет спустя едва не замучило меня до смерти в моей собственной квартире. Рейесу тогда было девятнадцать. Ожесточенный. Дикий. И прекрасный. Но Уокер был огромным. Он снова и снова вбивал кулаки в Рейеса, пока тот не мог больше стоять. Не мог защищаться.

Чтобы помешать Уокеру убить его, я бросила в окно кухни кирпич. Это сработало — Уокер остановился. Однако от того кирпича было столько же пользы, сколько от лейкопластыря на огнестрельной ране. Прошли годы, и я узнала, что Рейес больше десяти лет просидел в тюрьме за убийство Эрла Уокера, который, как выяснилось, все это время был очень даже жив. Он подстроил свою смерть, а Рейес сел за преступление, которого не совершал. Вся соль в том, что он сбежал из тюрьмы, чтобы доказать свою невиновность, и использовал меня как наживку, чтобы выманить Уокера. В итоге я чуть не погибла. А Куки с дочкой Эмбер подверглись серьезной опасности.

На все это вкуче с тем, что он в буквальном смысле сын Сатаны, выкованный в пламени греха и падения, закрыть глаза тяжело. Но в то же время он был тем самым темным существом, которое следовало за мной с рождения и не раз спасало мне жизнь. Его действия противоречили всему, что мне с детства внушали о темных силах. О том, как нельзя им доверять.

И вот теперь я стою на краю пропасти. Осмелюсь ли я снова довериться ему? Хватит ли мне храбрости поверить его словам? Два месяца я провела в четырех стенах, пытаюсь решить

эту головоломку.

Жар Рейеса добрался до меня, и я шагнула ближе. Знакомое тепло, которое он излучал мягкими волнами, словно обладал радиоактивным полем, действовало на меня, как щиплющий бальзам на рану, — успокаивало и раздражало одновременно. Я стояла в свете флуоресцентных ламп, но Рейес даже не взглянул в мою сторону. А значит, у меня появился шанс тщательнее его рассмотреть, понять, насколько свобода его изменила. Буквально сразу стало ясно, что не очень. Его волосы были такой же длины, как и два месяца назад. Густые пряди падали на лоб и вились за ухом. На скулах, которые придавали ему упрямый и непреклонный вид, темнела дневная щетина, обрамлявшая чувственные губы с такой восхитительной точностью, что от одного взгляда у меня слюнки потекли.

Я с трудом оторвалась от его лица и перевела взгляд на широкие голые плечи. Под ярким светом отчетливо виднелись татуировки, с которыми он родился. Эти татуировки на самом деле представляли собой карту, ключ к воротам ада. Как и все, я легко могу прочесть любую карту, но как можно использовать какую-нибудь карту, чтобы оказаться в другом измерении, пересечь вечную пустошь и попасть туда, куда никому попадать не хочется?

Не отрывая глаз от того, чем занимался тренер, Рейес спросил:

— Что тебе здесь нужно?

Плясь на его поразительную красоту, я не сразу поняла, что он обращается ко мне. Я не видела его два месяца. А до того все наши встречи с ним во плоти оказывались слишком мимолетными и изнурительными, и каждая из них заставляла меня чувствовать себя рассеянной и легкомысленной, будто я не в себе. Не важно, как сильно я на него злилась. Его красота и умопомрачительная притягательность действовали на меня, как магнит. А я, видимо, простая металлическая скрепка, потому что каждая молекула во мне тянулась к нему.

Не понимая, что происходит, тренер поднял голову. Потом до него дошло, что в комнате есть кто-то еще. Он повернулся ко мне с недовольным выражением лица:

— Вам нельзя здесь находиться.

— Мне нужно поговорить с вашим бойцом, — сказала я, стараясь придать голосу уверенности, которой совсем не ощущала.

Наконец голова Рейеса медленно повернулась, и еще медленнее поднялись его ресницы, пока я не увидела мерцания глубоких карих глаз. Из всех сил я старалась уговорить сердце продолжать биться, но оно не послушалось и замерло у меня в груди. Губы Рейеса слегка приоткрылись, и мои глаза опять прилипли к ним. В ответ эти невообразимые губы превратились в тонкую линию, а Рейес сказал:

— Ты должна уйти.

Не обращая внимания на жар, затопивший меня по самую макушку от звучания богатого низкого голоса, я расправила плечи, подошла ближе и вручила ему записку, которую успела нацарапать, когда увидела его в клетке.

— Я принесла тебе счет.

Густые черные ресницы опустились, когда Рейес посмотрел на клочок бумаги в руке.

— Счет за что? — поинтересовался он, читая написанное.

— За мои услуги. Я нашла тебе твоего отца. При этом чуть не умерла. Мое детективное агентство, мистер Фэрроу, — это частное предприятие, предоставляющее платные услуги. Независимо от того, что ты думаешь, я тебе не девочка на побегушках.

Когда я упомянула его фамилию, он выгнул бровь, но быстро с собой справился.

— Это чек из «Мачо Тако», — сказал он, перевернув бумажку.

— Я импровизировала.

— Ты выписала счет на миллион долларов.

— Что ж, я стою недешево.

От крошечного намека на улыбку приподнялся уголок его рта.

— У меня при себе нет миллиона.

— Можем сходить к ближайшему банкомату, если это поможет.

— К сожалению, нет. — Рейес сложил бумажку и засунул в задний карман, а я в этот момент могла думать только о том, как сильно мне хочется быть чеком из «Мачо Тако». — Я на мели, — добавил он.

Мне даже не надо было считывать его эмоции, чтобы знать: это вопиющая ложь. И хорошо, потому что во всяких обманах я, мягко говоря, профан. Вот если бы речь шла о вожделении... О сжигающем первобытном желании, от которого с трудом стоишь на ногах... В общем, ложь точно не мой конек. И кстати...

— Зачем тебе эти бои? — Я обвела взглядом убогие условия, которые предоставляло это помещение. Даже организаторы нелегальных боев должны придерживаться хотя бы элементарных норм санитарии. А здесь — просто ужас какой-то.

— Я же сказал, я на мели. Мне нужны деньги.

— Ничего ты не на мели, — возразила я.

Рейес прогнал мужика, который перематывал ему руки, и встал со стола.

Я предусмотрительно сделала шаг назад. Он наступал, и каждое движение казалось каким-то текучим, вопящим о могуществе.

Однако у меня в рукаве завалялась парочка тузов. Пора шокировать и поражать.

— У тебя есть пятьдесят чудненьких лимонов, которые только и ждут, когда ты возьмешься за них своими горячими ручонками.

Он застыл, и мне это сказало больше любых слов. У другого бы отвисла челюсть или вылезли из орбит глаза, а Рейес от удивления застывал. Вот почему я знала, что подловила его.

— Ошибаешься, — сказал он, и голос его прозвучал, как обернутая в шелк холодная жесткая сталь.

Я продолжала стоять на своем:

— Мне сказала твоя сестра.

Рейес вырос с девочкой, с которой у него не было кровного родства, но которую он во всех смыслах считал своей сестрой. Над ними обоими зверски издевались, хотя и по-разному. Их воспитывал Эрл Уокер — человек, который меня пытал. Он лишал Ким еды и воды, пока Рейес не соглашался на его жуткие требования. В руках этого монстра Ким с Рейесом росли в настоящем кошмаре. Чтобы ее защитить, Рейес отсекся от связи с ней, когда его арестовали за предполагаемое убийство Уокера. И все же, сидя за решеткой, умудрился сделать ее миллионершей.

Рейес быстро пришел в себя:

— Это не мои деньги, а ее.

Я сложила на груди руки.

— А она не собирается их тратить и клянется, что они твои.

— Она не права. — Он шагнул ближе. — И мне казалось, мы с тобой договорились, что ты не лезешь к моей сестре.

Не столько договорились, сколько он мне угрожал, но я решила, что сейчас не время уточнять детали.

— Это было уже после того, как ты сбежал из тюрьмы. Ты был ранен, а я очень переживала.

— Тебе-то что? — Еще один шаг. — В прошлый раз ты послала меня на хрен.

Я с трудом осталась на месте. Он шел ко мне только для того, чтобы заставить меня отступить. Он всегда так делает, когда хочет доказать свою власть надо мной.

— Я сказала это только в мыслях.

— По твоему лицу все было понятно без слов.

— По лицу, которое твой отец пытался с меня срезать? По этому лицу тебе было все понятно?

Рейес побледнел.

— Он не мой отец.

— Знаю. Но драться здесь — это дикий бред. Тебе жить надоело?

— Кто бы говорил.

— И что это значит?

На его челюстях заиграли желваки, и только потом он ответил:

— Я стараюсь держаться в стороне, как ты и хотела. — Он шагнул ближе, и на этот раз мне не оставалось ничего другого, как вписаться спиной в стену из шлакоблока. Рейес навис надо мной, упершись рукой в стену у меня над головой. — Но ты не упрощаешь задачу.

Глубоко внутри меня все трепетало от эмоциональной перегрузки. Каждую клеточку в моем теле Рейес Фэрроу разжигал, будто я из бензина: одна искра — и вспыхну, как факел. Он знал, как действует на меня. Наверняка знал. И только поэтому я все еще оставалась в здравом уме. Только поэтому не протянула руку и не коснулась бинта на ребрах. Только поэтому не попыталась засунуть пальцы за пояс его джинсов.

Чтобы успокоиться, пришлось глубоко вздохнуть.

— Я видела тебя сегодня утром. — Рейес слегка нахмурился, поэтому я объяснила: — Возле моего дома. Ты стоял на улице. Ты меня преследуешь?

— Нет, — сказал он и, опустив руку, отвернулся от меня. — Я охочусь на другого зверя.

— И по счастливой случайности этот зверь живет в моем доме?

Рейес принялся разглаживать бинты на руках.

— Нет, но в твоём доме живет то, чего он хочет больше всего на свете.

От сказанного у меня зачастил пульс, и сбилось дыхание. Есть только один зверь, которому хотелось бы меня заполучить, и на которого стал бы охотиться Рейес. Демон.

Не успела я и глазом моргнуть, как Рейес оказался передо мной. Я бы с радостью сбежала, но его рука крепко держала меня за горло.

— От тебя несет страхом.

Для проформы и без особого успеха я попыталась вырваться.

— И кто же в этом виноват?

— Я, и я опять приношу свои извинения, но тебе, черт возьми, давно пора избавиться от страха. — Он прижался ко мне, и у моей кожи не осталось другого выбора, кроме как впитать исходящий от него жар. Я вдохнула его и ахнула, когда тепло разлилось в животе и согрело ноги. — Им это нравится, — шепнул Рейес мне на ухо. — Все равно что наркотик. Как запах крови манит акул, так и они идут на запах страха, который доводит их до безумия. Страх для них — и приманка, и афродизиак.

— Ты-то откуда знаешь?

— Я один из них. И сейчас мне хочется только одного — затащить тебя в чертов душ, сорвать одежду и поиметь каждый сантиметр твоего тела.

Я закрыла глаза, представляя себе описанную картинку.

— Тебе и без страха этого хочется.

— Верно, но сейчас сильнее. Ты ангел смерти, и для таких, как я, на земле нет ничего аппетитнее, чем перспектива слизать страх с твоей кожи.

Об этом он мне никогда не говорил. Он мне о многом никогда не говорил, но знать такую пикантную подробность мне бы точно не помешало.

— Я никогда тебе не говорил об этом, потому что это никогда не было проблемой, — сказал он, поразив меня до глубины души.

Приехали. Снова он читает мои мысли. Я удивленно посмотрела на него.

— У тебя все на лице написано, Датч.

Опять двадцать пять. Датч. Загадочное имя, которое дал мне Рейес. Имя, значения которого я до сих пор не понимаю.

— Я просто вижу, — продолжал он. — Вижу твою растерянность. Твои сомнения. Я не умею читать твои мысли. Зато, как и ты, умею читать твои чувства. И это никогда не было проблемой, потому что ты никогда раньше не боялась. По крайней мере не так, как сейчас.

— Ошибаешься, — отозвалась я еле слышно от трепета и тревоги. — Я всегда тебя боялась.

Похоже, мои слова заставили его задуматься. Рука у меня на шее на несколько секунд перестала так крепко сжимать, поэтому у меня появился шанс выдрать себя из пальцев Рейеса. Что я и сделала. А как только освободилась, отшатнулась от него, как от огня. Он снова упирался одной рукой в стену и глубоко дышал, как будто пытался справиться с эмоциями.

— Уходи, пока я не передумал тебя отпускать.

Я покачала головой:

— И не подумаю, пока ты не пообещаешь перестать драться.

Он тут же поднял голову и посмотрел на меня.

— Шутишь?

— В данный момент — точно нет. — Если у меня есть хоть какая-то власть над ним, то сейчас самое время ею воспользоваться. Я задрала нос, чтобы встретиться с ним лицом к лицу с поднятой головой. — Я запрещаю тебе драться.

Меня ударило вспышкой гнева, будто я взрезалась в стену из огня. Рейес выпрямился и двинулся ко мне.

— Ты сама настаивала, чтобы я сохранил это тело. А теперь решила указывать, что мне можно, а что нельзя с ним делать?

Он прав. Однажды я настояла, чтобы Рейес сохранил свое смертное тело, когда он хотел дать ему умереть. С тех пор мое решение не изменилось.

— Можно и так сказать, — согласилась я, расправляя плечи.

— И что же, по-твоему, я должен с ним делать?

На такой вопрос я могу придумать тысячу ответов. Рейес опять меня подавлял, наступая, вынуждая пятиться, пока я не взрезалась в стол, на котором он сидел. Каждой порой я чувствовала, как просачивается в меня его жар.

— Мне нужны ответы. А их я вряд ли получу, если ты умрешь в нелегальных боях без

правил. Тут хоть фельдшер есть?

— Умру? — насмешливо переспросил он.

Я указала на бинты:

— Ты не такой несокрушимый, как думаешь.

Рейес рассмеялся. Резкий смех эхом отразился от металлических шкафчиков.

— Ты всерьез считаешь, что человек способен такое со мной сделать?

Понадобилось несколько секунд, чтобы до меня дошел смысл его слов. А когда это случилось, у меня отвисла челюсть. Так я на него и уставилась — с открытым ртом.

— То есть... ты хочешь сказать, что они...

— Рей?

Я подскочила, стараясь не дать комнате завертеться у меня перед глазами, пока мозг обдумывал сказанное Рейесом. Демоны. Они снова здесь, на Земле. И Рейес с ними дрался.

Я посмотрела на женщину, которая вошла в комнату.

— Ты готов к следующему бою? Тебя просят выйти.

Он даже не взглянул на нее, продолжая смотреть мне в глаза.

— Уэнделл хочет, чтобы на этот раз ты потянул время, — проговорила она слабым, неуверенным голосом. Я ощущала ее тревогу прямо со своего места.

Когда на свет вышла высокая женщина с короткими светлыми волосами, я ее узнала. И меня чуть удар не хватил. Элейн Оук? Та самая, которая создала веб-сайт? И у которой имеется целый музей, посвященный вещам Рейеса, украденным у него охранниками из тюрьмы? Охранниками, которым она платила? Она здесь? С Рейесом?

Я-то думала, она всего лишь из тех, кто фанатеет от зеков. Богатенькая барышня, следившая за Рейесом все то время, что он провел в тюрьме. Которая платила охранникам за информацию о нем и за то, чтобы они воровали вещи из его камеры и делали фотки, пока он не видит. Причина моего офонарения сместилась с демонов, блуждающих по холмам и долинам Земли, на женщину, блуждающую по холмам и долинам тела Рейеса. У меня в груди поднялась ядовитая и приводящая в бешенство ревность, которая рвалась наружу унижительным чувством обиды.

Я честно старалась ее подавить, но Элейн наверняка видела по моему лицу, в каком я шоке. Ее лицо говорило о том же. А еще о настороженности. Рейес находился опасно близко, и ей определенно это не нравилось. Затем на ее лице отразилось узнавание, сменившееся волной очевидного изумления.

— Рей? — снова позвала она. — Ты знаешь, кто это?

Он шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Да.

— Ох, хорошо. — Элейн подошла к нам. — Вы здесь по делу? — спросила она меня. Надежда в ее глазах была настолько очевидной, что мне почти стало ее жаль.

— Ага. Хочу получить заработанные деньги.

— Ну, что бы там ни было, я могу заплатить. Я менеджер Рейеса. — Она повернулась к нему и робко положила ладонь ему на руку. — Тебе стоит подготовиться. Текущий бой почти окончен. — Она выдавила улыбку. — Сам знаешь, все собрались здесь ради тебя. А этот бой всего лишь заполняет перерыв, чтобы поддержать настроение публики.

Ему сегодня снова придется драться? И ее это ни капельки не беспокоит?

Мне так сильно захотелось вырвать ее идеально уложенные короткие волосенки, что даже колени дернулись. Я мысленно себя обругала. Рейес мне не принадлежит. Я не имею

права вмешиваться в его дела, даже если речь идет об этих боях. И он это знает. Он больше десяти лет просидел за решеткой за преступление, которого не совершал, а тут являюсь я и пытаюсь указывать ему, что делать. Прямо как все остальные за последние десять лет. Каждый его шаг, каждую его мысль старались контролировать. Надзиратели, охранники, начальники тюрьмы.

Но елки-палки, Элейн Оук?!

— И нам надо вернуться домой до того, как появятся новые спонсоры, — добавила она. — Им всем не терпится с тобой познакомиться.

Я чуть не шмякнулась в обморок. Домой? Он с ней живет? Похоже, у моего офонарения не было ни конца ни края. На какое-то время я потеряла связь с реальностью, бросаясь в крайности с каждым новым открытием.

Рейес смотрел на меня, замечая каждое движение, каждую реакцию.

— Не оставишь нас на минутку? — спросил он. Я не понимала, к кому из нас он обращается. И не знала, есть ли мне до этого дело.

— Ла-адно, — протянула Элейн, медленно двинувшись на выход, как будто для этого потребовалась вся ее сила воли.

— Ты живешь с ней? — еле слышно спросила я. — Ты хоть знаешь, кто она?

— Да. — Рейес помолчал и добавил: — И еще раз да.

Тихий удивленный смех вырвался из моего горла против воли. Я повернулась, чтобы уйти, но он положил руки на стол, чтобы меня остановить. Я бросила взгляд на Элейн. Она стояла у шкафчиков и видела все, что произошло. А я видела боль в ее глазах. Добро пожаловать в мир Рейеса Фэрроу.

— Тебе пора идти, — сказала я ему.

— Ты мне не ответила. Что, по-твоему, я должен делать с телом, которое ты заставила меня сохранить?

Я наградила его взглядом, полным ненависти.

— Отправь его обратно в ад.

Он улыбнулся, а я почувствовала себя так, будто меня пырнули в живот раскаленной кочергой. Неужели ему нравится, когда я в замешательстве? Когда мне больно?

— Не могу, пока на Земле у меня так много развлечений.

— Развлечений? То есть я для тебя — очередное развлечение?

В комнату вошел мужчина. Тренер Рейеса.

— Пора выходить.

— Ну так как? — снова спросил Рейес. Говоря по справедливости, я должна была ответить.

Но все это становилось попросту нелепым. Снаружи у двери я заметила Элейн, которая заглядывала внутрь, беспокойно хмурясь.

— Твоя подружка уже психует, — сказала я, чтобы сменить тему.

— Ревнуешь?

— Ни капельки.

— А со стороны кажется, что ревнуешь.

— Ничего я не ревную. Просто у тебя невероятный...

— Пресс?

У меня свело живот. Я глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки.

— Вкус.

— Со вкусом у меня все в порядке. — Он заставил меня поднять голову, взявшись за мой подбородок обмотанной бинтами рукой. — Ты не хочешь, чтобы я был рядом. Так какая тебе разница?

— Никакой.

— Зачем тогда пришла?

— Ты мне не заплатил.

— Надо же. А все те разы, когда я спасал тебе жизнь, не считаются?

Я пожала плечами:

— Выпиши мне счет.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Лучше я тебя трахну.

— Лучше забудь об этом.

— Ты так и не ответила на мой вопрос. — Он прижался губами к моему уху, обдавая теплым дыханием. Жар спустился по шее и разлился по плечу одурманивающей волной наслаждения. — Что мне делать с моим телом, Датч?

Целую минуту спустя я с трудом ответила:

— Возьми его повидаться с сестрой.

Упоминание о драгоценной сестре подействовало на Рейеса, как ушат ледяной воды. Он тут же замер, его тело застыло, как камень.

— Тебе пора, — настойчивее сказал тренер. — Иди туда и...

Рейес резко обернулся к нему, как кобра, готовая броситься на жертву. Мужик отступил. Его глаза расширились за долю секунды до того, как он поднял руки, заранее сдаваясь.

— Я только хочу сказать, что мы все потеряем, если ты не выйдешь.

Кажется, Рейес успокоился. Он повернулся ко мне, взялся за мой воротник и притянул к себе, пока его рот не оказался в паре сантиметров от моего.

— Иди домой.

Он отпустил меня, мягко оттолкнув, и я успела в ответ шлепнуть его по руке. Однако он уже шел к двери.

Иди домой, значит? Черт бы побрал мое левое полупопие.

Глава 6

Зачем убивать добротой, если можно взять топор?

Надпись на футболке

По-прежнему пребывая в крайней степени изумления, я стояла в той части склада, где людей было меньше всего. Он живет с ней? С этой женщиной? С Маньячкой? Сказать, что я была в шоке, было бы величайшим преуменьшением со времен фразы «Хьюстон, у нас проблема» (1). Меня как молнией шибануло.

Но святой ежик, он с ней живет? Меня так и пожирала ревность, отчего я бесилась еще больше. Чем испытывать ревность, лучше б на меня напали оголтелые огненные муравьи. Меня переполняли страх, ярость, обида и неуверенность. Я глянула вниз на то, что делало меня представительницей женского пола. На Угрозу и Уилл Робинсон. Ладно, неуверенность отпадает.

И хотя я всеми фибрами души не хотела смотреть на очередной бой Рейеса, я украдкой пробралась в темный уголок, чтобы именно этим и заняться — посмотреть. Здесь он меня точно не увидит, а значит, не распахнется зазря. К счастью, сцена, на которой установили клетку, была достаточно высокой, поэтому толпа зрителей не мешала мне видеть происходящее. Но я все равно взобралась на небольшое бетонное возвышение с прикрученной к нему вертикальной металлической опорой, обнялась с ней и стала выглядывать Рейеса.

Он разговаривал со своим тренером, потом повернулся, чтобы зайти в клетку, но, сделав один шаг, застыл. Опустил глаза. Глубоко вздохнул. А через секунду пристально посмотрел прямо на меня. Я тут же втиснулась поглубже в угол. Как такое может быть, что он меня заметил? Хотя, возможно, он смотрел на кого-то еще. Рейес склонил набок голову, поднял руку и указал на выход у меня за спиной.

Одной слаженной волной море голов повернулось посмотреть, на что он показывает. Я тоже повернулась, так что они наверняка не поймут, что он имел в виду меня. Когда я опять посмотрела на Рейеса, он скрестил на груди руки и испепелял меня взглядом. Я спрыгнула с возвышения и встала в такую же позу. Вот только я скрестила руки демонстративно и вызывающе. Если ему так хочется, чтобы я ушла, то пусть подойдет и сам вышвырнет меня на улицу.

Минуточку, нет. Это явно не лучшая мысль.

Я все не могла решить, что делать, как вдруг толпа снова разразилась приветственными криками — из двери в противоположном конце помещения вышел соперник Рейеса. Когда он стал подниматься по лестнице, Рейес перевел взгляд с меня на него. Оно и понятно: парень был больше и мускулистее предыдущего. Рейес и сам далеко не маленький, но стройный, жилистый, созданный быть не только сильным, но и быстрым. А этот чувак — одна сплошная силища. Больше похож на профессионального культуриста, чем на бойца. И, каким бы невероятным ни был размах у Рейеса, у этого шкафа сантиметров на десять больше.

От одного его вида у меня сердце забило в горле. Я знала, что Рейес сверхъестественное существо, но он ранен, а этот парень — просто громадина. Когда он вошел в клетку, я шагнула вперед, однако Рейес остался на ступеньках со своей стороны. Он наблюдал. Изучал. Опустив руки и голову, смотрел на противника исподлобья, как будто чего-то ждал. Но чего?

Толпа стихла, затаив дыхание от предвкушения. Мужик в клетке застыл и уставился на Рейеса. Потом вдруг нахмурился и отвел взгляд, будто его что-то смутило. Тогда-то я и заметила это: размытость движений, нечеткость в ауре. Он потряс головой, словно прочищая мысли, а мгновение спустя впился в меня взглядом. Его глаза расширились, на лице мелькнуло удивление, будто он меня узнал. Понятия не имею, с чего бы вдруг. Я его никогда в жизни не видела. Но когда он испустил звериный вопль, ледяной страх сковал мне спину и пополз по коже.

Я отшатнулась, глядя, как мужик, забыв о двери в клетку, ловко и изящно, как большое животное, перемахнул через сетку. Черты его лица исказились, будто наружу рвался зверь с глубоко укоренившейся ненавистью ко мне. Я попыталась замедлить мир, остановить устремившуюся ко мне угрозу. В прошлом мне уже удавался такой фокус — до встречи с Эрлом Уокером. Но не получилось. Все вышло из-под контроля. В том числе и яростный грохот пульса у меня в ушах.

Краем глаза я заметила Рейеса, который пытался перехватить чувака. Он легко перепрыгнул через сетку и метнулся вверх, но не дотянулся всего на пару сантиметров. Потом схватился за верхний край сетки, оттолкнулся и, проделав невероятный переворот в воздухе, прыгнул вперед. Стены клетки прогнулись под его весом и от силы, которую он, судя по всему, приложил, бросившись в гущу толпы.

Рейес исчез за спиной противника. Шкаф приземлился в нескольких метрах от меня и помчался вперед, сбивая, как таран, любого, кто оказывался на его пути. Я же видела только его лицо, превратившееся в маску свирепой ярости.

А ведь я с ним даже не знакома.

Я попробовала развернуться и убежать. Призвав на помощь всю силу воли, которая у меня есть, я пыталась заставить ноги унести меня куда подальше, но могла только смотреть. Смотреть, как он приближается. Из вопящего рта капала слюна, собираясь пеной, как у бешеной собаки. Он хотел моей смерти. То есть жаждал моей смерти, как наркоман — очередной дозы. Я это чувствовала. Ослепительная вспышка разъедающей его изнутри жажды убийства ударила меня волной за долю секунды до того, как он меня настиг.

Он врезался в меня, как товарняк. Я чуть не потеряла сознание, расплющившись об стену, но внезапно он упал. Наверное, потому, что у него на спине сидел Рейес и вбивал его в пол. Мужик громко орал, пытаясь стряхнуть Рейеса, но продолжал ползти вперед. Корчился и боролся за каждый сантиметр, который приближал его ко мне. А я пыталась слиться со стеной, утопая в недоумении. И дикой агонии. Когда я стукнулась о стену, в голове одичавшим ураганом взорвалась боль, угрожавшая сожрать половину Барбары — моего мозга.

Из-за неожиданного и жестокого поворота событий толпа запаниковала. Некоторые пострадали, когда этот мужик приземлился, но куда больше получили увечья в давке, пока одни спешили на выход, а другие пытались подобраться ближе, чтобы лучше видеть. Крики становились все громче и громче, подзадоривая мужика, который изо всех сил пытался добраться до меня.

— Уходи!

Я взглянула на Рейеса. Все его силы уходили на то, чтобы сдерживать мужика. Значит, этот мужик не человек. Или не совсем человек. Еще несколько мгновений борьбы, и Рейес взял его в удушающий захват.

— Чарли, черт тебя дери, беги! — прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Кое-как мне удалось встать на ноги. В этот момент мужик двинул локтем Рейесу в челюсть, отчего захват немного ослабел. Однако шкафу этого хватило, чтобы проползти вперед еще сантиметров пятнадцать. Глаза на искаженном от ненависти и презрения лице снова остановились на мне. Из рта капала слюна, из носа хлестала кровь, но единственной его целью было добраться до меня. Обдирая ногти о бетонный пол, он изо всех сил пытался ползти дальше.

Царящий вокруг хаос зажил собственной жизнью и теперь сопровождался оглушительной безумной какофонией. Со всех сторон раздавались крики, в то время как зрители одновременно бросились к выходу. Сомневаюсь, что кто-то из них понимал, от чего бежит. Они кричали. Бежали и толкались. И хорошо. Люди следовали примеру остальных, подсознательно понимая, что иначе их здоровью причинят непоправимый вред. У них просто не было выбора.

Заметив какого-то парнишку в толстовке с логотипом группы «Slipknot», я бросилась к

двери. Он упал, а значит, за каких-то пару секунд, если никто не придет ему на помощь, его попросту затопчут. Я попыталась протиснуться к нему, но толпа обезумевших зрителей оттеснила меня назад, и мальчишка исчез из виду.

А потом я услышала рычание. Мне нужно было вернуться и посмотреть, как там Рейес. Надо признать, мужик добился некоторого успеха. Меня от него снова отделяли всего несколько шагов. Не в силах отвести глаза от Рейеса с Халком, я медленно попятилась в толпу. Вдруг озверевшего мужика, который ни на секунду не оставлял бешеных попыток приблизиться ко мне, окутала тьма. А через мгновение из его головы выскочила еще одна. Черная, непроглядная, как самый далекий уголок вселенной. Но мне удалось заметить острые, словно обсидиановые лезвия, зубы, заточенные на концах, как иглы. Зверь исчез внутри мужика так же внезапно, как и появился, и до меня дошло, на что я смотрела. На демона.

Нет. Я сделала еще один шаг назад. Нет. Не на демона. На человека, одержимого демоном. Демонов я видела, когда они пытали Рейеса. Паукообразные тела. Тощие конечности, согнутые и скрученные под невообразимыми углами. В безглазых головах — только зубы, зубы и еще раз зубы. И один из них сейчас был внутри человека. Его трясло от неумолимой, первобытной жажды разорвать меня на куски. Он так сильно этого хотел, что я физически ощущала исходящий от него дикий голод.

Шкаф предпринял последнюю героическую попытку стряхнуть с себя Рейеса, но тот был слишком силен. Прижав мужика к полу, он одним четким движением дернул его за голову и сломал шею. От зловещего хруста, неестественно повернутой головы и от того, как быстро жизнь покинула этого человека, мои вены затопила очередная волна адреналина, и в нос ударила вонь, похожая на запах тухлых яиц.

Меня замутило. Стараясь не поддаваться накатившей слабости, я огляделась, чтобы понять, видел ли кто-нибудь, как Рейес сломал человеку шею. Сейчас на складе почти никого не было. Кто-то из отставших стоял в тени, но в основном это были вышибалы и другие наемные рабочие. Лица у всех были застывшие, а сами они в ужасе пялились на мертвого парня.

Рейес уже был на ногах. Схватив за куртку, он сильно дернул меня, заставляя на него посмотреть.

— Что надо сделать, чтобы ты хоть раз в жизни меня послушала?

Колоссальный поток адреналина, перегрузивший мою нервную систему, настойчиво затребовал выхода. Из всех сил я оттолкнула Рейеса и бросилась к стене, где меня вывернуло наизнанку прямо на бетонный пол.

И это меня всерьез озадачило. Никогда раньше у меня не было такой реакции на нападения. Как правило, я веду себя гораздо более собранно. Ну, если и не собранно, то по крайней мере остаюсь в вертикальном положении. А в этот раз я едва стояла на ногах. Мир вокруг вертелся, а желудок продолжал лезть куда-то вверх. Это объясняло, почему меня трясет и почему постоянно хочется согнуться в три погибели. Но почему именно сейчас? Почему именно с этим парнем?

Рейес не дал мне ни закончить, ни перевести дух. Снова схватив меня за куртку, на этот раз сзади, он потащил меня к двери. Я подумывала о том, чтобы сопротивляться, но на это ушло бы много сил, которых прямо сейчас во мне, похоже, совсем не осталось. В его руках я чувствовала себя тряпичной куклой с висящими и совершенно бесполезными конечностями. И я стала ругаться. На это у меня всегда сил хватит.

Вытерев рот рукавом, я сглотнула опять подступивший к горлу ком и приглушенным голосом потребовала:

— Отпусти меня.

Само собой, никакой реакции не последовало. Рейес продолжал тащить меня по полу, как отслужившую свое половую тряпку. В этом его рукоприкладстве не было никакой необходимости, да и приятного было мало, но все мои умственные силы уходили на то, чтобы сдерживать подступающую волнами желчь.

Где-то между подсакиваниями желудка и попытками не дать ему выпасть наружу через рот, я выдавила несколько слов:

— Что это было?

Разумеется, я и сама знала, но все это казалось таким нереальным и ужасным, что в голове не укладывалось. Я и понятия не имела, что люди на самом деле могут быть одержимыми. Думала, это не более чем способ киношников вызвать у зрителей озноб и наградить кошмарами по ночам. Или одна из уловок проповедников, помогающая держать под ногтем прихожан.

Но тот мужчина был одержим. В этом не было никаких сомнений, как и в том, что я здесь стою. То есть в том, что меня волокут по полу.

Мы были на полпути к двери, когда Рейес рванул меня вверх, чтобы поставить перед собой, и смертельной хваткой впился мне в плечи. Выражение его лица было скорее сердитым, чем, скажем, понимающим. Поэтому я, естественно, взбесилась. Меня только что выворачивало наизнанку. Он вообще в курсе, что существует элементарная любезность? К сожалению, ничего с этим поделать прямо сейчас я не могла. Только снова сглотнула и попыталась хоть немного отодвинуться.

— Садись в свой чертов джип и убирайся отсюда, или, клянусь всем святым...

Пока я целиком и полностью была сосредоточена на разговоре и честно собиралась выслушать его семитысячную угрозу, которую, конечно же, приняла бы близко к сердцу, снова послышался хруст. Сразу за ним — хриплый стон. И опять хруст. И еще один стон, больше похожий на визг раненой совы.

Я глянула влево, где лежал соперник Рейеса. Только он уже не был мертвым. Он стоял на четвереньках, вытягивая шею то в одну, то в другую сторону, словно разминал ее после долгого сна. Вокруг него витала та же чернота, будто демону было трудно оставаться в границах тела, в которое он вселился.

Рейес дернул меня к себе, оказавшись со мной нос к носу.

— Уходи.

И демон прыгнул. Как тигр в индийских зарослях, мужик бросился на нас. На меня. Рейес так сильно меня оттолкнул, что я опять ударилась головой. На тот раз — о бетонный пол. Однако на посыпавшиеся из глаз искры я едва обратила внимание: когда Рейес встал передо мной, напряженный, как скрученная пружина, готовый в любой момент броситься в атаку, я услышала глубокое низкое рычание, эхом отразившееся от самых темных уголков вселенной.

Из ниоткуда свирепым клубком выскочила Артемида и прыгнула прямо сквозь мужика. Его физическое тело еще немного пролетело вперед, упало с громким шлепком и заскользило по полу. А позади него в лапах моей хранительницы визжал и корчился демон. Его зубы сомкнулись у нее на шее. Когти били ее по спине. Она взвыла, но продолжала держать его, мотая головой, разрывая на куски бьющегося в агонии демона, пока не

полилась и не заклубилась на полу похожая на дым кровь. Через несколько секунд кровь рассеялась. Вместе с демоном.

Я бросила взгляд на человека, напавшего на меня. На этот раз никаких сомнений — он был мертв. Безжизненные глаза неподвижно смотрели в никуда.

Повернувшись ко мне, Артемида опустила голову и оскалилась. Из ее груди вырвалось очередное хрипкое рычание. А я-то думала, мы с ней подруги. Однако Рейес тоже повернулся и, чтоб я скисла, сделал то же самое. Мне вдруг стало неловко, как это бывает, когда что-то застревает между зубами. Вот только смотрели они не на меня, а мимо — на что-то у меня за спиной.

Тогда-то я и почувствовала затылком холодную опустошающую ненависть и поняла, что там еще один. Оглянувшись, я увидела пустые глаза мальчишки в толстовке с логотипом «Slipknot». Он был гораздо мельче Халка, но хладнокровная решимость и капающая с подбородка слюна пугали ничуть не меньше. Как только он бросился на меня, Артемида метнулась вперед и стрелой пролетела прямо сквозь него. Буквально вырвав из мальчишки демона, она жестоко растерзала тварь, пока та не сдохла в клубках дыма.

Как только из него «вынули» демона, мальчишка упал и свернулся в клубок. И я его узнала. Это был пацан с моего заднего сиденья. Тот самый, которого я приняла за призрака. Сейчас светлые волосы были взъерошены и покрыты грязью. А голубые глаза почему-то казались темнее. Неужели демон, завладевший его телом, вытолкнул его душу? Может быть, им обоим там места не нашлось.

Я изумленно моргала, пока Рейес не поднял меня с пола. Опять. Меня уже начинало доставать, что сын Сатаны таскает меня, как ему вздумается, но сил слишком уж возражать не было. Он снова потащил меня к выходу.

— Погоди, — сказала я, на этот раз сопротивляясь, хоть и безуспешно. — Забери мальчишку.

— Нет.

Призвав на помощь все свое упрямство, я уперлась ногами, извернувшись и освободилась от Рейеса. Он остановился и зло уставился на меня.

— Прекрасно. Можешь испепелять меня взглядом и хмуриться, сколько влезет. Я с этого склада без мальчишки не уйду. — Рейес только сложил на груди руки, поэтому я добавила: — Он был одержим. Он всего лишь невинный мальчик.

Ко мне подбежала Артемида и игриво залаяла. Я присела и потерлась об нее носом, потом снова взглянула на Рейеса, вдруг осознав, что на него она даже не пыталась напасть.

— Почему они выбирают таких, как он?

— У них свои причины. Те же, по которым тебе надо как можно скорее отсюда уехать.

— В него могут опять вселиться? Могут снова за ним прийти?

Рейес задумчиво оглянулся.

— Возможно.

Я помчалась к мальчику, присела и убрала светлые волосы с грязного лица. За мной увязалась Артемида и попыталась лизнуть его в нос. А когда поняла, что не получается, понуро уселась рядом с ним.

— Как нам удостовериться, что они за ним не вернуться?

Рейес подошел к нам и тоже присел, проверяя пульс парнишки. И Артемида никак на это не отреагировала.

— На освященной земле они его не тронут, — сказал Рейес. Артемида потянулась к

нему и лизнула в руку.

— Серьезно? — спросила я, удивляясь и его словам, и поведению Артемиды. А я тут, видите ли, переживала, что раз уж он сын Сатаны, то она обязательно попытается перегрызть ему глотку. — Ты имеешь в виду церкви и кладбища?

— Да. — Он почесал Артемиду по ушам, потом перевернул мальчишку на спину и приподнял ему веки. — У него шок.

— Нужно забрать его в безопасное место, — я коснулась руки Рейеса, — пожалуйста.

Артемида заскулила, будто тоже просила его помочь.

С явной неохотой Рейес наклонился и поднял мальчишку на руки. Тот вовсе не был совсем уж маленьким, но Рейесу, похоже, не составило никакого труда подняться на ноги с шестнадцатилетним подростком на руках. Артемида взволнованно залаяла, в последний раз ткнулась в меня носом и испарилась туда, откуда пришла, нырнув прямо в пол у нас под ногами. Где, елки-палки, она торчит, когда ее нет рядом?

Я оглянулась на соперника Рейеса, в котором тоже похозяйничал демон, и на меня накатило чувство вины. Он точно так же случайно попался им под руку.

— Его не возьмем, — сказал Рейес, пинком открывая дверь.

Большинство машин разъехались. И, слава богу, закончился дождь. Я шла рядом, внимательно следя за парнишкой.

— Кого?

— Мужика на складе. Твоего сочувствия он не стоит.

— Но ведь он невинный. — Я побежала вперед и открыла пассажирскую дверь.

— Ничего подобного. Подвинь кресло.

Я заметила, что нематериальной сущности парнишки на заднем сиденье не было. Он вернулся в собственное тело? Неужели все именно так и происходит? Я подвинула переднее сиденье, и Рейес положил мальчишку на заднее.

— Ключи.

— Минуточку. Куда ты собираешься нас везти?

— Подальше отсюда. Давай ключи и садись.

— Спасибо, но я и сама могу за рулем сидеть.

— И что будет, если он снова станет одержимым, пока ты едешь по шоссе?

Я бросила ему ключи:

— Коробка передач немного заедает.

Он сел за руль как раз в тот момент, когда с востока послышались сирены. Миновав мокрую парковку, мы поехали на запад, свернув на Вторую улицу.

— Куда мы его везем? — спросил Рейес.

— Я знаю, где его приютят на первое время. Там разберутся, что делать. Нам нужно попасть на Централ, а дальше бери на восток.

Только когда сирены остались позади, я вспомнила, что мы бросили на складе Элейн Оук, и задумалась, надо ли о ней напоминать. А потом решила, что пора бы уже перестать потакать собственной мелочности. В конце концов, Элейн могла угрожать опасность.

— Мы забыли там твою подружку.

Уголок рта Рейеса безразлично приподнялся.

— И только что сбежали с места преступления, — с тем же безразличием пожал плечами он.

Я вдруг осознала, что наделала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не могу просто взять и сбежать с места преступления.

— На этот раз можешь.

Я оглянулась.

— Может быть, нам стоит вернуться. Им наверняка захочется узнать, от чего умер тот человек.

По-моему, Рейесу и на это было наплевать.

— У тебя проблемы с деньгами?

Последнее, что мне хотелось бы обсудить, — это мои финансовые затруднения. Я бы с охотой поговорила о демонах, одержимости и о том, как невинные дети стали пешками в войне, о которой когда-то предупреждал меня Рейес. Но решила усыпить его бдительность. Может быть, если я буду сотрудничать, он расскажет больше.

— Я выехала из офиса, — ответила я, пытаюсь заглушить боль от предательства папы. Хотя Рейес все равно это почувствует. — И еще не оправилась от несчастного случая.

— То, что сделал с тобой Уокер, ты называешь несчастным случаем?

— Мне так проще, так что да.

Мне не нравилось вплотную задумываться о том, что Эрл Уокер издевался надо мной намеренно. Он пришел ко мне с двумя целями: допросить под пытками, а затем убить. Но словосочетание «несчастный случай» как будто упрощало произошедшее, превращало во что-то, с чем можно жить.

Рейес крепче сжал руль.

— Мне очень жаль, Датч. Я и подумать не мог, что он к тебе придет.

Надеясь уйти от разговора, я сложила на груди руки и подозрительно глянула на него:

— Пытаешься заговорить мне зубы, чтобы не оплачивать счет?

Еще чуть-чуть, и он бы улыбнулся.

— Как ты насчитала миллион?

Я оборвала выбившуюся из кофты ниточку.

— Добавила текущие расходы к моей обычной таксе и округлила.

Бросив на меня быстрый взгляд, чтобы не отрываться надолго от дороги, он спросил:

— Хреново у тебя с математикой, да?

Видимо, мы оба были не против сменить тему, поэтому я решила задать вопрос, который не давал мне покоя:

— Почему ты с ней живешь?

Он посмотрел на меня, и встречные огни проезжающей мимо машины осветили его лицо, отразившись в богатой глубине карих глаз.

— Потому что она предложила.

— Ты мог бы жить у Амадора с Бьянкой, — сказала я, вспомнив о единственных, как мне казалось, верных друзьях Рейеса.

Он снова смотрел на дорогу.

— Я мог бы жить с тобой.

— Вот это вряд ли, — фыркнула я, хотя сама мысль была до смешного приятной и тут же отозвалась искрами в нижней половине моего тела. Раз уж мы вышли на дорожку вежливости, я призналась: — Я рада, что ты на свободе.

— Докажи, — отозвался он с умопомрачительной ухмылкой.

Я с трудом подавила кульбит в животе.

— У меня дома идет инвентаризация. Не заставляй меня снова тебя искать. И мы приехали, — я показала на здание, стоящее под прямым углом к самой старой церкви в Альбукерке. Вывеска гласила: «Сестры Непорочного Креста».

— Ты хочешь оставить его в женском монастыре? — спросил Рейес.

— Здесь освященная земля. — И они его примут. Я оглянулась на мальчишку. Разве может быть иначе?

Притормозив перед зданием, Рейес проехал чуть дальше и остановил Развалюху. Вход в монастырь освещался одной-единственной лампочкой. Вместо того чтобы сразу выйти, я повернулась к своему водителю и по совместительству самому крутому в мире обогревателю.

— Мне нужно знать больше, Рейес. Раз уж на меня открыли охоту, я имею право знать, что происходит.

Он заглушил двигатель и уставился в окно.

— Я пытаюсь выяснить, как и почему.

— Замечательно. Мне хватит простых ответов на вопрос «Что?».

Рейес промолчал, поэтому я выбралась из машины и подвинула сиденье вперед. Пусть позже, но мы обязательно все обсудим.

Парнишка по-прежнему был без сознания, но пошевелился. Рейес вышел и обошел машину, и тут меня осенило: я ведь забыла о самом главном.

— Я кое о чем хотела тебя спросить. Сегодня утром, когда я видела тебя у папиного бара, тебе кто-то помахал.

Рейес прислонился к заднему крылу Развалюхи и сложил на груди руки.

— Иногда такое случается. Мы живем в странном мире.

— Да нет, не об этом речь. Ты же был там? В физическом теле?

— Почему ты спрашиваешь? — спросил он, переступив с ноги на ногу, словно ему было неловко.

— Потому что ты испарился. Дематериализовался. Весь, целиком.

На его чувственных губах заиграла зловещая усмешка.

— Датч, ты же знаешь, что это невозможно.

— Но...

Парнишка опять пошевелился. Я посмотрела на него. На светлые волосы, упавшие на красивое лицо. На длинные ресницы и резко очерченные скулы, говорящие о силе характера. Никаких сомнений — быть ему сердцеедом.

С благодарной улыбкой я оглянулась на Рейеса, но его уже не было. Я покрутилась туда-сюда, обошла Развалюху. Но он испарился. Растворился, как дым в воздухе.

Да что ж это такое!

(1) Фраза Джона Леонарда Суайгерта — пилота командного модуля космического корабля «Аполлон 13», единственного из летавших на Луну пилотируемых кораблей, на котором в полёте произошла серьёзная авария. Вошла в речевой обиход как метафора со значением «сложность, неприятность», стала идиомой.

Счастья мне мало. Требую эйфории!

Надпись на футболке

Очевидно, Рейесу не хотелось отвечать на мои вопросы. Хотя не стоит забывать, что мы все-таки в святом месте. Вдруг он не может находиться на освященной земле? Но опять же, неужели он действительно умеет дематериализоваться в физическом теле? Одна только мысль об этом совершенно сбивала меня с толку.

Я залезла в джип к парнишке и убрала волосы с его лица. Он дернулся, очнулся и отшатнулся от меня — явно был смущен и напуган одновременно.

— Все хорошо, — я подняла руки, показывая, что не причиню ему вреда. — С тобой все в порядке, но мне нужно отвести тебя туда.

Он дико озирался и каждый раз, когда натыкался взглядом на меня, щурился, как от яркого света. Я обалдела, осознав, что он такой же, как Пари. Он видел, как я сияю, и это определенно его тревожило. Потянувшись через переднее сиденье, я нащупала свои солнцезащитные очки.

— Должно помочь. — Парень их и не подумал взять, поэтому я развернула дужки и нарочито медленно надела на него очки. Он весь напрягся, но не шелохнулся. — Так лучше?

Он огляделся, потом снова настороженно уставился на меня.

— А, ну да. Это мой джип, Развалюха. А я Чарли, — сказала я и тут же об этом пожалела.

С чего вдруг мне пришло в голову знакомить пацана с машиной, в которой, как он наверняка думает, его похитили? Все равно что познакомить Иону с китом (1) после всего случившегося и надеяться, что они станут закадычными друзьями.

— Развалюха тут ни при чем, честное слово.

— Почему я здесь? — спросил парнишка, и до меня дошло, почему он мне не отвечал. Он пользовался не голосом, а руками.

— Ты глухой? — показала я знаками.

Похоже, он удивился.

— Да.

— Ясно. В общем, я Чарли, — продолжила я. Чтобы показать собственное имя, пришлось потратить аж несколько секунд. Я вдруг страшно обрадовалась, что родилась, зная все известные человечеству за всю историю существования мира языки. В том числе и жестовые во всем их многообразии.

— Здесь есть кто-то еще? — спросил парнишка, и я недоуменно нахмурилась. — Ты назвала еще чье-то имя.

— Ну да, — смутилась я. — Я знакомила тебя с джипом. — Я махнула рукой, показывая все и сразу. — Ее зовут Развалюха.

— Ты дала имя машине?

— Ага. И не спрашивай, пожалуйста, чему еще. Ты еще слишком молод.

На его губах появился едва заметный намек на улыбку.

— Меня зовут Квентин, — показал он по буквам, потом поднял левую руку и к внешней стороне запястья прикоснулся большим и указательным пальцами правой (2), показывая знак своего имени на языке жестов.

— Приятно познакомиться, — изобразила я, и, отдавая дань традиции, он ответил тем

же, хотя я сильно сомневалась, что он это всерьез. — Я привезла тебя сюда, потому что здесь безопасно. Ты помнишь, что с тобой произошло?

Квентин отвел взгляд.

— Немного.

Вот гадство. Ему определенно понадобится мозгоправ.

Я подождала, пока он снова не повернется ко мне, а потом сказала:

— Это снова может случиться. — Он застыл, меня ударило волной страха, и я поспешила добавить: — Мне очень жаль. Но мы должны попасть в здание. Там ты будешь в полной безопасности.

Он подался вперед, чтобы выглянуть на улицу.

— У тебя есть родные в Альбукерке?

— АБК? — переспросил он, не узнав аббревиатуру.

Пришлось показать название целиком. Целый подвиг.

— Да. Ты в Альбукерке, штат Нью-Мексико.

Отразившийся на его лице шок в комментариях не нуждался.

Я положила руку Квентину на плечо, давая ему время переварить информацию, а потом спросила:

— Откуда ты?

Придя в себя через несколько секунд, он ответил:

— Вашингтон, округ Колумбия.

— Ого, далековато от дома тебя занесло. Ты помнишь, как сюда добрался?

Он отвернулся, пряча выступившие на глазах слезы. Я приняла это за отрицательный ответ. Наверное, в него вселился демон еще до того, как уехать из Вашингтона.

— Я могу связаться с твоей семьей. Сообщить, что с тобой все в порядке.

Квентин закрыл лицо рукой, и мне на сердце тяжелым одеялом упало горе. Я снова положила ему руку на плечо. Погладила, утешая. Ему не нужно было ничего говорить, я и без того поняла, что у него нет родных. Может быть, и дома тоже нет.

От тяжести у него на душе мне самой стало трудно дышать. Он ведь совсем один. Да еще и не понимает, что происходит.

— Вы собираетесь заходить? Поздно уже.

От неожиданности я подскочила и увидела рядом с Развалюхой сестру Мэри Элизабет. У меня в груди буйным цветом расцвел благоговейный трепет.

— Вам ангелы сказали, что мы приедем?

— Нет, я увидела вас из окна.

— А-а. — А вот это уже не так интересно.

— К тому же ангелы ничего мне не говорят. Я всего лишь немножко подслушиваю их разговорчики.

— Точно. Я и забыла.

Уговорив Квентина выйти из Развалюхи, я представила его сестре Мэри Элизабет и еще трем сестрам, которые вышли поздороваться с нами. Они столпились вокруг него, как курицы-наседки, проверяя царапину на лице и серьезный порез на запястье. Я чуть не умерла от счастья, когда оказалось, что двое из них знают амслен (3). С ним все будет в порядке. По крайней мере, на какое-то время.

Нас проводили в монастырь, угостили супом (который оказался куда лучше привкуса рвоты, все еще стоявшего у меня во рту) и горячим шоколадом, а потом меня стали

забрасывать вопросами на тему какво быть ангелом смерти, и на что это похоже, когда через меня проходят люди. Вечеринка продолжалась, пока не появилась мать-настоятельница и не положила конец веселью. Сестра Мэри Элизабет им все про меня рассказала, поэтому неудивительно, что их переполняло любопытство. От меня не ускользнуло, как старательно они обходили тему Рейеса. Им было известно, кто он такой, и какая между нами связь.

Я повернулась к Квентину, который вел захватывающую беседу с сестрой Энн по поводу того, почему у приставки Xbox такая шикарная графика и отличная скорость соединения с интернетом. Сестра Энн оказалась экспертом в области компьютерных игр и напрочь обезоружила застенчивого юношу.

Он снова надел мои очки, чтобы понимать меня.

— Ты не против остаться здесь на какое-то время? — спросила я у него.

— А можно мне остаться с тобой?

— Нет. Тебе нужно находиться на освященной земле. А моя квартира... скажем так, ничего общего со святостью не имеет.

Квентин кивнул и осмотрелся, притворяясь, будто его совершенно не заботит перспектива пожить в доме, битком набитом монахинями. Хотя, на мой взгляд, после всего случившегося он испытывал облегчение.

— Если что-нибудь понадобится, напиши мне эсэмэску, — я протянула ему визитку. — Минуточку, у тебя телефон есть?

Он похлопал себя по карманам куртки и джинсов, а потом с широченной улыбкой достал сотовый. Нажал на несколько кнопок, и улыбка угасла.

— Сдох, — показал он одной рукой.

— Я могу достать тебе зарядное устройство, — знаками предложила сестра Мэри Элизабет, и я чуть не обзавидовалась ее энтузиазму, которому, казалось, ни конца ни края нет.

— Спасибо, — искренне поблагодарил ее Квентин и уже у меня спросил: — У тебя есть знак имени?

Мне стало так стыдно, что я сникла.

— Нет. Никто из моих глухих друзей так и не придумал мне личного знака. Каждый раз, когда я спрашиваю об этом, они отвечают, что все еще думают. Лично мне кажется, они просто не хотят заморачиваться.

— Почему?

— Наверное, потому, что у меня много хороших качеств, и они никак не могут остановиться на чем-то одном, чтобы выбрать мне именно знак.

Он тихо усмехнулся и показал до смешного нечеткими жестами, чтобы я как будто не поняла:

— Люди с нормальным слухом поголовно психи.

— Да неужели? — отозвалась я, горделиво подбоченившись. — Зато глухие запросто говорят с набитым ртом. — Я рассмеялась от этой старой шутки из справочника для глухонемых.

Квентин закатил глаза, и я воспользовалась шансом его обнять. Поначалу он застыл, а потом так крепко обнял меня в ответ, будто от этого зависела его жизнь. Мы обнимались, пока не расслабились его руки. Я чмокнула его в грязную щеку, и он тут же опустил голову со свойственной ему застенчивостью, которая мне казалась беспрдельно милой.

— Я скоро вернусь, лады?

— Погоди, — вдруг занервничал он. — Монахини едят бекон? Я очень-очень люблю бекон.

Чтобы привлечь его внимание, сестра Мэри Элизабет похлопала его по руке:

— Я обожаю бекон. Приготовлю на завтрак, идет?

Он кивнул и спокойно пошел с сестрами, взволнованными миссией его защитить. Они собирались показать ему жилые помещения, где он сможет помыться и переодеться в чистую одежду. Похоже, он успокоился и был признателен за то, что его здесь приняли. Поэтому я тоже успокоилась и была признательна сестрам за гостеприимство. А еще я с уверенностью могла сказать, что он понравился матери-настоятельнице. Когда она заглянула ему в глаза, что-то глубоко внутри нее шевельнулось. Что-то теплое и материнское. Интересно, какие воспоминания всколыхнулись в ней, когда она увидела Квентина?

Как только все разошлись, я пришила сестру Мэри Элизабет к стулу своим фирменным взглядом, от которого, по идее, кто угодно занервничает. Только она, казалось, совсем не нервничала, если судить по слегка рассеянному взгляду. Мне с моим синдромом дефицита внимания такой взгляд хорошо знаком.

— Я знаю, о чем вы хотите меня спросить, — заявила она, как всегда, опережая меня на шаг.

— Прекрасно, тогда мне не придется спрашивать. Что вы слышали?

Суперсила сестры Мэри Элизабет заключалась в способности слышать ангелов. В буквально смысле. Она как будто прослушивает их телефонные разговоры, только без жучков. Именно так она и узнала обо мне, Рейесе и Артемиде. Она годами подслушивала, как о нас говорили высшие существа. Мне оставалось только диву даваться, о чем конкретно они разговаривали. Я вовсе не такой интересный человек, как хотелось бы.

Опустив голову, сестра уставилась в чай. Не похоже на нее. Наверное, стоит ждать плохих новостей.

— Они нашли способ вас выследить.

Вот оно что. Ну, не так уж плохо.

— Кто? Демоны?

— Да, падшие. Они разработали новый план.

— Они вселяются в людей, — сказала я, кривясь от отвращения. — Это и есть их великий план? Отбирать жизни? Разрушать их? В того мальчишку какой-то демон вселился без всякой причины.

— У них была причина. — Она подвигала по столу несколько просыпавшихся сахаринков. — Они вселяются только в тех, у кого есть дар воспринимать потусторонний мир. В ясновидящих.

Я посмотрела на дверь, через которую вышел Квентин.

— То есть Квентин ясновидящий?

— Ага, вполне.

— Круто, но я-то тут причем? И разве ясновидение не означает способность видеть будущее?

— Необязательно. Этим термином называют всех людей, кто видит больше других. Тех, кто видит потусторонний мир. Некоторые из них с этой способностью рождаются. А некоторые приобретают ее другими способами. Например, оказавшись на волосок от

смерти.

Я подумала о Пари. В детстве она чуть не умерла, и с тех пор видит призраки.

— Но почему они выбирают таких людей? Чего хотят добиться?

— Потому что зачастую эти люди видят ауры.

— Ясно, — сказала я, хотя до сих пор ничего не понимала.

— Если они смогут видеть ауры, — сестра положила ладонь мне на руку, — они смогут увидеть вас.

Я мысленно отвесила себе подзатыльник. Иногда я поразительно торможу.

— Ну конечно! Это объясняет, зачем им понадобился Квентин. Он видит свет вокруг меня.

Надо будет повидаться с Пари, убедиться, что с нашей последней встречи никто в нее не вселился.

— Вот так они и смогут вас выследить. А если верить последним разговорам, то демоны все ближе и ближе. Потому-то вам и послали хранителя. Артемиду. Ангелы знали, что это произойдет.

Черт возьми. Так и знала, что на то есть какая-то жуткая причина, полная мрака и обреченности. Не могли мне послать Артемиду в качестве запоздалого подарка на новоселье.

— Они могут причинить ей вред? — вдруг встревожилась я. — Могут демоны причинить вред Артемиде?

— Не знаю. Не слышала. — Она откашлялась и взяла мою чашку. — Хотите еще чаю?

— Конечно, спасибо, — рассеянно отозвалась я.

Собрав наши чашки, сестра Мэри Элизабет поднялась сделать нам еще чаю, и в этот момент в кухню вошла мать-настоятельница и села за стол, наградив меня своим, по-видимому, лучшим презрительным взглядом.

Я улыбнулась. В деталях насладилась мастерством того, кто делал для них мебель. Постучала пальцами по столу. Посмотрела на часы. Точнее на голое запястье, где были бы часы, не забудь я их.

— Знаете, — наконец нарушила воцарившуюся тишину мать-настоятельница, — мне понадобилось немало времени, чтобы... — она помолчала, подбирая подходящие слова, — ...чтобы поверить в способности сестры Мэри Элизабет.

Ну, класс. Зуб даю, речь пойдет обо мне и полной коробке из-под обуви, набитой моими грехами.

— Понимаю, — сказала я таким понимающим тоном, какой только сумела изобразить. — Чтобы поверить в мои способности, людям тоже нужно немало времени. В этом нет ничего страшного.

— Вообще-то, есть. Ее послал нам Господь, а я в этом сомневалась. Подвергла сомнению Его дар. Придет время, и мне придется ответить за свой проступок.

Мне показалось, это слишком сурово.

— Не думаю, что грешно пользоваться логикой и человеческими инстинктами.

Она улыбнулась, и улыбка ее была скорее снисходительной, чем одобрительной.

— По ее словам, близится великая и ужасная война.

— Верно, — кивая, с энтузиазмом подтвердила сестра Мэри Элизабет, снова садясь за стол и протягивая мне чашку свежего чая. — И разгорится она от рук самозванца.

— Самозванца? — переспросила я, но мать-настоятельница положила ладонь на плечо

сестры Мэри Элизабет, призывая ее к молчанию. — Да ладно! — воскликнула я, переводя взгляд с одной на другую. — У вас есть информация, которая может оказаться для меня полезной, а вы не собираетесь ею поделиться?

— Это не в нашей власти, — заявила мать-настоятельница. — Эти сведения священны. Нам дали их, чтобы мы могли молиться.

— Я тоже могу молиться, — оскорбилась я, — только скажите о чем. Я внесу молитвы в список дел.

Ледяные манеры женщины слегка оттаяли, и в уголках губ затеплилась едва заметная улыбка.

— Молитвой нужно жить, а не вносить ее в список дел между походом по магазинам и стиркой.

Гадство. Она права.

— Но ведь речь идет о моей жизни.

— Как и о жизни и спасении каждого на Земле. Вам предназначено сыграть свою роль. Нужно только решить, какую именно.

— Загадки? — не впечатлившись ее речью, поинтересовалась я. — И это все? Вы предлагаете мне разгадывать загадки?

В огромных глазах сестры Мэри Элизабет, молча наблюдавшей за нашим разговором, горела пылкость, свойственная только чистой наивности. Она была похожа на ребенка, смотрящего по телику любимый субботний мультфильм.

Чудесно. Значит, все самое интересное они приберегут для себя.

— Можете вы хотя бы сказать мне, на что я способна?

Сестра удивленно ахнула:

— На все, что только придет вам в голову.

— Ну, не знаю, — я очень старалась не казаться разочарованной. — Мне в голову всякое может прийти.

Мать-настоятельница погладила свою протеже по руке и сказала материнским, заботливым голосом:

— Пора спать.

Другими словами, мне указали на дверь. Сестры пообещали приглядывать за Квентином, пока для него не станет безопасно выходить во внешний мир. Это хорошо, но им было известно больше, чем мне. Я старалась не поддаваться обиде. Не так чтобы очень старалась, но крошечное усилие приложила, пока не сдалась окончательно и не разбиделась к черту на все человечество целиком. Уж не знаю почему. К счастью, когда я добралась до Развалюхи, промокнув до нитки (оказалось, что дождь пошел заново), все прошло.

Я позвонила Куки. Она знала, куда я поехала, и сейчас наверняка места себе не находила от беспокойства. Или пребывала на краю безумия от похоти. Так на нее действует Рейес. Подозреваю, что так он действует на большинство девушек.

— Ну? — спросила она, подняв трубку.

— Как думаешь, мы действительно одни во вселенной?

— Тебя опять похитили инопланетяне?

— Слава богу, нет. Одного раза мне хватило.

— Буду знать. Так что там с Рейесом? Ты его видела?

— Видела. Ругалась. Блевала.

— Тебя рвало?

— Да.

— На Рейеса?

— Нет, но только потому, что в тот момент я до этого не додумалась. Я еду к Пари повидаться с Харпер, потом домой. Не зря же я лифчик надела.

— Чудесно. Тогда у тебя есть несколько минут, чтобы все мне рассказать.

Я подумала о том же. В самых кратких по возможности фразах я рассказала ей обо всем, что произошло. До Пари было не так уж далеко, чтобы вдаваться в подробности. И краткость — сестра таланта. К тому моменту, как я добралась до салона, в моем теле трепетала каждая клеточка. Похоже, рассказывать о Рейесе — все равно что видеть его вживую. Как может мужчина быть таким нечеловечески прекрасным? Наверное, все потому, что он не человек. Кажется, одно его присутствие вызывает сдвиги в моем пространственно-временном континууме. Рядом с ним я чувствую себя дезориентированной. Выведенной из равновесия. И возбужденной. Очень возбужденной.

— А что со счетом? — поинтересовалась Куки полным надежды голосом.

— Я сказала ему, чтобы прислал нам чек.

— Чек? — потрясенно переспросила она. — А не может он натурой отработать все, что нам должен?

— Возможно, но мне он должен куда больше, чем тебе. Думаю, тебе он должен доллара два.

Ее голос стал глубоким и хриплым:

— Я на многое способна за два доллара. Шли его сюда — я докажу.

Временами она меня пугает. Я нажала «отбой», пообещав, что как можно скорее почищу зубы, чтобы не вонять рвотой. Однако мои мысли снова и снова возвращались к текущей проблеме. Хотя скорее — к проблемам. Во множественном числе. Они вернулись. Демоны во всей своей красе. И у них есть план. Иногда я тоже составляю планы, но, как правило, не включаю в них мировое господство. Другое дело — хот-доги на гриле. Или, скажем, текилу.

Поискав место, я припарковалась позади тату-салона прямо под знаком «Стоянка запрещена». Указаний, кому конкретно запрещена, на нем не имелось, и я решила, что вряд ли речь идет обо мне. Я быстренько метнулась к двери под дождем, но все равно опять насквозь промокла. Мне очень хотелось пожаловаться Пари и Тре, но оба были заняты извлечением мучительных стонов из клиентов, поэтому я не стала им мешать и сразу направилась в импровизированную спальню для гостей. Стоило мне войти, Харпер, которую, кажется, очень интересовали обои Пари, тут же вскочила на ноги.

— Что-нибудь узнали?

— Негусто. Как ты тут? — Я села на диван и жестом предложила ей присесть рядом со мной.

Она села, впрочем, неохотно.

— Все хорошо.

— Сегодня я говорила с твоей мачехой. Почему ты не сказала мне, что все это началось, еще когда ты была ребенком?

Смутившись, она снова встала и отвернулась от меня.

— Я думала, вы мне не поверите. Мне никто не верит, тем более когда я рассказываю все от начала до конца.

— Вот что я тебе скажу, — проговорила я, прекрасно понимая, как она себя чувствует. — Ты пообещаешь доверять мне, а я пообещаю доверять тебе, ладно?

— Ладно.

Мне наконец удалось уговорить Харпер снова сесть, но она спряталась за завесой длинных темных волос.

— Ты можешь рассказать мне, с чего все началось?

— Не знаю. Не помню.

— Твоя мачеха говорит, все началось сразу после того, как она вышла замуж за твоего отца.

Закатив глаза, Харпер повернулась ко мне:

— Она всегда так говорит. Ведь все крутится вокруг нее и их женитьбы. Все это просто не может иметь никакого отношения ко мне и к тому, что надо мной издевались почти всю мою жизнь. — Она расстроено обняла себя.

Мне понравился мимолетный проблеск настоящей Харпер. Эта Харпер была бойцом Энергичной и способной постоять за себя женщиной. Я и так это знала, учитывая, что ей отравлял жизнь какой-то психопат.

Я одобрительно улыбнулась:

— Уже лучше.

— Что? — спросила она, сдвинув красивые брови.

— Не обращай внимания. Почему бы тебе не рассказать мне свою версию истории?

Она глубоко вздохнула, прислонилась к спинке дивана и начала:

— Я действительно не помню. Они поженились. Да, мне это не понравилось, но ведь мне было всего пять. Мало ли, что мне нравилось и не нравилось. У них начался медовый месяц, они уехали, а я осталась с мамиными родителями в Боск-Фармсе (4). — Она снова посмотрела на меня. — Это были мои родные бабушка и дедушка, по маме, и они были замечательные. Потом мы вернулись. Тогда-то все и началось. Сразу после медового месяца.

Я достала блокнот из сумки и начала делать пометки. Мне казалось, именно этим сейчас и надо заниматься.

— О'кей. Расскажи мне в подробностях, с чего все началось. Какие воспоминания были самыми первыми?

Харпер пожала плечами:

— Я столько раз проходила через это с психотерапевтами, что уже не уверена, какие события происходили на самом деле, а какие я навдумывала. К тому же это было очень давно.

— Ну, ты осознаешь, что некоторые твои воспоминания могут быть навязаны врачами. Это меня радует. Такие воспоминания могут быть «подделаны» твоим разумом, который пытался справиться с обстоятельствами. Но давай допустим, беседы ради, что нет. И все, что ты помнишь, происходило в действительности. Что тогда ты мне можешь рассказать?

— Ну, хорошо. Тогда... все началось с того, что я нашла в постели мертвого кролика.

— Настоящего мертвого кролика?

— Да. Однажды утром я проснулась, а он лежал у меня в ногах.

— Что было дальше?

— Я закричала. Прибежал папа. — Она глянула на меня и отвернулась. — Он его убрал.

Харпер снова вошла в режим «доктор-пациент». Переживала, что я о ней подумаю, как истолкую любой ее жест.

— Все ясно, Харпер. Папа пришел к тебе на помощь. Может быть, ты пыталась таким образом привлечь его внимание? Этому тебя годами учили твои врачи? Тому, что тебе просто-напросто не хватало внимания отца?

Она поникла.

— Вроде того. Может быть, они были правы.

— Я думала, у нас договор. — Когда она снова посмотрела на меня, я продолжила: — Мы же согласились допустить, что ты ничего не выдумывала и не выдавала нарочно за правду. — Я подалась к ней. — Что ты не сумасшедшая.

— Но это кажется разумным.

— Еще бы. Как и зарядка по утрам. Ты можешь представить, как я делаю зарядку? Нет? И, если тебе станет легче, я могу лично тебя проанализировать. Рассказать, с какого потолка ты взяла эти выводы. В психологии я, конечно, полный ноль, зато квалификации у меня хоть отбавляй.

За завесой темных волос я разглядела робкую улыбку.

— Я понимаю, как ты себя чувствуешь. В свое время меня анализировали вдоль и поперек. Не профессионально. Просто я встречалась с одним повернутым на психологии чуваком, который утверждал, что у меня проблемы с вниманием. То есть мне показалось, что именно так он и сказал. Я тогда не обратила внимания на его слова. Так на чем я остановилась? — Харпер не отвечала аж приблизительно семь двенадцатых секунды, поэтому я просто вынуждена была продолжить свой спич: — Короче говоря, я пытаюсь тебе сказать, что...

— Что вы еще более сумасшедшая, чем я? — От веселой широкой улыбки у Харпер даже сморщился носик.

Я рассмеялась:

— Ага, типа того. Так... выяснилось, откуда взялся кролик?

— Нет. Папа сказал, что его притащил пес, но пса в дом никогда не пускали.

— Можешь описать кролика? Ты видела кровь?

Она задумчиво сдвинула брови, а потом у нее на лице мелькнул страх.

— Никто никогда меня об этом не спрашивал. Больше двадцати пяти лет прошло, но никто не спрашивал меня о том кролике.

— Харпер...

— Нет. Извините, нет, никакой крови не было. Ему свернули шею.

— Ясно. — Мне показалось, что она мысленно проводит какие-то параллели. Интересно, последний ее ответ все еще касался кролика? Я молчала, давая ей время обдумать то, что было у нее на уме, а потом спросила: — Что было дальше? Почему ты решила, что кто-то пытается тебя убить?

Харпер моргнула и покачала головой:

— Ох, ну, ничего особенного. Так, небольшие происшествия. Странные, одно за другим.

— Например?

— Однажды мой сводный брат поджег собачью будку. А пес был внутри.

— Поджег будку? Специально?

— Он говорит, это была случайность. Теперь я ему верю, но тогда не верила.

— Почему?

— Потому что в ту же ночь загорелось мое электроодеяло (5).

— Когда ты была под ним, — догадалась я.

Она кивнула:

— Когда я была под ним.

Что ж, ублюдочный сводный брат только что занял первую позицию в списке подозреваемых.

— Но так всегда происходило: по два события за раз.

— В смысле?

— Через неделю после того, как я нашла в постели мертвого кролика, у меня был день рождения. Пришла сестра моей мачехи с двумя своими кошмарными детьми. — Харпер передернуло от отвращения. — Они были ужасно агрессивными. В общем, она подарила мне кролика. Белого игрушечного кролика, как две капли воды похожего на того, которого я нашла у себя в комнате. Только кто-то проделал маленькую дырочку у него на спине и вытащил набивку так, что голова у него свисала набок.

— Как будто ему свернули шею.

— Точно.

Какое чудесное семейство. Почему-то мне не хотелось упоминать о кролике, которого я нашла у Харпер в кухне. Это мог быть тот самый кролик. Или новый, засунутый в шкафчик совсем недавно. Так или иначе, я опасалась, что, упомянув о нем, потеряю внимание Харпер.

— Все смеялись, — продолжала она, — когда увидели, как я расстроилась. А тетя держала кролика передо мной, поворачивая его то в одну, то в другую сторону, чтобы у него дергалась голова. У нее был такой противный смех... как двигатель у реактивного самолета, когда тот идет на взлет.

— И тебе было пять? — уточнила я, испытывая чистейший ужас.

Харпер кивнула, ковыряя случайный катышек на темно-синем пальто.

— А что в это время делал твой отец?

— Работал. Он всегда занят работой.

— Понятно. Что еще происходило?

— Всякая странная мелочь. Пропадали драгоценности. Или каждое утро целую неделю я находила свою обувь с завязанными в узлы шнурками.

То есть то, что вполне можно принять за дурацкие шуточки дурацкого брата.

— А потом я стала видеть кого-то по ночам в своей комнате.

— Жуть какая.

— Еще бы.

— И ты так и не узнала того, кто приходил?

Харпер покачала головой:

— Нет. Но все было не так плохо, пока мне не исполнилось семь. Брат подарил мне пластмассовое кольцо в виде паука. — Она застенчиво улыбнулась. — Нам с ним нравились пауки, жуки, змеи и все такое.

— Пауки клевые, пока уважают личное пространство, — согласилась я. — То есть мое личное пространство. Но почему мне кажется, что это еще не конец истории?

— В ту ночь, сразу после того, как он подарил мне кольцо, меня во сне трижды укусили паучата черной вдовы (6). Двух нашли у меня в пижаме.

— Кто-то мог подсунуть их тебе, пока ты спала.

— Именно.

— Думаешь, это дело рук твоего брата?

— Я долго размышляла об этом. Поначалу мы с ним не были близки, тем более после

сгоревшей будки. Но со временем научились любить друг друга. В нашей семье он был единственным, кто мне верил. Он всегда был на моей стороне, даже если это означало поссориться с мачехой. Это приводило ее в бешенство.

— Представляю.

И я не врала. Мачеха Харпер очень сильно смахивала на мою. Разве что моя никогда не совала мне в постель ядовитых пауков и не поджигала мое электроодеяло. Было время, когда мне казалось, что она пытается поджарить мой мозг пультом от телика, но тогда я три дня подряд смотрела «Сумеречную зону», почти не спала и переборщила с кофе. И мне было четыре.

— И так всю жизнь? — спросила я.

— Да. Я постоянно находила мертвых мышей в комнате или мертвых жуков в обуви. Однажды налила себе молока, а пока ставила бутылку в холодильник и намазывала маслом хлеб, кто-то положил в чашку червяка. Как-то вернулась с ночевки у подружки, а все мои куклы побриты налысо. И, конечно же, никто не видел, чтобы кто-то заходил ко мне в комнату. Просто я, как всегда, пыталась привлечь к себе внимание.

Я недовольно поджала губы:

— И что же нам с тобой делать?

Харпер хихикнула, и я обрадовалась, что с моей помощью она видит хоть каплю юмора в ужасной ситуации. Лично мне это всегда помогает. Жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее уж очень серьезно.

Я решила узнать, куда она делась на целых три года. Все-таки три года — это слишком много, чтобы узнать жизнь во всей ее разгульной красе.

— Твоя мачеха мне говорила, что ты на время исчезла.

— Все верно. Когда мне стукнуло двадцать пять, я поняла, что с меня хватит. Предложила им поцеловать меня в зад и уехала. Полностью исчезла. Сменила имя, нашла работу, даже училась на вечерних курсах. Но когда папа заболел, у меня не было выбора. Я должна была вернуться.

— И когда это случилось?

— Месяцев шесть назад.

— А как ты узнала, что твой отец болен?

Харпер опустила голову, выражение ее лица смягчилось от воспоминаний.

— У меня был человек, с которым я созванивалась, — ответила она и сжала в руке край пальто. — Но мачеха моему возвращению не обрадовалась. Первое время я оставалась у них, делала вид, что не замечаю ее гневных взглядов.

— Готова поклясться, наши с тобой мачехи в прошлой жизни были сиамскими близнецами.

— А потом у меня в постели появился еще один мертвый кролик. И я поняла, что по собственной воле вернулась в мертвую петлю кошмара. — Собравшиеся на ее ресницах слезы все-таки сумели проложить себе путь по щекам.

Я дала ей минуту, а потом спросила:

— Извини, что спрашиваю, но кто будет наследником твоего отца, когда его не станет?

Харпер фыркнула:

— Я, конечно. Мачехе и брату отойдет внушительная сумма, но я получу дом и семьдесят пять процентов всех его активов. Это оговаривалось еще до их свадьбы. И она, как я понимаю, подписала брачный договор.

— То бишь если с тобой что-нибудь случится...

— Мачеха с братом получают все.

Так я и думала.

(1) Иона — библейский пророк. Согласно Библии, Иона, испугавшись поездки с проповедями к язычникам, решил уплыть на корабле в Фарсис. Однако в море разыгрался шторм, и команда корабля, на котором плыл Иона, сочтя шторм наказанием Господним, выбросила Иону за борт. Пророка проглотил кит, в утробе которого Иона раскаялся в своих поступках, за что был выпущен китом на берег в Ливане.

(2) Опущенные вниз большой и указательный пальцы правой руки (остальные три поджаты к ладони) — жест, обозначающий букву Q (Quentin).

(3) Амслен — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады.

(4) Боск-Фармс — небольшой городок в округе Валенсия, штат Нью-Мексико.

(5) Электроодеяло — одеяло с подогревом.

Вот чего мне в детстве не хватало)

(6) Чёрные вдовы (лат. *Latrodectus*) — распространённый во всём мире род пауков, известный сильной ядовитостью. Род представлен 31 видом.

Глава 8

В моей семье безумие на троне не сидит. Оно не спеша прогуливается по дому и с каждым знакомится лично.

Надпись на футболке

Уложив Харпер спать, я немножко постояла над душой у Пари и Тре, а потом отправилась домой. Хорошая новость — дождь опять прекратился. Плохая — мои волосы все еще были влажными у корней, зато верхние локоны высохли и завились, отчего я выглядела, как бомж со стажем. Такой вид меня, само собой, ни капельки не радовал. Надо купить кондиционер получше.

Все места на парковке перед моим домом были заняты, поэтому мне пришлось остановиться у задней части папиного бара. Прихватив Маргарет, я вылезла из Развалюхи и вдруг узнала машину, занявшую мое место. Это был джип дяди Боба. Ох, он за этс поплатится. Жизнью. Или двадцаткой. Посмотрим, какое у меня будет настроение.

Еще с лестницы я слышала стук из квартиры в конце коридора. Поднявшись на свой этаж, я посмотрела на закрытую дверь. С тоской. И с любовью. В той квартире самая классная кухня, какую я когда-либо видела. У меня тоже есть кухня, но сравнивать их — все равно что сравнивать «Мону Лизу» с моим рисунком, на котором я когда-то запечатлела

девочку по имени Мона Салас. Голова у нее сидела на левом плече, а сиськи были просто огромными. Мы тогда в садик ходили. Впрочем, мне нравилось думать о том рисунке как об особой форме экстрасенсорного восприятия. Потому что когда у Моны действительно выросли сиськи, там, мягко говоря, было на что посмотреть. Выходит, рисунок — неопровержимое доказательство того, что я вижу будущее.

— Где тебя носило?

Дома меня встретили сердитые глаза дяди Боба. Я ответила тем же:

— Ходила по улицам, выдавая себя за кинопродюсера, чтобы уговорить симпатичных мужиков со мной переспать. А где носило тебя?

Не обратив ни малейшего внимания на мой идеально сформулированный вопрос, дядя Боб протянул мне папку:

— Здесь все, что у меня есть на поджигателя. Он выбирает только старые здания и дома. Но вряд ли так будет продолжаться и дальше.

Не пропустив обеспокоенного взгляда, который мелькнул в его глазах при виде Маргарет, я положила ее вместе с сумкой на барную стойку и взяла папку.

— Придется полистать бумажки, — сказала я и, читая на ходу, пошла в ванную почистить зубы. — Я изучала базовый психологический профиль среднестатистического поджигателя. Ничего впечатляющего там нет. Но раз этот парень начал убивать...

— Не начал, — перебил меня дядя Боб. — Когда загорелось здание, та бездомная женщина уже была мертва. Судмедэксперт говорит, она скорее всего умерла от воспаления легких. За два дня до поджога.

— Ясно. Но ты все еще ведешь это дело? — спросила я, прикусив щетину зубной щетки и продолжая просматривать досье на поджигателя.

— Решил немного покопаться, подсобить, чем смогу. А ты, значит, выходила из дому, — довольным тоном заметил он.

Не обращая внимания на пузыри зубной пасты во рту, я ответила:

— Пришлось. У меня появилось дело.

— Не хочешь рассказать?

Прополоскав рот, я вернулась в гостиную, по-прежнему не отрываясь от документов.

— Ответ отрицательный. Но мне бы хотелось оставить этот вопрос открытым. На случай, если я попаду в беду.

— Значит, ты расскажешь мне все подробности уже к завтрашнему полудню. С отцом разговаривала?

— И снова ответ отрицательный. Похоже, этот парень очень тщательно выбирает здания, которые собирается сжечь. Я так понимаю, махинациями со страховкой тут и не пахнет?

— Ни капельки. Владельцы разные. Страховые компании тоже. Нам не удалось найти ни единого намека, который помог бы как-то связать все эти здания.

— Слушай, — я вдруг вспомнила о новостях, которые попались мне на глаза по телику, — а вы там у себя не в курсе, кто эти «воры-джентльмены»? Ну, те, которые банки грабят?

Дядя Боб весь подобрался, явно заинтересовавшись:

— Нет, а ты?

— Черт, и я нет. Просто они мне показались знакомыми. — Я задумчиво уставилась в потолок. — В смысле без лиц, конечно, телосложением. Зуб даю, где-то я их видела.

Открылась дверь, и в квартиру провальсировала Куки со своей двенадцатилетней дочерью Эмбер на хвосте.

— Если выяснишь, кто они, дай знать, лады?

— Ага.

Куки рассеянно махнула дяде Бобу, едва замечая, что он в комнате. Зато он ее еще как заметил. И пульс, и уровень заинтересованности у него резко подскочили. Либо он по-прежнему без ума от Куки, либо у него сердечный приступ. Я бы проголосовала за первый вариант.

— Здравствуй, Роберт, — поздоровалась она и свалила охапку каких-то продуктов на стойку. — Я собираюсь опробовать кое-что из этих штуковин, пока мы не отослали все обратно. Кто знает, вдруг я потом буду поражаться, как всю жизнь без них жила.

— А что это вообще такое? — спросил он, кивнув на коробки.

Пришел черед Эмбер.

— Привет, дядя Боб, — сказала она и быстренько его обняла. — Все это — способ Чарли справиться с чувством незащищенности и беспомощности. В печальной попытке снова стать хозяйкой своей жизни, она впала в режим накопительства.

— Бога ради, — возразила я, прожигая взглядом дыру в Куки, — ничего я не накопительствую.

— Не смотри на меня, — сказала она, тыча пальцем в плод чрева своего.

— Нам в школе показывали документальный фильм, — заявила Эмбер. — Я многому научилась.

— Сама вижу. Но чтоб ты знала, я вовсе не пытаюсь стать хозяйкой... своей накопительской... печальной... беспомощности.

— Да неужели? — Ее глаза с вызовом сощурились.

— Ужели, — в тон ответила я, стараясь не улыбаться.

— Почему тогда повсюду таскаешь с собой пистолет?

— Почему все третируют Маргарет?

Эмбер подняла одну бровь:

— Потому что раньше ты никогда не носила с собой оружия.

— Раньше меня никогда не подвергали пыткам.

— Об этом я и говорю, — подытожила она, но выражение ее лица смягчилось. Зря я, наверное, упомянула об этом. Думаю, тот факт, что меня пытали меньше чем в пятнадцати метрах от нее, заставил ее немало понервничать. А может, и кошмарами наградил. — Прости, что я так грубо все это на тебя вывалила, — добавила она.

Куки положила руку ей на плечо.

— Нет, — я подошла к Эмбер и взяла ее за симпатичный подбородок, — это я прошу прощения за то, что произошло, Эмбер. Мне очень, очень жаль, что ты тогда была так близко.

Я никогда ей не говорила, что она провела в одной комнате с психопатом бог знает сколько времени, пока не появилась я. Куки я об этом тоже не рассказывала, а у меня никогда не было от нее секретов. Но я представить не могла, как онаотреагирует, если узнает, что мои беды коснулись ее жизни. Ее дочь чуть не убили. И саму Куки, кстати, тоже. Я просто не знала, как ей рассказать.

— Мне жаль, что я не оказалась еще ближе, — пылко проговорила Эмбер. — Я бы его за тебя убила, Чарли.

Я обняла ее, изящную и тоненькую, как тростинку. В Эмбер было больше костей, чем плоти.

— Я знаю. Ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Я не вовремя?

Я подняла глаза на стук и увидела, как в квартиру входит моя сестра Джемма. У нее длинные светлые волосы и большие голубые глаза. Расти с ней было сущим наказанием, потому что то и дело меня спрашивали: «Почему ты не такая симпатичная, как твоя сестра?». Не то чтобы я затаила обиду, но факт остается фактом.

В детстве мы с ней не были особенно близки. Она утверждала, что наша мачеха вовсе не инопланетное чудище, посланное на Землю властями крошечной колонии с седьмого кольца Сатурна. А это убивало на корню возможность возникновения между нами любой связи, в том числе сестринской. Зато теперь Джемма психиатр, и мы можем говорить о том, что наша мачеха — инопланетное чудище из крошечного поселения где-то на седьмом кольце Сатурна, как два взрослых человека. Хотя она по-прежнему мне не верит.

— Привет, Джемма, — поздоровалась Эмбер, перед тем как подойти к моему компьютеру. То есть она попыталась подойти к моему компьютеру. — Прежде чем я засяду за уроки, можно я обновлю статус, Чарли? — Она так и эдак вытягивала шею, чтобы заглянуть за стену из коробок. Надеюсь, компьютер она найдет. Я его не видела уже несколько недель, но он наверняка до сих пор там, где всегда и стоял.

— Конечно, а что напишешь?

— Что мама провела со мной «серьезную беседу», — она изобразила в воздухе кавычки, чтобы подчеркнуть всю серьезность полученной в ходе беседы информации.

Я фыркнула и, вопросительно выгнув бровь, смирila Куки взглядом:

— О пестиках и тычинках, что ли?

— Нет, что ты! — повеселела Эмбер. — Об этом она прочла мне лекцию сто лет назад. — Эмбер была высокой, но я все равно потеряла ее из вида, когда она вошла в лес квадратных деревьев. Однако ее голос слышался из-за коробок громко и ясно. — На этот раз речь шла о том, что все парни на самом деле инопланетяне, посланные на Землю изъять умственные способности из юных податливых мозгов вроде моих. Судя по всему, я буду подвержена опасности воздействия на меня их технических приемов, пока мне не стукнет тридцать семь с половиной.

Куки только бровью повела.

— Твоя мама права, — подал голос дядя Боб, наливая себе чашку кофе. — Я, например, с Плутона.

Положив сумку, Джемма подошла меня обнять. Эту традицию мы ввели совсем недавно. Уже несколько недель я не видела сестру. После истории с пытками она приезжала каждый день, но со временем из-за занятости на работе и якобы имеющейся у нее личной и социальной жизни бурный поток ее визитов превратился в тоненькую струйку.

— Вижу, ты всерьез приняла наш последний разговор. — Выражение лица Джеммы стало строгим. Раньше, увидев его, я бы захихикала, но теперь была только мысленно благодарна за ее искаженное чувство реальности. Можно подумать, я могу принять всерьез хоть что-то из того, что она говорит. Для этого мы слишком давно состоим в родстве. — Думаешь, тебе уже достаточно бытовой техники?

— Мы над этим работаем, — сказала Куки, пока дядя Боб стискивал Джемму в своих фирменных медвежьих объятиях.

— Точно-точно, работаем, — подтвердил он.

— Что ж, это хорошо. — Джемма прошла в кухню посмотреть, чем занимается Куки. —

Я приехала узнать, как ты тут, — сказала она мне.

— Ну, хм-м, спасибо.

— Как ты спишь?

— К сожалению, в одиночестве.

— Я не об этом. Ты вообще спишь?

Наверное, я могла бы описать ей, как брожу ночами по квартире, будто наркоман-параноик, проверяю и перепроверяю замки, сто раз смотрю, закрыты ли окна и плотно ли заперта дверь. Могла бы рассказать, как потом ложусь в постель, и от каждого скрипа и шороха, которых полно в старом здании, у меня перед глазами так и пляшут грабители и серийные убийцы. Но тогда она будет настаивать на лекарствах, а я о такой перспективе даже думать не хочу.

— Сплю, естественно. Чем еще мне по ночам заниматься?

— Не спать, например. — Джемма смерила меня всезнающим взглядом, оценивая мою реакцию. Черт бы побрал психиатров.

— Я прекрасно сплю, — беззаботно улыбнулась я.

— Ладно, но выглядишь ты так, будто не высыпaeшьcя.

— Это годы обучения привели тебя к такому выводу?

— Нет. К такому выводу меня привели круги у тебя под глазами.

— Нормально я высыпаюсь.

— Чудесно. Я рада.

Никакой радости она не испытывала. Я чувствовала недоверие в каждом ее недоверчивом вдохе.

Итак, Куки пришла, чтобы выяснить, какими из покупок я никогда пользоваться не буду. Эмбер пришла, чтобы поковыряться у меня в компьютере, хотя у них дома, в шаге от моей входной двери, имеется целых два. Дядя Боб приехал, чтобы отдать мне папку. А Джемма — чтобы узнать, как я поживаю. Такой многочисленной компании у меня не было со времен вечеринки в честь новоселья, на которую я пригласила футбольную команду «Lobos» (1) из университета Нью-Мексико. Внутри моей квартиры помещалось не больше двенадцати из этих ребят, поэтому вечеринка оккупировала и коридор. Миссис Аллен, пожилая женщина из квартиры 2С, по сей день не перестает меня благодарить. И каждый раз, когда у нас с ней заходит об этом речь, у нее в голосе появляются хрипловатые интонации, а брови исполняют какой-то дикий танец. Мне всегда было любопытно, что такого в ту ночь произошло, что она вдруг стала рассыпаться в благодарностях. Может быть, ей кто-то постельку согрел. А может, перепало несколько обжимашек. Как бы там ни было, я за нее рада.

Однако из-за такого количества людей у меня в квартире, не говоря уже о коробочных джунглях, меня начинала одолевать клаустрофобия. И подозрительность. Особенно учитывая, какие взгляды тайком бросала Куки на Диби. Надо было догадаться еще тогда, когда она только пришла и так демонстративно его игнорировала. Обычно она улыбается, как школьница на концерте какого-нибудь бой-бэнда. Ну точно — у них что-то намечается.

Я разглядывала своих переполненных благими намерениями, но все равно чересчур надоедливых друзей и родственников, и решала, кого замочила бы первым, будь все это видеоигрой с ними в роли противных зомби.

— Ну ладно, что тут творится?

— В каком смысле? — спросила Джемма, изображая святую невинность.

Надо же, как старается.

Дядя Боб почесал заросшую щетиной щеку. Эмбер выглянула из-за стены коробок, настороженно глядя на меня издали огромными голубыми глазами. Ну, то есть с расстояния метра в полтора. Куки смотрела на меня, прикрываясь инструкцией к электросковарке. Обвести меня вокруг пальца ей не удалось. Разве что она умеет читать по-французски. И вверх ногами. А Джемма взгромоздилась на табурет и принялась изучать свои ногти.

— Мы о тебе беспокоимся, — подал голос дядя Боб, пожав одним плечом.

Джемма кивнула:

— Верно, поэтому решили прийти и убедиться, что с тобой все в порядке.

— Все сразу? — спросила я.

Она еще раз кивнула, перебрав, как по мне, с энтузиазмом.

Я нахмурилась и уставилась на Дибби, прекрасно зная, что этот мягкотелый старикан сломается первым.

Он поднял руку:

— Ты должна признать, Чарли, что в последнее время вела себя странно.

Я сложила руки на груди.

— А когда это я вела себя не странно?

— Она права, — сказал он Джемме.

— Нет, — ответила та, копируя мою позу, — не права.

Чувствуя, что начинаю не на шутку раздражаться, я громко вздохнула и обошла стойку, чтобы добраться до мистера Кофе.

— Пятно отмылось?

— Какое пятно? — спросила я, наливая себе чашку чая на земле.

Джемма пальцем указала на ту часть моей гостиной, которую я назвала Зона-51 (2), и где возвышалась огромная свалка коробок, хитроумно замаскированная под гору. Гора эта служила одной-единственной цели — скрыть именно тот кусочек комнаты. Конкретную часть гостиной. Черную дыру ужаса и смуты. Методично, коробка за коробкой, я заставляла это место, пока оно не превратилось в вопиющий бардак, чтобы мне не пришлось туда смотреть. Чтобы меня случайно не втянуло туда гравитационной силой миллионов солнечных масс. Понимаю, звучит дико. Но тогда похоронить место, где меня резали на кусочки, под горой сияющих новеньких вещей казалось удачной затеей.

Наверное, стоило назвать эту кучу коробок монументом. Вопросов к произведению искусства было бы куда меньше.

На лице Джеммы проступило сочувствие.

— То самое пятно. Оно отмылось?

Господи, она даже не пытается смягчить удар. За все те разы, что она приезжала ко мне, она ни разу не упомянула о том месте. О том пятне, куда из меня со стула лились кровь и моча, пока Эрл Уокер с уверенностью и точностью опытного хирурга резал меня на ленточки.

— Решили задавить количеством? — поинтересовалась я, выходя из себя под ее пристальным взглядом.

— Нет, — поспешно ответила Джемма, стараясь меня успокоить. — Нет, Чарли. Я не

пытаюсь тебя контролировать. И тем более не собираюсь отнимать ни капельки твоей самостоятельности. Я лишь пытаюсь достучаться до тебя, чтобы ты поняла, что делаешь и почему.

— Я знаю почему, — твердо и сухо отозвалась я. — Это случилось со мной, а не с кем-то еще.

— Хорошо. А ты знаешь, что именно ты делаешь? — Она осмотрелась, взглядом показывая на коробки, коробки и еще раз коробки.

Я набрала в легкие много-много воздуха и на выдохе выпустила все свое раздражение. Пусть видят. Затем взяла чашку и направилась в спальню — в единственное убежище, которое сейчас у меня осталось.

— Можешь вынести отсюда все до последней коробки. Я тебе слова не скажу. — Я махнула рукой. — Дошло до тебя? У меня все распрекрасно, цвету и пахну, как персик в летний день на плантациях в Джорджии.

— Ничего, если я проверю эту теорию? — спросила Джемма.

— Да пожалуйста.

Я продолжила путь в спальню, но увидев, как она повернулась к Зоне-51, остановилась. Джемма взяла одну коробку и передала ее дяде Бобу. Он поставил ее сверху на башню из коробок, над которой до сих пор трудилась Куки. И защитное покрытие моего воображаемого панциря дало трещину. Совсем крошечную. Но этого хватило, чтобы устроить землетрясение в самой основе моего существования.

Я знала, что находится под той свалкой. Если Джемма уберет оттуда еще нехилую кучу коробок, покажется стул, к которому меня привязали. А вместе с ним — кровавое пятно на ковре. Правда заорет мне в лицо. Я чувствовала, как металлическое лезвие разрезает слои кожи и плоти. Рассекает сухожилия. Разрывает нервы. Заставляет меня бешено стискивать зубы, чтобы не закричать.

— Чарли? — позвал дядя Боб, и я осознала, что уже какое-то время стою и пялюсь на коробки.

Я смущенно огляделась. Все ждали, что я буду делать дальше. Жалости в их глазах было больше, чем хотелось бы.

— Понимаешь, — начала Куки, выходя из-за стойки, — ты такая сильная, и в тебе всегда столько энергии, что иногда мы забываем... — она оглянулась на Эмбер, подбирая слова, чтобы не сболтнуть лишнего, — ...иногда мы забываем, что ты всего лишь человек.

— Я не попрошу тебя убрать коробки, пока ты не будешь к этому готова, Чарли, — сказала Джемма, шагнув ближе ко мне. — А пока мы будем убирать с этого места по одной коробке каждый день.

Дикость какая-то. Никогда в жизни я не боялась стульев. Впрочем, как и пятен на ковре. Но в последнее время мне казалось, что неодушевленные предметы зажили собственной жизнью. Они превратились в зверей, чье дыхание эхом раздавалось у меня в ушах, чьи глаза следили за каждым моим движением, стараясь не упустить удачный момент напасть и снова врезаться в меня невыносимой болью.

Когда Джемма опять заговорила, ее голос был таким мягким и понимающим, что я с трудом удержала свою линию обороны:

— Но только если ты согласишься. Только если тебя это устроит.

— А если нет?

Я задумалась, на самом ли деле так плохо не иметь желания выползть из апатии. За

считанные часы меня практически ограбил парковщик, ко мне приставал демон, сын Сатаны елозил меня по полу, а группа монахинь отказалась поделиться со мной жизненно важной информацией. Вот уж не знаю, сколько еще подобных прелестей сумею переварить.

Джемма положила ладонь мне на руку:

— Тогда мы будем рядом, пока ты не почувствуешь, что пора.

Я благодарно улыбнулась ей, и тут меня пронзил ужас.

— Но не буквально же?

Хитрая улыбка отразилась и в ее глазах:

— Буквально, конечно. Мы переедем к тебе.

— Класс! А может, устроим пижамную вечеринку? — загорелась идеей Эмбер.

Джемма просияла:

— Еще как устроим.

Блин, лучше не придумашь. Получается, пока я не разрешу Джемме побаловаться с коробками, не видать мне покоя.

— Чудесно. Можешь играть с моими коробками, сколько влезет, если тебе станет легче.

— Ну вот, — расстроилась Эмбер, — так у нас никогда не будет пижамных вечеринок.

Я собиралась еще раз улыбнуться, пока не услышала Джемму:

— И мне хочется, чтобы ты сделала кое-что еще.

— Макнула твои линзы в газ для зажигалок?

— Не надо принимать меня в штыки. Я всего лишь хочу, чтобы ты каждый день писала письма. По одному письму в день любому, кто придет на ум. Это могут быть разные люди или один и тот же человек. Я хочу, чтобы в письме ты описывала адресату, что чувствуешь по отношению к ней или к нему, и рассказывала что-нибудь еще. Например, как твои дела или чем ты занималась в течение дня. Идет?

Я глотнула из чашки и спросила:

— Ты это будешь читать?

— Нет, — она удовлетворенно сложила на груди руки. — Писать ты будешь только для себя.

— А можно мне написать одно письмо дяде Бобу, в котором я расскажу ему, какой он чокнутый?

— Эй! — огрызнулся Диби, расправив плечи, когда речь зашла о нем. — Я-то тебе чем не угодил?

Я подавила желание захихикать. Что ж, если письма никто читать не собирается, то все прекрасно. В свое время мне хватило психологии, чтобы понимать, что задумала Джемма. А если никто не будет читать письма, то она никогда не узнает, писала я их или нет. Беспроегрышная ситуация.

— И я узнаю, писала ты их или нет. Поэтому не давай обещания, если не собираешься его сдержать.

Гадство.

— А как ты узнаешь? Я отлично умею врать.

В ответ она громко рассмеялась. У меня на языке так и вертелся остроумный ответ, но я промолчала. В основном потому, что дядя Боб, Куки и Эмбер тоже зашлись от хохота. Какого, блин, черта?

Оповестив общественность о своем разочаровании мастерски сработанным убийственным взглядом, я поинтересовалась у Джеммы:

— Ты оставишь меня в покое, если я на все соглашусь?

— То есть перестану ли я приезжать и разбирать твои коробки? — Я только пожала плечами, соглашаясь с предположением, и она продолжила: — Нет. Эту гору мы осилим. — Она положила руку мне на плечо. — Вместе. Все мы. — Все дружно закивали. — Каждый день кто-то из нас будет уносить по коробке, пока ты не перестанешь дергаться, видя, как мы это делаем.

Я нахмурилась:

— Ничего я не дергалась.

— Дергалась, — вставил дядя Боб.

— Нет... Да фиг с вами.

Итак, я оказалась в натуральном кошмаре в компании друзей и родственников, от которых так и несло благими намерениями, и которые, откровенно говоря, вполне заслуживали очутиться в запертой клетке с анакондой. Ненадолго. Ровно на столько, чтобы каждую ночь в течение месяца, например, им снились только кошмары.

От этой мысли у меня на душе потеплело.

В дверь опять постучали. На этот раз громче, более требовательно.

— Вызвали подмогу, ребята? — поразилась я. Кого еще они могли позвать в свою команду?

Не задумываясь, я распахнула дверь с драматизмом талантливой актрисы немого кино.

От того, что я увидела за порогом (точнее от того, кого я там увидела), у меня пропал дар речи. За долю секунды удивление достигло апогея, пока я молча пялилась на Рейеса. Он стоял в коридоре в новой футболке и новых джинсах, которые смотрелись на нем так же обыденно, как лимонный пирог на прилавке в кафешке. Словно он никого сегодня не убивал. Словно не таскал меня по складу и не ронял на бетонный пол. Словно не исчезал как раз тогда, когда я собиралась цивилизованно с ним поговорить. Поделом мне.

Он сложил на груди руки и прислонился к дверному косяку. В глазах искрилось веселье.

— Хотел убедиться, что ты в порядке.

— С чего вдруг мне быть не в порядке? — спросила я.

Его взгляд блуждал по мне, а любопытство, с которым он меня рассматривал, ничего общего с вежливостью не имело.

— Как там мальчишка?

Только что он дрался из-за меня с демоном. Спас мне жизнь. А теперь стоит тут как ни в чем не бывало.

Я покачала головой:

— Нормально. Немножко в ужасе, но он в хороших руках. И он глухой.

— Знаю.

— Откуда? — удивилась я.

— Какое-то время наблюдал, как ты с ним говорила.

Я пождала губы:

— Да ты маньяк.

— А ты чокнутая.

— Неандерталец, — возмутилась я.

— Шизофреничка.

— Павлиан.

— Психопатка.

И почему это весь репертуар его оскорблений так или иначе ставил под сомнение мою психическую стабильность? Я нахмурилась и подалась к нему:

— Демон.

Рейес поддел пальцем подол моей майки и подтянул меня ближе.

— Тогда получается, что ты — истребительница демонов? — спросил он глубоким бархатным голосом.

Я вдохнула исходящий от него жар, становившийся все горячее. Он смотрел на меня, не сводя глаз, как леопард, следящий за своей добычей. Что-то с хрустом треснуло у меня в груди, и она наполнилась теплом. Тепло полилось в живот и ниже, куда-то между ног... Пока Рейес не заметил дядю Боба. Будто в тумане, я увидела, как его взгляд устремился мимо меня туда, где сидел Дибби.

Реальность обрушилась на меня, как ушат ледяной воды, — у меня полный дом незваных гостей! И одним из этих незваных гостей был дядя Боб — человек, который посадил Рейеса в тюрьму за убийство, которого тот не совершал. Однако Дибби не виноват. Все улики свидетельствовали против Рейеса. Эрл Уокер постарался на славу.

Быть может, Рейес не помнит дядю Боба.

Я резко развернулась с по-идиотски раскрытым ртом.

— Ну, ребята, знакомьтесь. Это — Рейес.

Куки что-то уронила, но я смотрела только на Дибби, отчаянно надеясь, что он ничем себя не выдаст. Вряд ли, конечно, был шанс размером хотя бы со снежинку, что Рейес не помнит человека, по чьей милости ему вынесли приговор, но даже снежинкам мечтать не вредно.

И ежу было бы ясно — дядя Боб всерьез удивился, увидев здесь Рейеса, и какое-то время не знал, что и думать, пока не принял решения. Кивнув Рейесу в знак приветствия, он потянулся к Куки и помог ее отвисшей челюсти вернуться на положенное место. Куки почти пришла в себя и, зардевшись, улыбнулась. К сожалению, чтобы так же легко прикрыть рот Джемме, Дибби сидел слишком далеко от нее. Всеобщий ступор, видимо, задел и Эмбер. Она вышла из-за коробок и глядела на Рейеса огромными глазами, не моргая от изумления.

Я была рада узнать, что дело не только во мне. Похоже, Рейес действовал одинаково на всех женщин в радиусе трех километров.

А вот дядя Боб — совсем другое дело. Я ощутила, как в Рейесе вспыхнул обжигающий огонь. Это было чувство, которому я могла найти только одно название. Ненависть. К сожалению, он имел полное право враждебно относиться к тому, кто посадил его за решетку за преступление, которого он не совершал. Хуже того — совсем недавно дядя Боб признался мне, что в глубине души всегда знал: Рейес невиновен. Однако в то время он ничего не мог сделать. Все улики и свидетельства указывали на Рейеса. Наверняка Рейес не станет во всем винить его одного.

Все это время дядя Боб сидел на табурете у стойки. Одного взгляда на него хватило бы, чтобы понять, как он сожалеет о прошлом. Он встал и пошел вперед, сильно напомнив мне героев Джона Уэйна (3), которые ввязывались в драку, заранее зная, что проиграют.

— Наверное, нам лучше выйти на улицу, — сказал дядя Боб, подходя к Рейесу.

Если не называть героическим подвигом то, что он сейчас сделал, учитывая, сколько он знает о Рейесе, то я уж и не знаю, что тогда считать героическим подвигом.

Присутствие дяди Боба, казалось, вывело Рейеса из равновесия. Воздух между ними сгустился от напряжения. Внутри Рейеса кипела битва эпических масштабов. Битва между

желанием поступить правильно и сделать то, чего требовали столетия закалки в преисподней. Я чувствовала, как путаются его эмоции, как они скребутся в его разуме. Он едва слюной не исходил от желания добраться до Дибби и разорвать его на куски. Для него это было так же естественно, как для меня — дышать. Но Рейес застыл. Стоял как вкопанный. Может быть, боялся пошевелиться. Боялся того, что может сделать.

Невероятным усилием воли он заставил себя отвести взгляд от дяди Боба и снова посмотрел на меня.

— Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке, — сказал он, и я ощутила, как он уходит в себя, будто таким образом сможет отгородиться от дяди Боба и всего, что произошло.

— Мы будем рады, если ты останешься, — проговорил дядя Боб, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы моя челюсть навсегда не подружилась с полом.

— Я за! — крикнула Эмбер. Когда все устали на нее, она нырнула за коробки и оттуда пробормотала: — Ну простите, само вырвалось.

Я оглянулась и увидела, как Рейес улыбается Эмбер. Это была такая ласковая и понимающая улыбка, что я невольно затаила дыхание. Гнев, который еще секунду назад кипел в нем, сошел на нет, и я почувствовала это, как глоток холодной воды в летний зной.

Вдруг до меня дошло, как грубо я оплошала.

— Рейес, — начала я, — кажется, официально ты ни с кем здесь не знаком. — Я повернулась к людям, которые исподтишка устроили мне организованный нагоняй, и на которых я честно старалась не таить зла. — Это моя сестра, Джемма. И мой дядя — дядя Боб. А это — Куки.

— И я, — раздался из невидимого царства тихий голосок.

— И где-то за той стеной — дочь Куки, Эмбер, — усмехнувшись, добавила я.

Рейес так и стоял со скрещенными на груди руками, но каждого из тех, кого я называла, приветствовал кивком.

Дядя Боб ткнул локтем Джемму. Та пришла в себя, откашлялась и проговорила:

— Рада знакомству.

Снова посмотрев на нее, Рейес нахмурился, и на его лице мелькнуло узнавание.

Ей не составило труда понять, что к чему.

— Да, — сказала она, протягивая ему руку для рукопожатия, — мы уже встречались.

Джемма была со мной, когда я впервые увидела Рейеса. Когда у нас на глазах его избил Эрл Уокер — человек, которого Рейес считал своим отцом.

Возникла напряженная пауза, и я уже было подумала, что он проигнорирует жест Джеммы, как вдруг он все-таки пожал ей руку. Само собой, я расслышала ее едва слышный вздох, когда он ответил на рукопожатие. Понять ее можно.

А вот у Куки дела шли куда хуже. Рейес склонил набок голову и отсалютовал ей от невидимой шляпы.

Куки расплылась в улыбке, достойной звания легендарной. В общем, растаяла, как нежнейшие и самые сладкие на свете хлопья от капли молока. Она все-таки сумела выдохнуть еле слышное «Привет», и мне пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не рассмеяться. И вовсе не потому, что я не хотела ее смутить. Смущать Куки — одна из главных целей моей жизни. У меня в списке она идет сразу после разработки особого дизайна мужских трусов, которые будут противно врезаться мужикам между ягодицами.

Однако прямо сейчас во мне отчаянно билось совсем иное чувство. Опасаясь оставлять

дядю Боба и Рейеса на таком коротком расстоянии друг от друга, я все же подошла к стене из коробок, заглянула сверху и увидела Эмбер.

— Солнышко, — позвала я, не понимая, что происходит.

Эмоции, которые лились из нее, были такими сильными, почти осязаемыми, что мне было сложно думать о чем-то еще. Наверняка Рейес их тоже чувствовал. Я оглянулась на него. Он смотрел на меня, и в его взгляде отчетливо читалось беспокойство.

— Эмбер, что с тобой? — спросила я.

Она сидела за моим столом, опустив голову. Длинные темные волосы непроницаемыми волнами скрывали ее лицо.

— Все нормально, — ответила она, не поднимая головы.

Подросла Куки и попыталась заглянуть через мое плечо.

— Что случилось? — спросила она меня.

— Не знаю.

Может быть, мы ранили чувства Эмбер, когда все вместе обернулись к ней? Я не ощущала от нее никакой обиды, но то, что она в этот момент переживала, затмевало все остальное. В двенадцать лет гормоны и не такое вытворяют. Однако тридцать секунд назад все, кажется, было в норме.

Не зная, что еще сделать, я поинтересовалась:

— Выйдешь поздороваться с Рейесом?

Тогда она подняла на меня взгляд, и я увидела слезы в ее голубых глазах. Она тут же опустила голову, но дала мне вывести ее из-за коробок.

— Это — сокровище клана Ковальски под названием Эмбер, — попыталась я разрядить обстановку. — Но имей в виду, — я подмигнула Рейесу, — она та еще сердцеедка, так что смотри, не попадись.

Эмбер пошла вперед, глядя в пол и ссутулившись от смущения.

Рейес наблюдал за ней, чуть склонив голову набок. Для девушки она была высокой, а для девочки двенадцати лет — тем более. Но именно из-за роста она выглядела изящной, как тонконогая газель, а всем поголовно девочкам ее возраста как раз изящности и не хватает.

— Эмбер, ты можешь поздороваться? — спросила Куки.

Все еще глядя в пол, Эмбер покачала головой.

Заправляя длинный локон за ухо дочери, Куки была очевидно подавлена.

— Извини, — сказала она Рейесу и покачала головой, признавая свою беспомощность. — Обычно она за словом в карман не лезет.

— Ты ее спасаешь? — наконец заговорила Эмбер, обращаясь к своим ногам. — Присматриваешь за ней?

Пока мы все обдумывали, что на это сказать, Рейес ответил:

— Только в очень особых случаях.

О чем вообще они говорят? Эмбер ничего о Рейесе не знает. Откуда ей знать, что он спасал мне жизнь? И не раз, если на то пошло?

Теперь Эмбер смотрела на него. На ее ресницах блеснули слезы.

— Я знаю, зачем ты здесь. Знаю, кто ты. Все они думают, что я ничего не знаю, но они ошибаются. Я знаю, что в ту ночь ты был здесь.

От нервной улыбки у Куки подрагивали уголки рта.

— Эмбер, откуда тебе это знать? — Внезапно ею овладел страх. Я знала, куда понеслись ее мысли. Что сделает Рейес, узнав, что Эмбер в курсе, кто он такой? — Она не знает, о чем

говорит.

— Вот видишь? Они не знают. И не верят тебе так, как я. — Эмбер шагнула к Рейесу. — Ты присматривал за Чарли всю ее жизнь. Оберегал ее. И в ту ночь, если бы ты не пришел... — Ее голос оборвался, и, не успели мы понять, что происходит, она бросилась вперед.

Рейес от удивления шагнул назад, когда Эмбер прыгнула на него и повисла на шее, крепко обняв.

— Спасибо, — она уткнулась в него носом. — Спасибо тебе огромное. Ты всех нас спас.

Несколько неловких секунд Рейес никак не реагировал на внезапную атаку двенадцатилетней девочки, а потом осторожно обнял ее в ответ. Эмбер стиснула его еще крепче. Я подошла к ним и погладила ее по спине, всерьез опасаясь, что мое сердце вот-вот лопнет от любви. Я и не догадывалась, что она знает о появлении Рейеса в ту ночь, когда надо мной издевался Эрл Уокер. Не догадывалась и о том, что ей вообще что-то известно о произошедшем.

Эмбер оглянулась на меня и прошептала Рейесу на ухо:

— Кто она, я тоже знаю. Но никому никогда не скажу.

Рейес улыбнулся ей самой очаровательной улыбкой, какую я когда-либо видела. Тихий восторженный смех сорвался с ее губ, перед тем как она освободилась из его объятий. Когда она проскользнула мимо меня, я заметила в ее глазах хорошо знакомый мне мечтательный блеск.

— Ты заходишь? — спросила я у Рейеса.

Он подмигнул Эмбер и посмотрел на меня.

— Не сегодня. Есть еще кое-какие дела.

— Хорошо. Но мне очень-очень нужно поговорить с тобой о... — я задумалась, как сказать об одержимости демонами, не упоминая вслух этих слов, — ...о проблемах временного заселения, с которыми мы столкнулись.

Один уголок его рта приподнялся с намеком на улыбку.

— Кстати об этом. Я хочу, чтобы несколько дней ты не выходила из дома.

— Никак не могу. Но спасибо, что попросил.

Рейес осмотрелся, а потом сказал угрожающим тоном:

— Не вынуждай меня настаивать.

— Серьезно? — Он действительно думает, что это сработает?

Глубоко вздохнув, он, кажется, решил не тратить на это время. Поразмыслил несколько секунд и снова потянул меня к себе за подол майки.

— Я рад, что ты пришла со мной повидаться.

Я погладила пальцами тыльную сторону его ладони.

— А я рада, что ты на свободе.

Он еле слышно усмехнулся, будто я сморозила какую-то забавную глупость.

— В чем дело? — спросила я.

Рейес шагнул ко мне, а потом, не обращая внимания на то, что в комнате находилась Эмбер, а у меня за спиной маячил дядя Боб, провел пальцем по моей нижней губе и сказал:

— Между свободой и рабством очень тонкая грань.

(2) Зона 51 (англ. Area 51) — американский военный аэродром, удалённое подразделение военно-воздушной базы Эдвардс на юге штата Невада. Согласно официальным данным, в Зоне-51 разрабатываются экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения.

(3) Джон Уэйн (Мэрион Роберт Моррисон (1907–1979)) — американский актёр, которого называли «королём вестерна». Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус» (1970). Снимаясь ежегодно в среднем в пяти фильмах, он был едва ли не самым востребованным голливудским актёром эпохи звукового кино.

Глава 9

*До шоу «девочка+девочка» всего два коктейля.
Надпись на футболке*

— Ты как? — спросил дядя Боб, как только я закрыла входную дверь.

Как всегда, после ухода Рейеса в воздухе потрескивало электричество. Я подумала, что со стороны Диби беспокоиться обо мне — страшно мило. Ведь он наверняка трясется, как осиновый лист, в своих одежках с распродаж. Он начинал понимать, на что способен Рейес, и трястись в собственных одежках — вполне нормальная реакция. Тем более что он и был тем, кто упек Рейеса за решетку.

— Прекрасно, а ты?

— А я опаздываю, — отозвался дядя Боб. — У меня встреча.

Я очень старалась не выказать удивления.

— С человеком?

Он нахмурился:

— Нет, с автоматом с газировкой. Само собой, с человеком.

Эмбер захихикала, придя в себя после встречи с Рейесом гораздо быстрее, чем это получалось у ее матери и Джеммы. Я дала им несколько минут обдумать все, что произошло, пока дразнила Диби, которому нужно было оправиться всего лишь от того, что он только что в буквальном смысле был на волосок от смерти. Я же была просто счастлива, что Рейес не разорвал его в клочья. Диби мне больше нравится целиком, а не порубленным на кусочки. Чего не сказать, например, о салате или о гитарных соло в стиле хэви-метал.

Осознав, что еще какое-то время мне от гостей не избавиться, я решила принять душ.

— Тогда тебе лучше поспешить домой, — сказала я Диби. — Тому, кто тебя ждет на свидание, наверняка не по душе так долго сидеть связанным у тебя в подвале. Обидится ведь.

Едва войдя в ванную, я услышала его голос:

— Поговори с отцом.

Это вряд ли. Душ оказался настоящим кайфом, даже с резвящейся лохматой псиной, из-за которой я то и дело вписывалась в стену. Такой активности за один день я не видела больше двух месяцев. Мой организм не знал, что с этим делать. Как реагировать. Организму хотелось вернуться на диван (который, может быть, получит имя Шэрон) и взять в руки упаковку сырных подушечек. Но я понимала, что мне придется отучаться и от того, и от

другого. Постепенно. Возможно, я смогла бы снизить дозу до кресла и сырных крекеров, по чуть-чуть урезая проведенное с ними время, а потом уже попробовать что-то из разряда здорового образа жизни — вроде уборки и яблока.

Меня передернуло от этой мысли. С сырными подушечками уж очень уютно. К тому же они оранжевые. Нет, думаю, не стоит так радикально менять привычки. На ум тут же пришел план Б: уборка под методичное поедание сырных подушечек. Уютно и продуктивно.

Когда Артемида нырнула прямо в пол у меня под ногами, я вышла из душа и натянула пижамные штаны в клеточку зеленого и лимонного цвета без привычных мне с незапамятных времен остроумных надписей. Это упущение я компенсировала топом, провозглашавшим: «САРКАЗМ — мое второе любимое слово, которое заканчивается на — АЗМ». Готовая снова встретиться с толпой, я вернулась в ту часть моей квартиры, которая называется гостиной.

Куки с Джеммой сидели в кухне и тестировали мои крутые новенькие гаджеты. Хотелось бы надеяться, что от их усилий на свет божий явится хоть что-нибудь съедобное. Когда я появилась, Эмбер собрала свои книжки и подошла ко мне со словами:

— Тебя из душа на всю округу слышно.

Я могла только догадываться, какие звуки были слышны здесь, пока Артемида снова и снова тыкала меня в стену.

— Ага, я поскользнулась и упала.

— Семь раз?

— Ну да.

— А, ну ладно. В общем, я хочу извиниться, Чарли. Я не специально. В смысле с Рейесом. Я не хотела, чтобы тебе было за меня стыдно.

— Стыдно? — Я сгребла ее в объятия. — Мне никогда не будет за тебя стыдно, Эмбер.

— Никогда-никогда?

— Никогда.

— Как-то я спросила у мамы через весь магазин, какие тампоны ей нужны — умеренные или супервпитывающие, и добавила, что, если верить написанному на упаковке, супервпитывающие подходят для обильных выделений. А потом попросила маму оценить обильность ее выделений по шкале от одного до десяти.

— О'кей, может, когда-нибудь и будет.

— Пока мы стояли в очереди к кассе, я спросила у нее, зачем она покупает три упаковки «Кануна лета» (1) посреди зимы.

Я отодвинула ее на расстояние вытянутой руки:

— Да ладно.

— Вот и я о том же. До того я и не представляла, что человек может так покраснеть.

— Итак, мы установили, что мне из-за тебя в самом деле может стать стыдно. Но до сих пор такого не было. И мне очень жаль, что ты так много знаешь о том, о чем двенадцатилетней девочке знать совершенно ни к чему.

— Я никому не скажу, клянусь.

Я оглянулась посмотреть, чем заняты шеф-повара. Увидев, что они действительно заняты, я наклонилась к Эмбер:

— Что конкретно тебе известно?

Она улыbnулась:

— Мне известно, что ты — ангел смерти. — Как по мне, это был удар под дых. — И что

Рейес — сын Сатаны.

— К-как ты об этом узнала? — заикаясь, умудрилась выговорить я.

— У меня хороший слух. И он не отказывает, даже когда я выполняю домашние задания.

— Серьезно?

Эмбер фыркнула:

— Ей-богу, народ, вы ведете себя так, будто я становлюсь глухой, как только открываю учебник. — Ехидно усмехнувшись, она пошла к выходу. — И я слышу не только разговоры. Пока ты не поселилась здесь, я и понятия не имела, что девушка может так кричать из-за мужчины. Видимо, у Рейеса талант.

Глаза мои наверняка уже вылезли из орбит, когда я оглянулась на Куки убедиться, что она не обращает на нас внимания. Мои... «отношения» с Рейесом были только во сне, ну, и еще один раз, когда он был в нематериальном виде. Признаю, это всегда заканчивалось... удовлетворительно. И, очевидно, Эмбер была в курсе.

— Не переживай, мама не знает.

— Что у Рейеса талант?

— Да нет, об этом она точно знает. Она не знает, что я знаю, что у Рейеса талант. — Она снова рассмеялась, и этот смех почему-то вызвал у меня ассоциацию с шизанутым ученым на пороге серьезного открытия. Перед тем как закрыть за собой дверь, Эмбер добавила: — Только не сдерживайте свои порывы из-за меня.

Боже мой, Куки меня убьет.

— О чем вы говорили? — спросила Куки, и я подпрыгнула на месте.

Потом разгладила штаны.

— Ни о чем. А что? О чем мы, по-твоему, говорили?

Она нахмурилась:

— Как думаешь, она в порядке?

— О да, думаю, она в полном порядке. — За словом в карман уж точно не полезет.

Куки вернулась к тому, чем занималась, — взбивала что-то липкое, а Джемма была уже с ног до головы покрыта чем-то, напоминающим порошок. Мне оставалось только надеяться, что они собирались печь шоколадные бисквиты. Шоколадные бисквиты — как запасные батарейки. Лишними никогда не бывают.

— Я собираюсь спать с тобой, — заявила Джемма, проверяя консистенцию смеси и добавляя в нее еще немного порошка.

— Ты не совсем в моем вкусе, но ладно. О каких конкретно извращениях идет речь?

— Как думаешь, еще добавить? — глядя в миску, спросила она у Куки.

— С сахарной пудрой переборщить невозможно, — отозвалась та и указала на меня венчиком. — Тебе надо разлить Рейеса по бутылкам и продавать на черном рынке. Мы вмиг разбогатеем.

Я шагнула ближе:

— Чувиха, что ты там насилуешь?

— Только что я была в одной комнате с самым сексапильным мужчиной на планете, так что, наверное, насилую свою нравственность. — Куки хихикнула. — Сечешь? Насилую свою нравственность.

Джемма рассмеялась, отмеривая еще немного сахарной пудры. Я глянула на миску Куки и зачерпнула ложкой белый пенный рай.

— Глазурь?

— Ага. Решили испробовать твои новые формы для кексов.

— Я купила формы для кексов? — Совсем не в моем духе.

Куки приподняла брови:

— И смесь для «Маргариты» (2).

Ну и ну.

Вскоре выяснилось, что Джемма не просто так осталась у меня и пила как сапожник. Я поняла это по языку ее тела, по странному блеску в глазах, но в основном по ее словам:

— Я не просто так у тебя осталась.

Она была полна решимости уложить меня спать, даже если для этого ей придется напоить меня в стельку. Вот почему они с Куки с энтузиазмом набросились на замороженную смесь для «Маргариты», которую я заказала, упав на самое дно. Я тогда целую неделю только о том и думала, как хочу день за днем напиваться «Маргаритой» (и водить языком по зубам Рейеса), но у меня не было соли (и зубов Рейеса). Еще у меня не было сил выйти из квартиры, чтобы купить хотя бы маленькую упаковку соли, и не было желания наступать себе на горло, чтобы умолять Рейеса позволить мне облизать его зубы после всего, что он натворил. Поэтому мне оставалось только жалеть, что под рукой нет «Маргариты». И мечтать о зубах Рейеса.

Втайне я надеялась, что у меня в руке волшебным образом появится стакан с «Маргаритой», но для этого мне пришлось бы выпустить из рук пульт, а этого, видит Бог, никогда-никогда не случится.

Просто замкнутый круг, черт побери.

Джемма пила редко. Бокал вина за ужином — максимум. Я пила по особым случаям. Например, по пятницам и субботам. Зато Куки...

— Крууууутоооо! — Куки в приступе непонятного мне триумфа подняла руки. — Я так не вес-селилась с тех пор к-как... как... — Похоже, у нее были серьезные проблемы со связной речью. Но она быстро эту проблему решила и ткнула пальцем в сторону двери. — С тех пор, к-как в ту дверь вошел Рей-йеш Фэрлоу! — Она повернулась ко мне, и на лице ее было написано чистейшее обожание. — Боже мой, этот чувак знает, к-как входить.

Куки стояла с другой стороны барной стойки и честно пыталась испечь шоколадные бисквиты в моей новенькой электросковарке. Стоит признать, пахло в квартире божественно, но я не питала больших надежд на то, что в ближайшее время получу свою дозу шоколада. Сковарка пикнула, Куки повернулась к ней и... исчезла. Странность какая-то. Только что она была здесь и вдруг бесследно испарилась. Почти сразу же за ее исчезновением последовал громкий удар, эхом отозвавшийся от кухонного пола. Я бы бросилась ей на помощь, но к этому моменту уже не доверяла собственным ногам. Джемма свисала с подлокотника дивана (который, может быть, получит имя Мелвин), а бабушка Лиллиан, которая божилась, что это была лучшая «Маргарита» со времен конкурса красоты в Хуаресе, где она принимала участие, лежала на полу лицом вниз. Понятия не имею, с чего бы.

— Все веселье пропускаете, мистер Вонг. Не знаю, что Куки сюда подмешивает, но получается обалденно. — Я отсалютовала коробкам, за которыми скрывался мистер Вонг, сделала последний глоток «Маргариты» (или «Кукиариты», как мы называли этот напиток) и

решила попробовать написать письмо, раз уж Джемма настаивает, что это поможет. Как правило, психотерапевты просят вести подробный дневник, так что идея с письмами была как минимум любопытной.

Наверное, я могла бы написать письмо Санте. Рождество уже прошло, но я его пропустила, потому что не разговаривала ни с кем, кроме продавцов с канала «Магазин на диване». А им, кажется, совсем не хотелось отмечать Рождество со мной.

Само собой, у меня был рождественский ужин в компании Куки и Эмбер, а еще приезжали с подарками Джемма и дядя Боб, но после их визита осталась какая-то особо противная форма депрессии. Кроме этого, я почти ничего не помню. Ах да, помню невероятный шоколадный чизкейк, а все остальное — как в тумане.

Я взяла ручку и лист бумаги и стала строчить все, что приходит на ум.

Дорогой Санта!

Какого черта?

Вот и все, что я сумела из себя выдавить. Никаких результатов я не почувствовала. И от того, что попыталась, лучше мне не стало. Хреновые у Джеммы методы лечения. Я все никак не могла выбросить Рейеса из головы. Воспоминание о том, как он позволил Эмбер себя обнять, я готова была лелеять целую вечность. И это воспоминание заставляло меня чувствовать совсем не то, что мне хотелось. Мне хотелось злиться на него, трясти кулаками и рычать от злости, но он дрался из-за меня с демонами. Боролся за то, чтобы мне ничего не угрожало. Чертовски трудно злиться на того, кто ведет тайную войну за твою жизнь. Проклятье.

Я затащила Джемму в спальню и легла рядом с ней, только чтобы два часа кряду пялиться в потолок. Потом на стену. И на тумбочку. В итоге я чувствовала себя так, будто в череп насовали влажных тряпок. Через несколько часов, которые довели меня до белого каления, я сняла с лица руку Джеммы и тихонько встала с кровати. Я искренне надеялась, что «Маргарита» поможет мне уснуть так же, как помогла Куки и Джемме, но все зря. Когда я по собственному желанию старалась не спать несколько недель подряд, мне приходилось прогонять сон огромным количеством кофе. И вот теперь я хотела спать, но не могла.

Оказывается, Песочный человек (3) — та еще сволочь.

Вдруг до меня дошло, что в организованной сегодня засаде кое-кого не хватало. Гаррета Своупса, «охотника за головами», который время от времени работает с дядей Бобом. Я не виделась с ним с тех самых пор, как его чуть не убили по моей вине. И это уже во второй раз. Но наверняка он не держит на меня зла. Сам он не приезжал, а у меня не было ни сил, ни желания выходить из дома, поэтому я ничего не слышала о нем больше двух месяцев. Он не звонил, не писал сообщений, не пытался связаться по электронке. Даже учитывая два огнестрельных ранения, это слишком на него не похоже.

Я решила его выследить. Наверное, он изменился с тех пор, как заглянул в лицо смерти. К тому же он меня видел. Умерев на операционном столе, он видел, как я выгляжу, если смотреть на меня с той, другой стороны. Видел, чем я регулярно занимаюсь. Такое для кого угодно было бы серьезным потрясением.

Однако я по сей день понятия не имела, помнит ли обо всем этом Гаррет. Будучи лифтом на небеса, я выполняю определенные обязанности, суть которых однажды пыталась ему объяснить. Но, как говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Может быть, это стало для него последней каплей. Может быть, смириться с действительностью оказалось сложнее, чем просто услышать о ней.

Я обула тапки, набросила куртку и вышла из квартиры.

В том, чтобы ехать по городу в три часа утра, есть масса преимуществ. Например, на дорогах почти не было машин, так что до дома Гаррета я добралась за рекордно короткое время.

Я постучала в дверь и стала ждать. Почему-то с утра пораньше, когда рассветом еще и не пахнет, Гаррету нужна целая вечность, чтобы открыть дверь. Я снова постучала. Мне всегда было любопытно: если «охотник за головами» уклоняется от ареста и пускается в бега, кто должен его искать?

— Чарльз! — прорычал Гаррет из-за двери. — Богом клянусь, если это ты...

Как он узнал? Я решила молчать — пусть удивится.

Дверь распахнулась, явив моим глазам Гаррета, растрепанного и без рубашки. Никаких особенных чувств в его адрес у меня не было, но смотреть на него все равно было приятно. Кожа цвета кофе с молоком и дымчато-серые глаза, которые буквально на мгновение остановились на Маргарет и так же быстро решили, что внимания она не достойна. Он был в курсе произошедшего, поэтому наверняка понимал, почему я таскаю с собой пушку даже в пижаме.

— Как жизнь? — спросила я с наигранной веселостью.

Гаррет почесал глаз.

— Издеваешься?

— Не-а. — Я протиснулась мимо него и пошла напрямик к его дивану. В доме было очень темно. Странно. — Я тебя целую вечность не видела. Подумала, нам нужно поговорить.

— Существует на свете такая вещь, как бесцеремонность.

— Ага, слыхала. Кофе есть?

Громко вздохнув, чтобы я уж точно заметила, как он раздражен, Гаррет закрыл дверь, хлопнув сильнее, чем мне показалось необходимым, и протопал в кухню.

— Чего приперлась?

— Подоставать тебя.

— А кроме этого?

— Я и не догадывалась, что мне нужна причина, чтобы заскочить к одному из моих лучших друзей на планете Земля.

— Опять пытаешься сутками не спать?

— Не-а, не пытаюсь. Само так получается.

Гаррет шатался по кухне, стуча дверцами шкафчиков. Я не видела, чем он занимается, но внезапно звуки шатания и стук прекратились. Я молчала. Наверное, дело в том, что я ляпнула по поводу лучших друзей. Судя по всему, Гаррет не знал, что он один из моих лучших друзей. Должно быть, это ему польстило. Или привело в ужас. Шансы тут — пятьдесят на пятьдесят.

— Вот.

Я подпрыгнула. Он стоял у меня за спиной и протягивал мне бокал.

— Ты налил мне кофе в бокал?

— Нет.

— Значит, это вино с ароматом кофе?

— Нет. Пей. — Гаррет поднес бокал к моему рту и наклонил.

Я пригубила и...

— Слушай, а ведь ничего.

— Выпей до дна, и я отвезу тебя домой.

— Чувак, понадобится не один бокал вина, чтобы меня напоить. Помнишь, кто я?

— Заноза в заднице.

— Зря ты так.

Гаррет сел рядом со мной на диван и вытянул ноги. На нем были джинсы, но сам он был босиком. Усевшись, он сдвинул ступнями стопку книг на столике. А я и не знала, что Своупс умеет читать.

— У тебя проблемы со сном? — поинтересовался он.

— Вроде того. — Я машинально наклонилась вперед, чтобы прочитать названия. — То есть не совсем. Я хочу знать, почему ты меня избегаешь.

Он поставил ноги на пол и тоже наклонился вперед, крепко сжимая в руках бутылку пива. Не меньше минуты он изучал собственный ковер, а потом сказал:

— Я тебя не избегаю.

Все его книги были посвящены духовной тематике и касались рая и ада, ангелов и демонов. Видимо, околосмертный опыт повлиял на него сильнее, чем я думала.

— Ты два месяца не появлялся.

— Ты тоже два месяца не появлялась. Но я тебя не избегаю, Чарльз. Просто иду на поводу у инстинкта самосохранения.

Черт.

— Так и знала! Все потому, что по моей вине в тебя постоянно стреляют.

Гаррет откинулся на спинку дивана и глотнул пива.

— Так вот, значит, о чем ты думаешь?

— Тебя не в чем винить. Я бы тоже видеть себя не могла, если бы по моей вине в меня постоянно кто-то стрелял. — Я сделала глоток вина. — Этого не должно было случиться.

Он присосался к пиву и осушил целую бутылку за каких-то три секунды. А когда собирался встать, чтобы взять вторую, я остановила его, положив ладонь ему на плечо. Но его реакция была совсем не такой, как я ожидала. Не такой, к какой я привыкла. Все эмоции Гаррета будто отшатнулись от меня. От одного моего прикосновения он весь внутренне съежился.

Меня почти парализовало от потрясения. Я и подумать не могла, что теперь вызываю в нем такое отвращение.

У меня словно открылись глаза.

— Извини, — сказала я и поставила бокал на столик. — Я пойду. Поговорим как-нибудь в другой раз.

— Нет, — отозвался Гаррет, но я уже подходила к двери.

Он обошел диван и захлопнул дверь в ту самую секунду, когда я ее открыла. Стоя у меня за спиной, он медленно выдохнул.

— Извини, Чарльз. Я не хотел тебя обидеть. Забыл, что ты улавливаешь эмоции других людей.

Я повернулась к нему и подозрительно прищурилась:

— И что с того? Теперь при мне ты будешь стараться контролировать свои чувства? Притворяться, что тебе не противно находиться рядом со мной?

У меня сбилось дыхание, сдав меня с потрохами: да, мне больно. Раньше он никогда меня не обижал. По крайней мере, не до такой степени, а у нас с ним случались перепалки и

похуже. Почему же сейчас мне так обидно? Почему мне вообще есть до этого дело?

Однако я знала ответ. Гаррет всегда считал меня сумасшедшей, но никогда не испытывал ко мне отвращения.

— Противно? — переспросил он, и его брови в ужасе взлетели вверх. — Что за бред?

Я услышала собственный хриплый смех.

— Да ладно тебе, Своупс. Скрыть от меня свои эмоции тебе все равно не удастся. Я почувствовала их, как удар под дых. Но все путем. Просто мне нужно уйти.

— Может, ты и чувствуешь эмоции, но понимаешь их фигово, раз уж умудрилась додуматься, что мне противно находиться рядом с тобой.

— Пожалуйста, Гаррет, дай мне уйти. Извини, что разбудила.

— Нет, черт возьми. Сядь, — он указал пальцем на диван, по-прежнему нажимая на закрытую дверь другой рукой.

Ну и ладно. С чего это он взбеленился? Я вернулась на диван, и только после этого он тоже сел. У меня появилось стойкое ощущение, что он мне не доверяет.

— А теперь выкладывай, откуда у тебя в башке появилась мысль, что мне может быть противно от твоего присутствия? — спросил Гаррет.

— Ну, во-первых, ты меня избегаешь.

— И это значит, что ты внушаешь мне отвращение?

— Во-вторых, ты не хочешь говорить о том, что произошло, — продолжила я. Пускай я не имела ни малейшего желания с кем-либо обсуждать то, что случилось со мной, но мне ужасно хотелось обсудить то, что случилось с ним.

— Ладно, а что произошло?

— Ты умер. — Он не мигая уставился на меня, и мне пришлось объясниться: — Ты умер и пришел ко мне. Помнишь?

— Мне нужна еще бутылка.

На этот раз я дала ему встать и пойти за пивом, но поплелась за ним. Гаррет открыл холодильник, взял бутылку и в один присест осушил ее. Отставив ее в сторону, он взял третью и стал пить медленнее. Я села за крошечный обеденный стол, а Гаррет с пивом присоединились ко мне.

— Можешь рассказать мне, что ты помнишь? — спросила я, когда он сел, но он только смотрел на бутылку в руках. — Ты хоть что-нибудь помнишь? — перефразировала я вопрос, хотя и так знала, что помнит. Наверняка помнит, иначе не стал бы так реагировать на меня.

— Я все помню.

Я побледнела:

— Что, например?

Глубоко вздохнув, Гаррет ответил:

— Помню, как меня притащило к свету, который ты излучала. Помню девочку, которая прошла через тебя. Помню мистера Вонга и собаку.

— Это тебя и беспокоит? То, чем я занимаюсь?

— Нет. — Он посмотрел на меня в упор. — Все, что касается тебя, меня не беспокоит. Не считая того, что ты вламываешься ко мне в три часа ночи. Но есть кое-что, чего ты не знаешь.

Я нахмурилась:

— В смысле?

— После того как мы с тобой увиделись, я отправился дальше. Тогда я подумал, что раз

уж не умер, то возвращаюсь в собственное тело.

— Как ты вообще узнал, что не умер?

— Мне сказал отец. Он отослал меня обратно. Я не видел его с десяти лет. Он был инженером в компании, которая в то время работала в Колумбии. Его похитили. Как правило, такое случается ради выкупа, но в случае с отцом что-то пошло не так. Мы так и не узнали, что с ним случилось, и его сочли без вести пропавшим.

— Но ты его видел? — ошалело спросила я. Все, что касается потусторонней жизни, оставалось тайной даже для меня.

— Да. И он отослал меня обратно. А я взбесился. — Гаррет повернулся к окну и уставился в черную ночь. — Я не хотел возвращаться. Ничего подобного я никогда в жизни не испытывал.

— Я об этом слышала. И меня радует, что смерть — это всего лишь остановка на пути в иной, чудесный мир. Но ты сказал, что отправился дальше.

— Да. После того как увидел тебя. И там не так уж чудесно.

— Не понимаю.

— Я был в аду, Чарльз.

Я застыла.

— Ты говоришь образно, да?

— Нет.

— То есть буквально? В аду? Где адское пламя и сера?

— Да.

Ошеломленная, я прислонилась к спинке стула.

— И я кое-что узнал. Я не случайно там оказался. Меня туда послали. Чтобы я кое-что узнал. Чтобы смог понять.

— Понять что?

— Чем твой бойфренд зарабатывал на жизнь.

Гаррету не нужно было называть имен, я и так знала, что он говорит о Рейесе. О ком же еще?

— Ты хоть представляешь, кто он такой?

— Сын Сатаны.

По его лицу было ясно, что он удивлен.

— И тебя это ни капельки не тревожит?

— Своупс, он сбежал из ада. Он не из плохих парней. Ну, то есть, не совсем.

Гаррет насмешливо ухмыльнулся и вскочил из-за стола.

— Тогда тебе нужно увидеть то, что видел я.

Меня обдало волной страха.

— Что именно?

— Он был там полководцем, но ты и сама это знаешь. Да, он сын самого зла, но он поднялся по адской карьерной лестнице сам, без чьей-либо помощи. Он жил только ради того, чтобы видеть и пробовать на вкус кровь своих врагов.

— Его воспитывали не в самом любящем окружении.

— Значит, ты собираешься всю ночь выдумать ему оправдания? Зачем ты вообще сюда приехала?

— Хотела узнать, как у тебя дела. Извини.

Я снова встала, чтобы уйти, но Гаррет остановил меня, сказав:

— Его послали сюда. За тобой.

Я обернулась к нему:

— Я знаю, что его послали сюда найти портал. Любой портал, не меня конкретно. Но он увидел меня и полюбил. Поэтому сбежал от своего отца, чтобы порвать все связи с ним, и ждал меня.

— Полюбил? — Изумление на лице Гаррета сказало мне все, что он обо мне думает. — Ни от кого он сбежал. Его сюда послали. Именно за тобой.

— Ты же не можешь всерьез верить в такую чушь?

— Ну конечно, ты права. Меня просто так в ад загнали. Наверняка мои источники заблуждаются.

— Своупс, люди не попадают в преисподнюю, чтобы потом жить дальше как ни в чем не бывало.

— Черта с два не попадают. Со мной именно так и случилось. А потом меня вытащила оттуда какая-то сила. И я никогда не говорил, что после этого живу как ни в чем не бывало.

Ну, если что и может затронуть душу за живое, то уж наверняка путешествие в ад в этом списке на первом месте. Я не знала, что сказать.

— И как там было?

Гаррет махнул бутылкой:

— Ну как еще? Сама знаешь. Жарко. Повсюду крики, страдания. В отпуск туда ехать я бы не советовал.

— А как ты узнал о... Кто рассказал тебе о Рейесе?

Взгляд, направленный на меня, был полон жгучей ненависти.

— Его отец.

Я снова рухнула на стул.

— Значит, вы вдвоем тихо-мирно посидели у костра, побеседовали, обменялись мнениями?

— Можно и так сказать. Он хотел, чтобы я увидел, Чарли.

— Увидел что?

— Каким был его сын. — Гаррет подался вперед, словно пытался заставить меня ему поверить. — И что он делал.

— Все мы совершаем поступки, которыми нельзя гордиться.

Он громко рассмеялся и почесал лицо.

— Да ты действительно живешь в своем собственном маленьком мирке.

— Ага, и мне здесь нравится.

— Что ж, вот что я тебе скажу: я знаю, кто ты, знаю, кто он, и знаю, какое дерьмо повалит, если он тебя получит. И я не позволю этому случиться.

Ну надо же, какой чудесный поворот событий!

— Дерьмо, говоришь, повалит? Неужто воцарится ад на земле?

— Воцарится худший из худших адов на земле, Чарльз. Пойми ты, его сюда послали. За тобой. Чтобы он осуществил мечты своего отца.

Я встала налить себе воды.

— Все, что ты видел, все, что тебе наговорили, неправда. Его сюда не посылали. Он сбежал. Пришел сюда по собственной воле.

— Это он тебе сказал?

— Да, — ответила я, копаясь в шкафчиках Гаррета в поисках стакана.

— Никогда бы не подумал, что ангел смерти может оказаться таким наивным.

Да пошло все к черту. Попить я и дома могу. На свете не так много вещей, которые я ненавижу больше, чем когда ставят под сомнение мои умственные способности. Я захлопнула дверцу шкафчика и нависла над сидящим за столом Гарретом:

— Значит, ты побывал в аду, да? — Он молча кивнул, а я изобразила приторную улыбку, потрепала его по щеке и сказала: — Сладких снов.

(1) «Канун лета» — (англ. Summer's Eve) марка женской гигиенической продукции (тампоны, прокладки, салфетки, гели, дезодоранты и проч.).

(2) Безалкогольный концентрированный наполнитель (миксер) для коктейля «Маргарита». По утверждению производителей — с кусочками лайма и лимона, а также с натуральным соком лайма и сиропом с высоким содержанием фруктозы. Продается в замороженном виде.

(3) Песочный человек (или Сеятель) — фольклорный персонаж. Согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать.

Глава 10

Если смотреть в лицо своим страхам, то укрепляется сила духа.

А если бросаться от них наутек, укрепляются мышцы.

Наклейка на бампер

Домой я ехала, видя все вокруг в красном цвете. Буквально. По пути меня остановил коп, а мигалки на его машине были до одурения яркими. Наверное, я еще несколько дней буду смотреть на мир и видеть его в красных пятнах. Я немножко пофлиртовала и ничего этим не добилась. Рассказала, кем работает мой дядя, и меня отпустили на все четыре стороны. В итоге я чувствовала себя немного спокойнее, но дальше поехала намного медленнее. Несмотря на ссору, дом Своупса оказался неплохой сменой обстановки после моего захламленного коробками жилища. Подъехав к дому, я остановилась и тщательно осмотрелась, обращая особое внимание на зловещие тени и темные углы. Два месяца я не выходила из дома так надолго. И оказаться на улице ночью, когда вокруг никого, теперь казалось опасной затеей.

Я заперла машину и пошла к дому, где меня встретила отчаянная потребность проверить все укромные уголки и трещинки, и только после этого я смогла подняться к себе на третий этаж. Войдя в квартиру, я прижалась спиной к стене и поймала себя на том, что все еще оглядываюсь. Если когда и надо носить с собой фонарик, то уж точно ночью.

В спальню я прошла на цыпочках, чтобы не разбудить Джемму, открыла верхний ящик комода и достала фотографию. Ту самую, которая недавно появилась у меня, и на которую я с тех пор не смотрела.

Раздался звук заработавшего сливного бачка, и в комнату заглянула Куки. Из кухни от вытяжки над плитой лился свет, обрамляя фигуру Куки, так что ничего, кроме ее силуэта, я

разглядеть не сумела.

— Чарли, это ты? — сонно прохрипела она.

Мне стало интересно, пьяна ли она до сих пор. Повернув снимок изображением вниз, чтобы ненароком не увидеть, я ответила:

— Нет, я Эппл, злой двойник Чарли.

— Не можешь уснуть?

Я присела на край кровати.

— Не могу, ага. Все ругаюсь и ругаюсь с Интелом.

Куки села рядом.

— Из-за чего?

Я тихонько рассмеялась, а потом спросила:

— Ты утром проснуться-то сможешь?

— Со мной все в порядке, — улыбнулась она. — Я быстро справляюсь с опьянением.

— Ты вырубилась прямо в кухне на полу.

Куки громко фыркнула:

— Можно подумать, это в первый раз. — Что ж, она права. — Так что стряслось?

— Я не знаю, что и думать о Рейесе.

— Ох, солнышко, а кто знает? Он — загадка, обернутая в чувственность, запертая на замок с дюжиной цепей из желания и перевязанная смертельно острой красной лентой опасности. У него больше слоев, чем у торта на свадьбе миллиардера.

Мои брови унесло куда-то вверх.

— Чувственность?

— Понимаю, наболтала я тут с три короба, но ведь трудно не заметить, что он — самый-пресамый лакомый кусочек, который когда-либо ходил по земле. — Она заметила фото у меня в руках: — А это что такое?

Я опустила голову.

— Помнишь, пару месяцев назад я ездила туда, где впервые увидела Рейеса? В дом, который списали под снос, и где все еще жила та сумасшедшая женщина?

— Помню, она была домовладелицей, когда там еще жил Рейес. Ты тогда училась в старших классах.

— Точно. Это дала мне она. — Я протянула фотографию Куки, но все еще держала снимок за уголок. — Должна предупредить, фото очень... откровенное.

На ее лице отразилось удивление, она взяла фотографию и повернула так, чтобы на нее падали те крупницы света, которые проникали в спальню. Поначалу Куки нахмурилась, пытаясь разглядеть изображение. Когда она разобрала, на что смотрит, ее глаза сузились, а потом широко распахнулись — она узнала того, кто изображен на снимке. Ее рот открылся в немом подтверждении, что она все поняла. Глаза наполнились слезами, а свободная рука метнулась вверх, прикрыв рот.

Казалось, Куки не могла отвести глаз от фотографии, как это бывает с теми, кто оказался свидетелем автокатастрофы. Мне не нужно было смотреть на снимок еще раз — я и так знала, какой кошмар там запечатлен. Он вьелся мне в мозг с той самой минуты, когда я увидела фото.

Веревки. Кровь. Синяки. Стыд.

Наконец Куки заговорила, так и не убрав ото рта руки:

— Это... — Ее голос сорвался, и перед тем, как попробовать еще раз, она тяжело

сглотнула. — Это Рейес?

— Да.

Закрыв глаза, она прижала фото к груди, будто хотела утешить Рейеса. Защитить. Я заметила, как блеснул след от слезы, скатившейся по ее щеке.

— Господи, Чарли... Ты мне рассказывала, но...

— Знаю. — Я крепко обняла ее за плечи одной рукой.

Куки погладила меня по руке и прижала ее к себе, рядом с фотографией.

Я дала ей время переварить увиденное. Взять себя в руки.

Насколько я знала, фотография была своего рода трофеем. Ким, сестра Рейеса, рассказывала, что Эрл Уокер делал снимки, а потом прятал их в стенах везде, где они жили. Переезжали они постоянно, так что таких мест могут быть десятки. Ким говорила, что этими фотографиями Уокер шантажировал Рейеса, чтобы держать его под контролем. Может, и так. Хотя я лично склонялась к мысли, что для Уокера они были скорее сувенирами на память о том, что он творил. Однако я в упор не понимала, зачем он прятал их в стенах. Если снимки на самом деле были трофеями, то почему он не забрал их себе? Зачем оставлять их там, где их могут найти (как это случилось с мисс Фэй) и использовать против него?

И тут меня осенило: наверняка ни на одной из фотографий самого Эрла нет. Потому что Эрл фотографировал Рейеса.

Мне казалось, что снимок, который дала мне мисс Фэй, Уокер сделал специально, чтобы утопить Рейеса в стыде. Что именно это и было его целью. На фото Рейес был связан, с повязкой на глазах, но все это не помешало мне сразу его узнать, потому что такой красоты на свете больше нет. Спутанные темные волосы. Чувственные губы. Гладкие, текучие, четкие линии татуировок на плечах и руках. Вербки, впившиеся в плоть и открывающие раны, которые, казалось, только-только начали заживать. На фото ему было около шестнадцати. Лицо отвернуто в сторону, губы плотно сжаты от унижения. На шее и ребрах — огромные черные синяки. Руки и торс покрыты длинными глубокими порезами. Заживающими и свежими.

Мне никогда не удастся стереть из памяти это фото, поэтому я уже всерьез начала задумываться о том, чтобы подвергнуть свои мозги электрошоковой терапии. По крайней мере, стоило бы попытаться. И все-таки я сохранила снимок. По сей день понятия не имею, почему не сожгла его, как только увидела.

— Даже представить не могу, какой была его жизнь, — проговорила Куки, глядя в никуда.

— Я тоже. Сегодня он меня спас. Дрался с демоном, который просто жаждал выпустить мне кишки.

— Чарли, ты не шутишь? — встревожилась она.

— Нет. Я так на него злилась, а он только и делал, что спасал мне жизнь. Снова и снова с самого рождения. Не знаю, имею ли я право на него злиться.

— Может быть, ты вообще и не злишься на него.

— В смысле?

Куки неуверенно прикусила губу, а потом сказала:

— Я знаю тебя, Чарли. И мне кажется, что ни на кого ты не злишься. Разве что на саму себя.

Я тут же села ровнее.

— С чего бы мне злиться на саму себя?

Она сочувственно улыбнулась:

— Вот именно. С чего бы? И все же ты, как всегда, злишься на саму себя за... за что? За то, что Эрл Уокер вломился к тебе в квартиру? За то, что напал на тебя? За то, что ты не сумела дать ему отпор?

Я нахмурилась:

— Ошибаешься. Я вовсе на себя не злюсь. Я в полном порядке. И вообще, у меня все клево. Ты видела мою задницу?

Куки обняла меня одной рукой и сжала мое плечо:

— Извини, детка, но тут ты никого не одурачишь, кроме, может быть, самой себя. Итак, какие у тебя мысли по поводу парня, которого мы знаем как сына Сатаны? Есть у него шанс?

Она передала мне фото лицом вниз. Я взяла его, не переворачивая.

— Может быть. У суда присяжных перерыв на обед.

— Тогда скажи им, чтобы поторопились. Потому что надо как-нибудь устроить, чтобы этот парень появлялся тут почаще. Он же как супермодель из Бразилии, пропитанный грехом.

— Удачно описала.

— Я тоже так думаю. Но все-таки должна спросить: почему Эппл?

Странность какая-то, но сопящая под боком Джемма и бабушка Лил, которая отключилась в другой комнате, пребывая в полной уверенности, что напилась в стельку, действовали успокаивающе. Не супер, конечно, особенно когда Джемма начала хныкать во сне или когда треснула меня по лицу за то, что я пират (у девушки проблемы, что тут скажешь), но мне удалось хоть немного поспать.

И все-таки проснулась я рано. Отчасти потому, что у людей, занимающихся ремонтом, рабочий день начинается раньше, чем у Бога. Но в основном потому, что по квартире металась Джемма в поисках своих штанов. Когда я оттаскивала ее в постель, штаны на ней точно были, так что даже думать не хочу, куда они могли подеваться. А она все бегала и бегала, натываясь на разные предметы. Хорошо, что я не успела прикипеть душой к фигурке Авраама Линкольна из макарон. Если бы я не знала наверняка, то сказала бы, что Джемма до сих пор под мухой, а потому я дожидаться не могла, когда увижу, на что сейчас похожа Куки.

Я снова заскочила в душ, на этот раз — просто чтобы взбодриться. Сознание снова и снова атаковали тревожные образы. Гаррет в аду. Вчерашний демон, с которым дрался Рейес. Попытки Куки освоить премудрости кухонной версии танцев у шеста. У нее получалось бы лучше, будь у меня в кухне настоящий шест, но я с радостью присудила ей дополнительные баллы за уникальную способность притворяться, будто он есть на самом деле.

Надев джинсы, шоколадно-коричневый свитер с воротником-«хомутом» и старые выцветшие ботинки, которые завязывались на щиколотках, я вышла из своей комнаты, готовая встретить новый день за пределами моей скромной обители. Трясло меня, честно говоря, с ног до головы. В последние дни мне намного больше нравилось находиться внутри моей скромной обители, чем снаружи. Однако на мне висели дела, которые нужно было раскрыть, и люди, которых было бы неплохо хорошенько подергать, чтобы из них посыпалось всякое дерьмецо. Я решила, что начну с брата Харпер, который казался мне

лично весьма подозрительным, заодно узнаю, насколько сильно ему хотелось, чтобы она умерла. Или сошла с ума. Этот вариант уже какое-то время сидел у меня в голове. Он определенно извлек бы выгоду, убрав Харпер с дороги. Наследство его уж точно бы удвоилось.

Гадая, куда подевалась бабуля Лил, я взяла сумочку, солнцезащитные очки и двинулась к двери. К сожалению, кто-то меня опередил. Стук раздался за долю секунды до того, как я взялась за дверную ручку. Я распахнула дверь. Мой порог своим присутствием украшал последний человек на планете, которого я ожидала здесь увидеть.

Не собираясь менять планы, я напялила очки.

— Я уже уйду, — сказала я Дениз, моей мачехе родом из ада.

И тут меня осенило: может быть, Гаррет вовсе не был в аду. Может быть, его по ошибке занесло в дом к моим родителям. Тогда понятно, почему он слышал крики и мучительные стоны.

— Можно с тобой поговорить? — спросила Дениз. — Это не займет много времени.

Дениз из тех женщин, которых другие люди считают милыми. У нее приятная улыбка и знатный опыт в демонстрации хороших манер. Однако она такая же милая, как оголодавшая гремучая змея в корзинке, набитой крысами. По крайней мере для меня — приемного «плода ее чрева».

Мы с Дениз никогда по-настоящему не ладили. Она открыто невзлюбила меня с тех пор, как я стала приставать к ней с расспросами о том, как прошло ее детство. В частности, меня интересовало, каково это — бегать по лугам с динозаврами. После этого Дениз стала бросать на меня взгляды из жидкого азота, способные в мгновение ока заморозить самые благие на свете намерения. Своим самым действенным взглядам я научилась как раз у нее. Наверное, я должна быть ей за это благодарна.

Сделав глубокий вдох, я медленно выдохнула, будто уже до смерти заколебалась, шагнула в сторону и жестом предложила Дениз войти. Она застыла, увидев, в каком состоянии моя квартира, и я мысленно стала умолять ее сказать хоть что-нибудь. Что угодно. Мне сойдет любое оправдание, чтобы вышвырнуть ее из моего дома. Мне приходилось мириться с ней в той части моей жизни, которая касалась обязательств перед семьей, и я охотно притворялась, что все путем, в присутствии папы и Джеммы. Но не здесь. Не в моем священном месте. Пусть поцелует меня в задницу, если думает, что я буду улыбаться и терпеть ее снисходительные взгляды под собственной арендованной крышей.

Похоже, Дениз поняла, что к чему, и ее инстинкт самосохранения заработал на всю катушку. Моргнув, она взяла себя в руки и прошла в квартиру, старательно обходя коробки и пару штанов цвета хаки.

Стараясь не задумываться, как там Джемма без штанов, я проводила Дениз в гостиную (то есть шагов пять от двери), села на диван и наградила ее своим лучшим мрачным взглядом.

— Что я могу для тебя сделать, Дениз?

Она села в кресло, приставленное к дивану, и расправила плечи.

— Я только хотела задать тебе пару вопросов.

— А телефон у тебя не работает?

Услышав мой резкий тон, она ошетичилась, потому что не привыкла молча сносить мои нападки. Скромности и сдержанности у нее в крови отродясь не было. Должно быть, Дениз действительно в отчаянии.

— Ты не отвечаешь на мои звонки, — напоямила она.

— А-а, точно. Я и забыла. Так чем могу помочь?

Вытащив из сумочки салфетку, она сняла солнцезащитные очки и стала демонстративно их протирать.

В конце концов, с невероятной осторожностью, я открылась. Дала себе почувствовать эмоции, которые испытывала Дениз. По большей части я постоянно закрыта, потому что чужих чувств слишком много. Еще в старших классах я научилась контролировать, что именно и в каких количествах воспринимаю. А до того жизнь была... скажем так, не сахар. Особенно рядом со зверской мачехой.

Дениз переполняли эмоции, и худшие из них молнией ударили по мне, выбив дух. Страх. Сомнения. Скорбь.

Кто-то умер. Или скоро умрет. Чувства были слишком сильные, чтобы не связать их со смертью.

— Во-первых, я хочу, чтобы ты знала: я верю тебе. Верю в то, кто ты и что умеешь делать.

То есть женщина, которая превратила мое детство в ад как раз из-за моих способностей, теперь вдруг в них поверила. О да. Кто-то где-то точно умрет. Может быть, даже она сама, но мне не хотелось подпитывать праздные надежды.

— Потрясающе! — воскликнула я с наигранным энтузиазмом. — Наконец-то мы станем лучшими подругами.

Дениз меня проигнорировала:

— Я давно знаю, Шарлотта.

Она никогда не называла меня сокращенным именем. Потому что иначе казалось бы, что мы сблизились, а мы ни в коем случае не могли такого допустить. Вдруг ее друзья отвернулись бы от нее?

— Ты же понимаешь, как трудно было тебя воспитывать.

Вот тут я не удержалась. Громко фыркнула и рассмеялась:

— Воспитывать? Так называешь то, что со мной делала?

Все мое детство я только и видела, что ей на меня наплевать. Если я не позорила ее перед друзьями или у меня не шла обильными потоками кровь, она меня не замечала. Для нее я была никем. Невидимкой. Пылью у нее под ногами.

Не то чтобы меня это очень уж задевало.

— У тебя нет детей, поэтому я не жду, что ты действительно поймешь.

Я решила поделиться с ней забавным случаем из жизни, чтобы помочь лучше понять ситуацию:

— Любой, у кого есть дети, должен знать, что когда ты спрашиваешь у маленькой Чарли, кто разбил лампу, а она отвечает, что не знает, то на самом деле она пытается сказать: «Это был парень с бледной прозрачной кожей, который, может быть, умер от удара тупым предметом по голове, хотя скорее всего от того, что подхватил инфекцию из-за многочисленных огнестрельных ран в груди». Но, может быть, я необъективно смотрю на мир.

— С тобой и правда все было необычно, — согласилась Дениз, разглядывая очки.

— Да неужели?

Она не стала возражать, и я чуть не улыбнулась. Понятия не имею, когда я стала такой жестокой тварью. Дениз определенно страдала. Но расплата, как известно, легкой не бывает.

Уж я-то знаю.

Как стойкий оловянный солдатик, Дениз, не сдаваясь, шла вперед:

— Ты передашь мне сообщение? То, которое оставил мне мой отец?

И снова я ничего не смогла с собой поделаться. У меня отвисла челюсть, и я чуть не рассмеялась ей в лицо. Сейчас? После всех этих лет она вдруг решила, что хочет вступить в клуб, я должна помнить, что сказал мне мертвец, когда мне еще и десяти не исполнилось? Какого, блин, черта?

— Ну что ж, мне тогда было... — я подняла глаза на огромный калькулятор в небесах. — Даже не знаю, четыре или пять, а значит... сколько лет назад? Математика не мой конек.

— Двадцать три, — подсказала Дениз.

— Значит, мне было четыре.

— Знаю, — отозвалась она, сжав пальцами сумочку. — Но еще я знаю, как удивительно устроен твой разум. — Она в упор посмотрела на меня. — Ты никогда ничего не забываешь.

— Ты права. Я очень хорошо помню, как ты надавала мне пощечин в парке на глазах у всех. И как на пляже ты за волосы оттаскивала меня от велосипеда. И, конечно же, я помню, как пыталась передать тебе слова твоего отца, а ты меня отлупила и всю дорогу до папиного бара орала на меня. — Я подалась вперед. — Ты плюнула мне в лицо.

Губы Дениз превратились в ниточку, будто она вот-вот заплачет. Проклятье, а она молодец. Не знай я ее, сказала бы, что она действительно сожалеет о том, что наделала.

— Тогда в парке я была шокирована. То, что ты сделала... — Она глубоко вздохнула, решила, видимо, не заикливаться на этом упреке и перешла к следующему: — Мое кольцо запуталось у тебя в волосах. Я говорила тебе не лезть на тот велосипед, но ты не послушалась.

Если бы обжигающая ярость могла как-нибудь выйти за пределы моей души, от Дениз осталась бы горстка пепла. Или крошечный обугленный кусочек, похожий на Гитлера, потому что она, хоть убей, очень мне его напоминала. Значит, во всем виновата я? Да как у нее язык повернулся ляпнуть такое?

— И, если ты помнишь, я даже не знала, что мой отец умер, когда ты сказала, что он передал мне послание из могилы. Как я должна была на это отреагировать, Шарлотта?

— Видимо, только плюнув мне в лицо.

Она опустила голову:

— Если я извинюсь, это поможет?

— Не особенно.

— Так ты передашь мне его послание?

Печаль и раскаяние в ее глазах так и пожирали мою решимость. То есть не так чтобы очень, скорее как мышка, откусившая кусочек от головки сыра размером с гору Рашмор. Но этого хватило, чтобы я ответила:

— Ей-богу, я дословно не помню. Там было что-то о синих полотенцах. Или о полотенцах, которые не были синими. Твою мать, не знаю.

Что ж, я выругалась вслух только потому, что знала: Дениз такие выражения ненавидит. Однако толку от моих стараний было мало — она так глубоко задумалась, пытаясь понять, к чему могут относиться мои слова, что и не заметила. Внезапно что-то в ее воспоминаниях заставило ее просиять:

— Погоди-ка.

— А долго? У меня и правда дел не впрокорот.

Дениз встала и повернулась ко мне спиной.

— Что именно он говорил о полотенцах?

Я глубоко вздохнула:

— Говорю же, что-то о том, что они не были синими. Кажется, он сказал, что ты в этом не виновата.

Печаль врезалась в меня, как лавина из чистой кислоты. Глаза запекло. Грудь сдавило. И я закрылась. Захлопнула дверь, в которую сочились эмоции, и вдохнула полной грудью чистый, не обжигающий изнутри воздух.

Дениз повернулась и упала передо мной на колени. На колени! Мне стало жутко неловко. Я попыталась отодвинуться, но и так уже сидела в самом конце дивана, который, может быть, получит имя Консуэла. Наверняка у меня на лице было написано отвращение, которое я сейчас испытывала.

— Это ко мне даже не относится, — благоговейно пролепетала Дениз. — Это о тебе. Он пытался сказать мне о тебе.

— Ты вторгаешься в пузырь моего личного пространства.

— Он пытался сказать мне, какая ты особенная.

— А ты не слушала, — я поцокала языком. — Надо же, какой сюрприз. А теперь серьезно, ты лезешь в мой пузырь.

— Извини, — сказала она, удивленно озираясь. — Я... Прости меня, Шарлотта.

Я понятия не имела, каким макаром сообщение ее отца касалось меня, или как Дениз пришла к такому выводу через синие полотенца. К сожалению, меня не очень-то заботил этот вопрос.

— Это все? — спросила я.

— Нет.

— Что ж, на сегодня других посланий для тебя у меня нет. Разве что о том, что у меня дел по горло. А это очень, очень важная информация. — Я взяла с пола сумку, опять надела очки и встала, чтобы уйти.

— Ты можешь сказать, грозит ли кому-нибудь в скором времени смерть? — спросила Дениз, пока я не успела дойти до двери.

Так и знала. Опустив голову и стиснув зубы, я ответила:

— Точно не знаю.

К сожалению, у меня было неприятное чувство, что могу. И всегда могла. Но это одно из тех зудящих ощущений на задворках разума, на которые я, как правило, не обращаю внимания. Например, когда в одежде на Куки одновременно присутствуют фиолетовый, красный и розовый, я просто-напросто заталкиваю этот факт в самый дальний уголок сознания. Я не знала, как объяснить это кому-то вроде Дениз, так что не стала и пытаться.

— Возможно. — Я склонила голову набок и осмотрела мачеху сверху донизу. — Ага. На твоём месте я бы стала подыскивать участок на кладбище.

Она ни на йоту не восприняла мои слова всерьёз, и это, наверное, хорошо, потому что я всего лишь её дразнила. Она тоже встала, засунула салфетку в сумочку и попросила:

— Если заметишь что-нибудь подобное, позвони мне, пожалуйста.

— Не вопрос. Забью твой номер в быстрый набор.

Подойдя к двери, Дениз обернулась:

— Чтобы ты знала, я не для себя прошу.

Когда она ушла, я подождала добрых пять минут и только потом сама вышла из квартиры, тут же выбросив Дениз из головы. Ну или чертовски сильно стараясь этого добиться.

Судя по табличке на здании, «Корпорация “Вуаль”» (1) занималась исследованием и усовершенствованием альтернативного топлива, а сводный брат Харпер, Арт, явно был там большой шишкой. Поскольку встречу никто не назначал, мне сказали ждать в вестибюле. Ждать в таких местах я не люблю, поэтому выдала секретарю в приемной краткую версию своей подноготной и объяснила, что если Арт меня не примет, то я вернусь с полицейскими и ордером. Через несколько минут я уже стояла в его кабинете. Люблю, когда подобный бред срабатывает. Ну серьезно, на каких основаниях мне дали бы ордер? Должно быть, Арту есть, что скрывать.

Когда помощница Арта проводила меня к нему, мне показалось, он не очень-то рад нашей встрече. Он встал и даже протянул руку, но радостью здесь и не пахло. Как назло, парень оказался симпатичным. Костюм-тройка, лицо кинозвезды, короткие темно-русые волосы и естественный загар. Но гвоздем программы были его глаза — серебристо-серые, с легким оттенком голубого, в кайме длинных темных ресниц. Проклятье! Ненавижу, когда плохие парни оказываются красавцами. Куда проще относиться к ним, как они того заслуживают, когда они выглядят соответственно: зачуханные, с похабной ухмылочкой и гнилыми зубами.

Впрочем, мне на помощь пришло, пусть и не бросающееся в глаза, сходство Арта с его матерью. Сомнений нет, он мерзавец. И я это докажу, как только представится шанс.

Наскоро пожав мне руку, он жестом предложил мне сесть и уселся сам.

— Не потрудитесь объяснить, откуда возникла необходимость угрожать мне, мисс Дэвидсон?

— С радостью потружусь. Мне было нужно с вами увидеться. И как можно скорее. Меня наняла ваша сводная сестра...

— Знаю-знаю, — перебил он меня, подняв руку. — Матушка все мне рассказала.

Обо мне говорили за ужином? Круто. Обожаю, когда такое случается. Однако у меня личная неприязнь к взрослым мужчинам, которые называют своих матерей матушками. Еще одно очко не в его пользу. Может быть, это хоть как-то уравновесит его долбаную привлекательность.

— Уверен, вам тоже, — добавил Арт.

— Мне?

— Да. Наверняка вам все уши прожужжали о том, что Харпер всего лишь хочет привлечь к себе внимание, и что все это началось сразу после свадьбы моих родителей.

Я прощупала его эмоции, но гнева среди них не было. Как и чувства вины. Пока я не сказала:

— Харпер говорила, что вы подожгли будку ее пса, когда он был внутри.

— Она так сказала?

От Арта волнами пошла вина, но было и еще что-то. Намного сильнее. Он испытывал боль. Его чувства были задеты. Он встал и повернулся к окну.

— Это вышло случайно. И она это знает.

— О чем она тоже не преминула мне сообщить. — В отражении его лица на тонированном стекле я разглядела слабую улыбку. И тут меня словно громом поразило. — Вот дерьмо! Вы ее любите.

— Что? — Арт повернулся ко мне, всем своим видом выражая негодование.

Я поджала губы:

— Да ладно вам.

— Черт. — Он обошел стол и закрыл дверь в кабинет, перед тем как продолжить: — Откуда вы... Послушайте, — он запустил пальцы в шевелюру, а я очень старалась не расплыться в улыбке, — конечно, я ее люблю. Она моя сестра.

— Она ваша сводная сестра, Арт, к тому же настоящая красавица. Я ее видела, помните? Он снова сел за стол.

— Она не знает. Даже не догадывается.

— Но почему? — поразила я.

— Все очень непросто. Мы много лет были близки.

— Минуточку, — дошло вдруг до меня. — Вы и были тем человеком, с которым Харпер продолжала держать связь, когда исчезла на три года, верно?

Арт состроил гримасу:

— Сколько из этого дойдет до ушей моей матери?

— Если в этом не будет прямой необходимости, то нисколько. Полагаю, то, что вы помогали своей сводной сестре, никоим образом ее не касается.

— Да, — неохотно кивнув, ответил он на мой вопрос. — И это были самые тяжелые три года в моей жизни.

Он и правда ее любит.

— Что ж, должна признать, вы только что на корню зарубили всю мою теорию. Я считала, что Харпер изводили вы.

— Мне очень жаль. — Ни капельки ему не жаль. Я-то точно знаю. — Но вы ведь ей верите? — полным надежды голосом спросил Арт, приподняв брови.

— Верю. Не могли бы вы поделиться со мной мыслями? Наверняка за все эти годы у вас появилась пара-тройка идей.

— Ни одна из них себя не оправдала, — разочарованно ответил он, но мне показалось, что источник его разочарования — он сам. — Много лет я пытался выяснить, кто за всем этим стоит. Одно время думал, что это соседский мальчишка, который был по уши в нее влюблен. Потом — что это курьер, доставлявший нам мебель. Случаи происходили в самое разное время. Иногда Харпер была дома, а иногда нет. Так что слова моей матери о том, что Харпер всего лишь жаждала внимания, чушь собачья.

Я была рада, что он так думает.

— Был в доме кто-то еще, у кого имелся свободный доступ к комнате Харпер?

— Конечно. Постоянно. Родственники, кузены, горничные, повара, садовники, поставщики продуктов, организаторы праздников, ассистенты — куча людей.

— Кто-нибудь из них жил с вами?

— Только домработница и иногда кто-то из поваров. У нас их было множество. С матушкой не так-то просто найти общий язык.

Могу себе представить.

— Я должна задать вам один непростой вопрос, Арт, и мне нужно, чтобы вы ответили по возможности объективно.

— Хорошо, — отозвался он с подозрительностью.

— Вы когда-нибудь подозревали свою мать?

Арт застыл, стиснул зубы.

— Нет. Никогда.

— Здоровье вашего отчима сейчас пошатнулось, верно? И, если с Харпер что-нибудь случится, вы с матерью получите все.

Он пожал одним плечом, даже не собираясь возражать:

— Все так, но мы и без этого получим небольшое состояние.

— Может быть, этого недостаточно. Может быть, ваша мать пыталась... даже не знаю, свести Харпер с ума, чтобы потом объявить ее недееспособной или еще что.

— Понимаю, почему вы так думаете, но она не настолько алчная. Я много об этом думал. Матушка не лгала, все началось сразу после того, как родители поженились. До свадьбы я видел Харпер всего несколько раз, и она была обычной нормальной девочкой.

— А потом?

— А потом изменилась. Но, несмотря на то, что думает моя мать, я не считаю, что все это как-то связано с их браком. — Арт наклонился вперед и пристально уставился на меня своими невообразимыми глазами. — Мне кажется, с Харпер что-то произошло, когда у родителей был медовый месяц. И это повлекло за собой все остальное.

— Ни о чем подобном она не упоминала.

— Мне кое-что известно о посттравматическом синдроме, мисс Дэвидсон. И теперь, оглядываясь на прошлое, я думаю, у Харпер были симптомы. Бога ради, ей ведь было всего пять лет. Кто знает, какие воспоминания с тех пор она пытается задвинуть куда подальше.

— В этом вы правы. Болезненные воспоминания действительно могут подавляться. Но я рада, что у нее есть вы. Что хоть кто-то играет в ее команде.

— Я тоже, — улыбнулся Арт и откинулся на спинку кресла. — Интересно, даст ли она мне когда-нибудь возможность искупить вину за тот пожар.

— Я бы на это не рассчитывала.

(1) Игра слов. Veil Corporation («Корпорация «Вуаль») созвучна экономическому термину corporate veil («корпоративная вуаль/ширма»), который обозначает использование корпорации (юридического лица) для сокрытия действий физического лица. Суды обычно пытаются "снять" такую "вуаль", чтобы преследовать истинного виновника.

Глава 11

Раз уж убивать людей незаконно, можно мне хотя бы тазер? Ну так, чисто порезать?

Надпись на футболке

Может быть, Арт был прав. Может быть, у Харпер действительно были воспоминания, которые она в свое время спрятала в самых далеких уголках своей памяти. Например, о каком-то событии, которое дало ход всему остальному.

Если кто и знал о таком происшествии, то наверняка ее первый психоаналитик.

Я позвонила Куки и после подробного инструктажа, как уменьшить громкость звонка на ее телефоне, получила информацию о первом враче Харпер. Это была психолог по имени Джулия Пенн, которая уже вышла на пенсию. Добыть контактную информацию Куки не удалось, зато она узнала адрес. Джулия Пенн жила в Сандия-Парке (1) прямо у подножия горы. На сегодня у меня было больше тысячи дел. Например, повидаться с Харпер и Квентином, заскочить к парочке старых друзей, то есть к Рокету — мертвому гению, который живет в заброшенной психлечебнице. Но я все-таки решила нанести визит Джулии. Вряд ли это займет много времени.

Я ехала по тихой дороге, занесенной в список исторических ценностей, которую у нас называют Бирюзовой тропой. Богатый пейзаж за окнами вел меня к престижному Сан-Педрс — закрытому району для неприлично богатых людей в самом начале Сандия-Парка. Ошеломленная царящей здесь красотой, я снова позвонила Куки.

Экскурсия в реальном времени

— Разве я не говорила, как меня сегодня бесит звонок?

— Откуда у тебя похмелье, Кук? В четвертом часу утра ты была в полном порядке.

— Тогда его еще не было. Оно посетило меня приблизительно в двадцать две минуты восьмого. Это штаны Джеммы?

— Ага.

— А как...

— Понятия не имею. Слушай, на фиг всю эту лабуду с клевой квартирой в нашем доме. Раз мы не можем ее получить, то пакуй вещички. Мы переезжаем сюда.

— Прекрасная мысль, — отозвалась Куки.

— И я того же мнения.

— Вот только у тебя нет денег даже заплатить арендную плату за квартиру.

— Еще одна причина переехать.

— А цены на дома в том районе такие, что ты и сосчитать не сможешь.

— Когда ты так говоришь, вся затея с переездом кажется дурацкой.

— Знаешь, как в домах престарелых иногда бабушек изолируют на двадцать четыре часа в сутки, потому что они смешивают лекарства других бабушек и дедушек и воруют утки?

— Ну да, — сказала я, гадая, к чему она клонит.

— Одной из них когда-нибудь станешь ты.

Наверное, она права. Если, конечно, я доживу до такого возраста.

Я подъехала к потрясающей красоты саманному домику с гаражом на три машины и подстриженным газоном. Интересно, смогу ли я позволить себе нечто подобное, если отошлю обратно все свои телепокупки и продам Развалюху? За домом возвышались горы, а перед ним — великолепные красные горные ущелья. Джулия встретила меня у крыльца и повела вокруг дома на задний двор.

— Мне звонила миссис Лоуэлл, — поделилась доктор Пенн, показывая мне открытое патио позади дома. В стилизованном под индейский очаг (2) камине горел огонь. — Я ждала звонка и от вас, но никак не ожидала, что вы появитесь у меня на пороге.

Чудненько. А родительский комитет миссис Лоуэлл тоже успела обзвонить? Или,

может быть, всех школьных друзей Харпер? А учительнице второго класса звякнуть не забыла? И еще тренеру университетской волейбольной команды? Бедняжке, наверное, часами на телефоне пришлось висеть.

Доктор Пенн, женщина средних габаритов с длинными седыми волосами, подобранными вверх с помощью заколки, жестом предложила мне сесть. Мебель здесь, во дворе, показалась мне чересчур элегантною для того, чтобы стоять под открытым небом.

— Мне нельзя говорить о пациентах, — сказала доктор Пенн. — Уверена, вы это знаете.

— Я в курсе, что вам нельзя разглашать индивидуальные детали их случаев, поэтому буду задавать вопросы более обобщенного характера. Короче говоря, такие, которые можно было бы задать любому человеку. — Она натянуто мне улыбнулась, и я продолжила: — Вам известны симптомы ПТСР?

— Вы собираетесь меня оскорблять, мисс Дэвидсон?

— Вовсе нет. Всего лишь хочу убедиться, что симптомы вам известны.

— Разумеется, мне известны симптомы ПТСР.

— И вы не сумели распознать их у Харпер? Мне показалось, у нее они очень даже есть.

— Разве я прихожу к вам в офис и указываю, как вести расследования?

Я на минуту задумалась.

— Мне об этом ничего неизвестно, но уже какое-то время я в офисе не появлялась.

— Тогда прошу вас, мисс Дэвидсон, не указывайте мне, как ставить диагноз пациенту. К тому же у меня, как мне кажется, на пару-тройку лет опыта побольше, чем у вас.

Надо же, сколько пафоса!

— То есть вы хотите сказать, что облажались, но ничего исправить не могли, потому что иначе выглядели бы хреновым профессионалом.

— Дорогу к выходу вы наверняка помните, — ледяным тоном сказала она, поднялась и пошла к задней двери своего дома.

Я тоже встала.

— Или миссис Лоуэлл заплатила вам за неверный диагноз Харпер? Чтобы иметь возможность пичкать ее лекарствами и таким образом слепить себе послушную падчерицу?

Будь у моей мачехи деньги, ни секунды не сомневаюсь, что она бы сделала то же самое. Чтобы заткнуть мне рот. Чтобы я не устраивала ей проблем и не позорила перед людьми.

Доктор Пенн обернулась:

— Я психолог. Лекарства я рекомендую крайне редко, и моя лицензия не дает мне права выписывать на них рецепты. — Замолчав, она уставилась на камин. — Все души разные. Одни более хрупкие, чем другие. Харпер не хватало отца и того, как они жили раньше. Поэтому миссис Лоуэлл она рассматривала как угрозу. Неподходящее они выбрали время.

— В смысле для свадьбы? А вдруг случилось что-то еще? Вспомните, пожалуйста: теперь, после стольких лет, как вам кажется, могла у нее быть какая-то форма ПТСР?

Доктор Пенн устало вздохнула:

— Возможно. Но ведь я перепробовала все, даже регрессивную терапию.

— То есть гипноз.

— Да. Я не должна вам этого говорить и говорю только потому, что вас наняла Харпер, а ее мачеха просила с вами сотрудничать. В общем, в памяти Харпер не хватало отрезка времени. Недели, если точнее. Она ничего не смогла вспомнить о той неделе, которую провела с бабушкой и дедушкой. Абсолютно ничего.

— А у них она жила, когда у Лоуэллов был медовый месяц, так?

— Да, но бабушка с дедушкой души в ней не чаяли. Это все, что я могу вам рассказать. Лоуэллы — мои хорошие друзья. Я и так перешла все границы конфиденциальности.

— У меня еще один вопрос.

Доктор Пенн раздраженно вздохнула:

— Ладно. Задавайте.

— Вы все это снимаете или ухитрились как-то купить?

Когда я спросила о доме, доктор Пенн немножко взбесилась и обвинила меня в том, что я обвинила ее во взяточничестве, которое и обеспечило ей роскошную жизнь. А я, ей-богу, просто хотела узнать, купила она дом или снимает. В общем, мы с ней явно не нашли общий язык.

На обратном пути в город я позвонила Джемме, чтобы получить больше информации.

— Ну и? Как голова? — поинтересовалась я.

— Что, черт возьми, подмешивала Куки в «Маргариту»? — У Джеммы был такой голос, будто она простудилась. Забавно.

— Любые твои подозрения не хуже моих. Вот почему я выпила всего одну.

— Господи... А я, кажется, штук двенадцать.

Я всегда была любящей, заботливой сестрой, поэтому, разумеется, расхохоталась:

— Пусть это будет тебе уроком.

— Никогда не пить двенадцать «Маргарит» подряд?

— Нет, — фыркнула я. — Это как раз приемлемо. Никогда не доверяй Куки.

— Поняла. Ты штанов моих не видела?

— Кстати о птичках. Как ты без них до дома добралась?

— Одолжила у тебя треники. Причем в них я ходила в супермаркет, разговаривала с соседями у них во дворе и только дома заметила, что на штанах сзади написано «Входа нет».

— Ты сперла мои любимые треники?

— Мне хотелось умереть.

— Странно, что от штанов в тебе просыпаются суицидальные наклонности. На твоём месте я бы проанализировала этот феномен вдоль и поперек.

— Ты на самом деле носишь их на людях?

— Только когда выхожу в них из дома. Скажи-ка мне, сложно ли диагностировать ПТСР?

Повисла долгая пауза, перед тем как Джемма все-таки ответила:

— Чарли, я знаю, почему ты звонишь, и да, солнце, более чем очевидно, что ты страдаешь от посттравматического стрессового расстройства.

— Чего? Да нет же. Речь о моей клиентке.

— Угу, а у этой клиентки случайно не каштановые волосы? А глаза не золотистые? Она с мертвецами не общается?

— Какой тонкий намек! Не заставляй меня орать в телефон, — злобно ухмыльнулась я. После двенадцати «Маргарит» такое предупреждение должно звучать чертовски неприятно.

— Умоляю, не надо.

— Хорошо. Тогда сосредоточься. Я действительно спрашиваю не о себе. Легко ли

диагностировать ПТСР у ребенка?

— Ну, за исключением тех случаев, когда пациент не помнит, что с ним или с ней произошло, это не вызывает затруднений. Видишь ли, симптомы довольно универсальны, хотя все случаи отличаются друг от друга. Как правило, все лежит на поверхности независимо от причины. А причины могут быть самыми разными: автомобильные аварии, стихийные бедствия, для солдат — перекрестный огонь на поле боя ...

Я решила ткнуть пальцем в небо:

— А если что-то произошло с совсем маленьким ребенком, но она этого не помнит? Или, может быть, она что-то видела? Или слышала? Может такое стать причиной ПТСР?

— Конечно. Такое случается и со взрослыми людьми. У меня был случай, когда женщина попала в автомобильную аварию и не могла добраться до плачущего сына. Она его не видела, но слышала. К сожалению, он умер до того, как на место происшествия приехала «скорая».

— Ладно-ладно, — перебила я Джемму, — мне этот случай не нравится.

— Мне тоже, но я не просто так о нем вспомнила.

— Ну хорошо, рассказывай. Только быстро.

— После случившегося у нее было то, что называют истерической глухотой. Или психосоматической потерей слуха.

— Похоже на то, как парни уходят на войну, а возвращаются слепыми без видимых причин.

— Точно. Их разум не способен справиться с тем, что они видели, поэтому мозг отказывается обрабатывать визуальную информацию. Зрительная зона коры головного мозга отключается. И это целиком и полностью психологическая, а не физиологическая проблема. Но все эти случаи из тяжелых. Чаще всего симптомы ПТСР намного менее очевидны, и люди даже не осознают, что проблема существует. Как, например, частный детектив, над которым зверски издевались и у которого с тех пор огромная эмоциональная травма.

— Опять ты за свое?

— Чарли, давай я сведу тебя с одним моим другом.

Я расправила плечи. Вот теперь она говорит на моем языке.

— Он симпатичный?

— Она очень хороший психотерапевт. Один из лучших в городе.

— Подожди, — сказала я, обдумывая только что пришедшую мне на ум мысль.

— Не буду я больше ждать.

— А если все произошло не один десяток лет назад? В то время диагностировать у пациента ПТСР было сложнее?

— Возможно. ПТСР существует со времен рассвета человечества, но диагнозом стал примерно в восьмидесятые. Разумеется, прошло немало времени, пока его признали таковым повсеместно.

— Спасибо.

Это могло объяснить, почему доктор Пенн не распознала ПТСР у Харпер и почему так усердно старалась найти другие причины ее недуга. Значит, мне нужно узнать как можно больше о том, что произошло с Харпер, пока у ее родителей был медовый месяц.

Я решила заскочить к Пари, чтобы повидаться с Харпер. Для тату-салона было еще слишком рано, поэтому он был закрыт, зато Тре уже сидел за компьютером и просматривал в интернете порно. Надо признать, вкус у него неплохой.

— А где Пари? — спросила я.

Тре пожал плечами, и я ощутила вспышку враждебности.

— Вышла.

Ну и ну, в раю, оказывается, проблемы. Тре, похоже, был по-настоящему расстроен. Впрочем, недостаточно, чтобы мне захотелось об этом поговорить. Я посмотрела на фотографии клиентов, которыми была увешана вся стена, и указала на одну из них:

— Да это же «Бандиты»!

Я шагнула ближе к фотке с разношерстной группой байкеров. По непонятной мне причине они владели моим любимым дурдомом, а на фотографии были запечатлены три моих самых любимых байкера — Донован, Эрик и Майкл. Все трое демонстрировали свои татушки в разных бодибилдерских позах, и что-то, напрямую связанное с ними, щелкнуло на задворках моего сознания. Совсем недавно я их видела, только по-другому. В другой ситуации, в другом окружении. Странно. Что-то такое было в их фигурах... Очень высокий, просто высокий и среднего роста.

— Ну ладно, скоро вернусь.

Тре опять пожал плечами, будто и вовсе меня не замечал.

Я размышляла о «Бандитах» столько, сколько осилил мой СДВ, потом вернулась мыслями к своей детской мечте о том, как стану космонавтом и спасу мир, если к Земле вдруг помчится комета, и пришла к выводу, что человечество было бы обречено.

— Привет, Харпер, — поздоровалась я, нырнув в крошечную комнатку.

Харпер смотрела в окно размером с визитку, но, услышав мой голос, обернулась:

— Привет.

— Есть минутка?

— Шутите? — развела руками она, заодно показывая на все, что ее окружало.

— В общем, надеюсь, Пари хорошо к тебе относится.

— Она не похожа на других.

— Такая уж она.

— Вы разговаривали с Артом?

— Да, и он определенно не тот, кого мы ищем.

— Ну конечно, не тот. Я лишь надеялась, что он мог что-нибудь выяснить.

— Что ж, кое-что интересное он все-таки озвучил, — сказала я, намереваясь сформулировать хитроумную двусмысленность. — Похоже, он считает, что с тобой что-то произошло, пока ты жила у бабушки с дедушкой.

Расстроено стиснув зубы, Харпер поднялась с дивана.

— Всегда все возвращается к одному и тому же. Но я действительно не помню. По какой-то причине к тому моменту, как родители отправили меня по врачам и я стала разбираться с их помощью, что тогда могло произойти, та неделя напрочь вылетела у меня из головы. Но ведь это не так уж и странно. Много ли вы помните из своего детства?

Она права. Даже мое детство на первый взгляд похоже на отдельные отрывки, а ведь я могу вызвать из памяти любое воспоминание. Даже не представляю, сколько всего может забыть нормальный ребенок.

— Арт сказал, что после возвращения домой ты изменилась.

Харпер озадаченно посмотрела на меня.

— Он меня почти не знал. Родители поженились так быстро, что мы и понять не успели, что произошло. Скажем так, нас в планы никто не посвятил.

— Странно. Меня родители тоже не посвятили в свои планы пожениться.

— Правда? А сколько вам было?

— Двенадцать месяцев.

Харпер тихонько рассмеялась:

— Даже представить не могу, почему они с вами не посоветовались.

— Вот и я том же. В общем, раз ты ничего пока вспомнить не можешь, пойду-ка я, наверное, и кое-что порасследую.

— Разве не этим вы и занимаетесь? — усмехнулась она.

— Ну да, точно, — я подтолкнула ее локтем. — Я же частный детектив, в конце концов. — Рассказывать Харпер о том, что я разговариваю с мертвецами и они частенько помогают мне раскрывать дела, в данный момент было бы неловко. Пусть лучше думает, что все мое дерьмо лежит в одном месте, а не разбросано отсюда до Тимбукту. Как это бывает, например, с дерьмом на скотоводческих ранчо. — Ты уже присматривалась к Тре? Он того стоит.

Плечи Харпер смущенно ссутулились, совсем чуть-чуть.

— Пока нет.

— Что ж, решать тебе, барышня. Но имей в виду: не стоит упускать такой лакомый кусочик крепкой мужской плоти.

— Хорошо-хорошо, обещаю присмотреться.

Только я вышла из салона Пари, как затрезвонил сотовый.

Кстати о ней.

— Привет, Пар.

— Где тебя черти носят?

Я остановилась и осмотрелась:

— Здесь. А ты где?

— Ты здесь?

— Где здесь?

— Чарли.

— Пари.

— Ты должна была встретиться с моими кавалерами.

— А-а, ну да. Там я и есть. То есть почти там.

— Точно? Имей в виду, у нас очень плотный график.

— Точно-точно.

Прекрасно зная, что место для парковки мне придется искать целую вечность, я помчалась со всех ног. Скорее всего, когда доберусь, видок у меня будет тот еще, но будь я проклята, если опоздаю. То есть опоздаю еще больше.

На мое счастье, бежать до «Рубежа» было всего два квартала. По пути я раздумывала, не заказать ли мне буррито с тушеной в красном чили свининой и сдобную булочку перед тем, как сяду за стол к Пари и ее... Минуточку, она сказала «с моими кавалерами»? Во

множественном числе? Нет, если задержусь хоть на секунду, Пари меня убьет. Но сдобные булочки все равно сейчас казались мне шедевром кулинарного искусства.

«Рубеж» — довольно странное местечко. Находится прямо напротив Университета Нью-Мексико и занимает несколько поделенных внутри на части комнат. Само собой, Пари и ее спутников я нашла в самой последней. Людей здесь было немного. В ближнем углу у нескольких студентов проходило, по всей видимости, собрание кружка по изучению Библии. В одной из кабинок сидел бомж по имени Игги. Один. Пари и ее кавалеры (именно так, потому что рядом с ней сидело трое мужчин) расположились в дальнем углу.

Кто сказал, что нам будет неловко?

Увидев меня, Пари просияла и помахала, приглашая присоединиться к ним. Зная, что я приду, она надела солнцезащитные очки, в которых выглядела... ну, скажем, умеренно смешно.

— Привет! — Она поднялась, чтобы обнять меня. — Сто лет тебя не видела. И надо же было вот так столкнуться прямо здесь!

Ага, теперь и я знаю правила игры. Жаль, что она мне раньше не сказала. Я-то думала, мы играем в игру «У меня проблемы с доверием». Иначе зачем ей просить меня узнать, насколько они честны, пока она будет засыпать их вопросами?

— Это Марк, Фабиан и Тео. Ребята, это Чарли. Она видит мертвых.

Я закатила глаза. Сначала я, конечно, их закрыла, чтобы никто не увидел, но, как только открыла, сама почувствовала, как глаза скатываются вниз.

Рассмеявшись, Пари похлопала меня по спине. Достаточно сильно, чтобы у меня сместился пищевод. Может, переволновалась из-за того, что я опоздала.

— Шучу, — небрежно махнула она рукой. — Никто мертвых не видит. Присаживайся к нам, — сказала она мне и, не успев я даже рот открыть, толкнула меня к ближайшему стулу.

Это будет худшее свидание из всех, на каких мне довелось побывать. Хотя нужно отдать Пари должное: вкус у нее что надо. Марк и Фабиан были латиноамериканцами, а Тео — белым с хорошей примесью еще какой-то крови. Может быть, азиатской.

— Ну что ж, — Пари села рядом со мной, — скажи-ка, Марк, тебя никогда не арестовывали за детскую порнографию?

Лоб мой сам по себе впечатался в мою же ладонь. Странно. Однако Марк лишь добродушно отшутился:

— Ну, пока что мой тайничок никто не находил.

Рассмеявшись в ответ, Пари повернулась к Тео:

— А тебя?

У Тео шуток не нашлось:

— Это что, допрос?

— Ну что ты! — фыркнула Пари. — Нет, конечно. Ну так как? Арестовывали?

Через час, в течение которого парни притворялись, будто вовсе не проходят никакого собеседования на должность бойфренда Пари, а я притворялась, будто пришла сюда, исключительно чтобы поесть, хотя еду мне так никто и не принес, я пришла к одному знаменательному выводу: Пари большая толстая лгунишка.

— Ну? — спросила она, как только парни ушли.

У меня не было сил. Читать каждую эмоцию, попутно пробираясь сквозь ее собственные, было все равно, что бежать по шею в воде.

— Ну? — ответила я вопросом на вопрос.

— Ну-у-у? — снова спросила она, явно надеясь, что, потянув подольше «у», быстрее заставит меня все рассказать, и приподняла брови в ожидании моего ответа.

— В течение всего этого разговора, Пари, лгала только ты.

— Ты читала мои эмоции? — взвилась она.

— Пар, я не умею пропалывать чувства, как тебе, судя по всему, кажется. Не умею выбирать, что читать, а что нет. Тут либо все, либо ничего.

— Ох, понятно. Так что скажешь?

— Что ж, мне все-таки удалось выяснить три вещи.

— Замечательно. — Пари поерзала на стуле и наконец уселась поудобнее, чтобы внимательно послушать, как я буду озвучивать свои великие мысли.

— Ты боишься белок. Ты никогда не была в Австралии. И у тебя судимость.

У нее вытянулось лицо.

— Это я и сама могла тебе сказать.

— Могла, но не сказала. А теперь вопрос: почему не сказала?

— Потому что это было давным-давно, — пожала плечами Пари. — Я была совсем еще девчонкой.

— Сколько тебе было?

— Двадцать, ясно? Мне было двадцать. А теперь скажи, что ты думаешь о...

— За что тебя судили?

— Чак, мы здесь не из-за меня. Какой из них тебе понравился?

— Все трое очень даже ничего, хотя я никак не могу представить тебя рядом с инвестиционным брокером. Но должна признать, вкус у тебя что надо. Так за что тебя судили?

— Черт с тобой, — прошипела она сквозь зубы. — Одним словом, за хакерство.

Я не сумела бы скрыть своего удивления, даже если бы мне заплатили.

— Чего уставилась? Говорю же, я была девчонкой.

— То есть ты компьютерный гений?

— Была. Я была компьютерным гением. Сейчас мне и близко к компьютеру подходить нельзя. Таковы условия моего испытательного срока.

— Значит, он длится уже почти девять лет.

— Мне дали десять лет испытательного срока за то, что я хакнула федеральное хранилище и перевела деньги на мамин банковский счет. Я думала, весело будет. Так и было, пока меня не поймали.

— Ты перевела деньги?

— Восемнадцать долларов.

— Ничего себе! — Похоже, все на свете знают, как переводить деньги с одного счета на другой. Все, кроме меня. — Я и представить себе такого не могла. Но ты серьезно? Восемнадцать баксов?

— Поэтому мне и дали всего лишь испытательный срок. Как я уже сказала, тогда я просто собиралась позабавиться, — Пари пожала одним плечом с невинным видом. — К тому же мне было, чем похвастаться. Ты себе не представляешь, что это значит в хакерском мире. Так и подмывает рассказать по секрету всему свету.

— Наверное. Но у тебя же стоит компьютер в офисе.

— Один для деловых целей иметь разрешено. — Для убедительности и со всей

серьезностью она показала мне один палец. — И никакого интернета. Даже самого медленного.

— Но ведь у тебя есть интернет. Я видела, как Тре на твоём компьютере порнушку листал.

— Что?! — обалдела Пари.

— Да ладно! Можно подумать, ты этим время от времени не грешишь.

— Грешу, но я на себя не работаю. А он на меня работает.

И тут меня приложило правдой, словно кирпичом:

— Так вот почему ты с проводами и кабелями возилась!

— Он смотрел порнуху?

— Ты пыталась скрыть, что у тебя проведен интернет.

— Да, да! — раздраженно рявкнула Пари. — Ты не представляешь, как меня это бесит. Мне даже замшелый компьютер со встроенным модемом нельзя купить. Вот и приходится изворачиваться.

— Сейчас я тобой безмерно восхищаюсь. Мне всегда хотелось быть компьютерным гением, и я бы им стала, если бы не Пол Санчес.

Ее брови вопросительно приподнялись.

— Он сказал мне, что компьютеры — внеземная технология, и с их помощью за нами следят инопланетяне.

— Они ведь тебя однажды похитили, да?

Я кивнула:

— Поэтому я и стала обходить компьютеры десятой дорогой. А когда поняла, что Пол ошибался, поезд уже ушел. Теперь благодаря ему я с трудом могу настроить универсальный пульт.

Пари моргнула:

— Так что скажешь о кавалерах?

— Ты и лучше найти смогла бы.

Я подняла голову и уставилась в глаза новой папиной барменши, вот только она смотрела исключительно на Пари, так и лучась обещаниями. От одного взгляда на нее возникало ощущение, будто я нырнула в водопад греха и чувственности. От Пари этот любопытный факт тоже не ускользнул, если судить по мечтательному выражению ее лица.

— Я Сиенна, — барменша подвинула по столу к Пари свою визитку. — На случай, если захочешь устроить собеседование и мне. — Уголок ее рта приподнялся с намеком на улыбку, явив нам убийственную ямочку на щеке, а через секунду барменша уже шла к черному ходу «Рубежа».

— То есть ты просто возьмешь и уйдешь? — спросила Пари, с трудом взяв себя в руки под натиском эмоций.

Сиенна обернулась, умопомрачительно улыбнулась и подошла к нам. Что до меня, то я ни за какие коврижки не собиралась опять играть в эту дурацкую игру с вопросами.

— Мне нужно поесть, иначе я умру. И мне бы мокро латте. Тут таким разжиться можно?

Пари пожала плечами, вмиг растеряв интерес ко всему, что я говорю.

— Ну, спасибо за заботу, Пар.

— Чем ты занимаешься, Сиенна?

Как только я встала, барменша уселась на мое место, ясно давая понять, что я здесь

лишняя. Надо же, как меня ценят. Я прошла в переднюю часть кафе и заказала буррито с тушеной в чили свининой, булочку и мокко. Пришла пора думать, как за все это расплатиться. Я вытащила кредитки. Всего три. И это все, что у меня осталось.

— В общем, — начала я, подсчитывая в уме, и протянула девушке за кассой первую кредитку, — возьмите три двадцать семь отсюда и два пятьдесят с той, что с цветочками. — Я отдала ей и ту, что с цветочками.

Девушка взяла карточки и демонстративно закатила глаза. Жутко захотелось выбить из нее все дерьмо, тогда бы у нее был повод закатывать глаза. Но выбивать дерьмо из грубых, невоспитанных людей не в моем духе. Другое дело — доставать их до смерти, как только выпадает шанс. Надеюсь, она скоро взорвется, потому что времени у меня в обрез.

— И еще четыре с этой, голубенькой, на которой как будто верблюд сдох. Думаю, там должно хватить. — Барышня протянула руку, чтобы забрать у меня кредитку, но я отдернула ее назад со словами: — Если вас не затруднит.

— Вовсе нет, — процедила она сквозь зубы и выхватила у меня карточку.

Проведя ее через терминал и нажимая на кнопки с цифрами, она проговорила одними губами слово «ничтожество». О да, нарвалась девочка. Она понятия не имеет, с кем связалась. Но, как ни печально, ей, похоже, было глубоко на это наплевать. Надеюсь, до конца смены ей каким-нибудь ящиком прижмет пальцы. Карма, знаете ли, та еще стерва.

Барышня нажала последнюю кнопку на кассовом аппарате, и завопила сигнализация. Черт. Неужели кредитка не прошла? Может, я их перепутала... Но почему включилась сигнализация? Разве эта маленькая машинка не должна просто отклонить платеж и продолжать жить своей веселой жизнью?

Примчался менеджер — парнишка лет двадцати с хвостиком на вид, который, зуб даю, всегда будет выглядеть так, будто только вчера надел брекеты и опоздал на экзамен по химии. На лице у него сияла широченная улыбка.

— Вы победили! — воскликнул он с таким энтузиазмом, который прямо сейчас я с трудом могла вынес...

Минуточку. Я победила?

— Сегодня у нас годовщина, и ваш заказ был случайно выбран из числа всех остальных, так что вам ужасно повезло! — всплеснув руками, он сорвался на визг, как ребенок на американских горках. И вдруг его взволнованность стала заразной.

У противной барышни отвисла челюсть, а я наградила ее самодовольным взглядом. Ну никак не смогла удержаться. Вот они — агония, мучения, пытки. Прямо тебе промеж глаз, подружка.

Нет, ну нет же. Нужно быть выше этого. Она не виновата, что родилась «ничтожеством». Да, я произнесла это слово одними губами и так, чтобы она видела. Да, детство заиграло, признаю, но я все равно это сделала. Она опять закатила глаза.

Терпеливо улыбаясь, я повернулась к менеджеру. Кто знает, может быть, я выиграла круиз. Или яхту. Или маленький остров.

— Я что-то выиграла?

— Еще как выиграла, — отозвался он. Со всех сторон посыпались аплодисменты. Не хлопал только Игги, бездомный чувак из кабинки. Ему, кажется, вообще ни до чего дела не было. Зато все остальные радовались за меня. — Вы выиграла годовой абонемент на наши знаменитые сдобные булочки!

Я застыла. Это же... уму непостижимо. Годовой абонемент?

— Не может быть! — воскликнула я. Это в сто раз круче, чем яхта. Особенно учитывая, что живу я в пустыне.

— Так точно, мэм, — подтвердил менеджер и умчался обратно в местные подсобки, а потом появился снова с каким-то буклетом и камерой.

После того как противная барышня несколько раз меня сфотографировала (причем я уверена на все сто, что на снимках у меня не будет головы), я пошла обратно в дальнюю комнату, чтобы там дожидаться своего заказа. По пути меня поздравили несколько посетителей. Я чувствовала себя настоящей знаменитостью. Как будто выиграла в лотерею. Или мне вручили «Оскар».

Поскольку Пари была занята тем, что поддавалась чарам египетской богини, я решила дать им побыть наедине, а заодно и немного успокоиться. Последняя вспышка адреналина оказалась серьезнее, чем я думала. Поэтому я вернулась на один зал назад и села в кабинке прямо посередине.

Пока я ждала, когда на стойке появится номер моего суперважного заказа, и глотала слюни, представляя себе красный чили в буррито и капающее с булочки масло, я решила, что нужно почаще выбираться из дома. Два месяца без божественного совершенства в виде сдобных булочек — это слишком долго. О чем, черт возьми, я думала?

Видимо, я вообще не думала. Потому что сошла с ума. Джемма была права. У меня психическое расстройство. Надо узнать, есть ли какое-нибудь лекарство, которое я могла бы купить без рецепта. Мазь, например. Или антибактериальную присыпку.

Я так погрузилась в размышления, что не сразу почувствовала тьму близости. Настолько близко, что ощутила ее вкус на языке. Едкая вонь тухлых яиц наполнила рот и ноздри, и в ответ желудок тут же пополз вверх. Борясь с тошнотой, я посмотрела в сторону на мужчину в твидовом костюме и светло-коричневой фетровой шляпе. Он смотрел на меня, скрестив руки и ноги, и выглядел, как профессор из университета.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Для меня это большая честь, — сказал он, кивнув в знак приветствия.

Говорил он с мягким британским акцентом, и тембр его голоса был приятным, но не глубоким. Улыбка была доброй и ласковой, однако я все равно заметила темноту в его глазах. Но если это демон, то почему не подбирается ко мне с капающей изо рта слюной? Разве не все они так себя ведут?

— Оказаться так близко и ощутить сладость страха, исходящего твоей плотью. — Демон запрокинул голову, глубоко вдохнул через ноздри и закрыл глаза, будто смаковал то, что учуял в воздухе.

И он был прав. Я боялась. Мало того, я была так напугана, что не могла пошевелиться. Вдруг он пришел сюда за мной? Что будет, если он нападет на меня? Я же умру раньше, чем успею произнести имя Рейеса.

Он снова посмотрел на меня, на этот раз даже застенчиво:

— Извини. Я слышал много историй о девушке без страха, так что прости мне мое удивление.

— И чему же ты удивился?

— Ты боишься меня.

— Я тебя не боюсь, — солгала я сквозь клацающие от страха зубы.

— Разумеется, боишься.

— В общем, в твоих историях явно приврали.

Теперь выражение его лица ничего общего с застенчивостью не имело. От него так и несло чем-то хищным.

— Сомневаюсь. Что-то произошло. Твоя аура повреждена. С моей стороны это ужасно невежливо, но, видишь ли, сдержаться довольно трудно. Кажется, больше всего на свете мне хочется зубами вырвать тебе глотку и попробовать вкус меди в твоей крови.

— У меня есть хранитель.

— Однако я здесь по поручению, — добавил он, не обращая внимания на мои слова. — Я должен передать послание.

— А эсэмэсить не пробовал?

— Если мальчишка перестанет на нас охотиться, мы оставим тебя в покое, и ты проживешь свою жизнь и умрешь естественной смертью. Впрочем, должен тебя предупредить: как правило, ангелы смерти в материальной форме долго не живут. И все же от наших рук ты не погибнешь. никоим образом мы не станем вмешиваться в твою жизнь. Мы будем лишь, — он беззаботно поднял руку ладонью вверх, — наблюдать со стороны.

Уж не знаю почему, но его слова меня как-то нервировали.

— Но когда умрет твое тело, — лукаво продолжал демон, склонив голову, — нам развяжут руки.

— Мальчишка? — переспросила я.

Он улыбнулся:

— Рейазизель.

— Рейес на вас охотится?

— А ты не знала?

Я покачала головой. Похоже, это единственное движение, на которое я сейчас была способна.

— Нет.

— Неужели ты думала, что он случайно повстречал моих солдат на этих смехотворных поединках?

— Ты имеешь в виду бои без правил? — нахмурилась я. — Об этом я как-то не задумывалась.

— Он выслеживал нас, будто псов.

— Ну уж нет, не как псов, — снова покачала головой я. — Такого сравнения вы не заслуживаете.

Демон похабно ухмыльнулся:

— Ну наконец-то. Девушка без страха. Неудивительно, что он так одержим. Он всегда был умным мальчиком.

Наверняка он говорил о ком-то другом. Мной Рейес одержим не больше, чем катышками в барабане сушилки. Просто я ему нужна живой в той войне, которая, по-видимому, уже маячит на горизонте. Он сам не раз мне об этом говорил.

— Давай-ка кое-что проясним, — сказала я, пытаюсь уложить в голове, как у них, в преисподней, все устроено. — Если он перестанет охотиться на вас, вы перестанете нападать на него.

— Мы никогда на него не нападали, лапочка. Поскольку пока нужды в нем не было.

— Позволю себе не согласиться. Я видела, что твои демоны сделали с ним в подвале.

— Туше. Но то было исключительно для того, чтобы подобраться к тебе. К нему мы можем подобраться в любое время. Не просто так он носит татуировки, милая моя. В

отличие от него, ты защищена. Ты сокровище, которым не так просто завладеть. Но кое в чем ты права. Если он прекратит на нас охотиться, то проживет намного дольше в этом своем хрупком физическом воплощении. Не будет больше глубоких кровоточащих ран, которые нуждаются в заботе и исцелении.

Степень моего внимания тут же подскочила до небес.

— Глубоких ран? — Я же видела на нем бинты, блин.

— Ты ведь понятия не имеешь, на что способен этот мальчик, верно? Я расскажу тебе. Он вырос. Стал достойным воином, если судить по тому, как он ломает моих солдат, даже не вспотев. Но он тебе небезразличен. — В глазах демона искрилось любопытство. — Может быть, нам с тобой удастся заключить сделку.

— Чего? — спросила я, внезапно остро осознав, что веду переговоры с дьяволом. Ну или с одним из его приспешников.

Он протянул мне руку ладонью вверх:

— Пойдем со мной. Смерть твоя будет быстрой, и ты станешь правой рукой моего хозяина.

— Твоего хозяина? То бишь Сатаны?

— Это одно из его имен среди простых смертных, но да.

— И зачем мне это, бога ради?

— Затем, что ты понятия не имеешь, какими силами на самом деле обладаешь, и что будет тебе подвластно, если ты отречешься от всего, что знаешь. Но сейчас ты всего лишь глупая девчонка в костюме примата, застрявшая в колесе мирской суеты. Сняв с себя эти оковы, ты станешь намного могущественнее. Ты будешь сиять, как самая яркая звезда, и обладать такой же силой и властью.

Так-так, похоже, чувак знает, о чем говорит.

— Ну так расскажи мне, на что я способна.

Демон подался вперед, и за светло-кариими глазами человека, в которого он вселился, я видела черные бездны.

— На все, что только взбредет тебе в голову.

Опять двадцать пять.

— Зачем вам я? Есть ведь и другие ангелы смерти.

— Похожих на тебя нет, душа моя. Ты ценна, но, чтобы обладать преимуществом, нам нужны вы оба. Вы уже так близки к тому, чтобы сделать за нас всю работу, что нам остается только быть рядом, когда врата распахнутся. — Встретив мой вопросительный взгляд, он добавил: — Что, по-твоему, произойдет, когда ключ тьмы отопрет хоромы света?

Демон наградил меня похотливым взглядом с ног до головы. Мне показалось, будто меня только что избили. И изнасиловали.

— Откроется дверь прямоком из ада в рай. Как думаешь, сколько солдат успеет пройти через нее до того, как она закроется? Нам нужно лишь подготовиться к тому, когда это произойдет.

Не может же он говорить о том, о чем я думаю.

— То есть так будет, если мы с Рейесом будем вместе?

— Смысл куда более глубок, но основная идея такова. Как думаешь, почему хозяин создал себе сына? Можешь мне поверить, это произошло вовсе не потому, что ему хотелось создать семью.

Меня снова начинало подташнивать. От едкой вони, которую он источал, уже

кружилась голова. Усугублялось все тем, что я не переставала бояться. Но отвести от него глаз не осмеливалась.

— Боюсь, мне придется отвергнуть твоё предложение, — проговорила я, надеясь, что он свалит и я успею добежать до туалета.

— Жаль, но я понимаю. Человеческий разум ограничен и не способен увидеть дальше и больше гниющей плоти.

Меня так и корбило от того, как грамотно он говорил.

— Акцент твой? — спросила я.

— Нет. Он от примата, в котором я сейчас нахожусь. Но мне нравится. Кажется, он мне идет. — Демон встал и с довольной рожей поправил галстук. Потом подошел ко мне, наклонился (я чуть не задохнулась от вони) и прошептал на ухо: — Передай Рейазиэлю привет от Хедеша. — Он выпрямился и указал на буклет у меня на столе. Тот самый, который я выиграла, с абонементом. — Кстати, это мой тебе подарок. В знак моего восхищения.

Когда он отвернулся, чтобы уйти, группа студентов за пару столиков от меня с восторгом разразилась аплодисментами. Демон остановился и наградил каждого из них королевской улыбкой. Народ продолжал аплодировать, словно мы им только что сыграли спектакль. Ну, в общем-то, с их стороны наверняка все так и выглядело. Любой бы подумал, что мы актеры, репетирующие сценку для театрального кружка в универе. Разве мог разговор, который они слышали, произойти на самом деле?

Хедеша поднял руку, будто и правда был самым натуральным драматическим актером, и поклонился, а я смотрела на все это, потеряв дар речи. Отвесив еще один поклон, он наконец-то ушел, и все взгляды обратились ко мне. Видимо, народ ждал, чем закончится мой выход. Что ж, их ждет немалое разочарование.

Я посмотрела на буклет с абонементом. Кое-как встав и улыбнувшись зрителям, я на негнущихся ногах подошла к Игги и отдала ему годовой абонемент на булочки. Понимая, что до уборной мне не добежать, я выскочила через черный ход на улицу и под внимательным взглядом кошки, которая от любопытства подергивала ушами, оставила на тротуаре почти весь выпитый по пути сюда кофе. Глубоко вздохнув, я поправила на себе куртку и решила вызвать Ангела.

(1) Сандия-Парк — статистически обособленная местность (административная единица в США, создаваемая с целью проведения переписи населения как аналог населенного пункта) в округе Берналильо, штат Нью-Мексико. Административный центр округа — город Альбукерке. Сандия — название горы, от подножия на вершину ведет самая длинная в США канатная дорога.

(2) Колорит неопишуемой красоты и идентичности:

Глава 12

Когда мне захочется узнать твоё мнение, я отклею скотч.

Надпись на футболке

После того, как меня вывернуло наизнанку перед Богом и дьяволом, я двинулась к своему дому. Пройти оставалось один квартал, как вдруг я вспомнила, что оставила Развалюху у салона Пари. Каждые несколько шагов мне приходилось останавливаться и к чему-то прислоняться. Руки и ноги бешено тряслись. Даже локти тряслись. Может быть, волосяные луковицы тоже. К горлу снова подступила желчь, и я с трудом сглотнула ее, делая короткие вдохи, чтобы собраться с мыслями и не раскиснуть.

Стоило мне мысленно произнести его имя, тут же нарисовался Ангел. Он осмотрелся и зло уставился на меня из-под надвинутой на лоб банданы.

— Как ты это делаешь? И почему ты зеленая?

Вдохнув побольше прохладного воздуха, я спросила:

— Где он?

Уточнять имя необходимости не было — Ангел прекрасно знал, о ком я говорю. Если кто и знает, где находится Рейес, то уж точно тринадцатилетний мертвый гангстер. Как только сын врага номер один всего человечества вышел из тюрьмы, Ангел глаз с него не спускал. Я об этом знала. И знала почему. Он надеялся, что Рейес будет держаться от меня подальше. Само собой, ничего такого Ангел мне не говорил, но я хорошо знала, как он относится к Рейесу, чтобы понимать, на кой ему следить за тем, кого он так боится.

Ангел невесомо пнул камень у него под ногами и с явной досадой спросил:

— А что?

— А то, что твоя мать ни пенни больше не увидит, если ты мне не ответишь.

На его лице мелькнул намек на возмущение, но сейчас я была просто не в состоянии его успокаивать.

— Он в «Пристанище паладина», дальше по этой же улице.

От удивления я даже выпрямилась.

— В отеле? Я думала, он живет с Элейн Оук.

— Слушай, ты спросила — я ответил. Понятия не имею, где он кантуется. Но прямо сейчас он в том отеле.

Ладно, справедливо.

— Номер?

— Сто тридцать один.

— Спасибо.

Я отпустила его и пошла за Развалюхой.

Остановившись в нескольких парковочных местах от двери с цифрами «131», я поковыляла к номеру Рейеса. Отель оказался не самым кошмарным. Особенно для такого, где номера сдаются по часам. Мне доводилось бывать в местах и похуже. По шкале от одного до пяти этому я бы поставила «двойку», но здесь хотя бы не продавались наркотики прямо на парковке. А это всегда плюс.

Оказавшись у нужной двери, я заметила, что она приоткрыта. Вечернего света хватало, чтобы увидеть истертый темный ковер. Я достала Маргарет и взяла ее обеими руками, целясь в землю. Прямо как в киношках. Если бы я умела попадать в то, во что целюсь, то чувствовала бы себя спокойнее. А так хотя бы выглядеть буду круто.

— Рейес? — позвала я, заглянув внутрь.

Не получив ответа, я толкнула дверь стволom. Звучит пошлее, чем на самом деле. Луч света выхватил из полумрака ботинок на маленьком столе в крошечной кухоньке. Я тут же его узнала. Ботинки Рейеса были чем-то средним между ковбойскими сапогами и байкерскими дерьмодавами, и мне хотелось такие же до потери пульса.

Посмотрев, нет ли поблизости других постояльцев, я осторожно шагнула в номер. Он сидел под покровом теней, скрывающих его лицо, поэтому мне было не понять, в каком он настроении. Единственным чувством, которое я в нем уловила, была боль. Возле ботинка на столе стояла бутылка виски. Еще там лежал моток скотча. Это означало только одно: он ранен, и наверняка серьезно. Для Рейеса скотч — альтернатива швам. И операциям. Он так быстро исцеляется, то есть мы оба поправляемся так быстро, что для выздоровления нам много не надо. Для меня исключением стал Эрл Уокер со своим скальпелем. Для Рейеса исключением была толпа демонов, терзавших его физическое тело, пока в нематериальном виде он находился совсем в другом месте. И толпа была отнюдь не маленькой — около двух сотен, насколько я помню.

Он даже не шелохнулся, пока я возвращала дверь в то положение, в каком он ее оставил. Неподражаемый жар окутал меня, согревая и успокаивая. Меня трясло с тех пор, как я вышла из машины, но этот жар действовал, как бальзам на растревоженные нервы.

— Симпатично здесь, — сказала я, оглядываясь.

Виски в бутылке осталось не больше половины. Интересно, выпил он его или использовал в качестве антисептика для ран? Может быть, и то, и другое.

— Я думала, ты живешь у Элейн.

Наконец он подал голос:

— А я думал, мы договорились, что ты будешь сидеть дома.

— Это ты договорился, — сказала я, взяв со стола блокнот. Прочесть написанное у меня не получилось. — Причем, видимо, сам с собой, потому что я хорошо помню, как отказалась.

На стуле валялась черная куртка, а мусорные корзинки доверху были набиты пустыми контейнерами от еды на вынос. По крайней мере, он ел.

— Она тебя выгнала? — поинтересовалась я.

— Она выполнила свое предназначение.

Я немножко обалдела:

— Какое еще предназначение?

— У нее есть связи, без которых я не сумел бы найти тренера для боев.

То, что Рейес просто-напросто использовал Элейн, должно было привести меня в ужас, а вместо этого меня охватил чистейший восторг.

— То есть ты ее просто послал в утиль и переехал в зачуханный отель?

— Можно и так сказать.

Я собрала чеки и остальные бумажки, валявшиеся на комод, и стала их просматривать.

— Я видела ее дом. Не самое мудрое решение ты принял.

— Зачем ты пришла, Датч?

Если он хотел ужалить меня своим резким тоном, то у него получилось. Похоже, в последнее время у него со мной проблемы. То обнять хочет, то прогнать. Ну и фиг с ним, передам сообщение, и пусть делает, что хочет.

— Хедеша передает тебе привет, — сказала я, засунув Маргарет в кобуру.

Все эмоции в Рейесе тут же угасли, словно он был бурлящим океаном, над которым за каких-то пару секунд воцарился штиль.

Повисла долгая, до жути растянутая пауза, а потом Рейес спросил:

— Он тебе что-то сделал?

— Нет. Мы с ним очень мило побеседовали. А еще он помог мне выиграть годовой абонемент на булочки, но я отдала его Игги.

— Что он говорил?

— Ой, да ерунду всякую. О том, что мальчики должны возвращаться домой, о том, что ему хотелось вырвать мне плотку и напиться моей кровью, ну и о том, что твой папаша хочет править миром.

Рейес задумчиво отвел взгляд:

— Так и знал, что за всем этим кто-то стоит. Слишком все организовано. Слишком продуманно.

— Короче говоря, он хочет, чтобы ты знал: если ты перестанешь на них охотиться, они оставят меня в покое, и я смогу помереть естественной смертью. — Я насмешливо фыркнула: — Можно подумать, я до этого доживу.

Я видела, как сжались и разжались его кулаки.

— Все они лжецы, Датч. Все до последнего. Они всегда лгут, лишь бы скрыть правду. Неважно, что я буду или не буду делать, в покое они тебя не оставят. — Рейес взял бутылку и перед тем, как хорошенько отхлебнуть, добавил: — Добраться до тебя им хочется даже больше, чем сделать следующий вдох.

— Я тоже так подумала, но почему тогда он просто не убил меня? Зачем устраивать весь этот спектакль?

— Хедеш не дурак, — отозвался Рейес, поставив бутылку на стол. — Он знает, что в схватке с твоей хранильницей ему не победить. От нее защиты у него нет. Стоит ему хоть пальцем тебя тронуть, она тут же появится. Чтобы одолеть Артемиду, им придется нападать группой. — Он внимательно посмотрел на меня, и выражение его лица смягчилось. — Он тебя расстроил.

Что ж, для Рейеса понять, что я чувствую, раз плюнуть. Может быть, он все «прочитал» уже в тот момент, когда я приехала на парковку.

— Немножко, — ответила я и, воспользовавшись его молчанием, спросила: — Ты действительно на них охотишься? Это они тебя ранили?

Он осмотрел себя:

— Они очень сильны.

— Еще бы. Тому мужику ты шею свернул, а он все равно пытался меня сцапать. — Я провела пальцами по сбитому краю комода, к которому прислонялась все это время. — Как такое вообще возможно?

— До тех пор, пока они внутри, человеческое тело практически неуязвимо. Но стоит им уйти — человек умрет, если до этого был смертельно ранен.

Когда демоны в последний раз прорвались в наше измерение, их были сотни. Рейес не сможет победить их всех. Даже с помощью Артемиды.

— Ты знаешь, сколько их здесь?

— Не так уж много, — пожал плечами он. — К тому же среди людей довольно мало настоящих ясновидящих.

— Так ты в курсе, кого они преследуют?

— Да.

— И что? Собираешься всех их перебить?

Он раздраженно провел рукой по волосам.

— Чтобы не дать войне между адом и небесами просочиться в этот мир? Да.

В чем-то он прав, но все-таки...

— Рейес, нельзя убивать всех этих людей.

— Мне нужно всего лишь убить демонов, которые находятся внутри. Но иногда ради достижения цели приходится жертвовать людьми.

— Ну так прекрати этим заниматься.

Я выдвинула из-за стола стул и села напротив Рейеса. Мои глаза уже привыкли к полумраку, и теперь я могла рассмотреть чувственный изгиб его губ, густые ресницы, спутанные волосы, широкие голые плечи. На одном плече и на животе поблескивал скотч. Ни тебе бинтов, ни даже марлевых повязок. Один только скотч. Да уж, стерильнее некуда.

— Нельзя убивать ни в чем не повинных людей.

— Если тебе полегчает, о вчерашнем мужике такого сказать нельзя.

— К сожалению, — сказала я и задумалась, что же натворил тот человек, — не полегчало. — Я потеряла руки, все еще не избавившись от мерзкого ощущения после встречи с «британцем», и спросила, кивнув на скотч: — Что случилось?

Снова взяв бутылку, Рейес влил в себя как минимум треть оставшегося и закрутил крышку. Потом вытер рот тыльной стороной ладони и ответил:

— Угодил в засаду.

Он ведь говорил мне, что человек не может с ним такое сделать, но я, как всегда, пропустила все мимо ушей. И зря, потому что Рейес никогда не был любителем поболтать на досуге.

Он снял со спинки соседнего стула серую футболку и очень осторожно надел ее. А когда снова сел поудобнее, мне стоило немалого труда сдержать вздох. Серый ему очень идет.

— Я думала, попасть в наш мир — практически неразрешимая задача для демонов.

— Так и есть. Эти остались с нашей прошлой встречи.

— С того дня в подвале? — поразила я. Тогда я их всех уничтожила. Свет внутри меня оказался мощным оружием. — То есть там были не все?

— Они как тараканы. Оказавшись в этом измерении, они могут веками скрываться, пока не полезут на свет.

Как-то Рейес мне рассказывал, что в тот день, когда его отца свергли с небес, демонов изгнали из света. С тех пор солнечный свет несет им смерть.

— Тогда в подвале их было большинство, но не все. Однако эти оставшиеся слишком хорошо организованы. Кто-то руководит ими намного лучше, чем сумел бы любой из моих низших братьев. Я не удивлен, что за всем этим стоит Хедеш. Он всегда был редкостным подхалимом.

Я надеялась получить больше ответов, пока он снова не отправится на поле битвы за упомянутым подхалимом. Такой шанс выпадал крайне редко. Я была наедине с Рейесом Фэрроу. Никто не пытался нас убить. Вокруг нас не толпились женщины, тараща на него глаза. То есть женщины были, и они вполне откровенно пялились на него, но они были с того света, а это не считается.

— На что я способна? — спросила я, снова меняя тему.

Рейес сделал вдох, до отказа наполнив легкие воздухом, и крайне вежливо отреагировал на мой вопрос. Одним словом — ответил:

— Только ты можешь это знать.

Солнце почти село, и с каждой минутой в комнате становилось все темнее. Я встала и наклонилась к нему, почувствовав земной аромат, с которым он был создан. Так пахнет гроза в пустыне, изголодавшейся по дождю.

— Мне нужно знать, Рейес. Ты постоянно твердишь, что я способна на большее. Я хочу знать, на что именно.

В его глазах искрилось любопытство.

— Я не лгу. Я не знаю.

Взяв бутылку, я отошла от стола. Мне нужно было смыть привкус желчи, подступавшей к горлу. Набрав в рот жидкость, которая оказалась такой кислой, что наверняка разъела бы краску на «шевроле», я покатила ее на языке и глотнула. И без того страдавшуюся глотку опалило огнем, и глаза тут же наполнились слезами. Я отдала бутылку Рейесу и подошла к окну. Чтобы выглянуть на улицу, пришлось раздвинуть плотные занавески. В предвечерних сумерках движение на Централ, как обычно, превратилось в густой непрерывный поток машин.

— В физической форме все ангелы смерти разные, — продолжал Рейес. — Большинство из них так и не раскрывают всех своих способностей.

Я повернулась к нему. Мне так нужна была хоть какая-то информация, что я готова была умолять, если придется.

— Что ты имеешь в виду? Сколько нас вообще существует?

— Не так много, как ты могла бы подумать.

В комнате стало еще темнее, и я включила настольную лампу. Стало лучше, но Рейеса по-прежнему скрывали тени.

Я снова села за стол и молча ждала, пока он сделает очередной глоток из бутылки. И только сейчас до меня дошло, что его раны все еще кровоточат, потому что на футболке появились темные пятна. Я попыталась не поддаваться панике и заглушить тревогу.

— В других мирах вас ангелами смерти не называют, — проговорил Рейес, осторожно поставив бутылку на стол. — Это название придумали люди.

— Минуточку, в других мирах? — удивленно переспросила я. — А сколько их вообще?

— А сколько галактик во вселенной? Сколько звезд? Знать наверняка довольно сложно. Скажем так: много.

— Я... я понятия не имела...

— Мало кто догадывается об этом. И, отвечая на твой вопрос, в этом измерении ангел смерти рождается раз в несколько сотен лет. Точных периодов никто не устанавливал.

Я застыла.

— Ты же говорил, что ждал меня. Что каждый раз, когда на Землю посылали ангела смерти, ты был разочарован, потому что это была не я. Сколько же ты пробыл здесь?

Рейес задумчиво нахмурился:

— Точно не знаю. Столетий пятнадцать.

Я обалдела:

— Что, черт возьми, ты делал все это время?

Он пристально уставился на меня.

— Ждал.

Ждал меня. «Британец» говорил, что Рейеса за мной послали. Соврал он или сказал мне правду? Неужели отец Рейеса действительно послал его именно за мной?

— Итак, ангел смерти рождается раз в несколько сотен лет. Они бессмертны, что ли?

— Нет. По крайней мере, их материальные тела — точно нет. Мало того, большинство из них не доживает и до десяти.

— Почему?

С минуту он изучал меня взглядом.

— Подумай о своем детстве, Датч. Вспомни, каково это было — расти с твоими способностями.

Мысли миготали, наполнив воспоминания. О том, как меня боялась мачеха. Как я теряла друзей, пытаюсь рассказать им, кто я такая. Как отвлекалась на уроках, увидев мертвецов, за что меня то и дело гоняли в кабинет директора.

— А теперь представь, что значит обладать такими способностями в мире, где правят суеверия и страх. Многих убивали еще детьми. А те, кого миновала подобная участь, становились отшельниками. Даже родные их сторонились, отказываясь понимать, кто они на самом деле. Ты — единственная из ангелов смерти, кому удалось не только выжить, но и жить полной жизнью.

Я не знала, что сказать, поэтому спросила:

— Что происходит, когда мы умираем?

— Ты должна понять: твоё тело — якорь для портала. Только так ты могла попасть в этот мир.

— Но что произойдет, если умрет моё тело? Я по-прежнему буду порталом?

— Да, — кивнул Рейес. — Ты была порталом задолго до того, как родилась человеком.

— То есть, если... когда я умру, я все ещё буду ангелом смерти?

— Когда перестанет существовать твоё тело, ты станешь в сотни раз могущественнее, но и сама изменишься. Исчезнут все твои человеческие привязанности. К тому же со временем меняются все ангелы смерти. Они утрачивают свою человечность. Впрочем, большинству терять было практически нечего. Люди не были к ним добры.

— Если всё именно так, то почему ты пытался избавиться от своего тела?

Рейес склонил голову набок:

— К чему об этом вспоминать? — Я лишь пожала плечами, и он всё-таки ответил: — Потому что оно было приманкой, Датч, на которую тебя могли поймать. И, если ты забыла, именно так и случилось.

— Но ведь тебя могли забрать. Если бы твоё физическое тело умерло, демоны могли бы тебя сцапать, так?

Его губы насмешливо изогнулись.

— Сначала им пришлось бы меня поймать.

— «Британец» говорил, что благодаря татуировкам выследить тебя — раз плюнуть.

— «Британец»?

— Хедеш. Он вселился в какого-то англичанина.

— Ясно. Ну, есть много способов обойти этот нюанс.

Что это за способы, он мне, само собой, ни за какие коврижки не расскажет. И всё же впервые за долгое время хоть что-то начинало проясняться.

Энтузиазм во мне так и кипел. Я поерзала на стуле и подалась вперед:

— Ладно. Итак, если я стану такой обалденно могущественной, то на что я способна,

пока жива?

— Хотел бы я знать. Но это непросто. Как я и говорил, человеческая жизнь большинства из вас была слишком короткой.

— Но ты же постоянно твердишь мне, что я способна на большее.

— Так и есть. Но это не значит, что я знаю, на что именно.

Я решила перефразировать вопрос:

— Мне уже дважды говорили, что я способна на все, что только взбредет мне в голову.

— Верно.

Такой ответ меня, конечно, ни капельки не расстроил.

— Мне много чего на ум прийти может, — сказала я, надеясь все-таки разговорить Рейеса. — Значит, я могу метать огненные шары? А то ведь я легко могу себе такое представить.

В его взгляде отчетливо читались юмор и симпатия.

— Нет.

— Тогда мне наврали.

Я решила скопировать его позу и положила на стол ногу. Дениз пришла бы в ужас.

— Кто тебе такое сказал? — поинтересовался Рейес.

— «Британец», а до него — сестра Мэри Элизабет.

— И часто она тебе врет?

— Нет, — обиженно нахмурилась я.

— Она же не сказала тебе, что ты можешь делать все, что только взбредет тебе в голову. Она сказала, что ты способна на все, что только взбредет тебе в голову. Она говорила не о действиях, Датч, а о последствиях.

— Не вижу разницы, — сказала я, чувствуя себя жирафом, до которого долго доходит.

— Ну подумай. Если бы ты умела швыряться огненными шарами, — Рейес коротко рассмеялся, — что могло бы произойти?

Я раздраженно отвела взгляд:

— Не знаю. Может быть, я могла бы взорвать машину.

— Тогда именно на это ты и способна. Последствия, Датч. Результат.

До меня наконец-то начало доходить, о чем он говорит.

— Выходит, стоит мне захотеть взорвать машину, она взорвется, но не потому, что я заброшу ее огненными шарами. — Я покосилась на Рейеса, пытаюсь уловить ускользающую от меня и моих сбитых с толку мозгов суть его слов. Ничего не вышло. Я попробовала снова, но опять без толку. В конце концов, я сдалась и расстроено вздохнула. — Все равно не понимаю. Но фишка, видимо, в том, что если я могу что-то представить, то могу и сделать это? То бишь могу, например, убивать людей силой мысли?

— Если совесть тебя потом не загрызет, то можешь, конечно.

— Ценное замечание. А ты можешь убивать людей силой мысли?

Рейес ласково улыбнулся:

— Только если руки последуют за мыслями.

Я тоже улыбнулась, и наверняка улыбка была злорадной, потому что именно злорадство я сейчас и испытывала.

— Получается, я могу больше, чем ты?

— И всегда могла.

Столько ответов от Рейеса я не получала... ну, никогда. Мне вдруг захотелось его

немножко подразнить.

— Ты по-прежнему должен мне миллион долларов.

— Раздевайся.

— Нет.

— Я дам тебе миллион, если ты разденешься.

— Ладно. — Я приподняла край свитера, но остановилась и потянула его вниз. — Я думала, у тебя нет денег.

— Нет, но раздеться ты все равно можешь.

— У меня еще есть вопросы, — сказала я, не обращая внимания на его слова.

— Я дам тебе все ответы, если ты разденешься.

Меня не покидало ощущение, что Рейес сам не снял с меня этот свитер только потому, что ранен. Должно быть, раны действительно очень серьезные.

— Мне нужно рассказать тебе о Гаррете.

— Умираю от предвкушения.

— Он был в аду. — Рейес молчал, поэтому я добавила: — И виделся с твоим папочкой.

Он развернул на столе бутылку этикеткой к себе.

— Как правило, отец не развлекает посетителей.

— Значит, он сделал исключение. Он показал Гаррету, каким ты был. Как служил в его армии, как поднимался по карьерной лестнице. Гаррет сказал, твой отец показал ему, чем ты занимался.

— Все это показал ему мой отец? Величайший лжец за всю историю существования вселенной?

— Хочешь сказать, то, что видел Гаррет, — ложь? И всего этого не было?

Задумчиво помолчав, Рейес наконец заговорил:

— Я был полководцем в аду, Датч. Что, по-твоему, это значит?

Я опустила взгляд на истертый ковер.

— Может быть, сам расскажешь?

— Чтобы ты еще больше меня возненавидела?

Я удивленно взглянула на Рейеса:

— Я тебя не ненавижу.

В ответ он стиснул зубы.

— От любви до ненависти один шаг. Или ты об этом не слышала? Порой трудно определить, что из них сильнее.

— А я не говорила, что люблю тебя, — огрызнулась я.

Опустив голову, Рейес посмотрел на меня из-под ресниц.

— Уверена? Видишь ли, каждый раз, когда я рядом, чувства, которые льются из тебя, ничего общего с безразличием не имеют.

— Это вовсе не значит, что из меня льется любовь.

— Но так может быть, вот увидишь. Сними свитер, и через десять минут ты согласишься без тени сомнения, что влюблена по уши.

Глава 13

Пей кофе! Тогда на глупости будет больше сил, и делаться они будут быстрее.

Надпись на футболке

Измучившись мыслями, снимать или не снимать свитер, я решила передохнуть. В буквальном смысле. Я прилегла на кровать и сразу поняла, что она появилась здесь прямиком из какой-нибудь серии «Флинтстоунов». Каменный матрас. Грубое, шершавое покрывало. Глыбы, на которых, наверное, спали еще динозавры. Но я устала, а Рейес, похоже, впервые в жизни никуда не спешил.

Я смотрела, как он встал и обошел стол, чтобы подойти ко мне. Двигался он через силу, очень осторожно, чтобы не причинить себе еще больше боли. Я никогда не видела, чтобы ему было так больно. На футболке виднелись несколько больших кругов крови и несколько пятен поменьше. Я не стала ему предлагать первую помощь. Он не согласился бы, даже приставь я Маргарет к его виску.

— Даже не надейся, что я сниму свитер, — предупредила я.

Он усмехнулся и лег рядом. Пока он ерзал, кровать прогибалась то тут, то там. Наконец он улегся и громко вздохнул. Я повернулась к нему. Рейес лежал на спине, накрыв рукой лоб. Мне лично поза показалась завораживающей и притягательной одновременно. Его профиль наводил на мысли о греческих богах. Идеальные пропорции. Совершенные линии.

— Ужасно твердая кровать, — заметила я, взбивая подушку и ворочаясь, чтобы улечься поудобнее. Непростая задачка, учитывая, что Маргарет постоянно утыкалась в матрас.

— Можешь сесть на меня. Я тверже.

У меня распахнулись глаза, и я чуть не посмотрела, правду ли он говорит. Но вовремя сдержалась. Не попадусь я так запросто на его уловки. К тому же он ранен, елки-палки.

— Итак, следующий вопрос. Почему ты зовешь меня Датч?

Рейес выглянул из-под локтя:

— Я тебя так не зову.

Я нахмурилась, впрочем, без толку.

— Ты постоянно называешь меня Датч. И всегда так называл.

— Знаешь, для того, кто говорит на всех языках, которые когда-либо существовали на этой планете, ты хреново разбираешься в значениях слов.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты подумай.

— Ну и ладно. — Я задумалась. Покатала слово в мыслях и на языке, пока его значение полностью не прояснилось. И ошеломленно уставилась на Рейеса. — «Искатель». Ты не зовешь меня по имени, ты говоришь «искательница» на арамейском языке.

На английском слово всего лишь звучало похоже на «Датч», и то только потому, что мне самой так казалось. На самом деле «ч» в арамейском оригинале больше походило на «ц», а «а» произносилось мягче, почти певуче.

— Браво.

— Все это время ты называл меня искательницей?

— Да, потому что так оно и есть. Ты — искательница душ.

— Обалдеть.

Уж не знаю почему, но от этого мне стало светло на душе. Как если бы я только что выпила большую чашку мокко латте. Сегодня я так много узнала, что не хотела, чтобы это заканчивалось. Если честно, клево было даже то, что Рейес тяжело ранен и не в состоянии сорваться на поиски «британца», чтобы, как истинный мужчина, порубить врага в винегрет.

Потому что он мог больше времени уделить мне любимой.

— Мне нравится, — проговорила я.

— Старейшины вашей расы умеют выбирать.

Я улыбнулась. Моргнула. Нахмурилась.

— Моей расы? У меня есть раса?

— Естественно.

— Минуточку. Честно-честно? И у меня есть семья, прямо как у тебя? Ну, там, в другом измерении?

— Да.

Просто в голове не укладывалось. Я даже прямого ответа не ожидала, не то что подтверждения.

— Серьезно? У меня есть другая семья?

— Да.

Меня будто по башке огрели. Я не знала, что и думать.

— Мне о них известно не так уж много, поэтому не очень-то рассчитывай на поток информации.

— А они... они тоже ангелы смерти?

— Только того, кого избрали для перехода в это измерение, называют искателем. Ты — представительница расы могущественных носителей света. Из тех, кто занимает... твоё положение, редко выбирают искателей. Слишком черная работа. Но среди них ты была самой молодой и самой сильной. И они знали, что я здесь.

Одно дело — жить, не зная, откуда у меня все эти способности. И совсем другое — вот так одним махом получить кучу ответов, которых мне не хватало всю мою жизнь. А Рейес так запросто, так небрежно об этом говорит, словно для меня узнать о моем наследии — сущие пустяки. Я старалась держать себя в руках. Я смогу со всем справиться с достоинством и тактом. Не то чтобы мне этого хотелось, как женщинам из программы «Цена удачи» (1).

А потом до меня дошел смысл слов Рейеса.

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что меня выбрали из-за тебя?

Даже его рука не помешала мне увидеть, что он закрыл глаза.

— Если бы меня спросили, я бы сказал, что твои старейшины рассматривали мое появление здесь как предвестие войны. Отец создал меня, чтобы я помог ему положить конец человечеству. Поэтому тебя и послали сюда. — Он повернулся ко мне, и в его глубоких карих глазах ярко сверкали золотистые и зеленые искорки. — Мы с тобой враги, Датч. Принцесса и пешка с разных сторон шахматной доски. — Уголок его чувственного рта приподнялся. — Все они сильно разочаруются, если узнают, что мы с тобой поладили.

Я приподнялась на локте и посмотрела на Рейеса:

— И что теперь? Я должна тебя убить или как?

Он провел пальцем по моим губам.

— Да. Для того тебя сюда и послали.

— Ну что ж, это редкий отстой.

Получается, меня послали убить чувака, который круче «ролексов» из «Ломбарда Сэла»? Ну точно — вся моя раса двинутая.

— Тебе это по плечу, — сказал Рейес с сожалением. — Ты можешь меня убить. Уничтожить противоположный портал и перекрыть моему отцу выход в этот мир.

Последний ангел смерти пытался, — он отвел взгляд. — Но не смог. Поэтому выбрали тебя.

— Рейес, это же бред какой-то. Я не могу просто взять и убить тебя. К тому же... ты умеешь драться и все такое.

Он неуверенно мне улыбнулся:

— Когда придет время — а оно придет, — сделай это быстро. Не сомневайся. Не колеблись ни секунды, Датч.

Я понятия не имела, чему можно верить из всего, что он говорит. В конце концов, он из расы лжецов. Можно ли доверять тому, что он мне рассказал?

Я подозрительно нахмурилась:

— Даже не думай, что сможешь умаслить меня благородными порывами, очарованием и убеждениями, будто мне хватит сил тебя убить. Ты меня толкнул, — напомнила я о вечере на складе. — И таскал по полу. Поэтому не надейся, что я забуду все это дерьмо только потому, что ты весь такой милый и готов пожертвовать собой. — Я шлепнулась обратно на подушку и скрестила на груди руки. — О таком дерьме не забывают.

В приглушенном свете глаза Рейеса лукаво сияли.

— Я никогда не претендовал на звание бойскаута.

Я ощущала жар его взгляда, и в голове бродила только одна мысль: «Господи, какой же он красивый!». Наверное, сейчас я могла бы воспользоваться шансом оценить, как сильно он ранен. Положив ладонь ему на живот, чуть выше талии, я почувствовала края скотча вдоль ребер под футболкой и слегка надавила. Рейес резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы и перехватил мое запястье. Но из-под скотча успела выступить кровь, перепачкав мне пальцы даже через ткань.

— Какого черта, Рейес? Что произошло?

Он решительно посмотрел мне в глаза:

— Если со мной что-нибудь случится, ты должна знать, что они нападают по двое. Если увидишь одного или на тебя нападет один из них, значит, где-то поблизости есть второй. Увидишь троих, значит, жди и четвертого. Никогда — слышишь? — никогда не доверяй им.

— А не могу я просто взять и сделать, как в последний раз? Шарахнуть их своим атомным светом?

— Нет. — Рейес подтянул меня к себе, пока не соприкоснулись наши лбы. — Внутри людей они защищены от света. Даже от твоего.

Меня просто бесило, что я чувствую себя уязвимой, тонкой, как бумага.

— Я не могу с ними драться, Рейес. Они слишком сильные.

— Сможешь, если будешь знать как. Но пока не знаешь, даже не пытайся. Зови хранительницу и беги со всех ног.

Я лежала рядом с ним, так и не убрав руку с его ребер.

— Убегать — это я могу. То есть не то чтобы я очень быстрая, к тому же у меня одышка... в общем, неважно.

Когда он заговорил снова, то вполне мог сняться для плаката, призывающего к серьезности:

— Когда у тебя на хвосте сидит группа демонов, это, поверь мне, неплохо мотивирует.

— Еще бы.

— Поэтому беги, не оглядываясь. Пообещай мне.

— Обещаю, что буду убегать что есть мочи, но у меня и правда быстро одышка наступает.

Мне удалось его немножко рассмешить. Рейес потянулся ко мне и прикусил мочку моего уха. Сладкий трепет желания молнией пронзил меня и разлился теплом в животе. Невероятно! Я наконец-то наедине с Рейесом Фэрроу, во плоти, в дурацком номере отеля, а он истекает кровью. Конечно, я могла бы воспользоваться преимуществом, но сейчас не самое подходящее время. И меня просто убивала необходимость признавать этот факт.

Губы Рейеса прокладывали поцелуи вниз по моей шее. Я обняла его и прошептала:

— Расскажи мне о моих предках. О другом ангеле смерти.

Он так долго молчал, будто вовсе не собирался отвечать. А потом лег на спину с задумчивым видом.

— Жил-был мальчик по имени Кинрик. Однажды отец привел его к старейшинам в деревне и заявил, что мальчик одержим. Что он видит призраки и знает то, чего никто не может знать. Много дней его допрашивали и пытали, но мальчик не сказал ни слова. В конце концов, его забили камнями до смерти.

Я поежилась:

— Несчастливый конец у этой истории.

— У большинства из них. В итоге деревню выкосили болезни и смерть. Люди думали, что мальчик проклял их перед тем, как умереть.

— И это правда?

— Нет, деревню проклял другой человек. Мальчик всего лишь повторял то, что рассказывала ему младшая сестра. Она была ангелом смерти, а не он. Но она была больна с младенчества и не могла говорить. Только брат понимал ее. — Рейес коснулся пальцем своего виска: — Они говорили друг с другом мыслями и сердцами. Скорбь взрастила в ней огромную ярость, и она выпустила на свободу все свои силы, даже не понимая, что творит. Ангелы смерти не всегда знают, на что способны, пока не получают серьезное эмоциональное потрясение.

— Эта девочка прожила долгую жизнь?

Он кивнул:

— По сравнению с большинством ангелов смерти, да. Приблизительно до семидесяти, если память меня не подводит. Но ей пришлось жить с последствиями того поступка. Она стала отшельницей и в итоге окончательно сошла с ума.

— Ужас какой-то. И все-таки, если она была неземным созданием, то как могла убить стольких людей? Как это могло сойти ей с рук?

— С самого рождения ангелам смерти даруют свободу выбора. По сути, они — искатели душ, но могут... — он на мгновение задумался, — могут и отслеживать души, за неимением другого слова. Это их право.

— Что ж, я этим правом точно никогда не воспользуюсь.

Чтобы мы оба не поддались еще большему искушению, я бросила свою подушку в ноги Рейеса и положила голову почти вплотную к его ботинкам, чтобы лежать под прямым углом к нему. Он дал мне так много информации, что мне необходимо было время все обдумать, но уходить сейчас мне не хотелось. Не хотелось бросать его в таком состоянии. Не хотелось бросать его до конца моих дней. Или пока мне не придется возвращаться к работе. Смотря что наступит раньше.

У меня есть другая семья. Из другого мира. Это, наверное, круто. И еще я могу убивать людей силой мысли. Ладно, в это я до сих пор не верила, но в существование моей другой семьи — очень даже. Я задумалась, как зовут моих родственников. Может быть, у меня есть

тетушка Миртл. Или дядюшка Боаз. Как-то я убеждала дядю Боба сменить имя на Боаз, но он не согласился. Уж не знаю почему.

Пока я лежала, раздумывая о том, насколько классно иметь иномирную семью, мои веки отяжелели. От тепла Рейеса клонило в сон. Его близость была такой уютной, что я чуть не заснула, как вдруг услышала его голос:

— Можешь подвинуться выше. Так тебе будет удобнее.

— Нет, — рассмеялась я, — если я подвинусь выше, удобнее будет тебе, извращенец.

Через секунду мне уже снились Рейес, пляжи и бокалы «Кукиариты» с зонтиками, щекотавшими мне ладонь. На самом же деле во сне я почувствовала, как мою ладонь поглаживали пальцы Рейеса. Интересно, он это нарочно? Никаких сомнений не осталось, когда он с рычанием улегся на меня, едва не раздавив своим немалым весом. Не успела я даже пискнуть в знак протеста, как его рот оказался у моего уха.

— Ш-шш, — услышала я и почувствовала тепло его дыхания.

Сначала я подумала, что Рейес просто заигрывает, но он весь был напряжен, будто готовился нанести удар. Или выбить из меня все дерьмо. Какого, блин, черта?

Я начала бороться с ним, но вдруг снова почувствовала на ладони его пальцы. Только на этот раз тепло слишком быстро сменилось холодом пистолета. Я замерла. Рейес вытащил Маргарет из кобуры и сунул мне в руку.

— Что...

Закончить я не успела, потому что Рейес закрыл мне рот поцелуем. Пока его губы творили волшебство, а язык требовал впустить его глубже, превращая меня в бесполезную растаявшую лужу, руки его занимались чем-то совсем другим. Наконец я нащупала что-то холодное и металлическое. Это был нож, который Рейес достал из-за пояса. Его губы вернулись к моему уху, и я услышала шепот:

— Зови собаку.

У меня подскочил пульс.

— Зачем? — еле слышно прошепстала я.

Он приподнялся, чтобы посмотреть мне в глаза. В его взгляде отчетливо читались извинения, которые он не стал произносить вслух:

— Затем, что это не мой номер.

Он снова меня поцеловал. Его рот казался мне обжигающе горячим, а все мышцы в его теле словно гудели от напряжения. Сердце Рейеса билось прямо над моим собственным, и у меня в ушах шумел его пульс. Я положила руку на кровать и щелкнула пальцами.

Появившись прямо из-под земли, Артемида ткнулась носом в мою ладонь и тут же наострила уши. Из ее груди вырвалось низкое рычание в ту самую секунду, когда приоткрылась дверь. Артемида припала к полу и стала ждать.

Медленно дверь открывалась все шире и шире, пока не остановилась под углом в сорок пять градусов. Мне этого было мало, чтобы рассмотреть, кто нам помешал. Из-за плеча Рейеса мне была видна только рука на дверной ручке. Кто бы ни был за дверью, он и полшага не успел сделать, как Артемида бросилась в атаку. С лаем, от которого завибрировали стены, она прыгнула прямо сквозь наполовину распахнутую дверь и врезалась в одержимую женщину, если судить по чисто женскому визгу.

Я перестала чувствовать на себе вес Рейеса, а мгновение спустя в номер влетел еще один противник, причем его сюда явно швырнули. Дверь с треском вписалась в стену, и я увидела женщину, боровшуюся на тротуаре с Артемидой, которую, как я поняла, она толком

и не видела. Даже мне было трудно сосредоточиться на мощной фигуре хранительницы, пока та вырывала из тела женщины незваную душу.

Но не успела я понять, что произошло с тем демоном, как меня заметил второй — тот, с которым дрался Рейес. Демон испустил яростный вопль и попытался сбросить Рейеса, чтобы добраться до меня. Никогда в жизни ничего подобного из чужих эмоций я не ощущала: мужик так отчаянно хотел наложить на меня лапы, что даже не заметил, как его позвоночник согнули под неправильным углом и он начал с треском ломаться. Я слышала, как хрустят кости, как разрываются связки, как смещаются позвонки, а он продолжал смотреть только на меня. И хотел меня так неистово, что протянул ко мне руку, а глаза его умоляли подойти ближе.

Они были голубыми. Его глаза. В их глубине я видела демона — его дымчатую черную сущность. Но у человека, в которого он вселился, глаза были голубые. Такие ясные, что напоминали бассейн, искрящийся на солнце в жаркий летний день. В этих глазах проступили слезы, когда Рейес сдавил ему горло и перекрыл доступ кислорода. Но демону было наплевать. Он пытался подползти ко мне, помогая себе одной рукой, потому что вторая была сломана и бесполезно валялась на полу сбоку от него.

Демон предпринял последний отчаянный рывок ко мне, и рука его как будто стала длиннее. Из пальцев человека появились острые черные когти. На город опускалась ночь, и больше ничего не препятствовало демону разоблачить себя, выйти за границы занятого им тела. Я видела только руку, но знала, что теперь хотя бы часть его ничем не защищена.

Я перегнулась через край кровати, не обращая внимания на Рейеса, который орал на меня, требуя убраться и спрятаться. До когтей было всего несколько сантиметров. Еще чуточку, и демон раскромсал бы мне лицо. Я подняла руку ладонью вверх и подула, словно сдувая волшебную пыльцу. Частички моего внутреннего света поплыли по воздуху к демону и осели на его когте. Последовал мощный взрыв энергии. Демон завопил, и его выбило из тела человека.

Скорчившись, демон бился в агонии на полу и визжал так противно и оглушительно, будто одновременно завели тысячу реактивных двигателей.

Сразу же на него набросилась Артемида. Ее зубы сомкнулись и вырвали из чудовища жизнь. Он так сильно страдал от боли, что, наверное, убить его было актом милосердия. Я смотрела, как густая газообразная кровь пролилась на пол и испарилась.

Я даже не поняла, что Рейес зол, когда он рывком поставил меня на ноги и оглядел с головы до пят. Сосредоточился на моем лице. На его собственном читалось полнейшее офонарение.

— Что это было, твою мать? — От злости его голос буквально резал по нервам.

У меня по венам струился адреналин. Я посмотрела мимо Рейеса на Артемиду. Та обнюхивала номер с тем же энтузиазмом, с каким охотничий пес идет по следам лисы. Судя по всему, она учуяла запах еще одного демона, потому что нырнула в стену между номерами еще до того, как я успела ее позвать.

Боясь, что меня снова стошнит (поскольку это, похоже, стало для меня привычным делом), я неуклюже двинулась к крошечной ванной у самой входной двери. Рейес подхватил меня, когда я споткнулась, но я сумела вырваться и буквально рухнула возле унитаза. Меня не останавливало даже то, что я обнималась с куском керамики, которым годами пользовались мужчины с хреновым прицелом. Вдохнув огромную порцию несвежего воздуха, я сглотнула желчь, попутно стараясь утомонить скачущий вверх-вниз желудок.

Рядом со мной присел Рейес, и я ощутила холодную мокрую ткань на затылке.

— Это сводит их с ума. — Он наклонился ко мне и уткнулся мне в шею. — Аромат страха — твоего страха — для них все равно, что запах героина для добросовестного наркомана.

— Ничего не могу с этим поделать, — промямлила я.

— Знаю. Это моя вина. Извини.

Я взглянула на него и впервые заметила, что демон ухитрился его ранить. Лицо Рейеса пересекали три глубоких кровавых пореза. От самого верхнего из них до нижнего века оставался какой-то сантиметр. Я забрала у него влажную тряпку и приложила к ранам.

— Ты его убил?

— Нет. В ближайшее время бегать марафоны ему не светит, но нам с тобой нужно убираться отсюда как можно скорее.

В полной тишине Рейес проводил меня до дома. Наверное, не знал, что и думать обо мне. Я тоже не знала, так что мыслей у нас обоих, видимо, было негусто. Он внимательно следил, как я поднимаюсь по лестнице и подхожу к своей двери, потому что я отказалась от его помощи. Меня уже достало чувствовать себя инвалидом, неспособным ходить и жевать жвачку одновременно.

Отперев дверь, я вошла в квартиру.

— Может, чем-нибудь намазать? — спросила я, указав на его лицо.

Рейес прижал к левой щеке край футболки, чтобы промокнуть стекающие струйки крови. Порезы уже исцелялись, но мазь с антибиотиком не помешала бы.

Не обратив ни малейшего внимания на мои слова, он осмотрел квартиру и резким тоном потребовал:

— Позови своего мелкого.

— Какого еще мелкого? — спросила я, внезапно почувствовав, что едва не валяюсь с ног от усталости. — Нет у меня никакого мелкого.

По крайней мере, мне так казалось. Что-то не припомню, чтобы я успела кого-то родить, а такое, уверена, любая девушка так просто не забыла бы.

— Пацан, который вечно отирается поблизости. Позови его.

— Ангела? — переспросила я, и, стоило мне о нем подумать, он тут же появился.

Он удивленно заозирался, потом заметил меня и наградил злым взглядом из-под банданы:

— Че, так и будешь этой фигней страдать?

— В этот раз я вообще ничего не делала, — я ткнула пальцем в сторону Рейеса, и бравада Ангела мигом испарилась.

Он шагнул назад одновременно с тем, как Рейес сделал шаг вперед.

— Оставайся здесь, — приказал Рейес тоном, не терпящим возражений.

Однако перед ним стоял Ангел Гарса, который терпеть не мог делать то, что ему не нравится. Он прикусил губу и расправил плечи:

— Сам оставайся здесь, *pendejo* (2).

Я не заметила никакого движения, но через мгновение Рейес уже стоял перед ним и держал за воротник грязной футболки, наклонившись к Ангелу так близко, что между их

лицами оставалось всего несколько сантиметров.

— Ты хоть знаешь, что я могу с тобой сделать?

Глаза Ангела широко распахнулись, но он все-таки сумел взять себя в руки:

— Я знаю, что ты можешь вернуться в ад ко всем чертям.

Я попыталась втиснуться между ними, оторвать от Ангела руки Рейеса. Через несколько секунд Рейес отпустил его, посмотрел на него извиняющимся взглядом и сказал, смягчив тон:

— Останься здесь ради нее.

Ангел пожал плечами и разгладил на себе футболку.

— Только ради нее.

Похоже, это Рейеса устраивало. Он щелкнул пальцами, и, откуда ни возьмись, выскочила Артемида. Она прыгнула на него всем телом, положив ему на грудь огромные лапы. Короткий хвост ходуном ходил от бешеной радости. Рейес почесал ее за ушами и потерялся щекой о ее шею.

— Побудь здесь, — сказал он прямо ей в ухо, — и не давай ей влезать в неприятности. Поняла?

Его брови вопросительно приподнялись, Артемида гавкнула в знак согласия, а я вдруг остро почувствовала, что меня попросту задавили количеством. Я мрачно уставилась на Артемиду:

— Предательница.

Она снова гавкнула, совершенно не впечатлившись моими обвинениями, и помчалась играть с Ангелом, легко сбив того с ног. Он рассмеялся и попытался извернуться, чтобы взять ее в удушающий захват. Я очень удивилась, увидев, как невероятно широко распахнулись собачьи челюсти и без всяких проблем обхватили горло Ангела. Он издавал булькающие звуки предсмертной агонии, которые, судя по всему, безмерно радовали Артемиду. А раз так, пусть себе играют.

— Мне нужно проверить, не увязались ли они за нами, — сказал Рейес.

— Лучше дай мне осмотреть твои раны.

— В последний раз, когда ты смотрела на мои раны, ты чуть не грохнулась в обморок.

— Это было давным-давно.

— Два месяца назад, плюс-минус.

— Фиг с тобой, — отозвалась я и махнула рукой, как бы отпуская его на все четыре стороны. — Иди по своим крутым мужским делам, а я останусь дома под присмотром булькающего тринадцатилетнего гангстера.

Как по мне, что-то в этой картинке было очень и очень неправильно.

Я проснулась от того, что замерзла. На мне лежали пятьдесят килограммов мертвой ротвейлерши, будто я не человек, а удобнейший матрас. Меня не особенно тревожило, что ее правая лапа практически полностью закрывала мне лицо, сократив до минимума доступ кислорода, и что у меня онемели ноги, потому что ее плечо сильно вдавливалось в тазовую кость. Больше всего меня беспокоил тот факт, что лежавшая у меня на ребрах голова храпела. Seriously? Даже после смерти? Почему-то в сложившихся обстоятельствах храп казался мне чем-то ну очень лишним.

Мне было необходимо о многом подумать. О демонах, о моем наследии, о моих, судя по всему, долгосрочных обязательствах в качестве ангела смерти, хотя я в упор не помню, чтобы подписывала подобный контракт. Но в моем черепе не было никаких мыслей, кроме той, что мне позарез нужно выпить кофе. И избавиться от кислородного голодания. Ну и пописать, причем как чемпиону лошадиных скачек. Потому что на мочевого пузырь давил пусть и странный, но далеко не маленький вес по имени Артемида.

Я убрала с лица гигантскую лапу, но, чтобы выбраться из-под ротвейлерши, понадобились титанические усилия. Когда я шмякнулась на пол, ее голова свесилась с края кровати, однако сама Артемида и не подумала проснуться. Я не смогла удержаться и потерлась щекой о ее усы. Каждый раз, когда я целовала ее в нос, она подергивала губой и тихонько рычала. Из нее получился бы шикарный Элвис.

Мне удалось кое-как встать на ноги и доковылять до ванной. Справившись с насущными делами, я заскочила на randevu с мистером Кофе, после чего тихонько прокралась к окну в гостиной, чтобы не потревожить Ангела и бабулю Лил, валявшихся, кто где упал. Меня до сих пор поражало, что призраки спят. Особенно учитывая бесконечный стук в соседней квартире.

Даже сквозь шум ремонта я слышала, как к дому подъехал грузовик. Для доставки продуктов в папин бар было еще слишком рано, поэтому меня обуряло любопытство. А вдруг приехали мои новые соседи? Хотя это было бы глупо, потому что квартиру все еще ремонтировали. Надо будет позже поболтать с мистером Зи. Может, мне удастся убедить его, что новые столешницы поднимут стоимость всего дома.

Я выглянула в окно и слегка удивилась. Это был не просто грузовик, а мебельный фургон, и стоял он у дальнего конца папиного бара. Любопытство достигло апогея, и я бросилась к окну в спальне, чтобы получше все рассмотреть. Ага, кто-то точно перевозил вещи. Я глянула на окна второго этажа и ахнула. Громко. Какой-то мужчина открыл жалюзи и стирал с подоконника пыль, как будто подготавливал помещение для нового арендатора.

Это же мой офис!

Отец сдал кому-то мой офис прямо у меня под носом. Это было чистой воды потрясением. Я чувствовала себя оскорбленной и не на шутку взбесилась. Покопавшись в гардеробе (уж наверняка для короткой прогулки через переулок сойдут боксеры в клеточку, футболка с надписью «Я хладнокровнее, чем холодильник» и розовые тапочки с кроликами), я поставила куда-то чашку с недопитым кофе и решительно направилась в бар. Чем больше я думала, тем быстрее шла. А чем быстрее я шла, тем сильнее злилась.

Едва я вышла из дома, меня обступил прохладный ветер, но я даже внимания на это не обратила. Папа сдал мой офис. Можно сказать, наступил на большую мозоль.

Пройдя мимо двух мужчин, выгружавших из фургона письменный стол, я вошла в бар через черный ход.

— Па-а-ап! — проорала я, чуть не сбив с ног обескураженную мачеху, которая только что вошла через главный вход. Наверное, принесла предателю завтрак. Надеюсь, он им подавится.

Дальше я прошагала мимо Сиенны — потрясающе красивой новой барменши, которая запала на Пари. Она одобрительно улыбнулась, заметив мои боксеры.

Из папиного кабинета вышла Джемма, чуть не вписавшись в меня. На лице ее было написано удивление:

— Чарли, ты же не одета.

— Где он? — рывкнула я, пытаюсь ее обойти.

— Папа? Наверху, наверное.

Будь я в здравом уме, то наверняка бы заметила, как дрогнули ее губы с намеком на улыбку, и поняла бы, что здесь что-то нечисто, но у меня была цель. Я развернулась и помчалась наверх через ступеньку. В тапочках, честно говоря, это натуральный подвиг. К тому же от длинных шагов боксеры впивались туда, куда не следует, но на втором этаже я быстренько их поправила и положила конец всем неудобствам.

Я вихрем ворвалась в офис, который считала своим больше двух лет, и увидела папу. Он смотрел в окно, жалюзи были подняты. На высокой тощей фигуре мешком висела клетчатая рубаха. Штаны цвета хаки казались размера на два больше, чем надо. Обычный здоровый загар превратился в нечто бледное и мучнистое, и теперь кожа почти сливалась по цвету с русыми волосами.

Кроме нас, здесь больше никого не было. Все, что я оставила, по-прежнему лежало на своих местах. Ящики и полки явно никто не трогал.

Встав за спиной у папы, я уперла руки в бока и спросила:

— Ну и?

Он опустил голову, и пожиравшая его печаль мощным ударом бабахнула по мне. Я тут же заблокировала поток его эмоций и сделала глубокий вдох, чтобы избавиться от тяжести успевших пролиться на меня чувств. Он организовал мой арест, пока я валялась на больничной койке. Он не заслуживал моего сочувствия. Зато заслуживал испытать на себе всю силу моего гнева.

— Ты сдал мой офис? Вот так запросто? — я щелкнула пальцами, чтобы продемонстрировать поспешность и легкость, с которой он принял это решение.

Наконец папа повернулся ко мне. Выглядел он еще более осунувшимся, чем обычно. Похожая на палочку от эскимо фигура ссутулилась от усталости. Одежда на нем сидела как попало.

Но мне было наплевать. На-пле-вать.

— Нет, милая, не сдал.

Я ткнула пальцем в сторону окна:

— Тогда что все это значит?

— Уловка, — сказал он таким обыденным тоном, что до меня не сразу дошел смысл. — Приманка, — добавил он.

Я выглянула в окно и поняла, что в фургоне ничего, кроме стола, не было. Мужчины внизу отсалютовали папе, погрузили стол обратно и закрыли дверь.

Я повернулась к нему:

— О чем ты говоришь? Какая еще приманка?

— Приманка для тебя, — ответил он, шагнув ближе.

Я отшатнулась, испытав прилив тревоги.

Папа сделал еще один шаг ко мне, но остановился, когда я наградила его своим фирменным убийственным взглядом.

— Ты не отвечаешь на мои звонки, — проговорил он, подняв руки в знак капитуляции. — Не открываешь дверь, когда я прихожу.

— Ума не приложу, с чего бы, черт возьми.

Я отвернулась, чтобы уйти, но следующие его слова пригвоздили меня к полу:

— Я не знал, сколько у меня еще времени.

— Что? — подозрительно переспросила я.

— Когда тебя арестовали, я не знал, сколько времени у меня осталось. Я хотел, чтобы ты бросила свое дело, и должен был действовать быстро.

Сейчас я была предельно раздражена и не чувствовала в себе ни капли терпения. Поэтому беспомощно развела руками, а через секунду они сами опустились.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Я просто хотел поступить с тобой правильно. Исправить то, что натворил. Я втянул тебя в эту жизнь. И хотел вытащить тебя из нее до того, как станет слишком поздно.

— И поэтому решил устроить мне арест?

— С записью об аресте в личном деле нельзя быть частным детективом. Твою лицензию бы аннулировали, — папа пожал плечами, — и миссии конец.

В моей улыбке не было ни толики юмора:

— Спасибо, что поддержал, папа. Я это очень ценю.

— Ты не оставила мне выбора.

Я едва не сорвалась на крик:

— Что? Я не оставила тебе выбора? Ты совсем из ума выжил?

— Я пытался сблизиться с тобой, чтобы ты могла со мной поговорить о чем угодно, но ты мне не доверяешь. И никогда не доверяла. Я не знал, что еще можно сделать. Я пытался исправить ошибки. По моей вине ты занимаешься этой работой. Я втянул тебя в это и должен был вернуть тебе нормальную жизнь. Уберечь от опасностей. Когда всякие отбросы начинают за тобой охотиться... я знаю, что виноват я и только я. Все это время я притворялся, что все в порядке. Но больше не могу.

— Что ж, прекрасное ты выбрал время, чтобы поддаться угрызням совести, папа. Ты организовал мой арест, когда я валялась в больнице после того, как меня чуть не запытали до смерти. — Я подняла вверх большие пальцы: — Класс.

Папа опустил взгляд:

— У меня не было выбора.

— Знаешь что? — я шагнула к нему и ткнула ему пальцем в грудь. — Я много думала о том, каким ты мне казался всю мою жизнь. Ты был моей каменной стеной. Единственным, кто верил в меня и в мои способности. Я всегда считала, что ты на моей стороне. А потом меня осенило. Все эти годы ты мирился с Дениз и сквозь пальцы смотрел на то, как она ко мне относится. Вместо того чтобы защищать меня, ты делал вид, что ничего не замечаешь. Ты никогда меня не поддерживал, зато продолжал снова и снова получать выгоду от моих умений. Ты просто стоял в стороне и позволял этой ведьме измываться надо мной при каждом удобном случае.

Папа посмотрел куда-то мне за спину. Я обернулась и увидела в дверях упомянутую ведьму с отвисшей челюстью.

Я показала на нее и кивнула:

— Ага, вот этой самой ведьме. — Папа по-прежнему не реагировал на мои слова, поэтому я спросила: — Тебе хоть когда-нибудь было на меня не наплевать?

Он тут же подобрался:

— Конечно. Я заботился о тебе всю твою жизнь. Просто мне казалось... — Он не договорил и прикрыл рот кулаком.

— Хорошо подумай, — сказала я, зная, что мои слова звучат, как предупреждение, а не просьба.

— Вам с сестрой нужна была мать.

— И ты решил, что она подойдет? — Я шагнула ближе и теперь стояла так близко к папе, что увидела собственное отражение в слезах, собравшихся у него на ресницах. — Ты никогда меня не поддерживал. Ты поддерживал себя. Так что вперед. Сдавай мой офис. Мне по фиг.

Поскольку в дверях торчала Дениз, блокируя мне путь к отступлению, я решила пройти через вторую комнату и попасть на улицу через главный вход.

Но, как только я взялась за дверную ручку, папа снова заговорил:

— Я должен убедиться, что ты не пропадешь, когда меня не будет рядом.

Собрав все оставшееся мужество, я опять повернулась к нему. На языке уже вертелся остроумный и весьма актуальный ответ, но озвучить его мне не удалось. Потому что в следующее мгновение папа поднял пистолет и выстрелил в меня.

(1) Русский вариант названия (и самой телеигры) «The Price Is Right». В США шоу стартовало 4 сентября 1972 г на канале CBS. В эфире по сей день. Суть игры заключается в том, чтобы угадать точную цену предложенных товаров и выиграть деньги или ценные призы.

(2) Pendejo — (исп.) придурок, дурак; чувак.

Глава 14

Продается надгробие, б/у. Идеально подойдет тому, кого зовут Шарлотта Дэвидсон.

Объявление в газете

Выстрелил, но не попал.

Я пригнулась. Уж не знаю почему. Но пригнуться, когда в тебя стреляют, кажется удачной и правильной мыслью. Раньше я бы остановила время и вдоволь налюбовалась зависшей в воздухе пулей, но после пыток эта моя способность, похоже, исчезла. Потому что, когда папа выстрелил, я пригнулась, даже не попытавшись замедлить ход времени.

Упав на колени и прикрыв голову, я повернулась и взглянула из-под локтей на папу. Он все еще держал пушку и потрясенно смотрел на меня.

— Лиланд! — взвизгнула Дениз и в ужасе прикрыла рот руками. Что ж, она хотя бы попыталась.

Проверив, на месте ли все жизненно важные органы, и убедившись, что не чувствую боли, я вскочила на ноги. Джемма уже была здесь и пыталась протиснуться в комнату мимо Дениз. За ней попятам примчалась Сиенна с кофейником в руке.

Мир вокруг меня завращался с бешеной скоростью. От звука выстрела организм перегрузило адреналином.

Похлопав по себе дрожащими руками и еще раз убедившись, что ран нигде нет, я заорала на папу:

— Какого хрена ты творишь?!

Однако он все еще целился в меня и, казалось, впал в легкий шок.

— Папа! — крикнула я, пытаюсь привлечь его внимание. — Вот теперь официально заявляю: ты плохой отец. Хорошие отцы по своим дочерям не стреляют. — Скрестив на груди руки, я пустила в ход тяжелую артиллерию: — Когда умру, все-все расскажу маме.

— Что случилось? — спросила Джемма, переводя взгляд с меня на папу.

Я показала на него пальцем:

— Он пытался меня убить. Вот что случилось.

— Папа! — сказала Джемма таким тоном, будто отчитывала ребенка, который только что съел жука.

— Нет, ты не понимаешь, — папа повернулся к ней как раз в тот момент, когда в офис ворвался дядя Боб, отпихнув Дениз с дороги.

Прекрасно. Вся банда в сборе, чтобы засвидетельствовать мое убийство.

Папа опять посмотрел на меня с отвисшей челюстью.

— Смотрите, — сказал он и снова выстрелил.

Я опять пригнулась. На этот раз всплеск адреналина чуть не отправил меня в кому. Если верить теории эволюции, адреналин должен действовать совсем не так. Я должна была напрудить в штаны, а потом бежать сломя голову, словно за мной гонится медведь. Терять сознание — это совсем не по-дарвински.

На этот раз я не успела спросить «Какого хрена?», зато дядя Боб успел достать свой пистолет и приставить к папиному виску.

Я опять оказалась на коленях. Грохот из пушки сотряс меня так резко и мощно, что из меня будто вышибли дух. Я снова кое-как поднялась на ноги, видя расплывающийся перед глазами мир и чувствуя кульбиты желудка в животе. Ну вот, опять тошнит. Меня так трясло, что только чудом еще не вывернуло наизнанку. Я тяжело сглотнула, пытаюсь удержать в себе ту малость кофе, которую выпила чуть раньше.

Всей кожей почувствовав жар, я посмотрела влево. Возле меня материализовался Рейес. Огромный черный плащ клубился вокруг него, и от этого мир как будто качался еще сильнее. Я чувствовала себя утлой лодчонкой в открытом море.

Рейес посмотрел из-под капюшона на папу, потом снова на меня:

— Почему твой отец пытается тебя убить?

Еще раз сглотнув, я прислонилась спиной к стене.

— Понятия не имею. — Когда он шагнул к папе, я бросилась вперед и встала между ними. — Ну нет, даже не думай. У него неприкосновенность, ясно тебе?

Рейес взял меня за руку и, подтянув к себе, укутал складками плаща. Обжигающий жар успокаивал, даже несмотря на то, что я кипела от гнева.

— Тогда разберись с этим, или я убью его прямо на месте.

Я оттолкнула его и показала на окно:

— Уходи. Живо.

С глухим рычанием он дематериализовался, но я чувствовала, что он где-то поблизости. Раз Рейес все еще здесь, то может в любую секунду появиться и расцеловать папе позвоночник раньше, чем я успею пискнуть. Значит, мне надо как можно скорее разрядить обстановку, иначе папа никогда больше не сможет ходить. Или даже дышать.

Взяв себя в руки, я вдруг поняла, что все на меня пялятся. Скорее всего потому, что я разговаривала с воздухом. Что ж, придется им смириться. У нас на сковородке жарится рыбка покрупнее. Они и раньше видели, как я разговариваю с воздухом. Ну, все, кроме

Сиенны. Однако я понятия не имела, что может вызвать такой шок, какой сейчас был написан на всех их лицах.

Сиенна уронила кофейник. С громким стуком он упал на пол, расплескав во все стороны кофе, но никто и не подумал отвести от меня глаз.

— Чего уставились? — внезапно смутившись, спросила я и глянула вниз. Боксеры были на месте и, по-моему, выглядели неплохо.

Я снова посмотрела на лица собравшихся. Даже дядя Боб, который все еще целился папе в голову, смотрел на меня. Как и все остальные.

Папа опустил пистолет, и движение привлекло внимание Дибби. Он повернулся к папе:

— Брось пушку, Лиланд.

Папа послушался. Пистолет упал на пол, но никому не было до него дела. Все взгляды были по-прежнему прикованы ко мне. Медленно, с величайшей осторожностью дядя Боб присел и поднял пушку. Причем отвел от меня глаза ровно на полсекунды, которые ему понадобились, чтобы не промахнуться мимо пистолета.

Мне уже становилось жутковато.

— Как это у тебя получается? — спросила Джемма.

— Что получается? — переспросила я, ничегошеньки не понимая. — Чуть не получить пулю в лоб от руки собственного отца? — Никто ни слова не сказал, и я решила, что сейчас самое время для напыщенной речи. — Видишь ли, это не так уж сложно. Я всего лишь стояла, а один псих навел на меня пушку и...

— Пистолет заряжен холостыми.

Я повернулась к папе:

— Ты пытался убить меня холостыми патронами?

— Да, — кивнул он, потом понял, что сказал, и помотал головой: — То есть нет. Я...

— А тебе не кажется, что это неэффективно?

— Ты так двигалась... — продолжал папа вместо Джеммы. — Это что-то из области фантастики. Никому такое не под силу.

— Да о чем ты, блин, говоришь? — спросила я, чувствуя, что опять начинаю злиться. Неужели здесь всем наплевать, что мой собственный отец пытался меня убить?

Папа подошел ко мне и поднял руку, чтобы прикоснуться к моему лицу, но я ударила его по руке и отскочила за пределы его досягаемости. Он не возражал, зато спросил:

— Кто ты?

— До потери пульса взбешенная барышня.

— Чарли, — заговорила Джемма своим любимым профессионально ласковым тоном, — посмотри, где ты стоишь.

Я огляделась и поняла, что она права. До сих пор я была у двери, а теперь — рядом с окнами, выходящими на переулок.

Я пожала плечами:

— Ну, значит, отбежала. И что с того? В конце концов, в меня стреляли.

— Но ты не бегала по комнате, — возразила Джемма. — Ты стояла здесь, а теперь там. Ты... — она замолчала, словно не могла подобрать слова. — Ты поразительно быстро передвигаешься. Такое впечатление, что исчезаешь, а потом снова появляешься. В жизни ничего подобного не видела.

— Я должен был знать, — снова заговорил папа. — Знать, что с тобой все будет в порядке. Я знал, что ты не похожа на других, но даже не догадывался насколько. В тот день,

когда Карузо меня связал и пошел на тебя с тесаком... ты двигалась так же. Я никогда ничего подобного не видел. — Карузо был одним из тех, кого папа арестовал и надолго посадил за решетку. Как только Карузо получил условно-досрочное освобождение, он решил отомстить папе, а я вовремя попалась ему под руку. — В тот день я понял, какая ты особенная.

Меня до сих пор колотило от адреналина, текущего по венам, и я изо всех сил старалась не впасть в истерику.

— Уму непостижимо, как тебе в голову пришла светлая мысль стрелять в меня.

Я развернулась, чтобы уйти, но меня остановил дядя Боб:

— Чарли, если хочешь выдвинуть обвинения, только скажи.

Ехидная ухмылка расплзлась по моему лицу:

— Не сегодня. Не хочу с ним связываться. Хватит с меня.

Выходя из офиса, я оттолкнула Дениз и пошла вниз по лестнице.

— Чарли! — позвала Джемма. — Погоди.

Я продолжала спускаться:

— Я напишу обо всем этом письмо маме.

— Хорошо, — отозвалась она, пытаясь меня догнать. — Даже прекрасно, но ты должна кое-что знать, пока тебя не занесло.

Догнала она меня уже у самого моего дома.

— Я знаю, — сказала я, ощущая в горле ком, который так просто мне уже не сглотнуть. — Почувствовала, как только вошла туда.

Джемма сделала несколько глубоких вдохов.

— Он не знает, сколько ему осталось.

Я отвернулась от нее. Меньше всего мне сейчас хотелось разрыдаться у нее на глазах.

— Давно вы в курсе?

— Пару месяцев. Он не разрешал тебе рассказывать. Хотел сам, но ты не отвечала на его звонки.

Я сложила на груди руки, но все еще не могла посмотреть сестре в глаза.

— Все равно я все расскажу маме.

Она подошла и обняла меня сзади:

— Передай ей от меня привет.

Уткнувшись лбом в ее костлявый локоть, я с трудом выдавила:

— Хорошо, но мне кажется, меня она любит больше, чем тебя.

Джемма рассмеялась и обняла меня крепче.

Я уже была у себя в пентхаусе и наливала кофе, когда Куки с огромными от беспокойства глазами чуть не снесла с петель дверь. Увидев меня, она испытала прилив облегчения и подошла, тяжело дыша и прижимая к груди руку.

— Я не могла тебя найти, — сказала она, задыхаясь. — А все твои вещи были здесь. Я думала, тебя убили. Или опять похитили.

— Прости. Со мной все путем.

Она подняла палец и с трудом сглотнула:

— Клянусь, Чарли, когда-нибудь ты меня под монастырь подведешь.

— Не смеши. Зачем мне тебя убивать? Ты на меня за гроши работаешь.

— Тоже верно, — кивнула Куки.

— Я была в офисе. Папа пытался меня пристрелить. Дважды. Поэтому дядя Боб тоже достал пушку. Он куда ловчее, чем кажется на первый взгляд.

Ее глаза опять распахнулись. Потом сузились. Опять распахнулись и снова сузились. Затем в них появился знакомый мне мечтательный блеск, пока Куки пыталась в красках представить себе то, что я рассказала. Несколько секунд спустя ее глаза превратились в блюдца и почти сразу опять сузились. Забавное, конечно, шоу, но я все еще была в боксерах.

— Ну ладно, пойду-ка я в душ. А ты пока все обдумай.

— Как там офис? — спросила она наконец.

Я знала, что она скучает по нему.

— После того как Бобби Джо покрасил стены, выглядит симпатично. Мне понравился мутный беж, который он выбрал.

— Странно, что он думал, будто подружка пыталась убить его арахисом.

— Вот-вот. — Взяв чашку с кофе, я пошла в ванную. — Ладно бы у него была аллергия на арахис, а так...

Избавившись от Ангела заверениями, что его смена закончилась, я наскоро приняла душ и решила обдумать, что у меня на повестке дня. Мы ни на шаг не приблизились к тому, чтобы выяснить, кто изводил Харпер, и это печально, однако у меня еще были ниточки, которые могли куда-то привести. Кук уже прислали список незарегистрированных посетителей «Таноан Estates», но никого из них нам не удалось связать с прошлым Харпер.

К тому же Куки дала мне адрес домработницы Лоуэллов, которая недавно вышла на пенсию. Я решила начать с нее, а потом заскочить к моему другу Рокету в заброшенную психушку. Давненько мы с ним не виделись.

— А еще у меня есть список всех, кто работал на Лоуэллов с тех пор, как они поженились, — добавила Куки, пока я поедала завтрак чемпионов, известный так же как оставшиеся шоколадные бисквиты. — Правда, не многие продержались больше пары лет. Водитель у них уже давно, и предыдущая домработница работала почти все это время, пока не вышла на пенсию неделю-другую назад.

— Ага, так мне новая домработница и сказала.

— Пришлось повозиться, чтобы ее найти. Представляешь, она работала у Лоуэллов почти тридцать лет. Должны же они знать, где она теперь живет. Но вместо них мне пришлось расспрашивать Дональда.

— Дональда? — переспросила я с интонацией отнюдь не целомудренного любопытства. — Вы с каким-то Дональдом на ты?

— Пф-ф. Он водитель у Лоуэллов, и он единственный, кто уделил мне микросекунду своего драгоценного времени. К тому же по голосу я бы дала ему лет девяносто.

— А может, он курильщик с внушительным стажем. Если он до сих пор у них водителем работает...

— Пардон, он их бывший водитель. Сейчас просто присматривает за машинами, что ли. Дональд говорит, они оставили его у себя только потому, что им его жаль.

— Интересненько. Еще что-нибудь разузнала?

Куки захлопала ресницами:

— Ну, он Близнецы, любит долгие прогулки по пляжу, и его весьма привлекают мужчины в килтах.

Я глотнула последний кусок бисквита и протолкнула его по пищеводу щедрой дозой остывшего кофейного сока.

— Вот ведь странность. Меня тоже привлекают мужчины в килтах. — Я ткнула Куки локтем: — Дашь мне номер Дональда на случай, если у меня возникнут вопросы?

— Ты же не станешь вторгаться на мою территорию?

Я ахнула и с самым невинным видом положила руку на еще более невинную грудь:

— Никогда.

Она не обратила на мой спектакль ни малейшего внимания, зато спросила, многозначительно ухмыляясь:

— Значит, поболтаешь с домработницей, а потом поедешь к Рокету?

Рокет — бесценный источник информации, когда надо узнать, кто умер, а кто еще трепыхается. Этот гениальный призрак, которому известны имена всех, кто когда-либо родился на Земле, за считанные секунды может сказать мне, живы или нет те, кто меня интересует. А еще он большущий, ужасно милый и любит обниматься. Очень крепко обниматься.

Но Кук говорила не о Рокете, если судить по игривому блеску в ее глазах.

— Да, — ответила я, запоминая адрес домработницы.

— А как насчет соседей Рокета? С ними тоже повидаться собираешься?

Я выгнула бровь:

— Что тут скажешь, слабость у меня к парням на «харлеях».

Она в шутку погрозила мне пальцем:

— Просто скажи «нет», и все дела.

— Ничего ты не понимаешь, — заявила я, направляясь к двери. — Это очень сильная слабость.

По пути в южную часть города, где находился дом домработницы, я старалась не заикливаться на том, что папа хотел меня пристрелить. Дважды. Это был старый район. Большинство домов здесь вполне можно считать историческими памятниками, поэтому хозяева хорошо о них заботятся. О доме миссис Бичер можно было сказать то же самое.

Постучав в дверь, я дала себе время полюбоваться красивыми цветами на крыльце. Они были фиолетовые. И это все, что я знала конкретно об этих цветах. Тяжелую деревянную дверь открыла маленькая круглая женщина с пушистыми седыми волосами и ласковыми серыми глазами. Однако сетчатая дверь оставалась запертой. Макушка женщины едва доходила мне до подбородка, поэтому ей пришлось смотреть на меня снизу вверх.

— Привет. Миссис Бичер?

— Да? — отозвалась она, вытирая руки о кухонное полотенце.

На ней было цветастое платье, выглядевшее так, словно ему досталось больше стирок, чем было предназначено судьбой.

— Простите за беспокойство. Меня зовут Шарлотта Дэвидсон, — я достала и показала ей удостоверение. — Я частный детектив. Сейчас работаю над делом, в которое вовлечены ваши бывшие работодатели. Семья Лоуэллов.

Ее пульс резко подскочил, а рот едва заметно дернулся, на долю секунды превратившись в тонкую ниточку, перед тем как она взяла себя в руки, и выражение ее лица стало абсолютно непроницаемым.

— Послушайте, я понимаю, вы вряд ли горите желанием говорить о Лоуэллах, учитывая, как много лет на них работали. Но у меня есть их разрешение расспрашивать по делу персонал, — соврала я сквозь отбеленные в домашних условиях зубы.

Лоуэллы явно держали своих работников в ежовых рукавицах. И если мне хоть что-то известно о тиранах, то миссис Лоуэлл — определенно одна из них.

— Ох, тогда ладно, — сказала бывшая домработница, похоже, успокаиваясь. — Чем я могу вам помочь?

Она по-прежнему говорила со мной через сетку, явно не желая меня впускать. Бедняжка.

— Мне известно, что вы проработали на Лоуэллов почти тридцать лет. Не могли бы вы рассказать мне об их дочери, Харпер?

У миссис Бичер снова участился пульс, и она осмотрелась, словно проверяя, не следят ли за ней. Прямо как нынешняя лоуэлловская домработница в особняке, когда я пыталась хоть что-то у нее разузнать.

— Дело в том, что рассказывать практически нечего. Она была очень беспокойной, и у родителей с ней было множество проблем. Вот, пожалуй, и все.

— Да-да, наслышана. Вы случайно не помните, когда все началось?

Она посмотрела на полотенце, которое мяла в руках. От нее волнами шел дикий страх.

— Кажется, сразу после того, как поженились мистер и миссис Лоуэлл.

Я кивнула:

— Вы тогда ничего подозрительного не заметили? — Я никак не могла отделаться от мысли, что Харпер изводил кто-то из работников. Вдруг кто-то из них был недоволен своими работодателями? — Может быть, Лоуэллы как раз в то время кого-то наняли? Или, наоборот, уволили?

Что-то пришло миссис Бичер на ум. Я видела это по выражению ее лица. Однако она решила пропустить эту мысль и нахмурилась.

— Миссис Бичер, мне может помочь любая информация. Даже если вам она покажется несущественной.

Она глубоко вздохнула:

— Это ерунда. Мне всего лишь припомнилось, что как раз перед свадьбой в доме стал работать Феликс.

— Феликс? — переспросила я, доставая блокнот и ручку.

— Феликс Наварро. Он много лет ухаживал за газонами и... — она задумчиво замолчала, не договорив.

— И? — поднажала я.

Когда миссис Бичер снова посмотрела на меня, в ее глазах плескалось раскаяние, словно ей была противна сама мысль о том, чтобы озвучить свои подозрения.

— И... ему нравилась мисс Харпер. Очень нравилась.

— В каком смысле «очень»?

— Он... н-носил ее фотографию в бумажнике. Даже несколько.

Так-так, это уже пахнет жутью. Помимо воли, в мой голос просочились обвинительные интонации:

— Как, по-вашему, он мог что-то...

— Боже мой, нет, — перебила она меня, махнув полотенцем. — Ни в коем случае. Просто он... ну, он очень ее любил.

Еще бы.

— Спасибо, — поблагодарила я, ободряюще улыбаясь, — вы мне очень помогли.

Миссис Бичер поникла, будто ей было стыдно за свои слова, и закрыла деревянную дверь.

Первым делом я позвонила Куки и дала ей задание узнать, как найти садовника — любителя маленьких девочек, который повсюду таскает с собой их фотки. И только после этого поехала в дурдом.

Я припарковалась сбоку от прикрытой правительством еще в пятидесятые психлечебницы. Рокета я нашла, когда вдруг открыла в себе любовь к заброшенным психушкам. Отчасти любовь эта объяснялась тем, что я обожаю старые здания, но в большей степени тем, что я питаю нежные чувства к мертвым пациентам таких больниц. Им известны тайны вселенной, всем до единого, и я могу разговаривать с ними часами. В свое время это чертовски мешало мне готовиться к занятиям.

Немало удивившись, что одна из таких заброшенных психушек нашлась прямо в центре Альбукерке, я несколько дней кругами бродила вокруг нее. И однажды ночью, когда в темном небе сияла полная луна, а у меня в животе плескалось немало дешевого и неопишуемого на вкус вина, решила войти. Само собой, я тут же споткнулась о какую-то фигню, оставленную здесь черт знает когда. Охая и ахая, я пыталась понять, кому мог понадобиться инструмент, похожий на садовый секатор, как вдруг увидела Рокета.

Не знаю, кто из нас тогда больше удивился. Но, как только мне удалось убедить его, что я здесь не за тем, чтобы присвоить его шашки, мы стали друзьями. Одна беда — Рокет никогда не утруждает себя тем, чтобы долго сосредоточиваться на чем-то одном. Поэтому, чтобы узнать о нем хоть что-то конкретное, мне понадобилось аж несколько визитов. В итоге я узнала, что он умер в пятидесятых, и у него была сестра, которая умерла раньше от пылевой пневмонии и теперь живет с ним в лечебнице. К сожалению, с ней я до сих пор ни разу не виделась.

Странно, наверное, но психушкой, в которой жил Рокет, владела местная банда байкеров, «Бандиты». Правда, жили они в отдельном здании. Много лет мне удавалось пробираться в лечебницу незамеченной, хотя у них имелось пристрастие выпускать на прогулку по периметру злобных ротвейлеров. Но недавно их лидер, бесцеремонный и опасный тип по имени Донован, дал мне ключ, которым я еще ни разу не пользовалась. Думаю, сегодня для этого идеальный день.

И все же я не смогла подъехать к главному входу. Раньше я всегда оставляла Развалюху сбоку и прятала ее за мусорным контейнером, чтобы иметь возможность пробраться в дурдом, не нарвавшись на ротвейлерский патруль. Судя по всему, избавиться от старых привычек не так-то просто. Заперев Развалюху, я погладила ее по заднему крылу и пошла искать могучего Рокета. Ну или пошла бы, если бы не умирала от любопытства хоть одним глазком взглянуть, как там дела у притона «Бандитов».

Я посмотрела сквозь увитую плющом рабицу, но мне был виден только задний двор

«Бандитов», где у них имелась старая пристройка под гараж. По всей территории вокруг притона у них вечно расставлены байки и разбросаны запчасти, а сейчас там стоял еще и фургон, припаркованный задом к зданию. Несколько человек, одетых во все черное, загружали в фургон нейлоновые мешки. Среди чуваков в черном я узнала Донована и двух его корешей: Майкла, от которого так и несло обалденностью в духе Брандо, и который выглядел бы круто даже в балетной пачке, и Эрика, высокого парня, больше смахивающего на греческого принца, чем на байкера. Однако больше всего меня поразило, что все они были одинаково одеты. У Донована и Эрика на шее были банданы, и это единственное, что отличало их от двух других мужчин. Всего было четверо мужиков и одна женщина в черной рубашке с длинными рукавами и черных штанах, похожих на военную форму. У всех у них были кожаные перчатки. И солнцезащитные очки — у кого на лице, у кого на макушке. На мой взгляд, это сильно не соответствовало приверженности байкерских клубов к определенных цветам. Но, как говорится, каждому свое.

Однако покоя мне не давало кое-что другое. Я посмотрела на трех главных чуваков: на Донована, лидера этой банды, и двух его помощников — Майкла и Эрика. Очень высокий, просто высокий и среднего роста.

Да нет, не может быть.

Я уже собиралась покинуть свое укрытие и двинуться к лечебнице, как вдруг из мешка что-то выпало. Пока Эрик поднимал и запихивал штуковину обратно в мешок, мне удалось ее рассмотреть. И у меня упало сердце. Белая резиновая маска. Точь-в-точь как у парней из новостей по всем каналам. У тех, которые грабили банки. Мне ведь еще тогда показалось, что фигуры на записи с видеокамеры выглядят знакомо. Черт возьми, мало, что ли, в мире других идиотских увлечений?

Неужели я так сильно в них ошибалась? Они ведь хорошие ребята. Я это сразу почувствовала, как только мы познакомились. Да, тогда я валялась на земле и не могла встать, потому что мне не давал прижатый к животу ботинок Донована, но глубоко внутри у каждого из них золотое сердце.

Вернувшись к Развалюхе, я спряталась за ней и стала думать, что делать. Я могла бы, наверное, поговорить с ними и убедить, что грабить банки — это очень, очень плохо, но умирать в ближайшее время как-то не хотелось. К тому же очевидно, что они занимаются этим не один день. Я могла бы сдать их полиции, но вдруг я ошибаюсь? Может быть, у них есть прекрасное объяснение, почему они одеты в точности, как уже известные всем грабители банков, которых называют «воры-джентльмены». Может быть, они собираются на тематическую вечеринку, куда каждый должен нарядиться в костюм любимого преступника. Не секрет, что у байкеров имеется пристрастие к закрытым вечеринкам. Но в десять часов утра?

Десять часов утра — идеальное время, чтобы ограбить банк.

Проклятье.

Двигатель фургона завелся, и я вернулась к забору. Донован сунул что-то Эрику за секунду до того, как принц задвинул боковую дверь. После этого неряшливой наружности лидер осмотрелся, не наблюдают ли за ними, и залез на пассажирское сиденье.

Тогда-то у меня и сложился план. Я поеду за ними. Если они и правда отправились на тематическую вечеринку, я тоже зайду, расскажу о своих подозрениях, и мы дружно посмеемся. Но если они грабят банки, мне срочно нужен еще один план. Закрыть на это глаза никак не получится.

Прыгнув в Развалюху, я изо всех сил старалась не отстать от фургона и при этом выглядеть так, словно вовсе не стараюсь изо всех сил не отстать от фургона. Впервые с тех пор, как у меня появилась Развалюха, я кляла на чем свет стоит ярко-вишневую краску. Черный сейчас был бы как нельзя кстати. А еще лучше — серый, оттенка асфальта. Тогда бы мне точно удалось слиться с окружением. Никогда в жизни мне так сильно не хотелось иметь плащ-невидимку.

Даже когда фургон подъехал к «Окружному банку Берналильо (1)», я все еще надеялась, что байкеры всего лишь хотят снять наличные перед вечеринкой. Надо же кому-то платить за чипсы и пиво. Припарковавшись на другой стороне улицы, я стала ждать. Несколько секунд они просто сидели, а потом высыпались из фургона в полном обмундировании грабителей банков, вплоть до белых масок и полуавтоматического оружия.

Я страдальчески уткнулась лбом в руль, лихорадочно раздумывая, что мне делать. Похоже, сегодня просто не мой день. Папа пытался меня убить. Рейес хотел убить папу. А самые классные на свете байкеры оказались печально известными грабителями банков. Зачем я вообще вышла из квартиры? Мне же там хорошо. Мне там нравится. Там тепло и уютно. Уютно, как в тюремной камере, но зато никто там в меня не стреляет и не пытается ограбить. По крайней мере, мне о подобных случаях не говорили.

Минуточку. А вдруг я все еще могу с ними поговорить? Может быть, если Донован узнает, что я в курсе, ему станет стыдно, и он положит конец всем этим ограблениям.

Ага, а Чарльз Мэнсон (2) — всего лишь непонятый миром поэт.

Но попытаться стоило. Мы ведь все-таки друзья. Друзья в друзей не стреляют. Отцы, как выяснилось, стреляют, но друзья — это совсем другая история.

Оставив Маргарет в Развалюхе, я побежала к банку, очень стараясь оставаться незамеченной. Откровенно говоря, задачка заведомо провальная. Банк грабили, так что никому не составило труда заметить очередного клиента, входящего через главную дверь. Донована я увидела сразу. Хорошая новость — никто из грабителей не достал оружия. К счастью, в этом не было необходимости. Донован не спускал глаз с охранника и клиентов, лежавших на полу лицом вниз. Всем этим людям явно понадобится психологическая помощь, и мне их было ужасно жаль, но в то же время я испытывала настоящую радость, потому что Донован не целился в людей, угрожая снести им головы. А ведь могло быть гораздо хуже.

Остальные грабители опустошали кассовые аппараты и хранилище. Один из них стоял на стойке и наблюдал за происходящим. Это был Эрик. Увидев меня, он замер. Я бы улыбнулась и помахала ему, но выглядеть полной идиоткой не хотелось.

Когда я опять повернулась к Доновану, он смотрел на меня, скрестив на груди руки и склонив голову набок, словно спрашивая: «Какого хрена?».

Я могла спросить его о том же. Осторожно ступая между клиентами, я двинулась к нему.

— Извините, — сказала я, наступив на юбку какой-то женщины. Потом споткнулась о руку мужчины и повторила: — Извините. — Добравшись наконец до Донована, я изобразила фальшивую улыбку, чтобы говорить, не двигая губами. Понятия не имею зачем. — Значит, ты грабишь банки? — процедила я, беззаботно оглядываясь по сторонам.

Эрик, самый молодой и самый высокий в этой компашке, прыгнул со стойки и приземлился прямо возле нас. Зайдя мне за спину, он прижался чуть ли не вплотную ко мне и наклонился, пока его рот не оказался у самого моего уха.

— Разве нам не нужен заложник? — спросил он охрипшим от адреналина голосом, но это не помешало мне понять, что он улыбается.

Донован продолжал следить за помещением, его пронизательный взгляд останавливался на мне через одинаковые интервалы.

— Пятнадцать секунд! — крикнул он, посмотрев на часы, и снова перевел взгляд на меня. По крайней мере, мне так показалось. Разглядеть что-то сквозь резиновую маску не так-то просто. — Думаю, ты прав.

Я даже рот открыть не успела, чтобы протестовать, как меня развернули. Одна рука Донована обвила мою шею, а вторая — талию.

— Да ты издеваешься, — прошипела я сквозь по-прежнему стиснутые зубы и закатила глаза.

— Ну что ж, повеселимся, — протянул Эрик.

— Может, займешься делом? — рывкнул на него Донован.

— Не вопрос. — Принц снова запрыгнул на стойку и стал собирать нейлоновые мешки, которые принес из хранилища другой грабитель.

Мне с трудом верилось, что в банке таких размеров столько наличных. Вдалеке послышался вой сирен, и я задумалась, что должна испытать — прилив облегчения или беспокойство. Короче говоря, чувствовала я себя довольно странно. Вообще-то, я всегда на стороне закона. К тому же работаю консультантом в управлении полиции Альбукерке. Наверняка мое участие в ограблении банка будет выглядеть подозрительно. Но по венам струился адреналин, и в голове билась только одна мысль: хоть бы байкеры поторопились.

Грабители стали по одному выходить из банка, и в этот момент к нам подошел Майкл. Я узнала его, потому что ни у кого больше нет такой важной и одновременно развязной походки.

— Заложница, — сказал он, кивнув мне, — круто, — и пошел к фургону, словно ему плевать на весь мир.

О да. Эти ребята определенно психи.

Вслед за остальными Донован потащил меня к выходу. Причем держал так крепко, что я была почти во весь рост прижата к нему. Извращенец.

— Извините, — пробормотала я, опять споткнувшись о руку все того же парня.

Он наградил меня злым взглядом. Ну, ей-богу, он же видел, что мы идем. Мог и убрать с дороги свою чертову руку. Не так уж это удобно, когда тебя тащат спиной вперед по полу, усыпанному клиентами банка. К тому же я никогда не отличалась особой устойчивостью на ногах. После нашей первой встречи он уже должен был это понять.

Я вцепилась в руку Донована и нравоучительно заявила:

— Такое поведение тебе положительных очков не добавит, мистер.

Мы уже добрались до двери, когда он прошептал мне на ухо:

— Я тоже рад тебя видеть, красавица.

Я собиралась ответить, но он вытолкнул меня на улицу и запихнул в фургон. Я приземлилась на задницу посреди кучи ботинок и набитых деньгами мешков. Мамошки, а ведь я банкрот. Моргая, я с тоской смотрела на мешки где-то две с половиной секунды, пока на меня ушатом холодной воды не обрушилась реальность. Я не могу взять украденные деньги. Даже если доживу до завтрашнего рассвета, а это, если учесть белые лица, повернутые ко мне, теперь под вопросом.

Фургон двинулся и сделал крутой поворот, отчего я вписалась в чьи-то ноги.

Притворившись, что ни капельки не смущена, я кое-как сумела восстановить равновесие и повернулась к Доновану. Сидя на корточках и явно не испытывая никаких трудностей с равновесием, он сорвал с себя маску и запихнул в мешок. Остальные последовали его примеру. Эрик ехидно, но очаровательно ухмылялся — это в его ноги я вписалась на повороте. Улыбка отражалась и в его темных сияющих глазах.

Майкл тоже снял маску, но в его ухмылке было больше юмора и любопытства. Однако беспокоило меня другое — все вокруг стали дружно раздеваться. Под черными рубашками у всех оказались разные футболки. Пришла очередь снимать штаны. На Доноване под грабительским шмотьем были джинсы, а Эрик с Майклом были затянуты в кожу. Водитель тоже снял маску, передал кому-то сзади, и я сразу его узнала. Точнее ее. Пару месяцев назад в байкерском притоне я видела эту фигуристую барышню с длинными волосами цвета полуночи и поразительно зелеными глазами. Кажется, она была единственной женщиной в узком кругу приближенных Донована. И водить она умела, как никто другой. Я поняла, почему Донован ее выбрал, когда в несколько рискованных маневров она проскочила один светофор за другим и скрылась в боковых улочках, не снижая скорости и не привлекая лишнего внимания.

Посмотрев в зеркало заднего вида, барышня весело мне подмигнула. Ну, они хоть получают удовольствие от того, чем зарабатывают на жизнь. А это о чем-то говорит.

— Снимай, — приказал Донован, и до меня дошло, что он обращается к последнему парню. Тот все еще в маске сидел у задней двери.

— Серьезно? — спросил чувак. — Она же нас знает.

— Она узнала нас еще до того, как зашла в банк, — резонно заметил Эрик, вставая на мою защиту. — Снимай с себя это дерьмо.

— Да пошел ты, — огрызнулся чувак в маске. — Я не собираюсь в тюрьму из-за какой-то шалавы.

Шалавы?

— Снимай маску, — повторил Донован таким резким тоном, какого я от него отродясь не слышала. — Мы почти на месте.

Он назвал меня шалавой?!

— И тебя туда же, — сказал чувак Доновану. — Если она увидит мое лицо, то сможет свидетельствовать против меня в суде.

Никто и рта не успел раскрыть, как чувака уже впечатал в стенку фургона Майкл. Встряхнув за шиворот, Майкл сорвал с него маску.

— Для этого ей твое рыло не нужно, недоумок. — Он бросил маску Эрику, который засунул ее в мешок к остальным.

Чувак потрясенно кивнул. У него были светлые волосы, настолько короткие, что издалека он мог сойти за лысого. Кожа огрубела от переизбытка солнца в Нью-Мексико, но на щеках виднелся здоровый румянец. Я не помнила его в лицо, но в их доме я была всего один раз, да и ситуация тогда была, мягко говоря, напряженной.

— Супер, — гаркнул он, обдав меня волной горячего гнева, — теперь мы все сядем.

— Если все пойдет наперекосяк, мы и так окажемся за решеткой, — сказал Донован. — Так что перестань скулить или сваливай на следующей же остановке.

На челюстях чувака играли желваки, пока он расстегивал рубашку. Впрочем, черные военные штаны он снимать не стал.

— Как у нас дела, дорогуша?

— Десять секунд, — ответила барышня за рулем.

Эрик застегнул мешок на «молнию», а фургон въехал в очередной крутой поворот, промчался по переулку и оказался в большом гараже. Барышня резко ударила по тормозам, и я, конечно же, полетела вперед. Компанию мне опять никто не составил. Да уж, у меня серьезные проблемы с гравитацией. Барышня улыбнулась мне, глядя сверху вниз.

— Привет, я Чарли, — сказала я, краем глаза видя, как Эрик открыл дверь и выскочил наружу, едва остановился фургон.

— Знаю, — тихо рассмеялась барышня. — Я Сабрина. Но буду очень благодарна, если в суде ты никому об этом не скажешь.

— Заметано.

Я молча наблюдала, как народ выгружает деньги из фургона в багажник желтого «хендая». Мешок с одеждой бросили в кузов зеленого пикапа «додж-рэм». Но больше всего меня поразило, что Майкл с Сабриной вдруг стали срывать с боков фургона липкую пленку. С моего места мне было не видно, каким теперь стал фургон, но, зуб даю, его внешний вид полностью изменился.

Свернув пленку в комок, они засунули ее в ливневый сток, после чего Майкл передал Эрику связку ключей. Тот сел в пикап и завел двигатель. Сабрина пошла к «хендаю», а Майкл занял ее место за рулем фургона.

— Я поеду с деньгами, — заявил блондин, но Донован затолкал его обратно в фургон и закрыл дверь.

— Придерживаемся плана. Или ты хочешь забыть про свою долю и свалить прямо сейчас?

Чувак сел на сиденье, кипя от злости, большая часть которой была адресована мне.

— Придерживайте штанишки, — предупредил Майкл, и фургон сорвался с места.

«Хендай» и «додж» тоже выехали из гаража, но дальше все разъехались в разные стороны.

— Ты только что подписал ордер на наш арест, — сказал Доновану блондин и достал откуда-то здоровенный нож.

Мои глаза тут же прилипли к лезвию, словно я была снарядом с лазерным наведением. Внутри что-то оборвалось, в груди стало пусто, и я съежилась, как кусок горящей бумаги. Я на себе испытала, каково это — когда нож, слой за слоем, разрезает кожу, мышцы и связки, пока не доберется до кости. Повторить подобный опыт у меня желания не было.

Блондин указал концом ножа на меня:

— Мы ее закопаем, — теперь острие смотрело на Донована, — или ты сдохнешь.

По всему организму Донована разлился адреналин. Если его и удивил такой поворот событий, я бы не почувствовала. Без малейших сомнений он достал «глок» и выстрелил. В третий раз за этот день я услышала выстрел, сидя в первом ряду.

Когда день начался с того, что в меня стрелял папа, надо было сразу догадаться, что закончится он еще хуже. После такого все всегда летит коту под хвост.

— Твою мать! — заорал блондин, пригнувшись. Правда, он сильно опоздал — пуля уже прошла мимо и разбила стекло у него за спиной.

Но ведь он тоже пригнулся. Почему-то от этого мне стало легче по поводу моей собственной реакции сегодня утром. Однако мою реакцию на звук это никак не изменило. Поднявшаяся тошнота мощным ударом сотрясла внутренности, но я уже начинала привыкать к адреналиновым перегрузкам. Борясь с лезущей наружу желчью, я напряглась и

протолкнула ее обратно в желудок.

— Брось нож, или следующая пуля застрянет в тебе.

Чувак бросил нож прямо в меня. Не метнул, а именно бросил, словно предупреждая. Нож отскочил от моего плеча и, не причинив никакого вреда, упал, лязгнув по металлическому днищу. Я тут же схватила его, пока блондин не передумал. Лезвие было длиной с мое предплечье, но от того, что я держала его в руках, пронизывающий меня с ног до головы страх как будто стихал. Может быть, Рейес был прав. Я испугалась парня с ножом. Два месяца назад это отразилось бы на моей внутренней шкале Рихтера не выше, чем на четыре балла. Но сейчас, похоже, любой намек на телесные повреждения вызывал у меня в ответ такую мощную волну страха, что никакой шкалы не хватит.

Наехав на какую-то кочку, Майкл еще чуть-чуть проехал вперед, и потом стало темно, хоть глаз выколи. Двери фургона одновременно открылись: Майкл вышел через водительскую, блондин — через заднюю, а Донован отодвинул боковую. Взяв последний мешок, он кивком приказал мне следовать за ним. Как я поняла, мы были в гараже у их дома на территории лечебницы.

Майкл был занят — обдирал очередной слой пленки, на которой желтыми буквами было написано «Д&Д: ВОДОПРОВОДНЫЕ РАБОТЫ». Теперь фургон, бывший черным когда я его впервые увидела, стал белым. Умно.

— Вы меня похитили, — сказала я Доновану.

— Неправда, мы тебя позаимствовали.

— Вы взяли меня в заложники.

— Это и значит «позаимствовать».

Я шагала за ним, пока он притворялся, что занят то одним, то другим.

— Почему вдруг банки? Зачем вы это делаете?

Донован опустил взгляд и стал теревать застёжку перчатки.

— К сожалению, из того, что мы сегодня взяли, мы ни цента не увидим.

— Как это? Ничего не понимаю.

— В этом заключалась наша цель, — пожал плечами Донован. — И так каждый раз. Мы должны делать вид, будто грабим банки как попало. Будто случайно натыкаемся на очередную отгрузку наличных. Будто не знаем, что как раз в этот момент в банке будут деньги. Типа нам повезло.

А я все думала, как это им посчастливилось нарваться на такую кучу наличных.

Донован достал кофр (3) и стал набивать его какими-то личными вещами.

— По уговору мы можем оставить себе в качестве вознаграждения все, что награбили. Но сегодняшний улов весь до копейки отправится к одному мужику.

— К какому еще мужику?

— К тому, который нас шантажирует.

Я так громко рассмеялась, что в легких не осталось воздуха. А потом поняла, что он не шутит.

— Вас шантажируют, чтобы вы грабили банки?

— В мире случаются всякие странности, — отозвался он, приподняв одно плечо.

— Только не со мной. — Донован одарил меня скептическим взглядом, и мне пришлось признать: — Ну ладно, вру, но такое даже для меня чересчур. Донован, в чем дело?

— Во мне. — К нам подходил Эрик. Видимо, он где-то бросил пикап, и сейчас шел с таким видом, будто ему плевать на все на свете. — Как-то ночью возле клуба я нарвался на

группу парней. Была драка, одного из них я убил. И кто-то снял все на видео.

— У него достаточно доказательств, чтобы всех нас засадить за решетку, — добавил Донован. — Мы все там были. Я видел все своими глазами. Эрик справлялся, поэтому я не стал вмешиваться. Но мы бросили того парня и просто-напросто ушли.

— Мы не думали, что он умрет, — сказал Эрик. — К тому же мудаки первыми начали.

— А за самозащиту инцидент не пройдет?

— Не пройдет, если ты чемпион «Золотых перчаток» (4), — объяснил Донован.

Майкл двинул Эрика в бок:

— Те недоумки просто разбежались.

Донован сурово взглянул на него:

— Все равно Эрик показал бы им кузькину мать.

— Короче говоря, — продолжал Эрик, — когда этот мужик к нам пришел, он знал о банках все.

Майкл кивнул, подтверждая его слова:

— Рассказал, как войти и выйти, что брать, а что нет, как не попасться копам и так далее.

— А потом организовал все так, чтобы каждое ограбление выглядело случайным, — попытожил Донован.

— Так что это за мужик? — спросила я, надеясь, что они мне ответят.

На губах Донована заиграла ленивая улыбка:

— У меня будет куча проблем уже потому, что твоя задница останется целой и невредимой. Так что последнее, чего мне хочется, — это скормить тебя волку.

— Но ведь получается, что этот мужик работает в банке, который вы ограбили сегодня, так? Вот откуда он узнал, когда завозят наличные.

— Ага, — подмигнул мне Майкл. Но он врал. Почувствовать это было так же легко, как дуновение прохладного ветерка в жаркий летний день.

— Беда в том, — продолжал Донован, — что вряд ли он хотел поставить на этом точку. Думаю, он собирался обчистить нашими руками еще один банк, потому что уже какое-то время намекал на это. В общем, то, что ты нас вычислила, буквально спасло наши задницы.

— Мы завязываем, — улыбнулся Майкл. Он чаще ухмылялся, чем улыбался, так что улыбка мне понравилась. Потому что была искренней.

Снова оказавшись у меня за спиной (слишком близко, как всегда), Эрик наклонился ко мне:

— Ты спасла нас от необходимости снова этим заниматься. Теперь он никак не сможет вынудить нас продолжать.

— А мы сваливаем в Мексику, — заявил Донован, — и конец этому дерьму.

— Только не для меня. — Мы все повернулись и уставились на блондина. Он шел к нам, и от злости каждое его движение было каким-то резким. — Этот мужик понятия не имел, кто я. И что я вообще в этом участвую.

Что-то в его гневе меня насторожило. Он был не до конца честным, но я никак не могла понять, где именно крылась ложь.

— Он и сейчас не знает, — сказал Эрик.

— Но она видела мое лицо. Ты сам на этом настоял, помнишь?

Донован, которого нытье блондина явно достало не меньше, чем меня, схватил его за воротник футболки:

— Ты сам хотел в это вляпаться. Поэтому придерживаемся плана.

— С каких пор в план входят заложники?

— Я импровизировал. — Донован оттолкнул его от себя и, повернувшись ко мне, снова ухмыльнулся. — Сколько у нас времени, пока ты не сдашь нас копам?

Блин, значит, они действительно уезжают. И знают, что я их сдам. Я немножко обалдела, что в таких обстоятельствах никто не пытается меня убить.

— Столько, сколько мне понадобится, чтобы освободиться.

Он недоуменно нахмурился, а я показала ему запястья. Очередную его улыбку иначе как хищной назвать было нельзя.

— Как только я тебя свяжу, я за себя не отвечаю.

Я улыбнулась. Донован был настоящим джентльменом. Немного неряшливым, немного хамоватым, но все равно джентльменом.

— Я все-таки рискну.

(1) Берналильо (англ. Bernalillo) — округ в штате Нью-Мексико, США. Административный центр округа — город Альбукерке.

(2) Чарльз Миллз Мэнсон (англ. Charles Milles Manson, род. 12 ноября 1934, Цинциннати, штат Огайо) — американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств.

(3) Кофр — сундук, чемодан или дорожная сумка с несколькими отделениями. Кофры активно используются в мото- и велотуризме.

(4) «Золотые перчатки» (англ. Golden Gloves) — ежегодные соревнования по любительскому боксу в США.

Глава 15

Оттого, что ты здесь, у меня болит голова. Отойди вон туда.

Надпись на футболке

Через двадцать минут я со связанными руками и ногами сидела в подвале психлечебницы. Донован не хотел, чтобы кто-нибудь из членов его клуба обнаружил меня в их доме, связанную и беспомощную, поэтому они втроем проводили меня в психушку, а там помогли спуститься вниз по разрушающейся лестнице. Эрик нашел стул, и началось связывание. Точнее обматывание. Вербки у них не нашлось, поэтому решили воспользоваться скотчем. Мужики просто повернуты на скотче.

Склонившись через спинку стула, Эрик поцеловал меня в шею:

— Еще увидимся, красавица. Не вляпывайся туда, куда не вляпался бы я.

Я улыбнулась и потерлась шеей о его щеку. Хороший он парень. И чертовски привлекательный. Ситуация, конечно, хуже некуда: я связана по рукам и ногам, в то время как три обалденных чувака соперничают за мое внимание. Решено: надо чаще выходить из

дома.

Покусав мочку моего уха, Эрик ушел, а я даже попрощаться не успела.

Майкл изобразил ухмылку, которая только у него получается такой крутой, и чмокнул меня в щеку.

— Что-то мне подсказывает, что мы еще встретимся, — сказал он, отсалютовал и тоже ушел.

Остались только мы с Донованом.

Даже в тусклом свете, проникающем в подвал сквозь окошко под потолком, его черты казались мне красивыми. Он присел передо мной, обнял за талию обеими руками и втиснулся между моими коленями.

— Ты храбрая женщина, — искренне улыбнулся Донован.

Мне очень хотелось рассказать ему об Артемиде, ведь она была его собакой перед тем, как умерла. Хотелось, чтобы он знал: она со мной, и дела у нее идут весьма неплохо. Мало того, она уже как минимум дважды спасла мне жизнь. Но я понятия не имела, как он это воспримет. Скорее всего он и так думает, что я чокнутая, поэтому новости о мертвой собаке я решила приберечь на другой раз.

— Значит, собираетесь в Мексику? — спросила я.

— Для начала. Кто знает, где мы в итоге окажемся, но здесь теперь оставаться слишком рискованно. — Донован погладил мою ногу, и его пальцы оказались в опасной близости от того места, где ноги соединяются, и которое известно в узких кругах под именем Вирджиния. — Ты могла бы поехать с нами, — добавил он, не глядя на меня.

Говорил он вполне серьезно, и я знала: стоит мне только захотеть, он примет меня в свою компанию. Но разве могу я просто взять и уехать? Некоторые женщины запросто все бросают и сбегают в Мексику, а вот я, к сожалению, не из их числа. На мне висят обязательства. У меня есть дело, которое нужно раскрыть. К тому же за мной охотятся демоны. Честно говоря, если подумать, то мысль сбежать с байкерами в Мексику кажется не такой уж плохой.

Нет, не могу я бросить Куки. И Джемму. И мистера Вонга. И... Конечно же, на ум тут же пришел Рейес, как я ни старалась вообще о нем не думать. Мерцающие темные глаза, длинные густые ресницы... Кого я обманываю? Его я тоже бросить не могу.

Однако сейчас передо мной сидел один из самых классных мужчин, которых мне доводилось встречать в жизни. Даже несмотря на то, что он байкер, он прекрасно знал, как обращаться с девушками. Да, он привязал меня к стулу, но ведь это была моя идея.

— Как только устроимся, я дам тебе знать, как нас найти, — сказал Донован, не дожидаясь моего ответа. — Мы всегда будем тебе рады.

— Ну конечно, — усмехнулась я, ни капельки ему не веря. — Найдешь себе какую-нибудь мексиканскую красотку, впервые в жизни захочешь жениться и завести *requieños banditos* (1) и сразу же обо мне забудешь.

На него нахлынула волна печали, эхом отозвавшаяся во мне.

— Это вряд ли, милая. — Проведя пальцем по моей губе, он потянулся ко мне и прикусил ее, а потом прижался ртом к моим губам.

Это был хороший поцелуй. Нежный и неторопливый. И я встретила его с той же радостью, с какой встречает дождь высохшая равнина. Потому что именно это мне было нужно. Когда Донован прижался ко мне бедрами, вокруг меня словно разлилась исцеляющая энергия. Я развела колени еще шире и с головой окунулась в ощущение твердой плоти,

прижимающейся к моему самому чувствительному женскому местечку. Клянусь, не будь я привязана к стулу, набросилась бы на него сию же секунду. Такая вот я распущенная девица.

— По-моему, вам не стоит этого делать, мисс Шарлотта.

Глубоко вздохнув, я оторвалась от губ Донована. Прямо за ним стоял Рокет, неодобрительно уперев руки в бока.

— Рокет! — сказала я, выпрямляясь. — Донован всего лишь помогал мне с... контактными линзами.

Брови Донована шутливо приподнялись.

Рокет нахмурился:

— Вы их проглотили?

Рокет — как огромный колобок с добрым лицом и мягким телом, а потому обниматься с ним — одно удовольствие.

— Нет, ну что ты. Просто он... — Придумать очередную более или менее правдоподобную ложь мне не удалось, потому что появилась Сахарная Слива — мертвая девятилетка, от одного вида которой так и хочется съежиться до незаметности. Давненько я ее не видела, а потому было приятно узнать, что она по-прежнему здесь и с ней все в порядке. Однако не ее появление заставило меня умолкнуть. Как и Рокет, Слива подбоченилась, всем своим симпатичным личиком выражая неодобрение. А рядом с ней стояла крошечная девочка в комбинезоне. Темные волосы были подстрижены в короткое каре.

Донован оглянулся посмотреть, на что я уставилась, а я улыбнулась, протянула к девочке руку, насколько позволял скотч, ладонью вверх и сказала:

— Ты, наверное, Незабудка.

Овальное личико было таким бледным, что, кроме огромных темных глаз, мне ничего рассмотреть не удалось. И на этом личике отражались шок и благоговейных страх — ей явно не доводилось раньше видеть, как люди целуются. Если бы я знала, что это ее выманит, то давным-давно затащила бы сюда Донована пообжиматься.

Рокет повернулся к Незабудке. Казалось, он не меньше моего удивлен, что она здесь.

Разочарованно поджав губы, Слива подошла ближе.

— Это кто такой? — спросила она, указав на небритого мужика, чьи руки все еще обнимали мою задницу.

— Это Донован, — усмехнулась я. — Видишь ли, он владеет зданием, в котором ты сейчас находишься.

— Мне казалось, ты говорила, что пойдешь на свидание с моим братом.

Ради нее самой я усилием воли подавила волну ужаса, поднявшуюся во мне от одной только мысли о свидании с Тафтом — братом Сливы и копом по совместительству. Как для парня, он ничего, но у меня никогда не было ни намека на желание прыгнуть с ним в постель, а именно так я и определяю, с кем стоит, а с кем не стоит ходить на свидания. Если меня изначально не привлекает мужчина, то вряд ли это когда-нибудь изменится. По крайней мере, не в моем мире.

— Нет, это ты говорила, что я пойду на свидание с твоим братом. — Я наклонилась и чмокнула ее в нос. Слива, конечно, этого не оценила, зато я получила море удовольствия. — К тому же, как выяснилось, его уже застолбили.

— Ага, противные девки с тоннами косметики. Пусть ты не очень симпатичная, зато так сильно не красишься.

От возмущения я даже закашлялась:

— Ну спасибо, наверное. Однако Донован весьма неплохой парень, несмотря на склонность грабить банки.

— Правда? — Если судить по тому, как загорелись ее глаза, Слива увидела байкера в совсем ином свете. — Он грабит банки, как Джесси Джеймс (2)? А я думала, он всего лишь байкер-неряха.

Я рассмеялась. Кто же знал, что ребенку могут нравиться грабители банков?

— Он и есть байкер-неряха.

— Эй, — возмутился Донован, толкнув меня коленом.

— Но он намного лучше, чем кажется на первый взгляд.

В его лице промелькнуло что-то такое, что я бы назвала сомнениями.

— Ты действительно с кем-то разговариваешь или просто пытаешься не обращать внимания на текущую проблему?

— На какую еще проблему?

— Мы можем никогда больше не увидеться. — Выражение его лица оставалось бесстрастным, но эмоции внутри него стали мрачнее.

— Ди! — крикнул с лестницы Эрик. — Пора выдвигаться!

Глубоко вздохнув, Донован провел пальцами по моей щеке и подбородку.

— Если через два часа ты не дашь о себе знать, я пойму, что ты все еще здесь, и пришлю кого-нибудь на помощь.

У меня поползли вверх брови.

— Видала я, кого ты можешь прислать, — сказала я, намекая на его веселых сообщников. — Лучше я уж как-нибудь сама.

— Я позвоню в полицию, — уточнил он. — Так что дай знать, когда выберешься отсюда.

— Хорошо, обещаю.

— Ди! Раз ты не идешь, я беру Одина. Клевый байк.

— Не смей! — рявкнул Донован.

— Ладно. Вот дерьмо. Только не психуй!

Я сидела и глазела на Донована, чувствуя, как в груди разливается тепло.

— Ты чего? — насторожился он.

— Один? Ты дал своему байку имя?

Он подмигнул мне и поднял с пола моток скотча.

— Меня вдохновила одна сумасшедшая барышня на джипе по имени Развалюха.

— Ты назвала свою машину Развалюхой? — спросила Слива, кривясь от отвращения.

— Послушай, — внезапно посерьезнел Донован, — Эдвардс не единственный, кто ошивается на улицах. Понимаешь?

— Эдвардс?

— Чувак, который хотел, так сказать, познакомиться с тобой поближе.

— Правда? — заинтересовалась я. — Симпатичный?

— Это тот самый блондин, который хотел порезать тебя на шnurки в фургоне.

— А-а, так его зовут Эдвардс...

Донован рассмеялся:

— Его вышибли из снайперской школы морских пехотинцев. С тех пор он сам не свой.

— Ну, видимо, у пехотинцев были причины.

— Просто будь осторожна, лады?

— Считаю, сделано.

Он усмехнулся и оторвал от мотка полоску скотча.

— Думаю, на мне и так достаточно липучки, — рассмеялась я.

— Пока нет. — Он в несколько раз примотал меня скотчем к спинке стула. Прямо под Угрозой и Уилл Робинсон, из-за чего они стали заметнее. Зуб даю, от Донована этот факт не ускользнул.

— Так лучше, — сказал он, глядя на моих девочек.

Я закатила глаза:

— Да ладно! Неужели так меня и бросишь?

Продолжить мне не удалось, потому что он снова прижался ко мне губами. На этот раз в поцелуе не было ни капли нежности. Язык требовательно скользнул между моими губами и зубами, а сам Донован излучал мощное желание и тоску. Как и в прошлый раз, на вкус он был с оттенком пива и корицы. Услышав тихий стон, я поняла, что звук издала я сама.

Его руки поднялись к моему лицу, пальцы запутались в волосах, выпуская на свободу локоны из стянутого резинкой хвоста. Взяв меня за подбородок, Донован наклонил мою голову, чтобы ему было удобнее, и навис надо мной, делая поцелуй еще глубже. Мне хотелось прижаться к нему, снова почувствовать твердое тело, но я была привязана к спинке стула. Разумеется, это не помешало ему подсунуть руку мне под задницу. Вместе со стулом Донован придвинул меня к себе, его ладонь легла на Уилл, а большой палец сквозь ткань нащупал сосок.

— Твою мать, Ди!

С огромной неохотой он оторвался от меня. Его глаза все еще были закрыты, когда он крикнул в ответ:

— Иду, черт возьми! — и посмотрел на меня. — Жаль, что нет времени закончить начатое. — Он снова провел пальцем по моим губам. — Ты невероятная, Чарли. Я еще вернусь.

Ничего больше не сказав, он встал и вышел из комнаты. От стен эхом отражались шаги в тяжелых ботинках, пока я не услышала, как где-то надо мной закрылась дверь. Я все еще кипела в мареве обжигающего желания, как вдруг до меня дошло, что я не одна. Само собой, я не могла не заметить, как у Незабудки отвисла челюсть. Бедняжка.

Глубоко вздохнув, чтобы утомонить разбушевавшиеся гормоны, я спросила у Рокета:

— Ты нас познакомишь или как?

— Мисс Шарлотта, мне кажется, вы не должны целоваться с мальчиками в губы. Особенно при моей сестре.

— Ты прав, — стыдливо поникла я. — А она очень симпатичная.

— Я поправлю тебе волосы, — заявила Слива. Встав у меня за спиной, она стащила с меня резинку для волос и стала прочесывать скальп пальцами. Мне жутко повезет, если я выйду отсюда хотя бы с парой волосин на голове.

Незабудка по-прежнему держалась в стороне — так далеко от меня, как только могла, чтобы не оказаться в другом помещении. А я все не верила собственным глазам. Годами я наведывалась сюда, но ни разу даже мельком ее не видела. Оказалось, она просто прелесть. Короткие темные волосы завивались под ушками, челка на лбу была прямой, словно ее подстригали с особой дотошностью.

Через мгновение Незабудка заметила, что я на нее смотрю. Закрыв рот, она сделала шаг

назад и втянула голову в плечи.

— Приятно было познакомиться, — успела сказать я за секунду до того, как она растворилась в дальней стене.

А потом меня подняли вместе со стулом. Это были самые странные объятия за всю мою жизнь. Я уже говорила, что Рокет — любитель пообниматься. Его совершенно не заботил тот факт, что я в самой неестественной на свете позе, а мое лицо расплющилось о его холодное плечо.

— Где вы были? — спросил он, пока я заново осознавала всю ценность воздуха. Так бывает, когда доступ к кислороду резко ограничивается. — Вы сто лет не приходили.

— Рокет, — прохныкала Слива, — у меня ничего не получается с ее волосами. Как думаешь, может, нам ее просто побрить?

У меня тут же распахнулись глаза. Наверное, она одна из тех, кто бреет своих кукол налысо. На меня такие девочки страх нагоняют.

— Никакого бритья! — пробубнила я Рокету в плечо.

— Ничего не слышу, — отозвалась Слива. — Пойду поищу ножницы.

Накатила дикая паника, но только на долю секунды. Не так уж легко мертвецам из своего измерения управляться с предметами. Скорее всего она даже взять ножницы в руки не сумеет.

— А может, отыщу какой-нибудь нож, — добавила Слива и умчалась по коридору.

— Рокет, — прошамкала я, — мне трудно дышать.

Как всегда, когда он меня поднимает в очередном медвежьем объятии, Рокет меня отпустил. Я рухнула вниз. Стул подо мной треснул и завалился назад, неуверенно зависнув над неведомой пропастью. Однако голова моя победила, и в конце концов я грохнулась на пол. Уже второй раз за последние дни моя несчастная голова подпрыгнула на бетоне, и позвоночник залило дикой болью.

От яркого взрыва перед глазами я крепко зажмурилась. Какое-то время я так и валялась на полу вверх ногами, привязанная скотчем к стулу и угодив головой в какую-то серую грязь.

Сразу скажу, это ни капельки не удобно.

В комнате раздался рев мотоциклов. Через несколько минут все стихло. «Бандиты», теперь уже в буквальном смысле, умчались, так сказать, в закат. Сначала я подумала о том, сколько дать им времени, прежде чем освободиться и позвонить в полицию. А потом подумала, смогу ли освободиться вообще. А вдруг нет? Донован и правда позвонит копам через пару часов? Или я все-таки помру здесь от гипотермии и обезвоживания?

Между прочим, обезвоживание мне совсем не к лицу.

Нет, так не пойдет. Лучше уж умереть с кучей жидкости в организме. Например, в аквапарке. Или во время конкурса мокрых маек.

— Смешная вы, — сказал Рокет.

Я решила, что, пока лежу и мучаюсь от беспокойства, мы могли бы немного поболтать.

— Да неужели? — подхватила я. — Зато ты выглядишь фантастически. Успел подкачаться?

Его губы расплылись в широченной мальчишеской улыбке:

— Вы всегда так говорите. А у меня для вас новые имена.

— Ну давай.

Я осмотрелась, чтобы в очередной раз восхититься его работой, и нахмурилась. Насколько мне известно, все помещения в этой лечебнице от пола до потолка покрыты

именами умерших, которые выцарапывает Рокет на отштукатуренных стенах. Но здесь, в этом огромном, похожем на пещеру подвале, стены оставались нетронутыми. Я так и эдак крутила головой, но со всех сторон меня окружали лишь пустые холсты.

Рокет направился в другую комнату, как вдруг понял, что я за ним не иду.

— Идемте, мисс Шарлотта.

— Прямо сейчас никак не могу, солнце.

Однако мой ответ его не остановил:

— Но я должен вам показать. Что-то происходит.

Схватив меня за руку, он потащил меня к двери, еще больше перепачкав мне волосы в какой-то маслянистой жиже. Стул скрипел по бетону, и, чем ближе мы продвигались к двери, тем больше я волновалась. Под таким углом мне ни за что не вписаться в проем. Разве что я лишусь головы, а это, судя по тому, какой силищей обладает Рокет, вполне вероятно.

— Рокет, погоди, — попросила я, но он продолжал волочить меня по полу.

Я упиралась, как только могла, чтобы хоть как-то замедлить свое приближение к двери.

— Рокет, я не шучу.

Внезапно он остановился и оглянулся на меня:

— А вы боитесь дождя?

— Эм-м...

Но он меня уже не слушал. А секунду спустя вернулся к текущей задаче. Черт, надо было придумать хоть что-нибудь в ответ.

— Рокет! — завопила я, пытаюсь его отвлечь. — У меня к тебе вопрос. — Он остановился, и на этот раз я тут же затараторила: — Почему в этой комнате нет имен? Стены здесь совсем пустые.

Он наградил меня испепеляющим взглядом:

— Эти трогать нельзя. Я их берегу.

— Правда? — спросила я, пытаюсь ногтями и зубами разорвать скотч. — Для чего? Для апокалипсиса?

— Нет, глупышка. Для конца света.

Я замерла.

— Минуточку. Для чего? О чем ты говоришь, Рокет?

Мне уже не раз намекали на начало какой-то сверхъестественной войны, но никто и не заикался о конце света. Когда я то же самое говорила Рейесу, я всего лишь хотела его подразнить.

— Ну, знаете, это когда очень-очень многие умирают из-за решения, которое принимают несколько человек. Или даже один.

— Один. Ты имеешь в виду какого-то диктатора? Вроде Гитлера? Грядет очередной холокост?

— Нет, Гитлер тут ни при чем. Я говорю о мужчине, который притворяется человеком.

Кажется, о чем-то подобном говорили сестры в монастыре. Итак, есть какой-то мужик, который притворяется человеком. Значит, у нас остается половина населения планеты, раз речь не о женщине.

— Так кто это? И когда? — Я всегда мечтала вернуться в прошлое и прибить Гитлера до того, как началось все то безумие. Будь тогда у кого-нибудь хрустальный шар, любой бы захотел сделать то же самое. Хрустального шара у меня нет, зато есть Рокет. Да и голова у него очень похожа на шар. Сияющий и прозрачный. То бишь сойдет. — Рокет, что это за

мужчина? И что он сделает?

— Пока не знаю. Он может сделать, а может и не сделать. Пока что все в подвешенном состоянии.

Я подвинулась поудобнее, поворчав в процессе.

— Как это?

— Так бывает, когда люди принимают решения и умирает тот, кто не должен был умереть. Или тот, кто должен был умереть, наоборот, не умирает. Получается, что эти люди в подвешенном состоянии.

— Значит, эти решения можно изменить? Они, так сказать, не высечены в камне?

— Нет, они у меня на стенах.

— Так кто это, Рокет? Кто все это натворит? — Клянусь, если он назовет имя Рейеса, я закричу.

Он погрозил мне пальцем:

— Ай-я-яй, мисс Шарлотта. Нельзя подглядывать.

Давно я уже не получала от Рокета столько информации. Он знал, что именно произойдет. Это, как по мне, и называется ясновидением.

Я подумала о папе. Сколько ему осталось?

— Можно я назову тебе имя?

— Но я должен вам кое-что показать.

— Видишь ли, я сейчас немножко связана. Лиланд Джин Дэвидсон.

Как всегда, когда Рокет просматривает в своем выдающемся уме миллионы имен, его ресницы затрепетали.

— Трое мертвы. Двое все еще живы.

— Ясно. А ты знаешь, когда умрут те, что все еще живы? Скоро?

— Никаких «когда». Только мертвы или нет.

— Может быть, кто-то из них в подвешенном состоянии?

— Нет. Ничего подвешенного.

Так-так, это все равно, что вести «челленджер» с наддувом по шоссе в никуда. Я сдалась и решила зайти с другой стороны:

— Рокет, могу я знать, умрет кто-то или нет?

Он застыл и наградил меня недоуменным взглядом:

— Ну конечно, можете. Это же ваша работа.

Я тоже так думала. Интересно, когда умру я?

— А я в подвешенном состоянии?

— Мисс Шарлотта, вы ангел смерти, — фыркнул Рокет. — Вы всегда в подвешенном состоянии.

— То есть я могу умереть? В любую секунду?

— Агась.

— Надо же. — Неутешительные новости. — Ну, спасибо, что все мне разъяснил. — Я сдула пыль с челки.

— Вас могут сбить велосипедом. Или вам на голову упадет бульжник. Или вас проткнут вязальной спицей.

— Ясно.

— Или даже столкнут с лестницы.

— Поняла я, поняла. Спасибо.

— Или вам выстрелят в голову из пистолета.

— Рокет! До меня уже дошло. Seriously, хватит примеров.

Однако он схватил меня за руку, и выражение детской наивности начисто исчезло с его лица. Он уже не был маленьким мальчиком в большом теле. Он слишком много знал. И видел слишком много.

— Или, — сказал Рокет нагоняющим страх тоном, — вас может погубить тот, кого вы любите больше всего на свете. Как и всех остальных.

Да уж, это противнее липосакции.

Отпустив мою руку, он выпрямился и стал осматриваться. Я знала, что он почувствовал, потому что почувствовала то же самое еще до того, как рядом материализовался Рейес. Интересно, давно он здесь? Рокет, который никогда не был ярим поклонником Рейеса, испарился, как только черные волны плаща заполонили подвал и окутали меня, прежде чем успокоиться у ног Рейеса. Не желая показывать лицо, он заговорил из глубокой тени под капюшоном:

— Ты дала себя связать, когда на тебя охотится легион демонов?

— Да. Тогда об этом как-то не подумала.

Раздраженно вздохнув, он шагнул вперед.

— Когда-нибудь я пойму, как работают твои мозги.

Я фыркнула:

— Удачи. Мне в тот момент показалось, что дать себя связать — неплохая альтернатива мгновенной смерти.

— Когда конкретно твоей жизни угрожала опасность?

— Ты мне поможешь отсюда выбраться или нет?

Рейес присел рядом и снял капюшон, показав невозможно красивое лицо. Лицо со свежими ранами на лбу и скуле.

— Ты по-прежнему с ними дерешься? — всполошилась я. — Все еще охотишься на них?

Он склонил голову набок:

— А ты всерьез ожидала, что я прекращу?

— Сколько это может продолжаться? Много их еще осталось?

— Теперь немного, — ответил он, рассматривая скотч. — На Земле очень мало людей, которые видят то, что им нужно. У моих братьев заканчиваются варианты.

— Ты же их не убиваешь, правда? Они ведь невинные люди, которые просто-напросто видят мертвых.

— Убиваю, только если это необходимо. Ты собираешься устроить мне допрос, привязанная скотчем к стулу?

— Извини. Просто я надеялась, что ты перестанешь их отслеживать.

— Они не остановятся, Датч, и будут продолжать попытки до тебя добраться. Хедеша солгал.

— Знаю. Вот только... тебя в процессе неплохо избивают.

Уголок чувственного рта слегка приподнялся.

— Беспокоишься обо мне?

— Нет. — Вдобавок я красноречиво фыркнула, чтобы он уж точно понял, что я ни капельки не беспокоюсь.

— Ты совсем не беспокоилась, когда язык того мужика залез тебе в глотку.

Потрясающе. Он это видел.

— Ревнуешь?

— Нет.

— А по-моему, ревнуешь.

Темные ресницы опустились, когда Рейес, сощурившись, посмотрел на меня, но ответить не успел, потому что с лестницы послышался восторженный писк девятилетней мертвой Сливы с садистскими наклонностями:

— Я нашла нож!

Вот гадство.

— Вытащи меня! — зашипела я на Рейеса, отчаянно шевеля пальцами. — Скорее, пока она не вернулась!

(1) Pequeños banditos — (исп.) маленькие бандиты.

(2) Джесси Вудсон Джеймс (1847–1882) — знаменитый американский преступник XIX века, известный под прозвищем «Дингус».

Глава 16

Не радуйтесь, что я молчу. Никто убийство вслух не планирует.

Надпись на футболке

После того как Рейес отлепил меня от стула и, как всегда, исчез под предлогом, что ему якобы нужно срочно куда-то идти, я вышла из лечебницы и прошагала мимо нескольких байкеров, околачивающихся у притона. Интересно, знают ли они об ограблениях? Или хотя бы о том, что какое-то время Донована не будет? Прикинувшись воплощением беззаботности и надеясь, что фигня в волосах не слишком заметна со стороны, я направилась в ближайший супермаркет. Надо сказать, район здесь не самый безопасный для прогулок даже среди бела дня.

Снова стянув резинкой волосы в хвост, я достала из кармана телефон и написала сообщение Доновану, мол, мне едва удалось спасти свою жизнь и сохранить собственное достоинство. А потом позвонила Гаррету.

— Своупс, — деловито ответил он. Бога ради, у него же определился мой номер!

— Мне нужна тачка.

— Мозгоправ тебе нужен.

— Согласна, но сначала тачка.

— А куда делся твой джип? — Странно как-то звучал его голос. Будто он бежал. Или занимался сексом. Не могла же я так не вовремя позвонить?

— Развалюха на месте преступления. Возле ограбленного банка.

— Даже спрашивать не собираюсь. — Ну вот, хоть чему-то он все-таки научился.

— Я буду в «Жуй и пей», недалеко от шоссе.

— В стриптиз-клубе?

— Нет. И фу. В супермаркете.

— А-а. Я уже подумал, что ты сменила род деятельности.

— Поверь мне, чувак, лучше тебе не видеть, на что я похожа, когда танцую у шеста.

Однажды я танцевала на девичнике, и, скажем так, ничего хорошего из этого не вышло.

— Ты танцевала у шеста на девичнике?

— Долго рассказывать. Так ты меня забереешь или нет?

— Ладно. Но придется подождать.

— А ты поторопись. Мне еще кучу дерьма разгребать. Плюс меня могут арестовать, так что надо срочно с этим разобраться.

Мне нужно было проверить, как там Харпер, и поработать над ее делом. Неминуемый арест за соучастие в ограблении банка сильно урежет время, которое я рассчитывала на это потратить.

— Опять таскаешь с собой сумку, на которой везде намалевано слово «хрен»? Говорил же тебе не выходить с ней на люди.

— Нет. Мелкое хулиганство тут ни при чем. Меня арестуют за соучастие. Короче, заberi меня и все.

— Ладно.

Повесив трубку, я набрала номер вроде как моей подруги в местном отделении ФБР. Пару месяцев назад мы с ней работали над одним делом. Она мне понравилась. С ней весело, и она никогда не угрожала взять меня под стражу. В общем, мы с ней прекрасно спелись. К тому же я знала, что она окажется хорошим союзником, если меня вдруг внесут в список подозреваемых в ограблении банка.

Я собиралась прикинуться, будто связь с помехами, однако под рукой не оказалось фантика от конфет, поэтому мне предстояло воспользоваться голосовыми эффектами. Агент Карсон сняла трубку, и спектакль начался.

— Агент... агент Карсон, — сказала я, бешено дыша в телефон.

— Да, Чарли. — Похоже, она и внимания не обратила на мои старания, но меня это, само собой, не остановит.

— Я... я знаю, кто кшшшшшшш.

— Я занята, Дэвидсон. Что такое «кш», и почему мне должно быть не наплевать?

— Извините. У меня кшшшшшшш не кшкшкш.

— Повторяю: что такое «кш», и почему меня должно заботить, что оно не кшкшкш?

Что тут скажешь, она крепкий орешек. Надо было все-таки купить шоколадный батончик в «Жуй и пей». У них обертки шуршат не хуже сладких рисовых шариков субботним утром.

— Да послуша-кшшшшш же.

— Честное слово, хреново у вас получается.

— Граби-кшшш-ли банков. Я знаю, кшшшшшшш они.

— Чарли, если вы сейчас же не прекратите этот балаган...

Я повесила трубку и выключила телефон, пока она не поняла, что именно я пыталась ей сказать, и не перезвонила. Было бы куда убедительнее, если бы она нашла меня связанную на полу в дурдоме. К счастью, со мной такое случается редко.

До супермаркета я добралась в рекордные сроки, но купить смогла только банан. На них была скидка, а мокко латте продавали по безбожной цене. Как я могла забыть напомнить Рейесу о миллионе долларов? Впредь мне наука: беднякам не кофе, а кукиш с маслом.

Как только подъехал Гаррет, позвонила Куки. Мне пришлось включить телефон в целях предосторожности, потому что какой-то дядечка на старом «кадиллаке» приставал ко мне с вопросом, не желаю ли я попробовать его антифриз.

Все еще пытаюсь смешаться с местными, я взяла трубку:

— Че как, подружка?

— Ты опять в неблагополучном районе?

— Насквозь меня видишь. — Я залезла в грузовик Гаррета, не обращая на него самого ни малейшего внимания. Весело, однако. — Зато я сегодня кое-чему научилась.

— Да неужели?

— Если тебе надо съесть банан на публике, никогда-никогда не смотри людям в глаза.

— Буду знать. В общем, я покопалась в событиях, которые происходили приблизительно в то же время, когда поженились родители Харпер. В основном все по мелочи, кроме убийства в горах Монзано, но его раскрыли. Еще был пропавший без вести мальчик. Его так и не нашли, но это случилось в Перальте. Насколько я понимаю, ничего из этого с Лоуэллами никак не связано.

— Что ж, ладно. Спасибо, что искала.

— И еще. Мозгоправ тебя примет, но только если ты помчишься к нему на всех парах. У него еще несколько встреч, а потом он уезжает из города.

— Лучше не придумаешь. Если еще что накопаешь...

— Я знаю, как тебя найти.

Я повесила трубку и все свое внимание обратила на Гаррета. Если честно, меня больше интересовал парень, ругающийся с газетным автоматом, но все остатки внимания я искренне посвятила Своупсу.

— Hola (1).

— Мы куда-то едем или будем просто сидеть, пока у меня не кончится бензин?

Я уже собиралась ответить, как перезвонила агент Карсон. Вот гадство. Надо было опять выключить телефон.

Ткнув пальцем на восток, чтобы дать Гаррету понять, куда ехать, я ответила на звонок. Только я начала свое блестящее представление на тему «Кшшш не кш-кш-кш», Карсон тут же меня перебила:

— Даже не думайте. Почему ваш джип возле ограбленного банка?

— Ох, — сказала я, опять задыхаясь и тяжело сглатывая несуществующие комки в горле, — как хорошо, что вы перезвонили. — Гаррет покачал головой и сосредоточился на дороге. Я его в этом полностью поддерживала. — Это я и пыталась вам сказать. Меня взяли в заложники.

— Да, я видела записи с камер видеонаблюдения.

— Вот и хорошо, тогда вы знаете, что...

— Вы понимаете, сколько лет вам за это светит?

Блин.

— Но меня и правда взяли в заложники. Ну, вроде того. И я могу вам рассказать, кто именно грабил банки.

Повисла долгая пауза. Мне показалось, что агент Карсон приходит в себя от восторга по поводу того, как неслыханно ей повезло. Наконец она заговорила:

— Слушаю.

— Одно условие: вы позволите дяде Бобу в этом участвовать.

— Хорошо.

— Вы сейчас там? В банке? Я могу подъехать через несколько минут.

— Дэвидсон, кто ограбил этот банк?

Я сделала глубокий вдох и долго-долго выдыхала, чтобы дать Доновану возможность подобраться к Мексике еще хоть на несколько метров ближе, а потом сказала:

— Несколько человек из местного байкерского клуба под названием «Бандиты». Но мне нужно поговорить с вами о них перед тем, как вы броситесь с места в карьер.

— Я так никогда не делаю.

В этом я ни минуты не сомневаюсь.

— Их шантажировали. И тот, кто запустил всю схему, знал, когда в банк привезут деньги. Однако сам он в этом банке не работает. Кто еще может владеть такой информацией? Может быть, водитель инкассаторской машины? Супруг или супруга сотрудника банка?

Я услышала, как стучат подошвы ее ботинок по тротуару. Видимо, агент Карсон искала место, где могла бы уединиться.

— Хотите сказать, что действовали изнутри? — прошептала она в трубку.

— Именно это я и хочу сказать. Конечно, банк ограбили байкеры, но у них не было выбора.

— Что ж, с вами не соскучишься.

— Спасибо. — Все-таки она ужасно милая. — Встретимся у моего джипа.

— Договорились.

Я повесила трубку и повернулась к Гаррету:

— Можно нанять тебя до конца дня?

— Не вопрос, — пожал плечами он. — Я только что закончил большое дело, так что до завтра могу в офисе не появляться.

Вообще-то, грузовик и есть его офис. В глаза сразу бросаются кипы документов, разбросанных по всему салону, и упаковки от еды на заднем сиденье.

— Я думала, это и есть твой офис.

— Можно и так сказать. Я выразился метафорически.

— Я несказанно поражена тем, что ты знаешь значение этого слова, но должна быть честной. У меня нет денег, чтобы тебе заплатить.

— Так я и думал. Ну и где твой джип?

Меня немного удивило, что он не в курсе. Наверное, не слушал радио. Зуб даю, об ограблении уже вещают по всем новостям.

— Возле «Окружного банка Берналильо». Только мне надо заскочить в парочку мест, а бензина у меня как бы тоже негусто.

— Разве ты не сказала агенту, что едешь к ней?

— Я сказала, что приеду. Я не сказала когда. К тому же это ты вечно твердишь, что мне нужен мозгоправ. — Я широко улыбнулась Своупсу. — Вот и поехали к нему.

Пожав плечами, он поехал под моим руководством к месту работы последнего психотерапевта Харпер. Это оказалось маленькое здание семидесятых годов, облицованное вулканическим камнем. Над тротуаром нависали выступающие из стен металлические балки.

Я вошла внутрь, а Гаррет остался в своей машине. Наверняка размышлял, могут ли его арестовать за то, что он помогает мне избегать встречи с федеральным офицером. Я

убеждала его, что нет, и, похоже, он мне поверил. Не хотелось бы оказаться на его месте, если я все-таки не права. Потому что, если придется, я точно толкну его под автобус. Я могу сказать, что он силой затащил меня к себе в машину и два часа держал в плену.

Классный из него получится козел отпущения.

Я сняла очки, представилась непробиваемой секретарше в приемной и уселась в вестибюле. Спустя добрых двадцать минут меня проводили в кабинет к доктору. Психотерапевт Харпер оказался коротышкой с седыми волосами и загоревшей кожей цвета перезревшей сливы. Он сидел, сложив на коленях руки, а выражение его лица прямо заявляло: «Без комментариев».

— Спасибо, что встретились со мной, доктор Роланд. — Я села напротив него перед огромным столом из красного дерева, стараясь не делать никаких поспешных выводов. — У меня есть несколько вопросов о Харпер Лоуэлл.

— Мисс Дэвидсон, как вам уже сообщили в приемной, мне совершенно нечего вам сказать ни по поводу Харпер, ни по поводу ее лечения. Впрочем, как частный детектив вы и сами об этом знаете.

Так и есть, но ему не нужно было ничего говорить. Только сидеть передо мной, пока я буду задавать вопросы. Его эмоции все скажут за него.

— Понимаю, но меня наняла Харпер, доктор Роланд, и попросила изучить ее случай.

— Вы с ней виделись? — спросил он. — Она пропустила последнюю встречу.

— Она пришла ко мне пару дней назад, чтобы воспользоваться моими услугами. Когда вы видели ее в последний раз?

— Она убежала прямо посреди нашего последнего сеанса. Весьма внезапно. К тому же она была очень обеспокоена. С тех пор я ее не видел и ничего о ней не слышал.

Я кивнула, стараясь выглядеть искренне и непредвзято.

— Вам известно, что спровоцировало ее внезапный уход?

— Да.

— Можете поделиться?

— Сами знаете, что нет.

— Ей кто-то позвонил или написал сообщение, верно? — Что же еще?

— Возможно, — улыбнулся доктор Роланд.

Он лгал, а значит, теперь мне придется выяснить, почему Харпер так быстро ушла. Может быть, он ей что-то сказал. Или что-то всплыло во время сеанса. Могли ли какие-то его слова разбудить воспоминания?

Зная, что напрямую он мне не ответит, я поинтересовалась:

— И когда конкретно это было?

— Поскольку она не пришла на последнюю встречу, это случилось во вторник на прошлой неделе.

— Вы пытались ей дозвониться?

Мне показалось, что доктор Роланд начинает нервничать.

— Я звонил ей и даже оставил сообщение, но она так и не перезвонила.

— Что с ней произошло, когда ей было пять лет?

Раздраженно вздохнув, он вытянул ноги, поерзал в кресле, потом опять положил ногу на ногу. И все равно с виду ему было так же удобно, как мышке в брюхе у удава.

— Мисс Дэвидсон, ко мне вот-вот придет клиент...

— Я ей верю. — Я подалась вперед и стала ждать, когда получу его реакцию. — Я

считаю, что в течение длительного времени над ней методически и систематически издевались. И я искренне верю, что ее жизни угрожает опасность. — Судя по чувствам, которые лились из доктора, он тоже верил.

Он отвел взгляд и стал смахивать с пиджака невидимые пылинки.

— Не могу не согласиться.

— Спасибо, — сказала я, радуясь, что нашла союзника. — Не нарушая политики конфиденциальности и основываясь на том, что вам удалось выяснить, не могли бы ответить, есть ли у вас идеи, кто за всем этим стоит?

Доктора переполняли сожаления.

— Нет, мисс Дэвидсон. Мне до боли жаль это говорить, но нет.

Гадство. Очередной тупик.

— Однако могу сказать, что... — Он откашлялся и уставился на дерево за окном. — Что порой нас преследует наше прошлое.

Так и знала. Все началось тогда, когда Харпер было пять лет. И доктор Роланд в курсе.

Я благодарно улыбнулась:

— Тут я с вами согласна на все сто. Большое спасибо, что не отказались со мной встретиться.

Он встал и пожал мне руку:

— Не могли бы вы попросить Харпер связаться со мной?

— Сделаю все, что в моих силах.

Выйдя из кабинета доктора, я получила сообщение от Куки с просьбой перезвонить.

— Кажется, у меня что-то есть, — сказала она.

— Лучше бы не грипп. А то ведь у нас дело, а ты на лекарствах совсем не так хорошо работаешь, как без них.

— В общем, не знаю, важно ли это, но, когда Харпер было двенадцать, Лоуэллы упекли ее в больницу.

Стоило мне представить Харпер в больничной палате, как тут же на меня нахлынула холодная горечь. Что ж, может, удастся как-то использовать эту информацию против миссис Лоуэлл.

— Держу пари, им очень не хочется, чтобы об этом напечатали в разделе светской хроники. Если, конечно, в газетах Альбукерке такой раздел есть. Богачи в подобных делах — народ страшно щепетильный.

— Вот-вот, и до меня такие слухи доходили. Хотя, конечно, на собственном опыте испытать не пришлось.

— А ты подожди немножко. Все-таки я пытаюсь выбить нам миллион долларов. Осталось потерпеть всего ничего.

— Ты просила у Рейеса миллион долларов?

— Ага.

— Ясно. Ну, тогда скажи ему, чтобы поторопился. Мне позарез нужен педикюр.

— Кук, как ты можешь в такое время думать о пальцах на ногах?

— А помнишь, как мы с тобой уносили ноги от мужика, у которого было что-то с глазом? Ты тогда расстроилась, что оставила чашку кофе у него дома?

— Не совсем понимаю, к чему ты ведешь.

Я уговорила Гаррета отвезти меня через весь город в дом родителей Харпер. Вдруг удастся поймать мистера Лоуэлла за работой в саду. Учитывая, что он вроде как прикован к постели, шансы мои стремились к нулю, зато я могла бы еще разок поругаться с его раздражительной женушкой. Миссис Лоуэлл что-то известно, и я буду не я, если она все мне не расскажет. К тому же теперь благодаря уникальным способностям Куки разыскивать что угодно и где угодно мне тоже кое-что известно.

Может быть, до того как все откроется, у меня осталось совсем мало времени. А значит, надо использовать туз в рукаве, пока есть возможность.

Странно, но Гаррету удалось попасть за ворота куда быстрее, чем мне. Наверное, потому, что он не пытался заказать тако. Нас проводили в выставочный зал. Я была в восторге от возможности произнести это вслух.

— Это выставочный зал, — сказала я, ткнув Гаррета в бок локтем, и, не удержавшись, по-дурацки захихикала.

— Иногда ты меня пугаешь.

— Иногда я сама себя пугаю. Странно, да? — Я взглянула на одну из картин на стене, нашла подпись и обалдела: — Святой ежик! — Подпись гласила «Норман Роквелл» (2).

— Что за выражения, мисс Дэвидсон! — зашипела миссис Лоуэлл, сердито глядя на меня и торопясь закрыть за собой дверь.

— Извините. Никогда не видела работ Нормана Роквелла вживую.

Ее грудь раздулась от гордости.

— Джейсон приобрел эту картину на аукционе в нулевых.

Она сказала «в нулевых»?

После того как Гаррет представился, мы все расселись, и я решила перейти сразу к делу:

— Не могли бы вы рассказать мне о том времени, когда Харпер находилась в больнице?

Лицо миссис Лоуэлл превратилось в маску оскорбленной невинности.

— Как вы уже знаете, все наши усилия прошли даром, поэтому нам пришлось поместить Харпер в лечебницу, когда ей было двенадцать лет. — Двенадцать, блин! У меня за Харпер сердце кровью обливалось. — Там попробовали несколько методов лечения и в итоге нашли эффективный. — То есть такой, который заставил Харпер замолчать. — К сожалению, лечение оказало влияние на кратковременную память Харпер, но ее поведение значительно улучшилось.

Мне без всяких объяснений было ясно, о каком конкретно лечении она говорит. Электрошоковая терапия. Она же — ЭСТ (3). Уровень моего презрения к миссис Лоуэлл зашкалил.

— Она смогла вернуться домой, и на несколько лет все пришло в норму. На несколько лет, заметьте. Однако со временем ее сумасбродства вновь заявили о себе. В конце концов, мы были вынуждены попросить ее уехать. — Мои брови приподнялись, и миссис Лоуэлл сочла нужным объясниться: — Тогда ей было восемнадцать, и мы купили для нее дом. Мы вовсе не собирались вышвыривать ее на улицу. Затем, только чтобы досадить нам, она вышла замуж за этого дебошира. Их брак продлился не дольше пяти минут.

— Миссис Лоуэлл, вы случайно не помните ничего необычного, что могло бы

произойти с Харпер, когда вы с мистером Лоуэллом сыграли свадьбу? Может быть, ей кто-то угрожал или как-то запугивал?

— Врачи и полиция задавали мне этот вопрос тысячу раз. Единственное, что могло повлечь такие кардинальные перемены в ее поведении, — это наша свадьба. Никаких других событий в то время не произошло.

— Вы уверены?

Она как будто отгородилась от меня, посмотрела на свои ногти, потом на ковер, и в этот самый момент я почувствовала, как в ней вспыхнули сомнения и дал трещину хваленый скептицизм.

— Миссис Лоуэлл, нам поможет помочь любая мелочь, которую вы сумеете вспомнить. Может быть, вы заметили тогда у Харпер какие-нибудь царапины? Или она вернулась домой, как никогда, грязная и напуганная? Может быть, вы видели какие-нибудь признаки, что ее могли обидеть?

— Нет, — она опустила голову. — Ничего такого я не заметила. Но до нашей с Джейсоном свадьбы я ее совсем не знала. Мне она казалась очень милой девочкой. Отзывчивой, с хорошими манерами. Но когда мы вернулись домой из медового месяца, ее будто подменили.

То есть один человек до свадьбы, и совсем другой — после.

— И все это время она жила у бабушки с дедушкой?

— Да. К сожалению, они оба уже скончались. Но и они были совершенно сбиты с толку тем, как сильно изменилась Харпер.

— Тогда, может быть, что-то произошло по дороге домой. Вы не слышали о какой-нибудь аварии?

— Никогда. Честное слово, мисс Дэвидсон, это может продолжаться целый день.

Блин. Я по-прежнему топталась на месте без единой зацепочки.

Мы встали, и молоденькая домработница проводила нас до двери. Похоже, Гаррет сразил ее наповал. На этот раз миссис Лоуэлл пошла с нами.

— Я пыталась ей позвонить, — сказала она, — но она не отвечает на мои звонки. Не могли бы вы попросить ее связаться с отцом?

— Сделаю все, что в моих силах.

Как только мы оказались в машине Гаррета, я набрала Куки.

— Все мачехи такие стервы? — спросила я, зная, как ужасно это звучит, и даже поморщилась от собственных слов. Одна моя хорошая подруга тоже мачеха, и она — лучшее, что могло случиться с ее детишками.

— Меня воспитывала мачеха, — отозвалась Куки. Я это знала, потому и позвонила ей.

— Извини, я не хотела.

— Хотела-хотела, и, учитывая, через что тебе пришлось пройти со своей мачехой, у тебя есть полное право задавать такие вопросы, солнце. Но моя была замечательной. Если бы не она, мое детство могло быть совсем другим, в плохом смысле.

— Тогда я ей до смерти благодарна.

— Спасибо, я ей передам. Тебе что-нибудь нужно?

— Подтверждение.

— Какое? — усмехнулась Куки.

— Которое ты мне уже дала.

Я сказала Гаррету ехать в банк. Не думаю, что агент Карсон будет ждать меня целую вечность. По пути зазвонил мой сотовый. Само собой, все как-нибудь образуется, но агент Карсон вполне могла быть недовольна тем, что я до сих пор не появилась.

— Где вас черти носят? — рявкнула она в ответ на мое «Дом съедобных стрингов Чарли».

— Простите, — сказала я, съездившись при звуке ее голоса. — Я доставляла заказ. Съедобные стринги пользуются бешеной популярностью.

— Как и тюремная униформа.

— А она съедобная? Похоже, это сейчас хит продаж.

— Если вы не явитесь сюда через две минуты...

— Ура! — заорала я в телефон, потому что мы въехали на стоянку перед банком. — Я уже здесь. — Прикрыв телефон рукой, я прошептала Гаррету: — Она такая впечатлительная!

— Где здесь?

— Обернитесь. — Подстриженные в каре темные волосы взметнулись влево. — В другую сторону.

Она развернулась на сто восемьдесят градусов и увидела, как мы останавливаемся.

— А вот и я. — Я отчаянно замахала ей через лобовое стекло. — И как раз вовремя. Ну и ну!

Перед тем как выйти, я повернулась к Гаррету. Он сидел, глядя прямо перед собой, и ждал, когда я наконец соизволю освободить салон его машины. Мне показалось, что он молчаливее, чем обычно. То есть он никогда не был особенно разговорчивым, но чтобы до такой степени — это что-то новое. Конечно, это не меня занесло в ад, так что и не мне судить, как это может повлиять на человека.

Я изобразила сочувственную мину и поинтересовалась:

— Хочешь об этом поговорить? О том, как было в аду?

Он повернулся ко мне так стремительно, что это напомнило мне о Рейесе. Серебристые глаза в упор уставились на меня тяжелым взглядом, на челюстях заиграли желваки. Когда он заговорил, сразу стало ясно, что он намеренно выделяет каждый слог:

— А ты хочешь поговорить о том, как скальпель разрезает твою плоть и скрежещет по костям?

Прелестно. Меня моим же оружием.

— То есть нет? — Уголок его рта приподнялся, но юмора в этом не было ни капельки. — Ну и ладненько. Мило пообщались, — сказала я, вслепую нашаривая дверную ручку.

Своупс опять уставился в лобовое стекло.

Когда я выбралась наружу, агент Карсон стояла на своем месте, постукивая подошвой по асфальту. Понятия не имела, что люди на самом деле так делают.

— Так почему вы думаете, что ограбления планировались кем-то изнутри? — спросила она.

И никаких тебе «Привет, как жена и дети?». Сразу к делу. Потому что она мне и нравится.

— Мне грабители сказали.

— И как их зовут?

— Я же говорила, «Бандиты».

— «Бандиты» — это байкерский клуб на двести душ. Мне нужны имена тех, которые вошли в банк, держали под прицелом группу заложников и вышли с деньгами, которые им не принадлежат. — Для убедительности она ткнула пальцем на другую сторону улицы.

— Ну, вообще-то, оружие они не доставали, — сказала я. — Не было необходимости. Я в новостях видела.

— Чарли, — резким тоном осадила меня агент Карсон.

— Ну ладно. — Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, заранее сожалея о том, что мне предстоит сделать. — Всех имен я не знаю, — соврала я. Почему-то мне не хватало смелости рассказать о Сабрине. Она девушка. Никто не станет ее подозревать. Откуда им знать, видела я лицо водителя или нет? Она помогала моим байкерам, и я чувствовала себя обязанной ей за это. — Знаю только троих, которых как раз шантажировали. Майкл, Эрик и Донован. Были еще двое, но их имен я не знаю. Ой, минуточку. — Я вспомнила, что Донован упоминал имя блондина. — С ними был блондинистый такой парень. Эдвардс. Он, кстати, горит желанием познакомиться со мной поближе.

Карсон записывала все, что я ей говорю.

— Серьезно? Симпатичный? — спросила она, не поднимая от блокнота глаз.

— Нет, не в этом смысле. Скорее он хочет поближе познакомиться только с моей головой на блюдечке с голубой каемочкой, чтобы я не свидетельствовала против него в суде.

— Вы заводите друзей, где бы ни появились.

— Сама удивляюсь. — Я доверительно подалась к ней: — Они не из плохих парней, агент Карсон. Их шантажировали, честное слово.

— Это я уже слышала, но никто их под дулом пистолета не держал.

Я знала, что всю ситуацию она увидит именно так. Это ее работа, и винить ее тут не за что. Но мне хотелось хотя бы попытаться привлечь шантажиста к ответственности. Он виновен не меньше, чем мои байкеры. А то и больше. Никто, кроме не меня, не смеет шантажировать моих друзей и надеяться, что это сойдет ему с рук.

(1) Hola — (исп.) привет.

(2) Норман Роквелл (1894–1978) — американский художник и иллюстратор.

(3) ЭСТ — электросудорожная терапия, ранее известная как электрошок (ЭШ) или электрошоковая терапия (ЭШТ).

Глава 17

Честно, я хотела вести себя хорошо. Просто других вариантов было слишком много.

Надпись на футболке

Рассказав агенту Карсон свою версию событий, я уволила Гаррета по причине непримиримых разногласий, но попросила его на всякий случай не нагружаться делами. Дальше я отправилась домой, почему-то мечтая о пироге с бататом (1). Видимо, банана

надолго не хватило. К тому же после него я чувствовала себя грязной.

Поднимаясь по лестнице, я ощущала, как с каждой ступенькой становится все теплее. А до третьего этажа ступенек было много. Когда я добралась до своей лестничной площадки, исходящий от Рейеса жар стал обжигающим. Точно не знаю, возбужден он был или зол. Может быть, и то, и другое.

В коридоре было темно, хоть глаз выколи. Или опять проводка полетела, или Рейес повыкручивал лампочки. Выудив из сумки ключи, я на ощупь пошла к своей двери. Надо признать, путешествие было недолгим и не очень опасным, хотя, учитывая, что в конце меня ждал Рейес, все могло быть абсолютно иначе. Нашупав замок, я вставила ключ.

— Мои деньги у тебя? — спросила я, чувствуя себя главарем преступной группировки. Ну или сутенером.

— Мне нужно, чтобы сегодня ты осталась дома, — сказал Рейес, не обращая на вопрос ни малейшего внимания.

Наконец-то дверь открылась.

— Зайдешь? — предложила я.

— Нет. Я пришел сказать, чтобы ты оставалась дома.

— Это приказ?

— Да.

Я оглянулась, но увидеть смогла лишь тень его силуэта.

— Тебе бы ослабить напор, а то кофеин из меня почти выветрился.

Он подошел ближе, и я почувствовала, как он поднял руку и уперся в дверной косяк. Господи, как же хорошо у него это получается!

— Зачем? — спросила я, бросая ключи обратно в сумку. — Зачем мне сегодня оставаться дома?

— Сама знаешь.

— Неужто они за мной придут? — Я хотела пошутить, но как-то не очень получилось.

Рейес наклонился ко мне, пока его губы не оказались у самого моего уха:

— Да.

Я никак не могла понять, откуда взялся трепет, пронесшийся вдоль позвоночника. От ярких образов, рожденных у меня в мыслях его словами, или от горячего дыхания, обжигающего мою кожу. Он пах дымом и пеплом, громом и молнией.

— Ты в него влюблена? — спросил Рейес. В глубоком голосе отчетливо звучала неуверенность.

От удивления я развернулась к нему лицом:

— В кого?

Он опустил голову и смотрел на меня из-под ресниц. Даже в крошечной темноте его темные глаза сияли, золотистые и зеленые искорки будто отражали лунный свет.

— Ты знаешь, о ком я говорю. О мужике, с которым ты сегодня целовалась.

— С каким конкретно? — поддразнила я.

Но Рейес не купился. По нему прошла волна острой боли, хотя я не сумела разобрать, физической она была или эмоциональной. Наверняка на мои заигрывания с кем бы то ни было в лечебнице ему глубоко наплевать. Бога ради, он сам жил со своей чокнутой фанаткой.

Обняв меня одной рукой за талию, он осторожно прижал меня к себе.

— Я пришел только сказать, чтобы ты оставалась дома, — проговорил он, наклонился и

поцеловал меня в шею.

На несколько секунд он замер, как будто хотел надышаться мной, потом руки опустились, и Рейес отвернулся, чтобы уйти. Воздух мгновенно стал холоднее.

— Рейес, погоди. — Я помчалась за ним через две ступеньки, чтобы не отстать, чувствуя, как сильно ему хочется убраться от меня куда подальше.

— Я пришел только сказать, чтобы ты оставалась дома.

— Рейес, ради любви к Питу! И его дракону (2). — Я схватила его за руку и развернула к себе. Мы были на лестничной площадке второго этажа. Здесь лампочки все еще горели, поэтому у меня появилась возможность получше его рассмотреть. Оказывается, он нес на плече сумку с какими-то вещами, а на футболке спереди виднелись пятна крови. Зуб даю, он опять облепился скотчем. — Я думала, ты исцелишься быстрее.

Рейес посмотрел на футболку и выругался.

— Так и было. Это свежие. Впрочем, тоже ненадолго.

Я с трудом подавила приступ тревоги. Толку от нее все равно никакого. Но со страхом ничего поделать не могла.

— Они здесь?

Он задумчиво склонил голову, оценивая энергию вокруг нас:

— Сейчас я их не чувствую, но они были здесь перед тем, как ты пришла. Похоже, они вычислили, где ты живешь.

— Замечательно. Однако, какими бы благородными ни были твои намерения, ты не в состоянии охотиться на них и отрывать им задницы, как какой-то ниндзя.

Рейес снова осмотрел себя. Один уголок рта приподнялся в той самой умопомрачительной полуулыбке, от которой у меня в животе кувыркаются бабочки.

— Я мог бы стать ниндзя, — сказал он.

— Еще как мог бы. И весь японский народ наверняка бы тобой гордился. А теперь идем. — Я потянула его за руку, и он пошел за мной обратно к моей квартире. — Ты, конечно, можешь весь в крови расхаживать по улицам, но рано или поздно кто-то звякнет в полицию, и тебя арестуют.

Я отпустила его, но он сам взял меня за руку, переплел свои пальцы с моими, и наверх мы поднимались, не разнимая рук. Невинное, казалось бы, прикосновение, но было в нем столько интимности, что с каждым шагом во мне расцветали вспышки чистейшего восторга. Черт его дери. Однако все закончилось, как только мы пришли ко мне и я увидела масштабы его ранений. Рейес буквально был покрыт кровью.

В полном ужасе я заперла за ним дверь.

— Вся эта кровь твоя?

Он осмотрелся по сторонам, замечая каждую деталь, снова повернулся ко мне и пожал плечами:

— Не думаю.

— У тебя ожоги. — Я обошла вокруг Рейеса, чтобы взглянуть на его спину.

— Один из них пытался меня поджечь.

— Демон? — спросила я и съежилась от того, как прозвучал мой голос. Такой писк, наверное, в состоянии уловить только собаки.

— Они психи, — кивнул он и, указав на гору оставшихся коробок, спросил: — А что это за коробки?

Куки вынесла все, кроме свалки в том месте, которое я называла Зоной-51. Зато теперь я

видела мистера Вонга. Странно, конечно, но его присутствие почему-то казалось мне уютным и успокаивающим.

Я положила сумку на барную стойку.

— Это черная дыра. Не подходи к ней. Джемма говорит, что это вроде как часть лечения. Она считает, что у меня легкая степень ПТСР.

Рейес снова осмотрелся и на этот раз уставился на мои липовые умирающие растения.

— Так и есть.

— Знаешь что, мистер? У тебя тоже проблем выше крыши.

Мне был виден только его профиль, но улыбку я разглядеть сумела.

— Я никогда и не говорил, что у меня их нет. Можно мне воспользоваться душем?

Мне до смерти хотелось ответить что-то вроде «Только со мной», но сказала я лишь:

— Не вопрос, однако должна тебя предупредить: у тебя может появиться компания в виде огромной умирающей от жажды ротвейлерши. — Тут мне пришлось откашляться, потому что от мысли о голом Рейесе у меня в ванной на меня хлынула волна неуместного удовольствия. Само собой, дело было вовсе не в ванной, а в голом Рейесе, и неважно, в каком конкретно помещении он бы находился в таком виде. — Ах да, на случай, если тебе надо опять чем-то облепиться, скотч у меня кончился. Хотя если ты совсем в отчаянии, могу поискать моточек канцелярского.

Рейес поднял свою сумку:

— Все, что нужно, у меня с собой.

Когда он закрылся в ванной, я глубоко вздохнула и направилась к мистеру Кофе. Или в Альбукерке был демографический взрыв, набивший город невероятно сексапильными мужиками, или у меня всерьез разыгрались гормоны.

Через полчаса дверь в ванную открылась. На пороге стоял Рейес в джинсах с полотенцем на плечах. На прекрасных, великолепных плечах, будь они неладны. На животе поблескивали свежие полосы скотча, а сам Рейес весь был покрыт старыми ранами, которые быстро исцелялись, но все равно оставляли темно-красные следы у него на торсе, плечах и сбоку на шее.

Потерев голову концами полотенца, он прислонился к косяку:

— Ну и как? Помогает лечение?

Я все не могла на него насмотреться. Когда мне наконец удалось оторвать от него взгляд, до меня дошло, что он опять смотрит на коробки.

— А, ты об этом. — Я пошла к нему, помешивая ложкой вторую чашку кофе. — Джемма хочет, чтобы кто-то выносил отсюда по коробке в день, пока я не смогу сделать это самостоятельно. Глупость несусветная. Но она твердит, что это должно помочь.

Рейес украл мой кофе, сделал глоток и вернул мне.

— Она права.

Пока я стояла с открытым ртом, шокированная тем, что он встал на сторону моей сестры, он бросил полотенце в раковину и надел однотонную темно-серую футболку. Я пошла к дивану (который, может быть, получит имя Барби Малибу), но, не дойдя до него, обернулась.

— Где ты это раздобыл? — спросила я, кивком указав на футболку.

Мне хотелось знать, где он берет все необходимое. Откуда у него джинсы, ботинки и скотч, который он лепит на свои раны? Где он берет еду и воду, и что с ним произошло, когда его освободили из тюрьмы? Может быть, его забрал загадочный друг Амадор? Потому что Амадор — единственный друг Рейеса. Я знала, что они очень близки. Может быть, нам с Рейесом так сблизиться попросту не суждено. Наверняка Амадор не бросил бы его на произвол судьбы. А может быть, так захотел сам Рейес — чтобы его оставили в покое и он мог сам о себе позаботиться, как делал это всю свою жизнь. Меня в то время рядом не было — я зализывала раны в своей девичьей берлоге.

Расправив на себе футболку, Рейес пошел ко мне, но не остановился. Мне пришлось убрать чашку в сторону, пока он наступал, заставляя меня пятиться. Как же приятно, когда его стройное тело прижимается ко мне!

— Позаимствовал, — ответил он.

— У Амадора? — Мой голос почему-то превратился в еле слышный хриплый шепот.

Он обнял меня, продолжая наступать. Из-за слипшихся от воды черных ресниц его глаза будто сияли еще ярче. Мою квартиру трудно назвать просторной, так что наша «прогулка» надолго затянуться никак не могла. В конце концов я во что-то врезалась спиной и тут же застыла, поняв, во что именно. Зона-51. Мы стояли посреди Зоны-51.

Я толкнула Рейеса, но он ни на сантиметр не сдвинулся.

Игривое выражение его лица стало предельно серьезным.

— Сядь.

Я протянула руку, чтобы поставить чашку на коробку, но промахнулась. Руки тряслись, поэтому я не успела поймать чашку, когда та упала. В сантиметре от ковра ее подхватил Рейес. Горячий кофе пролился ему на руку, но он как будто и не заметил.

Выпрямившись во весь рост, он повторил:

— Сядь.

На коробки? Ни за какие коврижки. Стиснув зубы, я покачала головой. Рейес поставил чашку на журнальный столик, взял меня за плечи и развернул лицом к черной дыре.

— Это всего лишь часть комнаты, — сказал он, подойдя ближе. Его руки обняли меня за живот. — Это место ничего не значит. — Он наклонился и поцеловал меня в ключицу. В шею. В ухо. — Оно принадлежит тебе, а не ему.

Эрл Уокер. Он говорил об Эрле Уокере.

Рейес сдвинул коробку. Она упала на пол. В ответ у меня все сжалось в животе, и он стиснул меня крепче, пока мои нервы не успокоились. Пока трещина в моем панцире не начала восстанавливаться.

— Принято к сведению, — сказала я, жестом показывая таймаут. — Игра окончена.

Не обращая на меня внимания, он столкнул еще одну коробку.

Я попыталась вырваться, но безуспешно. Заставляя меня стоять на месте, он сдвинул с вершины горы третью коробку. Она тоже упала на пол. За ней еще одна, и еще одна. И все это время Рейес крепко прижимал меня к себе.

Исходящий от него жар пропитывал мою одежду и волосы богатым земным ароматом. Мускулистые сильные руки держали меня так крепко, что у страха попросту не было шансов. Когда он столкнул очередную коробку и на пол упали сразу три, в мою нервную систему не просочилось ни капли адреналина.

Еще одну коробку Рейес пнул босой ногой. Мы сделали еще шаг в самый эпицентр черной дыры. Снова и снова он сталкивал одной рукой коробки, другой продолжая

прижимать меня к себе, пока в Зоне-51 не остался один-единственный предмет. Стул.

На этот раз адреналин затопил мою нервную систему, а я стояла и смотрела на стул, не в силах отвести от него глаз, хотя он и выглядел, как любой другой стул. Он шел в комплекте с крошечным столом, который я поставила в углу кухни. Дешевая такая штукавина на расшатанных ножках с закругленной спинкой.

Рейес обнял меня обеими руками и сделал еще один шаг. Я поставила ногу на стул и оттолкнула его, не имея ни малейшего желания к нему приближаться.

— Это всего лишь стул, — сказал Рейес ласковым, успокаивающим тоном. — Он принадлежит тебе, а не ему.

— А я всего лишь девушка, — отозвалась я, пытаюсь донести до него одну простую вещь: может быть, в масштабах вселенной я и обладаю какими-то суперпуперсилами, но здесь, на Земле, я такой же человек, как и все остальные.

Рейес положил руку мне на горло и прошептал на ухо:

— Да, но ты принадлежишь мне, а не ему.

Он наклонился через мое плечо и прижался ртом к моим губам.

Я просунула между нами руку и погладила выпуклость у него под джинсами. Рейес затаил дыхание и замер, превратившись в несокрушимую мраморную статую. Прервав поцелуй, он посмотрел мне в глаза. В его взгляде мерцало что-то очень похожее на гнев.

— Ты в него влюблена?

— В кого? — спросила я, купаясь в обжигающем экстазе, нарастающем где-то между ног.

— В мужика из дурдома.

— В Донована? — переспросила я, забывая, как дышать.

— Если да, то ты должна меня прогнать. — Рейес запустил пальцы мне в волосы и потянул, заставляя прижаться затылком к его плечу. Его непреклонная решимость напрочь лишала меня самообладания. — Должна. Мне хватит сил сейчас уйти. — У него вырвался хриплый стон, когда я опять погладила его через джинсы. Схватив меня за запястье, он мрачно уставился мне в глаза. — Я не лягу с тобой в постель, если ты любишь другого.

Несмотря на уйму лет, которые он провел на земле, иногда в его речи появлялись фразочки, которые напоминали мне о том, что он из другого мира, из другого времени.

Я подняла руку и наклонила его к себе, пока наши губы снова не слились в поцелуе. Если я кого и любила на этом свете, да во всей вселенной, то именно этого мужчину, этого бога, который бесчисленное количество раз рисковал ради меня своей жизнью. И ничего не просил взамен. Никогда.

Сильнее потянув меня за волосы, Рейес склонил голову набок, чтобы поцелуй стал глубже. Его язык сладко дразнил, в то время как рука оказалась у меня под футболкой. В мгновение ока лифчик расстегнулся, и большая ладонь накрыла Угрозу. От прикосновения по коже промчался разряд удовольствия. Другой рукой Рейес расстегнул пуговицу на моих штанах и стянул их вниз по бедрам. У меня в животе покалывало от предвкушения. Он опять перестал меня целовать, но на этот раз только для того, чтобы со страстным нетерпением снять с меня всю одежду. На коже танцевал прохладный воздух, но Рейес снова подошел ко мне, окутывая своим теплом. А через мгновение подтолкнул меня к стулу.

Коленом раздвинув мне ноги, он усадил меня лицом к спинке. Я вцепилась в деревянные перекладины. Меня больше не волновало, что символизировал собой стул, зато по венам струился трепет от мысли о том, что на этом стуле сейчас могло произойти.

Рейес склонился над моим плечом и заглянул мне в глаза.

Мы с ним никогда здесь не были. Не были именно в этом месте. Плоть к плоти. Тело к телу.

— Прошло слишком много времени, — сказал он, и я снова расслышала в его голосе неуверенность.

Я потянулась к нему и провела пальцами по его красивым, чувственным губам. Он поцеловал мои пальцы, а потом стал покусывать чувствительные подушечки. Горячий язык опалял мне кожу, в то время как его собственные пальцы прошлись по моему бедру, вызывая острые вспышки удовольствия в каждом нервном окончании. Пальцы продолжали путь, пока не добрались до самого главного, и оказались внутри меня.

Я ахнула. В животе разлилось жидкое пламя. Рейес провел второй рукой вниз по моей спине и мягко подвинул вперед, пробираясь пальцами еще глубже. Я напряглась, переживая мощную атаку ненасытного желания. Еще крепче вцепившись в стул, я развела ноги шире.

Из груди Рейеса вырвалось рычание, и в этот момент он снова завладел моим ртом. Язык двигался в одном ритме с пальцами, и мне казалось, что я вот-вот умру. Внизу живота, как котел с кипящей лавой, бурлило и вихрилось острое удовольствие. По телу распространились жалящие ниточки наслаждения.

Рейес присел и обхватил влажными губами сосок Уилл. Удовольствие было таким невыносимым, что я чуть не закричала. Ниточки превратились в когти. Я обняла его за голову, запуталась пальцами у него в волосах, а он все продолжал посасывать Уилл и подталкивать меня к ослепительному экстазу.

Однако не успела я достичь кульминации, как Рейес схватил меня за бедра и поднял со стула. Я стояла перед ним и чувствовала себя так, будто на меня вылили ушат ледяной воды. Перед глазами плыло, поэтому мне пришлось несколько раз моргнуть, и только потом я увидела, что Рейес сидит на корточках и смотрит. Наверное, мне надо было смутиться. Я стояла совершенно голая, а он по-прежнему был полностью одет. Однако в его глазах искрились восхищение и дикое желание, поэтому у неуверенности в себе не было никаких шансов пустить во мне корни.

— Боже мой, — выдохнул он и встал на колени.

Взяв меня за запястья, Рейес завел мне руки за спину и стал покрывать живот легкими поцелуями. Он лизнул пупок, и волны восторга затопили меня с ног до головы. Раздвинув мне ноги, он положил одну себе на плечо, открывая себе доступ к самому чувствительному местечку. Чтобы не упасть, я ухватилась за спинку стула. Прикосновения обжигающего языка снова подвели меня к краю здравого смысла. Еще чуть-чуть, и я переступлю грань безумия. Стиснув зубы, я вцепилась ему в волосы, пытаюсь найти в себе силы пережить невыносимое, почти болезненное желание, пульсирующее внутри меня.

Я чувствовала себя такой слабой, что едва держалась на ногах.

Чем ближе я подбиралась к оргазму, тем больше хотела, чтобы Рейес был во мне. Я потянула его за волосы, дернула за футболку. Он остановился и стащил ее через голову. Я заставила его подняться на ноги. У меня тряслись руки, пока я пыталась расстегнуть на нем штаны. Рейес сам расстегнул пуговицу и стянул джинсы вниз по бедрам и умопомрачительной заднице. Твердый как сталь член подрагивал от нетерпения. Пришла моя очередь восхищенно уставиться на Рейеса. Мощное тело поблескивало от пота, из-за чего он казался еще более привлекательным, еще более экзотическим.

Холмы и долины превращали его в произведение искусства, и свидетельство его

возбуждения не было исключением. Я провела пальцами по всей длине и зачарованно наблюдала, как в ответ напрягаются его мышцы. Пока Рейес не успел меня остановить, я упала на колени и взяла его в рот. Он шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Датч, — выдохнул он, сгребая в кулаке мои волосы и стараясь не потерять над собой контроль.

Я посмотрела на него снизу вверх и увидела в его глазах чистое желание. О да, я хорошо знала, каково это, и хотела, чтобы он тоже узнал. Я двинулась вперед, вбирая его глубже, и легко коснулась зубами шелковистой кожи, упиваясь знанием, что под ней мчится по венам горячая кровь.

Рейес потянул меня за волосы, как будто собирался остановить.

— Подожди.

Но я только стиснула его руками, прижимая к себе. Дыхание Рейеса стало тяжелым, отрывистым. Внутри он дрожал от силы страсти, которую сдерживал все это время. Каждый раз, когда он оказывался глубоко во мне, он напрягался, как натянутая струна. С его губ срывались тихие стоны, пока я подводила его все ближе и ближе к оргазму.

Я просто не оставила ему выбора. Он рывком оторвал меня от себя и прижал к полу. Его тело казалось мне высеченным из камня. Не медля ни секунды, потому что больше не мог терпеть, он раздвинул мне ноги и ворвался внутрь. Невообразимое удовольствие потрясло меня до глубины души, заставив затаить дыхание. Я вцепилась ногтями ему в спину и зубами — в плечо, обвила его ногами, но он только крепче сжимал меня в объятиях и наращивал темп и силу ударов. Сумасшедшее давление внутри меня продолжало нарастать, и наконец я кончила в яростной вспышке ослепительно белых, обжигающих искр. Они рассыпались по моей коже, просочились в каждую молекулу, словно душ из чистого света, потоком льющийся по моим венам и омывающий волнами кости, как море — песчаный берег. Я взорвалась на тысячи осколков, и от меня остались лишь мерцающие золотистые искорки.

Утопая в сладкой агонии, Рейес уткнулся носом мне в шею, с силой впился в меня пальцами и зарычал, когда нахлынул оргазм. Его тело вибрировало от наслаждения. Тяжело дыша, он рухнул на меня, переживая последствия.

— Твою мать, — сказал он наконец, расслабился и улегся рядом.

Я открыла глаза и встревоженно спросила:

— Что такое?

— Ничего, — ухмыльнулся он.

— А-а.

Темные ресницы веером лежали у него на щеках, пока сам Рейес купался в полнейшем удовлетворении. Я провела пальцем по кончикам ресниц, и он шутливо нахмурился.

— Теперь я знаю истинное значение совершенства, — сказала я.

Рейес открыл глаза и посмотрел на меня с глубокой признательностью.

— Тебе надо чаще выходить из дома.

— Мне все так говорят.

Однако я не шутила. Ничего лучше у меня в жизни не было. И никого лучше Рейеса — тоже. Рейес — это предел мечтаний. Все остальное — только жалкая тень. Он рай и ад в одном флаконе. Ангел и демон. Я спросила себя, как долго он будет рядом. Как долго я смогу называть его своим.

Он повернулся набок, примостил голову на согнутую руку и положил большую ладонь мне на живот. На его губах играла озорная улыбка, которая превращала его лицо в самый

настоящий ангельский лик.

— Ты знаешь, где боги хранят свой нектар?

Я подозрительно прищурилась:

— Понятия не имею.

Ладонь скользнула вниз по моему животу и оказалась между ног. Я шумно втянула носом воздух. Рейес подался ко мне и прошептал на ухо:

— Я тебе покажу.

Еще дважды мы исследовали пределы нашей выносливости, потом съели на двоих бутерброд с жареной говядиной, вместе приняли душ, опять исследовали пределы нашей выносливости и только потом улеглись в мою постель, завернувшись в полотенца и простыни.

Рейес обнимал меня и уже почти спал, когда я сказала:

— Кто же знал, что все это время нектар богов находился у меня в ай-я-яй?

Он тихо рассмеялся и наконец уснул, а я не могла на него насмотреться. На его красивое лицо, чувственный рот и сильные скулы. На прямой нос и густые ресницы. Он был чудом. Манной небесной. И занозой в заднице, но тут я тоже недалеко ушла, так что не могла его винить.

Я услышала, как открылась моя входная дверь. Пришлось осторожно выбраться из рук Рейеса, надеть пижаму и выйти в гостиную.

Куки что-то засовывала в один из кухонных ящиков.

— Ты знаешь, который час? — спросила я.

Она повернулась ко мне и подняла какую-то непонятную фигню, похожую на здоровенную пипетку.

— Это кухонная спринцовка. Не знаю, зачем ты заказала аж семь штук, но оставить разрешаю только одну.

Я тоже не знала, зачем мне аж семь штук.

— Уже за полночь, Кук. Что ты делаешь?

— Я посмотрела страшный фильм и теперь не могу уснуть.

— Ну сколько раз тебе говорить? Если собираешься посмотреть ужастик, делай это, когда я рядом, чтобы я могла посмеяться, когда ты подпрыгиваешь от страха.

Нет ничего забавнее, чем видеть, как блестят от страха глаза Куки. Ну, само собой, кроме того, чем мы только что занимались с Рейесом.

— Да знаю я! — отмахнулась она. — Как прошел твой день?

— Дай подумать. Я была свидетелем ограбления банка, меня взяли в заложники «воры-джентльмены», чуть не арестовали за соучастие, а потом у меня был самый интересный вечер в моей жизни. Кстати об этом. Ты знала, что нектар богов находится у меня в ай-я-яй?

Куки наградила меня убийственным взглядом, полным ужаса:

— Что еще за «ай-я-яй», черт возьми?

Но я готова была поклясться, что она знает, о чем речь. Иначе откуда взяться ужасу?

— Минуточку, а что здесь произошло? — спросила она, кивнув в сторону Зоны-51.

— Рейес проводил мне сеанс терапии, хотя мне кажется, что лицензии у него нет.

Ахнув, Куки подскочила ко мне:

— Чарли, мне нужны все подробности. И картина маслом, если, конечно, ты успела заказать хоть один экземпляр.

(1) Батат — сладкий картофель.

Тык:

(2) «Дракон Пита» — мультфильм, вышедший в 1977 году от студии Уолта Диснея.

Глава 18

То, что меня не убивает, лучше пусть смывается, да поживее.

Надпись на футболке

— Ты куда? — спросила я у Рейеса, когда он выбрался из постели.

— В кухню. Точнее в жалкое ее подобие.

Я ахнула. Еще никому из тех, кто оскорблял мое жалкое подобие кухни, не сошло это с рук. Но тут Рейес улыбнулся мне своей умопомрачительной улыбкой, и я мигом забыла, о чем речь.

— У тебя есть, чем перекусить?

— Зеленое и покрытое пушком сойдет?

— Я не из любителей здоровой пищи, — отозвался Рейес, улыбаясь еще шире, отчего у меня голова просто кругом шла.

Когда он проходил мимо комода, я вспомнила, что вытащила оттуда фотографию. Ту самую, на которой он связан и с повязкой на глазах. Меня тут же накрыло приступом паники. Рейес даже не взглянул на комод. А значит, мог и не увидеть снимок. Но овладевшая мной паника заставила его остановиться. Вечно забываю, что он такой же, как я. Так же легко может улавливать эмоции других людей. Чувствовать их вкус и запах в воздухе. Конечно, мою панику он не мог не заметить. А значит, я себя выдала с потрохами.

Повернувшись ко мне, Рейес приподнял брови и спросил:

— Что такое? — На его губах все еще играла полуулыбка.

— Ничего. Мне показалось, что ты уходишь.

Он застыл и подозрительно уставился на меня.

— Почему ты мне врешь?

— Я не вру. То есть вру, но только потому, что не хочу, чтобы ты кое-что увидел.

Рейес тут же инстинктивно осмотрелся по сторонам. Но фотографию не заметил. Она лежала на комодке лицом вниз, наполовину прикрытая папками, расческой и коробкой исключительно женских причиндалов, которые я забыла отнести в ванную.

Снова повернувшись ко мне, Рейес сложил на груди руки.

— Вот теперь мне любопытно.

Я прикусила губу:

— А если я попрошу ни о чем меня не спрашивать?

— Ты мне не доверяешь?

— Дело не в доверии. Правда. По крайней мере не по отношению к тебе.

Он задумчиво переступил с ноги на ногу.

— То есть вопрос в том, могу ли я доверять тебе?

— Ну, можно и так сказать. Если, конечно, ты так на это смотришь.

— А как конкретно мне смотреть? — Рейес оглянулся, испытывая полнейшее замешательство.

Будь снимок змеей, он бы уже укусил Рейеса, а потом Рейес покончил бы с ним самым воинственным образом. Так что да, он был слишком близко.

— Может, сходим куда-нибудь перекусить?

— Это оно? — спросил Рейес и не глядя взял с комода фотографию.

— Как ты... — Я замолчала, пока не выкопала себе могилу еще глубже.

Прекрасные глаза Рейеса все еще смотрели на меня, когда он поднес фото к лицу. Но в тот момент, когда он увидел, что там изображено, в меня врезалась волна ледяного ужаса. Рейес моргнул, переживая глубокий шок.

Я встала на колени и поползла по кровати к нему.

— Рейес...

— Где ты это взяла?

Следующее, что я в нем уловила, не было ни злостью, ни болью. Это было ощущение предательства. И недоверие.

— Мне... мне дала это одна женщина. Она нашла фото в квартире, где ты жил, когда мы впервые встретились. И сохранила его.

— А тебе оно зачем?

Внутри него бушевала настоящая мука, из-за чего мне было трудно сосредоточиться. В груди у меня все сжалось, сердце обливало кровью.

— Не знаю. С тех пор, как я его увидела, я больше ни разу на него не взглянула.

Рейес шагнул ко мне, и меня ударило стеной ярости. Ну наконец-то то, с чем я могу бороться.

— Тогда зачем ты его хранишь, Датч?

Я с вызовом задрала нос:

— Не знаю.

Как я могла ему сказать, что не хочу забывать о том, через что ему пришлось пройти? Через что нам обоим пришлось пройти в руках этого чудовища?

Он вышел из спальни с фотографией в руке. Я поспешила за ним и догнала возле плиты. Он собирался сжечь снимок. Может быть, так было бы лучше, но по какой-то странной, необъяснимой причине я попросту вырвала фотографию из его пальцев.

В его глазах пылала ярость:

— Отдай.

— Ты можешь рассказать мне, что тогда случилось? — спросила я, прекрасно зная, что ничегошеньки он не расскажет. Потому что не захочет снова вспоминать прошлое с Эрлом Уокером. Его можно понять, но попытаться стоило.

— Давай я просто спалю его к чертям, и мы с тобой обо всем этом забудем.

— Не могу, — сказала я, пытаюсь обуздать растущую в сердце боль. Но Рейес все равно ее почувствовал.

Из его груди вырвалось нечеловеческое рычание, и у меня бешено забилося сердце. Рейес схватил меня одной рукой за горло, второй за талию и прижал к стене.

— Не смей меня жалеть, Датч. Меньше всего на свете мне нужна твоя жалость.

— Это улика, Рейес. Если когда-нибудь то, через что ты прошел, снова всплывет, у нас будут доказательства. И я вовсе тебя не жалею. Я тебе сочувствую.

Улыбка, которая опять появилась на его губах, не имела ничего общего с весельем. В

ней было больше враждебности, чем теплоты. Больше угрозы, чем симпатии. И у меня разбилось сердце. Я думала, мы выше этого. Оказывается, нет.

Рейес прижался ко мне. Исходящий от него горячий гнев обжигал мне кожу, как растопленная лава. Усугублялось все еще и тем, что мое тело всегда одинаково реагировало на его близость. Я вдохнула сквозь стиснутые зубы, и Рейес застыл. Через мгновение он прижался лбом к моему лбу, будто так же, как и я, не мог противиться взаимному притяжению. Однако в его глазах я выглядела предательницей. Он не хотел, чтобы я копалась в его прошлом, а фотография как раз и была частичкой этого прошлого.

Когда он снова заговорил, его голос был безразличным и каким-то чужим:

— Позовешь, когда сумеешь объяснить мне разницу между жалостью и сочувствием.

Он оттолкнул меня, взял свою сумку и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Я сползла по стене на пол, пытаюсь вспомнить, как надо дышать.

На следующее утро пришла Куки с новой информацией по делу. Я изо всех сил старалась не показывать, как мне грустно.

— В общем, — начала она, читая свои записи и одновременно делая себе кофе, — садовник, о котором тебе говорила миссис Бичер, Феликс Наварро, умер несколько месяцев назад.

— Что ж, это объясняет, почему он больше не работает у Лоуэллов. С его смертью ничего подозрительного не связано?

— Нет. Его дочь мне сообщила, что он умер по естественным причинам. Расследовать там нечего.

— Тогда он точно не тот, кого мы ищем. Если он и правда таскал с собой в бумажнике фотографии Харпер, то, может быть, на самом деле любил ее.

Я отпила кофе и уселась за стойку. От коробок в квартире почти ничего не осталось. За последние два дня Куки изрядно потрудилась. Остались только те, которыми была прикрыта Зона-51.

— Так и было, он ее любил, — подтвердила Куки. — Его дочь сказала мне, что он носил с собой фото всех своих детей, а Харпер и ее сводного брата Арта он считал частью своей семьи.

— Блин, это ужасно мило.

— Даже очень. Хотя я могу понять, почему миссис Бичер сочла это подозрительным. Особенно если учесть все, что произошло.

— Тоже верно.

Куки перевернула страницу:

— Ах да. Звонил твой дядя. Сегодня утром сожгли еще одно здание.

— Опять наш парень?

— Похоже на то. Я записала адрес, — она указала на папку, лежавшую на столе. — Судя по всему, перед тем как все запылало, наш поджигатель вытащил кого-то из здания. И этот кто-то кричал и сопротивлялся.

Я поставила чашку на стойку.

— Что ж, по крайней мере у него есть свое чувство гражданского долга.

Куки кивнула, помешивая кофе, а я пошла за сумкой.

— Позвони, если еще что-то выяснишь, — попросила я.

— Лады.

Перед тем как пойти к двери, я взглянула на папку. Только когда я уже надела сумку на плечо и потянулась к дверной ручке, до меня дошло. Вспомнив адрес, я застыла, а потом развернулась так быстро, что мир пошатнулся. Бросившись к папке, я отодрала стикер с адресом. Мир пошатнулся еще раз, но теперь по другой причине.

Когда я подъехала к месту последнего поджога, через вентиляцию Развалюхи тут же просочился едкий и противный запах гари. Пожарные все еще работали, поливая здание водой из огромных красных машин. Всю территорию обнесли лентой, свидетели стояли в сторонке, наблюдая за работой пожарных и снимая на сотовые внушительную стену дыма.

Я вышла из машины и осмотрелась. Нет, это точно не случайность и не совпадение. Именно об этом здании я говорила с Рейесом меньше трех часов назад. Здесь я впервые его увидела. Здесь нашли ту фотографию.

Я набрала Куки:

— Слушай, солнце, мне нужно, чтобы ты кое-что проверила.

— Легко.

— Возьми список всех адресов, где похозяйничал поджигатель. Он в папке. Потом сравни его со списком адресов, который составил дядя Боб, когда арестовал Рейеса за убийство Эрла Уокера. Файл у меня в ящике.

— Точно, я помню. — Куки настороженно растягивала слова. — Думаешь, есть связь?

— Это я и хочу выяснить. То есть хочу, чтобы ты выяснила. — Повесив трубку, я направилась к дежурному офицеру. — Где женщина?

— Простите? — Он пошел мне навстречу, предупреждая подняв руки. — Вам нельзя подходить ближе, чем на тридцать метров.

— Женщина, которую вытащил поджигатель, перед тем как поджечь здание. Где она?

Чувак осмотрелся по сторонам.

— Как вы узнали?

— Я работаю над этим делом с управлением полиции Альбукерке под руководством детектива Роберта Дэвидсона. — Он с места не сдвинулся, поэтому я показала ему свое удостоверение частного детектива и еще одно, в котором я значилась консультантом полиции. — Дать вам номер детектива Дэвидсона?

Не успел он ответить, как я услышала голос дяди Боба.

— Чарли! — позвал он, ковыляя ко мне. Должно быть, его опять донимало колено. — Не ждал, что ты объявишься. Насколько нам известно, в здании было пусто. За исключением той женщины. Она рвет и мечет, что ее вытащили на улицу.

Я кивнула. Наверняка это мисс Фэй. Конечно, она рвет и мечет, но не это было причиной моего беспокойства, от которого кишки в узел завязались. Наверное, у меня все на лице было написано, потому что дядя Боб спросил:

— Что случилось, милая?

Я изобразила бледную улыбку:

— Может быть, ничего. То есть... я надеюсь, что ничего.

— Солнышко, если тебе что-то известно по этому делу...

— Я пока не уверена. Прямо сейчас Куки пытается все выяснить. Если у меня появится что-то конкретное, я сразу позвоню. — Дибби кивнул, а я спросила: — Мисс Фэй может опознать поджигателя?

— Нет. Она сказала, что было очень темно. Но описала его как высокого и худого.

Я бы не назвала Рейеса худым, но мисс Фэй вполне могла. У нее странный взгляд на мир.

— У твоей Карсон появились серьезные зацепки по грабителям банков.

— К сожалению, — отозвалась я.

— Твои друзья?

— Очень хорошие друзья. Ну, кроме одного. Он хочет познакомиться со мной поближе.

И нет, не в хорошем смысле, — добавила я, предупреждая логичный вопрос.

— Ага, значит, познакомиться поближе — то есть со всеми потрохами?

— В яблочко.

— Что ж, рад, что мы это сразу прояснили. А как движется другое твое дело?

Зуб даю, выражение моего лица в этот момент было самым что ни на есть расстроенным. То бишь таким, когда мои губы выглядят так, будто отдельно от меня происходят от какого-нибудь утиного семейства.

— Никак.

— Мне очень жаль, милая. Дай знать, если я чем-то могу помочь.

— Спасибо, дядя Боб. Кстати, будь осторожен с мисс Фэй. У нее глаз наметан на...

— Ага, уже выяснил. — Он потер плечо. Да уж, с этой женщиной шутки плохи.

Забравшись в Развалюху, я стала раскладывать мысли по полочкам. Рейес пах дымом. На его футболке были следы от ожогов. На лице — царапины. Такое как раз в духе мисс Фэй, даже учитывая, что речь идет о Рейесе. Впервые в жизни я молилась о том, чтобы мои догадки оказались ошибочными.

Раз уж я была неподалеку, то перед следующим пунктом назначения решила повидаться с Харпер. Я вошла в салон через черный ход под жужжание машинки. Наверное, кто-то работал со знакомым или другом, потому что до открытия оставалось еще несколько часов.

Пари я нашла за столом.

— Привет, подруга. Как там Харпер?

— Ты что натворила? — рявкнула она, возясь с солнцезащитными очками.

— Ничего. — Я решила, что, пока есть шанс, надо прикидываться невинной овечкой. — А что? Что я могла натворить?

Надев наконец очки, Пари решительно потопала ко мне.

— Сиенна уехала. Вернулась в Новый Орлеан.

Я попятилась, подняв руки:

— Ничего мы не делали. Ей нравилась ты, а не я.

— Она пришла вчера, вся тряслась от страха. Сказала, что ты не та, за кого себя выдаешь. — Даже сквозь очки я чувствовала ярость в ее взгляде. — Как она узнала?

Я не могла не заметить улыбку Тре, пока тот набивал осьминога на спине какого-то студентика. Рисунок был потрясающим. Позади осьминога находился целый лабиринт паровых механизмов. Шестеренки и винтики работали сообща, чтобы двигать стрелки

огромных часов на левой лопатке. Но улыбался Тре вовсе не из-за своей работы. Блин, иногда до меня действительно туго доходит. Парень по уши влюблен в Пари. Само собой, он в восторге, что Сиенна испарилась.

Я потащила Пари туда, где нас никто не услышит.

— Папа пытался меня пристрелить. Я пригнулась. Вот и все.

— Твой отец пытался тебя пристрелить?!

— Всего лишь дважды.

Она удрученно опустила голову:

— Между нами с Сиенной была особая связь. Я даже думала, что она может оказаться той самой.

— Ты провела с ней всего день.

— Зато какой! — огрызнулась Пари.

— А ты никогда не думала о том, чтобы поискать поближе? — поинтересовалась я.

— В смысле среди родственников? К такому обычно относятся, мягко говоря, с неодобрением.

— Нет, прямо сейчас поближе, — я кивнула на Тре, который набивал тень от щупальца.

Поначалу ее лицо исказилось от отвращения. А потом она, видимо, передумала. Я почти слышала, как скрипят шарики и ролики у нее в голове, когда она заглянула за угол, чтобы еще раз взглянуть на Тре.

— А он ничего.

— Еще бы.

— Но он же... ну не знаю, кобель.

— Кто бы говорил. Минуточку! — Я наградила ее понимающей улыбкой. — Ты боишься конкуренции.

— Ничего подобного.

— Еще как.

— Нет.

— Да.

— Босс! — радостно крикнул Тре. — Если вы там закончили обсуждать, какой я офигенный, то твой клиент уже решил по поводу цвета.

Пари выпрямилась:

— Все, мне пора. Передай от меня привет Харпер.

— Будет сделано.

Я пошла в комнату, где жила Харпер, но ее там не было. Я прочесала каждый уголок салона, но все без толку. Черт, у меня заканчивалось время.

Надо признать, при первой нашей встрече миссис Бичер мне немного помогла, поэтому я решила опять с ней поговорить, только на этот раз о том, какой стала Харпер после возвращения от бабушки с дедушкой. Остановившись у ее дома, я снова восхитилась фиолетовыми цветами и постучала в дверь. Из головы никак не шли мысли о том, куда могла подеваться Харпер.

Миссис Бичер открыла деревянную дверь, но сетчатая, как и в прошлый раз, оставалась запертой. Зато теперь, в отличие от первого раза, ее, похоже, раздражало мое присутствие.

Что ж, ее можно понять. Я многих раздражаю.

— Здравствуйте, это снова я, — поздоровалась я и по-дурацки помахала в знак приветствия. — Можно задать вам еще несколько вопросов?

Миссис Бичер оглянулась через плечо:

— Я обедаю.

— Обещаю, это займет не больше минуты.

Поджав губы, она кивнула. Сегодня на ней были серое платье под цвет волос и глаз и бледно-желтый передник.

— Супер, большое вам спасибо. Во время медового месяца родителей Харпер жила у бабушки с дедушкой. Может быть, вы помните что-нибудь странное после ее возвращения? Не показалось ли вам, что ее могли обидеть? Или напугать? Что угодно, что вы могли бы счесть необычным. — Я достала блокнот на случай, если она даст мне какие-нибудь сочные лакомые кусочки. Все ведь знают: самые лучшие лакомые кусочки всегда сочные.

— Ничего особенного, — пожала плечами миссис Бичер и задумалась. — Каждый вечер она возвращалась домой, ужасно обгорев на солнце, потому что целыми днями играла во дворе с соседскими детишками. Если не считать этого, она прекрасно проводила время. Ей нравилось жить у бабушки с дедушкой.

Я тоже задумалась, потом провела языком по нижней губе и удивленно переспросила:

— Возвращалась домой? То есть вы были там? Жили с ней в одном доме?

Губы миссис Бичер растянулись в такой фальшивой улыбке, будто ей неудачно сделали подтяжку лица. И до меня вдруг дошло, что каждое ее движение предельно продумано, а каждое выражение лица тщательно отрепетировано.

— Совершенно верно. Я полагала, вам об этом известно.

— Нет. Никто об этом не упоминал.

Неужели кто-то и правда может относиться к обслуживающему персоналу так, будто этих людей попросту не существует?

От женщины передо мной пошла волна напряженности, и я поняла, что, возможно, неверно определила источник ее страха. Мне казалось, она боится со мной говорить из-за миссис Лоуэлл. Из-за того, что могла сделать миссис Лоуэлл с самой миссис Бичер. Я и представить не могла, что...

Нет, нельзя делать поспешных выводов. Во-первых, у меня это откровенно плохо получается, а во-вторых, миссис Бичер на вид — просто милейшая старушка. А милые старушки детей не преследуют. Не мучают их и не запугивают без всяких на то причин. Да и вообще, что это должна быть за причина, чтобы издеваться над пятилетним ребенком?

Я решила, что пора разыграть мой туз и посмотреть, какие карты у нее в руках. Секунду помолчав, я сказала:

— Два дня назад, когда я разговаривала с Харпер, она ни словом не обмолвилась о том, что вы были тогда с ней. Так значит, ничего особенного вы в то время не заметили?

В тот самый момент, как я произнесла эти слова, эмоции внутри миссис Бичер слетели с катушек, как будто я только что сорвала джекпот на игровом автомате. Однако сама она оказалась настоящим профессионалом. Выражение ее лица оставалось бесстрастным. Чувства, которые бурлили под внешним спокойствием, напоминали мне летний ураган, за которым наблюдают из безопасного укрытия.

Я застыла в полнейшем замешательстве. Домработница? Seriously? В ней же от силы полтора метра росту, и она круглая, как кекс.

— Прошу прощения, что задаю вам один и тот же вопрос, — сказала я, придя в себя. — Мы действительно очень беспокоимся о Харпер. Любая информация от вас может нам помочь.

Внезапно миссис Бичер показалась мне хрупкой, как китайский фарфор. Открыв сетчатую дверь, она посторонилась:

— Конечно. Простите мне мою грубость. Проходите, пожалуйста. — Теперь она говорила дрожащим голосом, совсем не так, как до сих пор.

Да уж. Добром все это не кончится.

Мне стало интересно, кто еще сидит у нее в доме. Какой-нибудь здоровяк-красавчик, который делает за нее всю грязную работу? А может, сумасшедшая дочурка, готовая выполнить любой ее каприз? По виду миссис Бичер ни за что не скажешь, что она способна убить кролика и подложить его маленькой девочке в постель. Но в мире случаются и куда более странные вещи.

Мне с трудом удалось заставить себя сделать шаг в эту паутину.

— Заварить вам чаю, дорогая? — предложила миссис Бичер.

Чтобы подсыпать мне мышьяка? Ну уж нетушки.

— Эм-м, нет, спасибо.

Мы стояли в прихожей, но даже отсюда я заметила семнадцать миллионов фотографий одного и того же человека. Снимки представляли целую жизнь — от самого младенчества до сорока с хвостиком. Сын? Или внук?

— Хорошо. Что еще вы хотите знать?

Что ж, прямо сейчас я хотела знать, каким образом мне удастся доказать, что эта милая старушка почти всю жизнь мучила Харпер. Однако задавать такой вопрос, наверное, не стоило. Мне нужны доказательства. Или чистосердечное признание.

Миссис Бичер посмотрела куда-то мне за спину. На что именно она смотрела, я не имела понятия, потому что не могла обернуться, чтобы не показаться подозрительной. Мне было нужно, чтобы эта женщина целиком и полностью поверила в то, что ей удалось обвести меня вокруг пальца.

— Знаю, это глупо, — сказала я, закатив глаза и беспомощно улыбнувшись, — но мисс Лоуэлл настаивает, что кто-то хочет причинить ей вред. Не могли бы вы мне рассказать, что вы помните из того времени, когда жили с Харпер у ее бабушки и дедушки? Вы помните, когда начались эти «гипотетические», — я показала в воздухе кавычки, — угрозы?

Ее улыбка стала не такой напряженной. Еще бы, она ведь уверена, что я такая же наивная, какими все эти годы были ее работодатели. Однако должна признать, я была всерьез озадачена. Зачем этой женщине издеваться над пятилетней девочкой? И продолжать в том же духе всю ее жизнь? Она же доконала Харпер настолько, что ту пришлось поместить в лечебницу. От одной только мысли об этом мороз по коже.

Я посмотрела на фотографии вокруг нас. Может быть, миссис Бичер кто-то помогал. Не надо быть гением, чтобы понять: с парнем на снимках что-то не так. Голубые глаза чересчур яркие. Каштановые волосы везде растрепаны. Выражение лица на каждом снимке какое-то диковатое. Он напоминал мне Джеральда Рому, с которым я училась в младших классах. Джеральд оказался большим любителем жечь лупой муравьев. Он всегда был немножко не в себе. А в последнюю неделю на первом курсе он сгорел. Расплата — та еще стерва.

Рассмеявшись, миссис Бичер повела меня дальше в дом.

— У девочки весьма живое воображение. Эти истории она начала рассказывать лет с

пяти.

Она вела меня в кухню, а я по пути старалась заглянуть в каждый уголок, чтобы понять, с чем конкретно имею дело. И тут мне улыбнулась удача — позвонила Куки. Очень вовремя.

— Простите, — сказала я, нажав кнопку, чтобы принять звонок, — я на минутку. Надо ответить.

— Конечно-конечно, дорогая.

Отвернувшись, я отошла к двери, которая вела куда-то из кухни, и с удивлением обнаружила, что, чем ближе подходила к двери, тем больше беспокоилась миссис Бичер.

— Привет, Кук, — весело проговорила я в трубку и продолжила, пока Куки не ответила мне в том же духе: — Ага, я как раз с миссис Бичер. Короче говоря, это дело — сплошной тупик. Мне так и не удалось найти никаких свидетельств того, о чем говорила Харпер Лоуэлл. — Мои слова, похоже, немного успокоили миссис Бичер, поэтому я сделала еще пару шагов к двери.

— Ясно, — отозвалась Куки, сразу поняв, что к чему. — Тебе угрожает опасность?

— Не думаю, но в таких делах знать наверняка никак нельзя.

— Чем я могу помочь?

— Конечно, я могу встретиться с дядей Бобом за чашечкой кофе. Позвони ему и скажи, чтобы ждал меня по тому адресу, который ты мне дала.

— Будет сделано. Мне вызвать к тебе «скорую»?

— Нет-нет, все в порядке. Скажи ему, чтобы не торопился. Я скоро здесь закончу.

— Поняла, сейчас же звоню Диби. Будь осторожна.

— Что? Тебе нравится смотреть на голых мужчин в интернете?

— Чарли, я серьезно.

Блин. А ведь она ни разу в жизни не попросила прибавки. Какой толк от домогательств и притеснений, если время от времени не получать прибавку? Повесив трубку, я сделала еще шаг к двери. Сквозь плотную темноту рассмотреть ничего было нельзя, но там было холоднее, чем в доме. Может, за дверью находился какой-то подвал. Что-то мне подсказывало, что от подвалов ничего хорошего ждать не приходится, поэтому я уже собиралась развернуться и отойти, как вдруг услышала громкий звук, как от удара. В голове вспышкой взорвалась острая боль, и мир вокруг меня бешено завертелся и болезненно запрыгал.

Я скатилась вниз по лестнице и остановилась в спутанной куче волос и собственных конечностей. Кто бы мог подумать, что сосна такая жесткая? Больно было невероятно.

Свернувшись в позе зародыша, я схватилась за голову и стиснула зубы, пытаясь унять боль, пронзавшую каждую молекулу во мне. Надо мной захлопнулась дверь, и я услышала, как миссис Бичер спускается по лестнице. Новорожденная черепаха и то передвигается быстрее. В руках милая старушка держала чугунную сковородку, и я была уверена на все сто, что именно эта сковородка и стала началом моего волнующего путешествия в неизвестность. Кто же знал, что чугун может быть таким тяжелым?

Мне по-прежнему были нужны доказательства причастности миссис Бичер к делу Харпер. В данный момент я могла доказать только то, что на меня напала старушка со сковородкой. Причем старушка эта вполне могла объявить себя в суде недееспособной по причине маразма и слабоумия и выйти сухой из воды. Призвав на помощь всю свою силу воли, я заставила себя расслабиться и прикинуться только что вынутой из воды лапшой. Сюда уже едет дядя Боб. Может быть, мне удастся покончить с этим делом еще до того, как

он появится.

Оказывается, у меня текли слезы — я ощущала прохладный воздух на влажных щеках. И это была единственная светлая сторона, которую я сумела рассмотреть в сложившейся ситуации. Ну, может быть, сюда же можно отнести и тот факт, что при необходимости я, наверное, все-таки сумею одолеть миссис Бичер. Она была уже на полпути вниз, поэтому я решила приберечь остатки силы воли на потом, а пока обдумать, каково было бы жить в мире, где правят бабочки, а люди — их рабы.

Не сработало. Думать получалось только о боли, царящей в Барбаре — моем мозгу. Как правило, я не очень много внимания уделяю Барбаре — она редко выходит погулять. Но сегодня, по всей видимости, ее звездный час. Я была уверена, что какие-то ее части уже просачиваются наружу через Фреда — мой череп.

Пока я валялась, прикидываясь спагетти, миссис Бичер прошла к ряду полок и стала копаться в старых коробках. Наверное, искала какую-нибудь старую ржавую ножовку, чтобы расчленив меня, а потом похоронить по частям в этом самом подвале. Пол здесь был земляным. Удобненько.

А потом я услышала что-то еще. Посмотрев вверх, я увидела, как по лестнице на цыпочках спускается Харпер. Я наградила ее многозначительным взглядом, но, едва заметив меня, она тут же помчалась вниз.

— Чарли, — прошептала она, в ужасе оглядываясь по сторонам, — что случилось?

— Ты что здесь делаешь? — спросила я сквозь стиснутые зубы, стараясь не шевелить губами. Уж не знаю зачем. Больше всего на свете мне хотелось свернуться в клубок, схватиться за голову и корчиться в муках.

Увидев миссис Бичер, Харпер положила руку мне на плечо. От какой-то мысли ее лицо посветлело.

— Я пришла сюда, потому что кое-что вспомнила

— Ты должна уйти. По виду не скажешь, но у этой женщины коварный хук слева. — Я зло оглянулась на миссис Бичер. — Чертова обманщица! На кой ей сдалась чугунная сковородка? Она же сама размером с теннисный мячик. — Однако Харпер меня уже не слушала. Она смотрела на спину миссис Бичер, и в ее взгляде плескалась смесь удивления и страданий. В моих глазах, наверное, тоже можно было разглядеть страдания, но причина у них была совсем другой. — Харпер, — прошептала я, пытаясь снова привлечь ее внимание. К счастью, миссис Бичер, похоже, ничего не слышала из-за шума, который производила своими копаниями в коробках. — Что ты вспомнила, солнце?

Огромные карие глаза Харпер посмотрели на меня, но как-то рассеянно.

— Ее внук, — еле слышно прошептала она. — Дьюи был чуть-чуть старше меня. Он жил с нами. В комнате миссис Бичер.

Боль начала ослабевать, пульсация в голове стала почти переносимой.

— Что произошло, солнце? Она жила с тобой у бабушки с дедушкой, когда родители уехали на медовый месяц. Ее внук тебя обижал?

У Харпер было такое выражение лица, будто она где-то в другом месте. Мне даже показалось, что она не ответит. Однако через несколько секунд она заговорила:

— Нет, не меня. — Она прикрыла руками рот. — Маленького мальчика. Кажется, он убил мальчика. — Я зажмурилась, тщетно пытаясь остановить образы, рожденные у меня в мыслях словами Харпер. — Миссис Бичер нашла Дьюи, — продолжала она, — когда он пытался разбудить мальчика. Но у него не получалось. Тогда она и увидела меня.

Я снова посмотрела на Харпер.

— Миссис Бичер? Она видела тебя?

— Да. Мы играли в прятки в сарае. Дьюи разозлился, когда мальчик его нашел. Точно не знаю, что там случилось, но они начали драться. Дьюи повалил его на землю и сидел сверху, пока мальчик не перестал бороться. Не перестал дышать. — Харпер закрыла глаза. По ее щекам текли слезы. А потом она встрепелулась, словно вспомнила что-то еще. — Я пришла сюда спросить, почему миссис Бичер так поступила. Почему никому не рассказала о том, что произошло.

Судя по всему, миссис Бичер нашла, что искала, и уже шла к нам. Мне нужно было поторопиться.

— Харпер, что она сделала? Что сделала миссис Бичер в тот день, когда вы играли в сарае?

— Схватила меня. — Харпер посмотрела на свои руки. — У нее были ужасно острые ногти. Она меня трясла. Говорила, что Дьюи случайно убил кролика. Белого кролика. А если я хоть кому-нибудь расскажу, он поступит так же и со мной. Она положила кролика в чемодан и привезла его в город.

Наверное, у меня на лице было написано, в каком я шоке.

Харпер печально кивнула:

— Только это был не кролик. Теперь я вспомнила. Тот мальчик похоронен где-то на нашей земле. В красном чемодане.

У меня что-то сжалось в груди. Куки говорила, что в то время в Перальте без вести пропал мальчик, а Перальта граничит с Боск-Фармсом. Трудно даже сказать, где кончается один городок и начинается другой. Дело так и не раскрыли.

Зато теперь уж точно раскроют.

Миссис Бичер была уже совсем рядом, поэтому я прикрыла глаза, все еще притворяясь, будто я без сознания, и стала следить за ней через узкие щелочки. Мне было видно достаточно, чтобы рассмотреть, что у нее в руках. Это был нож для колки льда. Нож для колки льда! Какого черта? Эта женщина — просто образец хладнокровия. Ахнув, Харпер укрыла меня собой. Никто и никогда ничего подобного ради меня не делал.

Над нами распахнулась дверь, и на лестнице послышались тяжелые шаги. К сожалению, это явно не дядя Боб. Он бы просто не успел так быстро сюда добраться. К тому же дядя Боб всегда кричит что-то вроде «Полиция! Руки вверх!». А этот парень ничего не кричал.

Глядя, как ко мне подходит чувак с фотографий, я съежилась. Отчасти потому, что он был огромным, почти в два раза выше миссис Бичер. Но в основном потому, что все это дерьмо вдруг стало очень реальным. Теперь придется бороться с обоими, а Барбара по-прежнему вытекает из Фреда.

— Кто ты? — спросил он меня.

Наверное, он говорил со спагеттиной, которой я притворялась изо всех сил.

— Эта женщина хочет тебя у меня забрать. Мы должны посадить ее в землю, чтобы она могла вырасти.

Чувак с фотографий опустил голову:

— Я больше не хочу так делать.

— Я тоже не хочу, зайчик, но мне нужно, чтобы ты был рядом со мной. Кто же еще поработает в саду?

Поработает в саду?

— Знаю, бабуля, но...

В каком еще, к черту, саду?

— Никаких «но». А теперь позаботься о ней, как ты позаботился о мисс Харпер.

Он глянул в темный угол подвала. На свежую кучу земли.

— Харпер хорошо ко мне относилась.

А я-то думала, речь о стрижке газона. Вот, значит, что такое «поработать в саду».

Миссис Бичер похлопала внука по здоровенному плечу:

— Я знаю, зайчик, знаю. Но она собиралась сдать тебя полиции. И тебя, сладкий мой посадили бы в тюрьму. Что бы я тогда без тебя делала?

Он пожал плечами, и миссис Бичер принялась кудяхтать над ним, ущипнув за щеку, будто ему года четыре. Ну, блин, я по уши в дерьме.

Схватившись за нож для колки льда так, будто от него зависела ее жизнь, старушенция посмотрела на меня.

— Погоди. Сначала надо удостовериться, что она действительно мертва.

Она тяжело опустилась рядом со мной на одно колено. На это у нее ушло столько времени, что я успела задуматься, каким станет мир, если растают полярные льды. Когда думать об этом мне надоело, я стала решать, что лучше — попытаться сбежать или как-то поладить с Дьюи. Лично мне он казался чуточку вменяемее, чем его сообщница.

— Как ты думаешь, где у нее сердце? — спросила упомянутая сообщница.

Бетти Уайт? Ей нужна моя Бетти?

Я инстинктивно прикрыла Бетти руками. Она такая хрупкая, такая ранимая! А миссис Бичер собирается проткнуть ее ножом для колки льда? Фигушки.

От удивления старушенция отшатнулась, а я поползла вверх по лестнице, как вдруг мне на спину приземлился груз весом с бетономешалку.

— Какой же ты у меня молодец! Держи ее покрепче. А куда подевался наш ножик?

Харпер бросилась вперед, чтобы свалить с меня Дьюи, и очень удивилась, пролетев прямо сквозь него.

Черт возьми. Надо было ей сказать. Всегда тяжело, когда люди не знают, что умерли. От таких новостей они будто впадают в шоковое состояние, и иногда я их после этого годами не вижу. И все-таки я должна была все рассказать Харпер. От потрясения, написанного на ее лице, когда она протянула руку сквозь голову Дьюи, у меня зашло от боли сердце.

— Я умерла? — глядя прямо мне в глаза, спросила Харпер и сползла на пол. От переполнявших ее чувств голос звучал хрипло, а взгляд стал таким, будто мыслями она была за тысячи километров отсюда.

Я напряглась под весом Дьюи, поражаясь, чем, елки-палки, его кормит бабуля, однако была не в силах подавить волну радости от того, что миссис Бичер потеряла нож для колки льда.

— Мне очень жаль, Харпер, — еле-еле выдавила я. — Я хотела тебе рассказать.

— Что ты там бормочешь? — спросила миссис Бичер.

— Я вызвала полицию, — сказала я, вытянув шею. — Они уже в пути.

Насмешливо фыркнув, она повернулась ко мне спиной.

— Мне не хватает света. Куда же могла подеваться эта штуковина?

— Они меня убили? — ошеломленно спросила Харпер.

Я потянулась к ней и положила руку ей на колено.

— Да, но я не знаю, кто именно. Ты что-нибудь помнишь?

— Бабуль, она разговаривает.

— Ну так навались на нее посильнее.

Внучек тут же последовал совету и даже подпрыгнул на мне для проформы. Все, о чем я могла думать в этот момент, можно было уложить в одно слово: «Гос-по-ди!». И где только носит дядю Боба, когда он мне так нужен?

Я чувствовала себя так, будто попала в настоящий фильм ужасов. Еще чуть-чуть, и из-под лестницы выскочат злобные клоуны. Я изо всех сил постаралась сосредоточиться на том, чтобы выжить в этом чертовом шоу уродцев.

— Чем это ты занимаешься?

Я с трудом повернула голову в другую сторону и увидела Ангела. Судя по выражению его лица, ничего хорошего он сейчас обо мне не думал.

— Пытаюсь дышать, — ответила я, пытаюсь дышать, однако по бокам уже отчетливо видела темные пятна.

— Почему этот чувак на тебе сидит? — И тут он увидел Харпер. — Ух ты... привет. — Ангел кивнул, но она до сих пор была в шоке — смотрела на свои руки, снова и снова поворачивая их ладонями то вверх, то вниз.

— Как думаешь, сможешь спихнуть его с меня? — спросила я у Ангела.

— Могу попытаться.

— Ну и когда, стесняюсь спросить?

Ангел нахмурился, уставился на Дьюи, сосредоточился и через несколько секунд толкнул его. Дьюи кубарем покатился вниз.

Ох ты ж пирог из батата!

Я снова поползла по лестнице, чувствуя, как кренится Земля. Меня постоянно притягивало к стене, и я поняла, что у меня скорее всего сотрясение. К сожалению, Дьюи быстро пришел в себя, потянулся над лестницей и дернул меня за ногу.

Держу пари, будет больно.

Ага. Я стукнулась подбородком о ступеньку, громко клацнув зубами. Происходящее очень напоминало мне то, что я видела в ужастиках, которых пересмотрела за всю жизнь не меньше тысячи. Я грохнулась с лестницы, и не последнюю роль в этом сыграло убийственное головокружение.

Подняв руки, я посмотрела на Дьюи и сказала:

— Послушай, тебе надо успокоиться.

В ту же секунду он схватил меня за горло огромными ручищами. Когда-нибудь я обязательно пойму, что просьба успокоиться оказывает на людей прямо противоположный эффект.

— Держи ее, сладкий мой. Никак не могу найти этот дурацкий нож. Придется воспользоваться сковородой.

— Прекрати думать, как человек, — сказал мне Ангел.

— Никакой от тебя помощи, блин. Найди Рейеса.

— Я здесь, — услышала я из угла голос Рейеса. — Смотрю, как тебе надирают зад. Опять.

Плотные волны черного плаща клубились вокруг меня, вызывая приступы морской болезни. Рейес определенно был в нематериальном виде, потому что Бичеры его не видели.

На долю секунды хватка Дьюи ослабла, и я сумела выдавить:

— Сделай что-нибудь.

— Сломать ей шею?

— Нет.

— А ему?

Тут надо подумать.

Ко мне уже шла миссис Бичер со сковородкой в руке.

— Спаси... Фреда и... Барбару, — сказала я. Дьюи так мощно сдавливал мне горло, что мой голос звучал, как у мультяшного персонажа. А это мне совсем-совсем не нравилось. Ну серьезно, сколько еще Рейес будет на это смотреть?

— Я пытаюсь дать тебе возможность проявить свои силы.

— К черту мои силы. Сделай что-нибудь.

Рейес дематериализовался и появился снова рядом со мной. Я слышала свист меча, рассекающего воздух. Пальцы Дьюи расслабились, лицо превратилось в маску чистейшего замешательства, а потом он упал на пол. Рейес рассек ему позвоночник, хотя у врачей уйдет какое-то время на то, чтобы это выяснить. Внешних травм не будет, потому что Рейес режет изнутри.

Миссис Бичер застыла с искаженным от ужаса лицом.

— Миссис Бичер, — начала я, кашляя и булькая, как старенький «юго» (1), — сейчас же опустите свою сковородку.

(1) «Юго», или «застава-корал» (серб. Zastava Koral) — югославский субкомпактный автомобиль марки «Zastava», выпускавшийся с 1980 по 2008 годы. Создан по образцам итальянских автомобилей Fiat 127 и Fiat 128, является одним из наиболее мощных автомобилей марки «Zastava». В Европе выпускался под именами «Yugo» и «Innocenti Koral». Несмотря на огромное количество произведённых экземпляров и популярность на Балканах, автомобиль был официально признан одним из 50 худших автомобилей за всю историю автомобильной промышленности.

Глава 19

Когда жизнь преподносит тебе лимоны, спроси:

«Лимоны? А есть что-нибудь еще?»

Наклейка на бампер

Дядя Боб появился почти вовремя и, едва увидев, как я борюсь с миссис Бичер, сразу вызвал команду экспертов. Старушка оказалась куда сильнее, чем можно подумать. Рейес все хотел рассечь ей позвоночник, а Ангел твердил мне перестать думать, как человек, что бы это ни значило.

Посмотрев, как дядя Боб размазал старушенцию по земле (это воспоминание я готова лелеять в памяти всю жизнь!), я дала ему показания, а потом он отвез меня в дом Лоуэллов. По-прежнему ошеломленная Харпер сидела на заднем сиденье. Нас сопровождали две патрульные машины, а на место преступления уже выехал другой детектив из участка Дибби. Да уж, скандал Лоуэллам обеспечен.

До сих пор я не знала наверняка, кто измывался над Харпер — сама миссис Бичер или

Дьюи по ее поручению. Однако в целом это не имело никакого значения. Так развлекаться никому из них больше не светит.

Дядя Боб накрыл ладонью мою руку.

— Просто скажи им, что это Дьюи рассказал тебе, где тело мальчика.

— Говоришь так, будто я не делала этого тысячу раз. — Услышав свой голос, я поморщилась. Странные вещи творит передавленная глотка с тембром.

— Тоже верно. Извини, милая.

— Порядок. Харпер говорит, что помнит, где чемодан. Есть смысл искать только в одном месте. Когда они вернулись в город, Дьюи разбил новый сад. Наверняка чемодан там.

Дибби повернулся ко мне с обеспокоенным выражением лица:

— Смотреть на это будет нелегко, милая. Так что, если хочешь уехать...

— О да, черт возьми. Как только Харпер покажет нам могилу, я сваливаю.

— Выходит, это конец, — проговорила Харпер, выплывая из пучины шока и недоумения.

Я повернулась к ней:

— Мне очень, очень жаль, что ты умерла, солнце.

— И вы знали все это время? Что я мертва?

— Да. Это вроде как моя работа.

— То есть больше никто меня не видит? Я... я привидение?

— Боюсь, что так. Но ты можешь перейти через меня в любое время, когда почувствуешь, что готова. На другой стороне тебя ждет твоя семья — мама, бабушка с дедушкой. Они будут счастливы снова с тобой встретиться.

Харпер кивнула:

— Знаю. Мне кажется, все это время я знала, что они меня ждут. — Ее голос дрогнул. — Интересно, давно ли я умерла.

— Ты пришла ко мне два дня назад, но миссис Бичер знала, что тебя не стало намного раньше. Так я и выяснила, что за всем этим стоит она. Однако твой психотерапевт говорил, что видел тебя в последний раз почти две недели назад. То есть это случилось...

— Точно. — Ее взгляд стал задумчивым. — Я была на приеме у доктора Роланда и сказала ему, что собираюсь в путешествие. Он спросил, какого цвета у меня чемодан, и на меня посыпались воспоминания. Как Дьюи убивает того мальчика. Как миссис Бичер кладет его в красный чемодан. — Она прикрыла рукой рот. — Что за люди совершают такие поступки? Она жила с нами больше двадцати лет. Как мы могли не знать?

— Я и сама поразилась, когда поняла, что она к этому причастна. Думаю, она собаку съела на том, как морочить людям голову.

Мы подъехали к переговорному устройству.

— Делай, что хочешь, — сказала я дяде Бобу, — только не заказывай тако. Обидятся как пить дать.

Он кивнул, показал в камеру значок и сказал:

— Откройте ворота. У меня ордер.

И ворота открылись. Вот так запросто взяли и открылись. И никаких тебе уговоров и попыток сторговаться. Блин, надо было стать настоящим копом. Наверняка и платят им больше.

На ступеньках к дому нас встретила миссис Лоуэлл. С ней был и Арт в красивом костюме и галстуке. Миссис Лоуэлл тоже сияла — на ней было длинное вечернее платье и

жемчуг. Мы явно помешали их планам на вечер.

— Что на этот раз? — спросила дамочка, когда я вышла из джипа Дибби, который поспешно обошел машину, чтобы взять инициативу на себя.

Несмотря на нарядные прикиды, оба были расстроены. У меня возникло ощущение, что до нашего приезда они ссорились.

— Миссис Лоуэлл, у нас есть информация о пропавшем ребенке. Он исчез более двадцати лет назад, и мы полагаем, что он похоронен на вашей земле.

Миссис Лоуэлл возмущенно фыркнула:

— Ради всего свя...

— Ваша бывшая домработница, — перебила я, пока она не разразилась гневной тирадой, — похоронила его здесь, зная, что на земле вашей семьи никто искать не станет. Потому что мальчик жил в Перальте.

Дамочка застыла и уставилась на меня так, словно я из ума выжила. Я перевела взгляд на Арта, зная, как тяжело он воспримет новости о смерти Харпер.

— Мы можем войти? — спросила я у него.

— Я никак не могу связаться с Харпер, — сказал он, жестом приглашая нас с Дибби в дом. — Она уже две недели мне не перезванивает. Вы с ней говорили?

Я сглотнула подступивший к горлу ком.

— Это еще одна причина, почему мы здесь.

Два часа спустя я пряталась в ванной Лоуэллов. Группа рабочих уже выкопала и вытащила на свет божий красный чемодан. Он оказался именно там, где и сказала Харпер, — под участком сада, за которым больше двадцати лет ухаживал Дьюи. В отличие от миссис Бичер, действия Дьюи говорили о раскаянии и сожалениях.

Сейчас здесь работала целая команда экспертов, плюс приехали операторы с камерами и толпа репортеров. Мне было почти жаль миссис Лоуэлл. Все это определенно подпортит ей репутацию, пусть она и не имеет никакого отношения к преступлению. Однако, когда дядя Боб сообщил ей, что мы нашли тело Харпер, непробиваемый панцирь, который она выстроила вокруг себя, дал трещину. Миссис Лоуэлл испытала такой мощный, такой сокрушительный шок, что от ее боли меня едва не согнуло в три погибели. Харпер на самом деле была ей дорога. Отрицать это было невозможно.

А еще я знала, что миссис Лоуэлл никак не причастна к смерти того мальчика и к тому, как долго скрывали эту трагедию. Ее удивление было искренним.

Арта сломили вести о смерти Харпер. Он закрылся в комнате наверху, но даже толстые стены особняка Лоуэллов не могли остановить волны мучительной боли, льющейся из него нескончаемым потоком.

А я стояла в ванной, борясь за каждый вдох среди осколков разрушенной семьи. Их страдания были только началом. Мне до сих пор не разрешили увидеться с мистером Лоуэллом, но я чувствовала, как его боль густым туманом стекает по лестнице.

— Я больше не могу здесь оставаться.

Я повернулась к Харпер. Она стояла у окна, наблюдая за рабочими, которые перекапывали землю, и за дюжиной офицеров, окруживших обнесенную лентой территорию.

— Я должна уйти, иначе потом не смогу, — сказала она.

Эмоции живых людей я чувствую, а призраков — нет. По крайней мере до тех пор, пока они не решают перейти через меня. Однако лицо Харпер выражало такие муки, что мне не нужно было чувствовать ее эмоции. Она посмотрела вверх, на второй этаж, и я поняла, что она беспокоится об Арте.

— Он тебя любит, — сказала я.

Она удивленно посмотрела на меня, а потом печально улыбнулась. Какая же она красавица!

— Он сказал мне, что именно с ним ты созванивалась, когда исчезла на три года.

Харпер кивнула:

— Мы все время поддерживали связь. Несколько раз он даже прилетал ко мне на остров.

— Почему же вы не были вместе по-настоящему? — спросила я.

— Мы были. В некотором роде. Когда я вернулась, Арт настаивал, чтобы мы поженились. Но я не могла закрыть глаза на то, что в глазах общества мы были братом и сестрой. Я причинила ему много боли, сказав, что хочу подождать.

— Мне очень жаль.

Если я чему и научилась за эти три дня, так это тому, что семья — самое важное в жизни.

Харпер пошла ко мне. В ее взгляде отчетливо читалась целеустремленность. В последний раз взглянув наверх, туда, где был Арт, она перешла. Я не увидела ни боли, ни страха, от которых она страдала все эти годы. Не увидела, как над ней издевались и через какой ад ей пришлось пройти в лечебнице. Я увидела, как отец берет ее на руки и садит себе на плечи, а она показывает ему дорогу между деревьями позади дома. Я увидела собаку — золотистого ретривера по кличке Спорт, которые лизал ей пальцы на ногах, а она хохотала от щекотки. Я увидела их первый с Артом поцелуй. Харпер тогда училась в старших классах. Она наблюдала, как Арт играет в баскетбол на площадке. Он получил травму, и его унесли в раздевалку, а она поспешила за ним, чтобы узнать, как он. Увидев его на носилках, она испытала чистый ужас и едва не грохнулась в обморок, заметив огромную шишку у него на руке — кость пыталась прорваться сквозь кожу. Другой рукой он закрыл глаза, чтобы никто не видел, как ему больно. Харпер бросилась к нему и не успела понять, что происходит, как Арт притянул ее к себе за голову и прижался губами к ее губам.

Это было последнее, что я увидела, перед как Харпер совсем ушла.

Романтика и муки утраченной любви всегда выбивали меня из колеи. Вволю нарыдавшись, я решила, что уже могу встретиться лицом к лицу с миром. И плевать, что у меня опухли глаза под стать опухшему подбородку. Выйдя из ванной, я попросила какого-то офицера отвезти меня домой. В ближайшие несколько недель хлопот у Лоуэллов будет хоть отбавляй. Мне оставалось лишь надеяться, что с Артом все будет в порядке.

Судя по воспоминаниям Харпер, он ненавидел шоколад, однако я решила не держать на него за это зла. Идеальных людей не бывает.

И все-таки как можно не любить шоколад?

Уже залезая в машину офицера, я услышала знакомый женский голос:

— Чарли Дэвидсон!

Выпрямившись, я повернулась к агенту Карсон, которая шла ко мне по подъездной дорожке. Само собой, ФБР не осталось бы в стороне.

— Привет, агент Карсон.

Однако ответить она не успела, потому что появился дядя Боб:

— Уезжаешь?

— Ага. Дядя Боб, ты же помнишь специального агента Карсон?

Она пожала ему руку:

— Детектив, у вашей племянницы настоящий талант раскрывать давно остывшие дела.

Диби гордо улыбнулся:

— Так и есть.

— Как всегда, я под впечатлением, — сказала она мне. — Когда-нибудь вы поделитесь со мной своими секретами.

— Что ж, я могу все рассказать, но тогда мне придется вас убить.

— Справедливо. Я хотела узнать, не посмотрите ли вы на парочку дел. Одно очень старое и до сих пор не раскрыто, а второе — это лично для меня.

Я пожала плечами:

— Не вопрос, если только вы не будете возлагать на меня слишком большие надежды.

— Мои надежды под жестким контролем.

— Тогда везите документы ко мне... — я собиралась сказать «в офис», но вдруг вспомнила, что офиса у меня больше нет. — Ко мне домой.

— Или к ней в офис.

Я резко развернулась и увидела папу. Он подошел и встал рядом с дядей Бобом. Выражение его лица было робким, но полным надежд. Должно быть, ему позвонил Диби, когда узнал, что у меня имеется парочка боевых ранений. Однако я не знала, могу ли сейчас нормально общаться с папой. У меня болело сердце. И голова. К тому же глаза были на мокром месте, еще и опухшие.

Папа засунул руки в карманы и спросил:

— Ты как?

Интересно, что наплел ему Диби.

— Лучше не бывает.

— Вот и хорошо. Я возвращаю тебе офис. Иллюзия того, что я могу за тобой приглядывать, как бы смешно это ни звучало, даст мне хоть капельку покоя. Можешь сколько угодно метать в меня глазами молнии, кривляться у меня за спиной и ненавидеть меня до скончания веков, но если тебе захочется поговорить, то я рядом. Обещаю: больше не буду тебя осуждать и строить планы без твоего ведома.

Я оглянулась на здоровенный особняк Лоуэллов.

— Если бы я кривлялась, папа, то точно не у тебя за спиной.

Он кивнул:

— На этих выходных помогу тебе перенести вещи.

Агент Карсон с любопытством приподняла брови:

— Замечательно. Тогда до понедельника я привезу материалы. Идет?

— Похоже на план, — отозвалась я и залезла в машину.

Папа хотел отвезти меня домой. Я чувствовала, как сгустился воздух от его желания побыть рядом со мной, но этот торт мне придется есть по кусочку за раз. И тут я подумала о Харпер. О ее воспоминаниях об отце и кажущемся безразличии мачехи. Что-то мне подсказывало, что когда-нибудь мы с папой снова станем лучшими друзьями.

Я оглянулась на Карсон:

— Как продвигается ограбление банка?

Дядя Боб улыбнулся ей:

— Вы грабите банки? Разве это не противоречит нормам поведения федералов?

— Разве есть какие-то нормы поведения? — улыбнулась в ответ Карсон. — Мне никто ничего не говорил. — Она вручила мне визитку. — Дело оказалось запутаннее, чем я надеялась, но вы были абсолютно правы. Кто-то действовал изнутри. — Она кивнула на визитку: — Звоните, если узнаете что-нибудь еще.

Я подмигнула ей и захлопнула дверь, пока не появился кто-нибудь еще и не разорвал мне сердце на мелкие кусочки.

По пути домой позвонила Куки.

— Никаких чугунных сковородок в доме. Никогда, — сказала я, ответив на звонок.

— Заметано. Даже запишу на всякий случай. Как все прошло?

— Я как выжатый лимон. А миссис Лоуэлл оказалась совсем не таким монстром, как я думала.

— Может быть, Дениз тоже не монстр.

— Да ладно!

— В общем, я собираюсь уложить свои ножки спать. Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится. Например, упаковка льда.

— Ты сказала что-то про колку льда?

— Нет.

— Имей в виду, ножей для колки льда в доме тоже не будет. Никогда.

— Заметано. Даже запишу на всякий случай.

Офицер, который всю дорогу молчал, высадил меня у двери в дом. Я выдала ему самую благодарную улыбку, какую сумела изобразить, и погрузилась в мысли о долгом горячем душе и большущей чашке крепкого кофе. Однако, само собой, как только я вышла из машины, меня окатило волной темных чувств, которые я научилась приписывать нехорошим людям. Жестоким людям. Одержимым людям.

Я уже начала залезать обратно в машину, как вдруг услышала из теней, совсем рядом, британский акцент:

— На твоём месте я бы не стал этого делать.

Шикарно. Это был мой новый друг из Старого Света. Так и знала, что слишком гладко прошли последние деньки. Моей жизни угрожала опасность всего каких-то пару раз. А такие вещи обычно происходят по три сразу.

Офицер повернулся ко мне:

— Все в порядке, мисс Дэвидсон?

Мне ужасно хотелось сказать ему правду, но он все равно ничем не мог помочь. А если бы я втянула его в это, его жизнь была бы в такой же опасности, как и моя. Поэтому пришлось прикусить язык и ответить:

— Да, спасибо.

Я закрыла дверь и стала смотреть, как он уезжает. Вокруг меня пульсировала незамутненная, чистая ненависть. Поблизости я ощущала присутствие четырех или даже пяти чудовищ. Они прятались в тенях, боясь света, даже несмотря на то, что их защищали

человеческие тела.

Из тьмы вышел «британец» и встал рядом со мной:

— Молодец.

Мне стало интересно, как выглядит настоящий британец в реальной жизни. Одевался он хорошо, но ведь это был не он. Это был мошенник, приспешник ада. Демон. Я уже готова была щелкнуть пальцами, но Хедеша опять меня остановил:

— Собаку тоже звать не стоит. Для вас обеих это добром не кончится.

Неужели он прав? Неужели он может убить Артемиду?

— Я так понимаю, Рейес не перестал охотиться на твоих зверят.

— Ты знала, что так и будет.

Вот тут он прав. Я знала.

— Видишь ли, Рейес никогда меня не слушает.

Он наклонился ко мне и понюхал мои волосы. Сделал глубокий вдох, едва не уткнувшись носом мне в шею. Он явно наслаждался запахом, в то время как сам вонял тухлыми яйцами. Из всех сил я постаралась не вздрогнуть, когда вонь обожгла мне ноздри.

Когда он заговорил, мерзкий запах стал настолько сильным, что я едва могла дышать.

— Если бы я мог, — сказал он почти ласково, но определенно искренне, — если бы у меня было время, я бы слизал страх с каждого сантиметра твоего тела, и только потом вгрызся бы в твою плоть. Однако наш мальчик вот-вот появится.

Краем глаза я уловила проблеск лезвия в лунном свете. Лезвия, очень похожего на то, каким меня резал Эрл Уокер. Мощная волна страха так быстро разлилась по венам, что зрение по краям помутнело. Мне хотелось пуститься наутек, но Хедеша, похоже, наперед знал каждую мою мысль.

Он положил руку мне на плечо:

— Я сделаю это быстро, Датч. Ты ничего не почувствуешь.

— Ага, как же, — отозвалась я дрожащим голосом. — Я уже была с неправильной стороны ножа, так что тут я бы с тобой поспорила.

Он обошел вокруг меня и встал передо мной. Он не был высоким, но я знала, что демон внутри него дает ему огромную силу. На его губах играла веселая улыбка.

— Скорее всего ты права.

От волнения у Хедеша дрожала рука, когда он замахнулся ножом. Я надеялась, что папа с этим справится. С моей смертью. Вряд ли он легко воспримет такие новости.

Странно, что в такой момент я думаю о нем.

Стиснув зубы, я решила, что так просто не сдамся. Если уж мне предстоит сегодня умереть, то я умру в бою. Ну или буду орать от боли во всю глотку.

Лезвие устремилось вперед, явно собираясь проткнуть мне живот, и я не на шутку взбесилась. Я слышала, что смерть от раны в живот крайне болезненная. Рейес был прав. Все эти твари лжецы. Даже не успев подумать, я отразила атаку, ударив Хедеша по руке, и развернулась, делая все возможное, чтобы избежать острого конца ножа.

И все же меня успели порезать. Лезвие вспороло рукав куртки и кожу на руке. Боль мгновенно отразилась в каждом уголке моего тела, но Хедеша уже замахнулся снова. Всего на долю секунды он потерял контроль, и демон не удержался в пределах человеческого тела. Я увидела его, и его вид меня ошеломил. Всего на мгновение, но этого хватило, чтобы Хедеша всадил нож мне в бок. Меня мигом вернуло к реальности. Из всех сил я оттолкнула его. И побежала. Потому что это мне показалось правильным решением.

Однако Хедеши не был обычным демоном, как бы смешно это ни звучало. Его оболочка не поглощала свет, как беззвездная ночь. Наоборот, гладкая черная поверхность переливалась красным сиянием. Он был не просто демоном. Он был чем-то еще. Чем-то выше. Сильнее.

— Старше.

— Рейес, — прошептала я.

Я споткнулась и грохнулась на землю, но Хедеши до меня почему-то не добрался. Развернувшись, я увидела, что между нами стоит Рейес. Неудивительно, что я не истекаю кровью от многочисленных колотых ран. Рейес перехватил руку мужика, и от сил, которыми обладали они оба, под нами дрожала земля. Я поползла назад и уже через секунду затылком почувствовала горячее дыхание.

Крепко зажмурившись, я позвала Артемиду. Мой голос прозвучал не громче тихого вздоха в ночном воздухе. Она появилась рядом со мной прямо из-под земли и тут же бросилась на демона у меня за спиной. Послышалось громкое низкое рычание вперемешку с нечеловеческими визгами, когда демона вырвали из тела какой-то женщины.

Казалось, Хедеши с Рейесом ничего не замечают. Они стояли, сцепив руки, и не мигая смотрели друг на друга. Вокруг них клубилась энергия, от которой ткань времени покрылась рябью вокруг меня. Их фигуры стали размытыми, искаженными, потом снова нормальными. Я поморгала, чтобы прояснить зрение. И сосредоточиться.

Женщина лежала на земле без сознания, но поблизости я чувствовала присутствие других демонов. Никто из них не осмеливался подойти ближе, хотя им адски этого хотелось. Ими двигало одно-единственное желание, и я чувствовала, как оно пульсирует в воздухе. Они жаждали моей крови, как жаждет дождя пустыня. Мой страх сводил их с ума. Но они держались в стороне. Артемида была слишком сильной. От одного демона она уже избавилась и теперь стояла надо мной, припав к земле. Она ждала. Надеялась.

— Тебе не победить, — проговорил Хедеши.

Рейес опустил голову:

— Ты забыл, кто я.

— Вовсе нет. — Мужик улыбнулся. Он скрипел зубами от усилий, которые прилагал, чтобы вырваться из хватки Рейеса. Мало того, его трясло. — Ты деревенский мальчишка, заблудившийся по дороге на рынок. Ты помнишь, почему ты здесь? Зачем твой отец тебя создал?

По воздуху пронеслась очередная горячая волна — на этот раз от гнева Рейеса.

— Он создал меня, чтобы выбраться из ада.

— Это лишь половина правды. Вторая половина заключалась в том, чтобы ты нашел портал, — Хедеши кивнул в мою сторону. — Именно этот портал. Как ты думаешь, почему он послал сюда тебя? — Он подался вперед, так близко, что между их носами оставались какие-то миллиметры. — Именно тебя?

Рейес отодвинулся.

— Он послал меня сюда за порталом. Любым порталом. Не за ней.

Мне показалось, что он говорит не так уверенно, как раньше. Он задумчиво нахмурился. «Британец» рассмеялся:

— Ты действительно не помнишь?

— Я помню все. В том числе и тот факт, что единственное, что ты умеешь, — это врать.

— В ней течет королевская кровь, мальчик. Она — самая ценная пешка, которую мы

могли бы заполучить. И ты думаешь, что сможешь сберечь ее для одного себя?

На губах Рейеса появилась знающая ухмылка:

— А еще она самая могущественная.

— Точно, — сказал Хедеш, и в его глазах заискрилась надежда. — Только представь, что мы сможем с ней сделать. С вами обоими. Вот для чего все задумывалось. С самого начала. — Он выбросил нож, схватил Рейеса за голову и притянул к себе в братские объятия. Их лбы соприкоснулись. — Мы станем непобедимыми, милорд. Мир падет к нашим ногам, и твой отец наконец получит заслуженный трон.

Неужели он говорил правду? И Рейеса послали именно за мной? Наверное, он почувствовал мои сомнения. Чуть-чуть повернувшись, он искоса глянул на меня:

— Не забывай, кто они, Датч.

— Я помню, — отозвалась я, пытаюсь выбраться из-под Артемиды, но та поставила мне на грудь огромную лапу, пригвоздив к земле. — Может, посторонишься? — спросила я ее. Разок поскулив, она наклонилась лизнуть меня в щеку.

Я обняла ее за голову. Отчасти, чтобы заверить, что не злюсь на нее, и отчасти, чтобы лучше видеть двух мужчин, стоявших передо мной. Тогда-то я и увидела, куда упал нож. Не на землю, как наверняка думал Хедеш, а Рейесу в руку.

Рейес взял мужика за голову, будто собирался обнять его в ответ, и одним молниеносным движением всадил нож ему в кишки. У Хедеша отвисла челюсть. Он отшатнулся, явно испытывая искреннее недоумение.

— Ты откажешь отцу в заслуженном троне?

— Этот трон никогда ему не принадлежал, — сказал Рейес, нанося еще один удар. На этот раз, не вынимая ножа, он двинул рукой вверх вдоль торса Хедеша, и через мгновение лезвие появилось прямо у «британца» под подбородком.

Хедеш посмотрел на меня слезящимися от боли глазами:

— Помни, что я тебе о нем рассказывал.

Я боролась с охватившим меня ужасом — все-таки на моих глазах буквально вскрыли человека.

— Я повяжу на руку ниточку на память.

От очередного удара ножом у Хедеша вырвался хриплый стон.

— Он не тот, за кого ты его принимаешь.

Я подумала о папе. О Харпер, Арте, Пари. Обо всех, кого знала за всю свою жизнь. И ответила ему предельно искренне:

— У меня так со всеми.

Рейес опять обхватил его голову и воткнул нож ему в бок.

— В первый раз ты ошибся, когда пришел за ней, — процедил он Хедешу в ухо.

Демон закашлялся, хорошо зная, что дышит последние секунды.

— А во второй? — спросил он, и у него изо рта полилась кровь.

— Когда решил, что сможешь пройти мимо меня.

Хедеш улыбнулся и сказал самым ласковым на свете голосом:

— Взять их.

И тут ад сорвался с цепи.

Полный абзац!

Надпись на футболке

Из теней, как пациенты дурдома, выскочили пятеро одержимых. В тот же миг у меня на глазах Рейес разделился на двух отдельных существ. Нематериальный Рейес исчез, потом появился возле «британца» и свирепым ударом выбил Хедеша из тела. Материальный бросился в тень, взяв на себя самого здорового демона — мужчину размером с борца сумо. Они тяжело рухнули на землю и сразу превратились в размытый клубок рук и кулаков.

К сожалению, Артемида решила воспользоваться мной как трамплином, едва не лишив меня почки по имени Персиваль и селезенки Гарольда. Я обняла себя за живот, кое-как встала на ноги и потянулась к первой попавшейся на глаза вещи — к граблям, стоявшим у стены дома.

Тут я увидела, что миссис Аллен вывела погулять Пипи, карликового пуделя. От происходящего на улице Пипи пришел в бешенство. Миссис Аллен вопила на него, чтобы зашел в дом, но Пипи ее не слушал. Я даже попятилась от удивления, когда он набросился на здоровяка, который направлялся ко мне. В парне было достаточно мышц, чтобы принимать его всерьез. До борца сумо он, конечно, не дотягивал, но, даже если бы от этого зависела моя жизнь, я не вызвалась бы с ним бороться и на больших пальцах.

Он полз ко мне на четвереньках. Буквально. Медленно, но не сбавляя темпа. Сладость победы была так близка, что он, видимо, решил насладиться моментом. Пипи затаивался и подпрыгнул, вцепившись ему в ухо беззубыми деснами.

Выругавшись, мужик стряхнул пуделька, но Артемида была уже тут как тут. Она уничтожила еще одного демона, оставив парня приблизительно моего возраста лежать без сознания на клочке травы перед домом. А теперь набросилась на здоровяка с таким яростными рычанием, что от одного звука я вся покрылась мурашками.

Я взглянула на Рейеса с демоном. Одно нематериальное создание против другого. Из-за плаща, клубившегося волнами вокруг Рейеса, сложно было рассмотреть подробности. Но то, что мне удалось увидеть, было настолько непривычным, настолько нездешним, что в голове не укладывалось. Движения были быстрыми и текучими. Складывалось впечатление, будто в битве сошлись два океана. Я повернулась к Рейесу в физическом теле. Он держал сумоиста за горло, прижав его к земле коленом в спину. Мгновение спустя с громким хрустом Рейес свернул ему шею. Сумоист упал, но я по опыту знала, что ненадолго. Через несколько секунд он снова будет на ногах.

Я отвернулась. Тело «британца» валялось на асфальте. Покрепче взявшись за грабли, я уже собиралась пойти к нему, когда Пипи помчался к одержимой женщине, которая стояла в нескольких метрах от меня, втянув голову в плечи. Казалось, она не понимает, что происходит. Она хотела до меня добраться, но не знала почему. Когда Пипи вцепился ей в пальцы, она посмотрела на него таким взглядом, будто пыталась понять, что он такое.

Воспользовавшись ее замешательством, я снова взглянула на «британца». Но, стоило мне сделать шаг к нему, как я поняла, что он мертв. И вдруг заметила, как еще один одержимый поднял нож и с блестящими от голода глазами бросился ко мне. Я встретила его на полпути, ткнув в него граблями. Я хотела всего лишь его остановить. Чтобы он хоть немного замешкался.

Зубцы прошли по его лицу, слегка оцарапав кожу, зато мне все-таки удалось выбить

нож из его руки. Он глянул в сторону, отвлекшись, и этого времени мне хватило, чтобы с разбега врезаться в него. Это был еще один мужчина, лет сорока с хвостиком. Мы упали на асфальт и проехали по нему по инерции. Казалось, он не в силах поверить в свою удачу. Мне в плечо впились грязь и мелкие камни. Мужик сел на меня сверху, обхватил мою голову и потянул.

Он намеревался свернуть мне шею. А я терпеть не могу, когда кто-то пытается свернуть мне шею. Подняв ноги, я обхватила ими его голову и дернула, лишив его равновесия. Еще чуть-чуть, и мне бы хватило времени выбраться из-под него, но буквально через секунду он навалился на меня всем весом.

Не собираясь сдаваться, я врезала ему локтем в лицо и поползла вперед, борясь за каждый сантиметр. Я даже опомниться не успела, как его руки опять обхватили меня за голову. Чувак явно хотел моей смерти. Когда он дернул мою голову в сторону, я успела повернуться, заставив его потратить время на то, чтобы взяться руками покрепче. И наконец-то подоспела Артемида. Она прыгнула прямо сквозь тело, вырвав из него демона, и, приземлившись, стала рвать его на части. Мужик на мне обмяк, придавив к земле.

Извернувшись, я увидела, что Артемида уже справилась с демоном внутри борца сумо, с которым дрался Рейес. Значит, оставался только один демон. В теле женщины. Она уже стояла надо мной, капая слюной мне на волосы.

На мне лежала гора в виде человека, а одержимая женщина присела, изучая мое лицо, будто я образец в чашке Петри. Я покосилась на Рейеса как раз в тот момент, когда он перерубил мечом Хедешу в демонском виде пополам в пояснице. Нечеловечески заорав, Хедеша отшатнулся, но Рейес уже занес меч снова и срубил ему голову. Хедеша умер, испарившись, как сухой лед.

На висок упала еще одна капля слюны. Меня передернуло от отвращения. Ну хоть свернуть мне шею она не пыталась.

Я посмотрела в другую сторону. Пипи и миссис Аллен уже не было. Может быть, она вызвала полицию.

Я снова увидела Артеиду. От волнения купированный хвост ходил ходуном. Она подскочила ко мне, поскулила, готовясь к очередной схватке. К нам подошел Рейес. Его нематериальное тело соединилось с физическим. Когда он стащил с меня мужика, плащ укутал его плечи, а потом совсем исчез. Испытывая прилив благодарности, я поднялась на ноги и вытерла лицо и волосы. Потом подошла к женщине, которая по-прежнему сидела на корточках и теперь смотрела на землю, где я только что лежала.

Присев рядом с ней, я обратилась к демону внутри нее:

— Добром для тебя это не кончится.

Она странно взглянула на меня, как будто не могла сосредоточиться, и сказала:

— Дай мне уйти, и я оставлю женщину. — Наморщив лоб, она опять уставилась в никуда. И тут до меня дошло: она боролась. Женщина боролась с демоном, который нагло занял ее тело.

Почуввав очередную опасность, Артемида поползла к женщине и, обнажив блестящие клыки, вцепилась ей в шею. С собачьих губ капала слюна. Демон дернулся и посмотрел на нее. В следующий момент со свирепым лаем, от которого задрожали стекла в окнах, Артемида совершила невообразимый прыжок, вырвав демона из тела женщины. У демона не было шансов. Еще в полете она начала рвать его на куски, пока от него не остался один лишь густой пар. А потом тьма, которую ни с чем нельзя сравнить, просто-напросто растаяла в

воздухе.

Женщина рухнула на холодную траву, и я повернула ее голову, чтобы убедиться, что она все еще дышит. Рейес присел, чтобы помочь, и только сейчас до меня дошло, что он боролся с демоном, в то время как его нематериальная сущность находилась вне физического тела. Раньше он на такое способен не был. Когда нематериальный Рейес покидал физическое тело, тело впадало в состояние, близкое к апоплексическому удару.

Я отклонилась и с опаской оглядела его с ног до головы.

— Ты... ты... ты говорил, что не умеешь так, — сказала я наконец обвиняющим тоном. — Ты дрался с демоном без... — я помолчала, подбирая подходящее слово. — Без души.

Рейес проверял пульс женщины.

— Раньше не умел, — рассеянно сказал он и повернулся ко мне. — Теперь умею. — Он встал и подал мне руку.

Он казался мне каким-то отчужденным, будто ему причинили боль.

— Вот так просто? Теперь умеешь и все? — В ответ он только пожал плечами, и я спросила: — Это все? Больше их не будет? — Я надеялась, что теперь, когда нет Хедеша, их лидера, нам больше не придется противостоять демонам.

— Пока да. — Рейес помрачнел и осмотрел переулок. — До тех пор, пока они не найдут более надежный способ подобраться к тебе поближе.

Значит, мы все еще в тупике из-за фотографии. И я по-прежнему не знала, зачем он стал поджигателем сразу после того, как с него сняли обвинения в убийстве. Зачем он сжег то здание? Зачем сжег их все? Понимаю, он там жил, но зачем их сжигать?

Однако мне не стоило забывать, через что ему пришлось пройти. Эрл Уокер пытал меня всего один раз, и это навсегда изменило меня духовно, физически и эмоционально. Я стала совсем другой. Что же могли сделать с человеком годы мучений? Десятилетия нескончаемого страха, голода, побоев и издевательств, когда некуда бежать, негде укрыться? От этих мыслей у меня словно сжались ребра, сдавив легкие.

Рейес посмотрел на меня исподлобья со знающим выражением лица:

— Значит, ты меня не жалеешь? Не хотелось бы исправлять этот нюанс.

Да уж, он все еще злился.

— И как бы тебе это удалось?

В его взгляде сквозило такое хладнокровие, что я затаила дыхание.

— Если я говорю, что тебе не понравится, можешь поверить мне на слово.

Не успела я ответить, как позади нас раздался громopodobный взрыв. Рейес резко развернулся на звук, и я тут же увидела угрозу. Мир сгустился и замедлился, но недостаточно быстро. Рейес встал передо мной, и пуля, которая метила мне в голову, попала ему в грудь. Пройдя насквозь, она вылетела у него из спины и продолжила свой путь. Металл успел расколоться, но это никак не помешало бы ему закончить начатое.

А потом я буквально обалдела: Рейес развернулся, превратившись на мгновение в размытое пятно, и поймал пулю в воздухе.

Я отшатнулась, глядя, как он раскрыл ладонь, чтобы рассмотреть пулю. Но ведь он был в физическом теле. Когда прогремел выстрел, у него просто не было времени разделить и попытаться остановить пулю в нематериальном виде. На футболке мигом расплылось пятно крови, и от ее вида у меня закружилась голова. Рейес закашлялся, сплюнул кровь, уже стекающую у него изо рта.

Посмотрев мне прямо в глаза, он рухнул на колени и прошептал:

— Беги.

Я бросилась вперед и подхватила его, мельком заметив стрелка на крыше соседнего здания. Я ожидала, что это будет еще один демон. Кто-нибудь из тех, у кого хватило смекалки принести на вечеринку оружие массового поражения. Однако это был байкер-блондин, тот самый, из фургона, которого вышибли из снайперской школы. Я была так ошарашена, что шевельнуться не могла. Да уж, чувак явно не любит оставлять свидетелей.

Внутри меня поднялся гнев быстрее, чем делится атом. Как вулкан, вырвавшийся наконец из вершины горы, во мне ослепительной вспышкой взорвалась бешеная ярость. Стекла задрожали и покрылись трещинами, сияя разными цветами, как калейдоскоп. Я шла к блондину, решительно стиснув зубы. Он не спеша перезаряжал винтовку, явно не заботясь о времени. Уперев приклад в плечо, он наклонил голову и стал всматриваться в оптический прицел. В тот самый момент, когда его палец начал нажимать на спусковой крючок, я погрузила руку ему в грудь и сдавила сердце. Я почувствовала один удар, потом еще два, и наконец оно остановилось. Меня омыло прохладной волной удовлетворения, и дикий пожар, бушующий во мне, немного поутих.

Хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, блондин схватился за грудь и упал лицом вниз.

Рядом появился Рейес. Посмотрел на меня, на блондина и повернулся. Теперь он смотрел туда, где мы только что были. Точнее, где мы были до сих пор. Я тоже оглянулась и увидела саму себя, стоявшую на коленях рядом с Рейесом и глядящую мне в глаза. Не успев осознать, что вообще произошло, я с громким вздохом очнулась на прежнем месте, будто никогда не покидала собственное тело, не видела саму себя с большого расстояния. Я посмотрела вниз на Рейеса.

Он съежился, тяжело и часто дыша.

— Рейес! — крикнула я и стала шарить по нему руками в поисках раны, чтобы чем-то ее прижать. Пуля попала ему в грудь. Даже сын Сатаны не сможет после такого ранения просто встать и уйти.

Вдалеке слышались сирены, и Рейес попытался встать на колени.

— Отведи меня... в тень. — Он кивнул в сторону мусорного контейнера. — За контейнер.

— Нужно вызвать тебе «скорую».

— Нет. — Меня ударило стеной гнева. Окровавленной рукой он схватил меня за майку и дернул к себе. — Я туда не вернусь, а тебе не удастся отослать меня обратно.

Оттолкнув меня, он упал на руки и попытался отдышаться. Все это сильно напоминало мне нашу первую встречу, когда я училась в старших классах. Он пытался прийти в себя за мусорным контейнером, после того как его жестоко избили. Тогда я его подвела. Ничего не сделала, чтобы его спасти, и его ужасная жизнь стала еще хуже. Больше я такого не допущу.

Я коснулась его плеча. Вечно забываю, что он скорее волк, чем собака, скорее пантера, чем кот. В Рейесе Фэрроу ничего домашнего нет. Он мог меняться в мгновение ока и сто раз мне это доказывал. Но, когда он повернулся ко мне, мгновенно превратившись из жертвы в хищника, я поразилась до глубины души.

Он атаковал так быстро, что движения превратились в размытое темное пятно. Только что я стояла на ногах, а в следующую секунду уже лежала на лопатках. Твердое, как камень, тело прижимало меня к земле. Неумолимый, непреклонный, он наклонился ко мне, пока его

рот — тот самый прекрасный чувственный рот, который совсем недавно заставлял меня дрожать от страсти, — не оказался у моего уха. Теплая кровь лилась мне на грудь и плечи, собралась лужицей в ямке на шее, и я забеспокоилась, сколько еще он протянет. Никто не способен выжить после такой огромной потери крови. Даже сверхъестественное существо.

Рейес коленом раздвинул мне ноги, чтобы улечься поудобнее.

— Я тебе говорил, — сказал он низким рокочущим голосом, который горячим эхом отражался во всех уголках моего тела. — Никогда. — Одна рука обхватила меня за затылок, горячие губы сжали мочку уха. — Не смей. — Другая рука забралась под майку, оставляя на коже горячие следы, дарившие бешеное наслаждение. — Меня. — Он плотнее втиснулся мне между ног, и я инстинктивно обхватила руками его бедра. — Жалеть. — Грубый, жадный поцелуй меня ошеломил.

Я обняла его за талию, потом скользнула рукой по стальной заднице, прижимая его ближе, мечтая, чтобы он оказался внутри. Плевать на обстоятельства. Плевать, где мы.

Такое со мной мог сотворить только Рейес. Мог заставить меня умолять его, забыв обо всем на свете. Неважно, какая опасность нам угрожает. И Рейес прекрасно это знал. Знал, что делает со мной.

Я почувствовала в поцелуе его улыбку, а через секунду он встал и исчез во тьме. Вместо окутывающего меня тепла подступил холод. Я уронила на землю руки и закрыла глаза. Сделала несколько глубоких вдохов. Внезапно рядом послышалось поскуливание. В нескольких метрах от меня лежала Артемида и, наблюдая за мной, подкрадывалась на животе все ближе и ближе. Потом она остановилась и посмотрела куда-то вдаль, словно вообще меня не замечала.

Один из мужчин очнулся. Он медленно сел, потирая голову и затылок. Похоже, он никак не мог понять, как оказался здесь. Откуда он сам, я даже предположить не могла. Двое были мертвы, а трое — все еще без сознания, когда на парковке, взвизгнув крышками, остановилась патрульная машина. Прямо возле тела «британца». На крыше соседнего здания нашли еще одно тело, принадлежавшее байкеру-блондину, который едва не стал морским пехотинцем. Он хотел служить своей стране, а в итоге грабил банки и стрелял в людей.

Я закрыла лицо руками. Неважно, какие у меня связи. На этот раз выйти сухой из воды мне не удастся. Если дядя Боб попытается мне помочь, это может отбросить на него тень. Я могла навредить его карьере. Испортить ему пенсию.

Ко мне уже мчался патрульный. Он что-то сказал, но я не расслышала, потому что в этот момент поняла кое-что еще и больше не могла думать. Не могла дышать.

Я убила человека. Засунула руку ему в грудь и остановила сердце. Словно у меня есть на это право.

Мой мир рухнул и оказался в уже знакомом месте. Там, где царили темнота и отчаяние. Потом меня подняли. Мимо промчались яркие огни. Люди в синей медицинской форме. Блестящие металлические инструменты. Где-то в тумане, в который превратилась реальность, появился дядя Боб. Потом Куки. Я почувствовала под собой прохладные простыни. Теплые руки сжимали мои ладони. Во второй раз за эти месяцы я попала в больницу. Я слышала знакомые слова: «сотрясение», «колотые раны», «перелом лодыжки». Последнее меня удивило. Ничего такого я не помнила. Однако именно так и действует адреналин. Откладывает боль на потом и толкает тебя вперед.

Я с трудом разлепила веки.

Папа тоже был здесь. Рядом. И дядя Боб. Я знала, что могу им все рассказать. Они поймут, что делать.

Поджав губы, я закрыла глаза и сказала:

— Я убила человека.

Когда я снова посмотрела на них, они удивленно переглядывались. На лицах обоих явно читалось беспокойство.

— Одного из тех, кого мы нашли у твоего дома? Они все выглядели так, будто дрались друг с...

— Нет. Мужчину на крыше. Грабителя банков, который хотел меня убить.

Дядя Боб нахмурился:

— Когда, милая? Мы не...

— Сегодня. Сразу после того, как на меня напали. Он был на крыше, а я его убила. Сначала он выстрелил в Рейеса из винтовки пятидесятого калибра, а потом я засунула руку ему в грудь и остановила его сердце.

Папа взял меня за руку, я не сдержалась и расплакалась.

— Солнышко, это невозможно. Если бы в Рейеса стрелял с крыши снайпер из винтовки пятидесятого калибра, он бы не выжил.

— Мало того, его бы на части разнесло, — добавил дядя Боб.

— Вы не понимаете, — еле слышно от горя сказала я. — Я убила человека. Слетела с катушек. Я его убила.

— Ш-шш, — папа уложил мою голову себе на плечо. — Ты не такая, как мы, солнышко. Я это знаю. Мне все равно, кто ты или что ты, но кое-что я знаю наверняка: твои действия за пределами человеческих законов. Мне жаль это говорить, но это правда. Ты здесь не просто так.

— Роберт, Лиланд.

В палату вошел капитан полиции из участка дяди Боба. Кивнув ему, дядя Боб наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Ты ничего не помнишь.

Он всегда был моим героем. Даже сейчас он готов был на все, лишь бы меня не упекли в тюрьму. Ну или в дурдом. Однако на этот раз никто из нас ничего не мог поделать. Произошедшему попросту нет объяснений. Разве могла я рассказать правду кому-то еще?

Сразу за капитаном пришла агент Карсон.

— Вы прямо-таки ценный кадр, — сказал капитан, подозрительно глядя на меня, потом на дядю Боба и снова на меня. — За один день вам удалось раскрыть четыре дела. Думаю, это новый мировой рекорд.

— Четыре?

Он начал загибать пальцы:

— Исчезновение и смерть Харпер Лоуэлл. Пропавший двадцать пять с лишним лет назад мальчик. Исчезновение нескольких человек, которых, судя по всему, накачали наркотиками и выбросили у порога вашего дома. В последнее время у нас просто бум таких необъяснимых пропаж. А еще вы нашли сбежавшего серийного убийцу, — добавил он и посмотрел на руки. — Если подумать, то целых пять. Или даже шесть.

— Серийный убийца?

Он кивнул:

— Похоже, вашими стараниями мы скоро станем самым уважаемым участком в стране.

Один из наших консультантов в одиночку справился с Британцем — так прозвали серийного убийцу, осужденного на пожизненное заключение. Три месяца назад он сбежал из «Синг-Синга».

Что ж, неудивительно, что Хедеша выбрал себе серийного убийцу. Только я никак не могла понять: каким макаром ему удалось вытащить его из «Синг-Синга»?

— А ведь он даже не из Англии.

Я удивленно моргнула:

— То есть он не англичанин?

— Нет. Он из Джерси. Просто говорил с британским акцентом. Никто не знает почему.

И все-таки должен признать, я удивлен. Довольно странно, что все это случилось с вами в один день. Тем более если учесть еще одного подозреваемого.

— Какого?

Настал черед агента Карсон:

— Судя по всему, сегодня на крыше здания на Сентрал от сердечного приступа умер один из «воров-джентльменов». У него в руках была винтовка пятидесятого калибра. Похоже, он собирался кому-то серьезно навредить. Даже не верится, что он вот так просто упал замертво.

Дядя Боб поерзал на стуле.

— Действительно не верится, — сказала я, прикусив губу. — Разве он не был молодым?

— Ему было тридцать два, — ответила она. — И так уж вышло, что жена его дяди работает в отделении банка, которое вчера ограбили. Похоже, эти трое были заодно. Мы подозреваем, что все спланировал Эдвардс. Ему же принадлежит идея шантажировать друзей — несколько конкретных человек из байкерского клуба «Бандиты». Подробностей у меня пока нет, зато мы арестовали его дядю. Как раз сейчас он восполняет пробелы.

Если у меня на лице не был нарисован весь испытываемый мной шок, то мне прямая дорога в Голливуд. Вот ведь подонок! Папа с дядей Бобом смотрели куда угодно, причем чересчур старательно, только не на меня. Но это же невозможно, чтобы все так легко сошлось. Жизнь не какая-нибудь колода карт, которая волшебным образом падает в строго определенное место. Разве что жизнь зовут Дэвид Копперфилд.

Точно! Я дам имя своей жизни. Сразу после того, как разберусь с диваном (который, может быть, получит имя Сигурни Уивер), я как-нибудь назову свою жизнь. Ну вот, теперь мне есть, ради чего жить. Мне нужно принять решение. Важное решение. Какое же имя сможет отразить все, что вмещает в себя моя жизнь? Всю ее переменчивость, красоту и сюрреализм? А еще сотни и тысячи встреч со всякими сумасшедшими людьми? Имя должно говорить обо всех взлетах и падениях, которые может предложить моя жизнь. Как, например, ни гроша в кармане, благодаря чему я не могу купить себе даже дневную дозу мокко латте. Кстати, если я смогу это пережить, тогда мне море по колено.

Разговор длился еще несколько минут. У меня уже всерьез раскалывалась голова, когда агент Карсон и капитан решили, что пора уходить. Оба оглянулись напоследок. Агент Карсон улыбнулась, а капитан смотрел на меня так, будто хотел выяснить все от и до. Не к добру это.

Пока мы ждали документы на выписку, я повернулась к дяде Бобу:

— Слишком уж все ладненько сошлось. Комар носа не подточит. Рано или поздно они сообразят, что все не так, как кажется. А я не хочу, чтобы у тебя были проблемы.

— Комар носа не подточит? — переспросил папа. — Им только этого и надо, милая.

Поверь мне, если все так, значит, меньше бумажной волокиты, а это всегда плюс. — Он помог мне подняться. — В твоём офисе уже установили телефоны. А жена Сэмми хорошенько там прибралась.

Значит, он был полон решимости вернуть меня в офис над баром.

— Ну так... как у тебя дела? — спросила я, притворяясь, будто мне все равно.

От улыбки у него засияли глаза:

— Полный порядок. Похоже, нет у меня никакого рака. — Осмотревшись по сторонам, он благоговейно прошептал: — Твоих рук дело?

Я попыталась улыбнуться:

— Нет, папа. Таких сил у меня нет.

— Но ведь... — Он опустил голову. — У меня был рак поджелудочной. — От его слов у меня разболелось сердце. — Мне сделали все анализы, известные человечеству, и подтвердили рак. А потом, когда ты обо всем узнала, когда прикоснулась ко мне в офисе... ну, в общем, рак просто исчез.

— Когда это я к тебе прикасалась?

— Ты ткнула мне пальцем в грудь, когда ругала за то, что я в тебя стрелял.

Ой, точно. Однако я могла только мечтать о том, чтобы творить такие чудеса.

— Это не я, пап, но я очень рада.

— Я тоже, — сказал он, усыпляя мою бдительность. Потому что ни на йоту мне не верил.

Как вихрь на метамфетамине, в палату ворвалась Джемма.

— Ну? — спросила она, глядя на дядю Боба, на папу, на Куки и только потом на меня. — Что на это раз стряслось?

Поразмыслив несколько долгих секунд, я сказала:

— Ладно, уболтала. Я буду ходить к мозгоправу, но только к тебе.

— Чарли, честное слово, у меня радости полные штаны, но я не могу тебя лечить. Это было бы грубейшим нарушением моих этических норм.

— К черту нормы. Придумай новые. Любой другой обязательно попытается закрыть меня в комнате с мягкими стеночками. — Я стиснула зубы и тихо процедила: — Ангел смерти, Джем.

Ей было так весело, что она чуть не рассмеялась:

— Нет, я кое-кого знаю. Все будет в порядке, обещаю.

— Клянусь, как только появится смирительная рубашка, я вычеркну твоё имя из рождественского списка.

— Идет, — довольно улыбнулась Джемма. — А если тебя засунут в смирительную рубашку, можно я тебя сфотографирую?

— Нет, если тебе дороги кутикулы.

Она спрятала от меня руки.

— А вот это уже подло.

Я поиграла бровями:

— Связываешься с ангелом смерти — получи косой.

— Нет у тебя никакой косы.

— А неважно.

Перед тем как вернуться домой, я попросила Куки отвезти меня в монастырь. Из-за горизонта едва-едва выглянули первые лучи солнца, но это было очень важно. Я должна была рассказать Квентину, что теперь все в порядке и можно без страха выйти на улицу. Должна была снять с его души этот камень.

Нас встретила мать-настоятельница, которая сегодня выглядела еще строже, чем я запомнила. Я даже невольно задумалась, какими качествами нужно обладать, чтобы стать главной мамочкой. Уже ясно, что злой убийственный взгляд — необходимый минимум, а что еще? Угрюмость? Или, может, еще нужно знать высшую математику?

Она проводила нас в кухню, а сестра Мэри Элизабет привела Квентина. Его явно только что разбудили. На нем была пижама, и его немножко постригли, хотя волосы по-прежнему касались плеч. Он бросился ко мне в объятия и только потом понял, что я ранена.

— Извини, — показал он, и знаки выглядели такими же искренними, как и выражение его лица. Надев солнцезащитные очки, он глянул на бинт у меня на руке. К счастью, нож лишь слегка оцарапал и руку, и бок. — Что произошло?

— То же, что и с тобой, только с другой стороны. На меня напали одержимые люди. Но я хотела, чтобы знал: теперь все в порядке. Ты в безопасности. Они больше не придут за тобой. Того, кто заварил всю эту кашу, убили.

Он испытал прилив облегчения, и мы подошли к столу, чтобы присесть.

— К тебе здесь хорошо относятся? Не бьют по рукам линейкой или еще чем-нибудь? Я слышала, монахини так иногда делают.

Мать-настоятельница откашлялась. Видимо, она тоже знала амслен.

— Мы записали его в школу, — сказала сестра Мэри Элизабет, с трудом сдерживая энтузиазм. — Это «Школа для глухих» в Санта-Фе. По будням он будет жить там, а на выходные возвращаться домой.

Судя по виду Квентина, он не разделял и половины ее радости. Я наклонилась к нему:

— Как тебе идея? — Он только пожал плечами, поэтому я повернулась к сестре: — Что значит домой на выходные?

— Сюда, — улыбнулась она и положила руку ему на плечо. — Он проживет здесь, пока мы не подыщем ему постоянный дом. Ах да! — Она повернулась ко мне. — Если вы не против, он может оставаться у вас, когда захочет.

— Да я с радостью, — отозвалась я и оглянулась на Куки. — Что-то мне подсказывает, что Эмбер захочет выучить амслен.

Та кивнула, и выражение ее лица стало невозможно мечтательным:

— Он прелесть.

Когда я передала ее слова Квентину, он мигом покраснел и поблагодарил ее. Вот только он не показал «Спасибо», а тихонько сказал вслух. Гласные получились короче привычных, но его голос оказался глубоким и мягким.

— Ну вот, — сказала Куки, — теперь я влюбилась.

Квентин хлопнул меня по руке:

— У меня есть знак для твоего имени.

От удивления я даже выпрямилась:

— Правда? Вот это да!

Он поднял правую руку, согнул пальцы, показав «восьмерку», в которой верхнее колечко делалось приподнятым чуть выше остальных согнутым средним пальцем. Затем

коснулся правого плеча, перевернул руку ладонью вверх и отвел от плеча, слегка встряхнув.

Я схватилась за сердце обеими руками. Это был знак для слова «искорка», только от плеча. Он говорил мне, что я сияю. У меня защипало глаза, а Квентин робко опустил голову. Тут я не сдержалась и обняла его за шею. Он выдержал целую минуту, а потом спросил:

— Можно мне иногда оставаться у тебя?

— Я буду счастлива, если ты будешь иногда оставаться у меня.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку под противное покашливание матери-настоятельница.

— Этот мальчик — просто живая кукла, — сказала Куки, когда мы поднимались на третий этаж.

— Вот и я о том же.

На улице все еще толпились копы, эксперты прочесывали каждый сантиметр внутри и снаружи желтой ленты. Мои шмотки забрали в качестве улики. Однако, кроме моей, на них была только кровь Рейеса. Смогут ли они это выяснить? Есть ли образцы ДНК Рейеса в какой-нибудь базе данных?

— Как твоя голова? — спросила Куки. — И вообще как ты?

Она замечательная подруга. Столько всего от меня натерпелась! А учитывая обстоятельства, то, что она до сих пор жива, настоящее чудо.

— Порядок.

— Вот и хорошо.

Я отвернулась, чтобы открыть свою дверь, и вдруг Куки отвесила мне подзатыльник. Фреду ничего не оставалось, как дернуться вперед и треснуться о косяк.

Обалдев, я повернулась к Куки:

— Между прочим, эта голова пострадала от сотрясения.

— Я в курсе. И, чтоб ты знала, ужасна этому рада.

— Как-то это не по-соседски.

— Ты чуть не умерла прямо возле дома и даже не подумала о том, чтобы, ну не знаю, проорать мое имя? Позвать на помощь?

— И что бы ты сделала, Кук? Помчалась бы меня спасать и попала бы кому-нибудь под горячую руку?

— Знаешь, за последнее время это оправдание мне уже до смерти надоело. — Ее глаза наполнились слезами, и она посмотрела себе под ноги. — Ты хоть представляешь, как я себя чувствовала, когда узнала, что Эрл Уокер пытал тебя меньше чем в пятнадцати метрах от меня?

У меня защемило сердце.

Я хотела, как лучше, но Куки заслуживала знать правду о том, что значит оставаться в моей жизни.

— Там была Эмбер, — еле слышно прошептала я.

Она взвилась от тревоги:

— Что? Эмбер была вчера с тобой?

— Нет. В ту ночь, когда приходил Эрл.

Тревога немного поутихла, и Куки сделала шаг назад.

— Не поняла.

— Когда я пришла домой, — сказала я, не в силах остановить поток слез из глаз, — там был Уокер. И Эмбер.

Куки прикрыла рукой рот. Она ничего об этом не знала, а я оказалась настоящей трусихой и боялась ей рассказать.

Я вытерла щеки, ужасно злясь на саму себя. Похоже, в последнее время я только и могу, что реветь. Ведь от плача столько, блин, пользы!

— Она спала диване. — Перед глазами так ясно встала эта картинка, будто все случилось только вчера. И от ужаса у меня так же свело живот, как и в ту ночь. — А он держал пистолет у ее головы.

Куки закрыла лицо ладонями, и из моей груди вырвалось рыдание. Я обняла себя и съежилась. Сейчас я потеряю самое лучшее, что случилось со мной в жизни, но она должна знать правду.

— Он сказал, что если я буду вести себя тихо и послушно, то не тронет ее. Не тронет вас обеих. Даже позволил мне проводить ее до вашей квартиры. Она буквально спала на ходу, поэтому даже не заметила его. Но он пришел сюда из-за меня, Куки. Из-за меня Эмбер чуть не погибла.

Несколько долгих секунд, показавшихся мне вечностью, Куки молчала, потом глубоко вздохнула и посмотрела куда-то вверх.

— Нет, — сказала она, непонятно откуда черпая силы. — Нет, Чарли. Эрл Уокер использовал Эмбер, чтобы заставить тебя делать то, что ему хотелось. И это сработало. Он знал, что так и будет. Ты ни в чем не виновата.

У меня отвисла челюсть:

— Еще как виновата. Во всем виновата только я.

— Чарли, — Куки положила руку мне на плечо, — я тебе уже говорила. Ты делаешь невероятные вещи, а мне как-то повезло стать частью этого. Тот случай был один на миллион, и он уже в прошлом. Мы должны двигаться дальше. Шансы, что такое снова случится, практически равны нулю.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Так ведь капитан сам сказал. За один день ты раскрыла четыре дела. Четыре, Чарли. Это... это же просто неслыханно! Мало того, ты поймала серийного убийцу. Спасла бог знает сколько жизней. А я тебе немножко помогала. Просто в будущем нам придется быть осторожнее. Поставим замки получше, да? Мы уже это обсуждали. И систему безопасности.

Что ж, позже до нее дойдет. Куки почувствует все: от ярости до сожалений и отчаяния. Может, даже возненавидит меня немножко. Лучше уж пусть ненавидит за то, что по моей вине ее дочь чуть не убили, чем считает, будто я каждый день совершаю по подвигу.

А пока что по моей милости она превратилась в одну из версий меня самой, только чуточку постарше. Скорее всего она тоже перестанет спать по ночам, будет по сто раз проверять и перепроверять окна и замки, а каждый шорох будет казаться ей натуральным взломом. И с чего бы мне сомневаться, что ей нравится со мной дружить и на меня работать?

— Все в порядке, тыковка?

Я повернулась и увидела, как через дверь просачивается бабушка Лиллиан. Я уже собиралась ей ответить, как мимо проплыл наш управдом.

— Дамочки, — поздоровался он с похабной ухмылкой.

— Предатель.

Он рассмеялся и постучал в дверь в конце коридора.

От любопытства мы с Куки даже приободрились. Я вытерла щеки, и мы плечом к плечу шагнули вперед, надеясь хоть одним глазком увидеть наших новых соседей.

— Я вам сделал второй ключ, — сказал мистер Самора, оглянувшись на нас и поигрывая бровями.

Я закатила глаза, пока не уставилась прямо в лицо Барбаре.

Дверь начала медленно открываться, и я поймала себя на том, что пытаюсь справиться с дурацким волнением. У меня возникло ощущение, будто я открываю подарок, пытаюсь предугадать, что в коробке, а заодно придумать, как скрыть разочарование, если придется. Может быть, дело было в том, что Фред с Барбарой находились не в лучшей форме. А может, всему виной хрупкое состояние Бетти Уайт, которая тихонько билась между приступами боли и отчаяния. Но, когда я увидела, как ту дверь открывает Рейес Фэрроу, я была уверена, что меня хватит удар.

Куки громко вздохнула, а Рейес посмотрел мимо управдома прямо на нас. В тусклом свете его глаза сияли, пока он осматривал меня с ног до головы. Я делала то же самое — осматривала его с ног до головы. Ему в грудь попала пуля пятидесятого калибра, которая любого другого разорвала бы на части. Но в Рейесе я не ощутила ни боли, ни намек на слабость от потери крови. Держу пари, под темно-красной футболкой было полно скотча. Кстати о футболке. Рукава на ней не были достаточно широкими, чтобы свободно прикрывать его плечи. Они плотно облегали бицепсы, словно лаская, обнимая их.

Рейес наконец перестал меня рассматривать, и его голос прозвучал, как теплый бренди в холодную ночь:

— Отдайте его ей.

— Х-хорошо, — удивленно заикнулся мистер Зи и с каким-то непонятным плотоядным восторгом на лице вручил мне запасной ключ от квартиры Рейеса Фэрроу.

Рейес дружелюбно кивнул Куки.

— Куки, — поздоровался он с ней, и я почувствовала в нем глубокое уважение. Затем он повернулся к бабуле Лил. — Лиллиан. — Если бы бабушка Лил умерла со своими вставными челюстями, зуб даю, они бы выпали на пол. А потом он перевел обжигающий взгляд на меня и с любопытством склонил голову набок: — Датч.

Этот взгляд был полон обещаний и желания. А через секунду Рейес шагнул назад и закрыл дверь. Мы втроем стояли в коридоре, намертво приклеившись челюстями к полу. Первой в себя пришла бабуля Лил. Ткнув меня в бок локтем, она восхищенно прошамкала:

— Надо вам, девочки, почаще печь шоколадные бисквиты. Ей-богу, у мальчика голодный вид.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

(1) Тюрьма «Синг-Синг» — тюрьма с максимально строгим режимом в городе Оссининг, штат Нью-Йорк, США.

Благодарности

Эта книга многим обязана многим людям. В первую очередь, конечно, моему

потрясающему агенту Александре Макинист и моему невероятному издателю Дженнифер Эндерлин. Спасибо вам огромное! Вы обе для меня — неисчерпаемый источник вдохновения, и я глубоко убеждена, что каждая из вас ведет тайную жизнь супергероя.

Спасибо всем в «Macmillan Audio», а особенно — безупречной Лорелее Кинг, которая вдохнула жизнь в моих персонажей. В буквальном смысле. И кстати, спасибо всем-всем в «St. Martin's Press», «Macmillan» и «Janklow & Nesbit».

Особая благодарность Жаклин Фрэнк и Натали Джастис, которые придумали название для этой книги, пока мы, измученные и замызганные после оживленной трехдневной конференции, ждали такси. За эти три дня кипящая энергией Натали покорила механического быка, а Джеки завоевала мое сердце во время неприличной игры за круглым столом. Вы, девочки, просто бомба.

Огромное спасибо Мэри Джо, Мэри Эллен и Бет за консультации и советы по поводу ПТСР. Вы сделали все возможное и невозможное, чтобы мне помочь, учитывая, что у меня было всего три дня. Я безмерно вам благодарна.

Спасибо Даниэль «Дэн-Дэн» Своупс за наши совместные мозговые атаки, даже когда ее мозг был таким же уставшим, как и мой. Отдельное спасибо твоей замечательной семье, которую я давно считаю своей. Ну и, конечно же, спасибо моей семье (вы знаете, кто вы) за то, что всегда готовы поддержать и понять, даже когда я пропускаю праздники и дни рождения. Когда доберусь до очередного крайнего срока, мы с вами, зуб даю, устроим барбекю.

Огромную благодарность шлю Кейт Эллисон. Именно она прочла книгу, когда та была еще совсем младенцем и наверняка доставила ей немало хлопот. И именно Кейт сумела дать мне необходимую ответную реакцию. Я ценю это намного больше, чем ты можешь себе представить.

К сожалению, должна признаться, что как минимум три из лучших сюжетных линий в этой книге родились не в моем извращенном... то есть живом воображении, а явились на свет из грамотных, но порой пугающих размышлений Джонатана «Дока» Уилсона и Квентина «Q (Кью)» Икинса. Вы, ребята, как цельнозерновые завтраки: веселые и хороши усваиваетесь.

Но больше всего я хочу сказать спасибо тебе, дорогой читатель. Благодаря тебе мои мечты воплощаются в жизнь. Ну или большинство из них. Как-то мне пригрезилось, что я голая в аэропорту и... нет, ты прав. С этим лучше обратиться к профессионалам. Но все равно огромное тебе спасибо! Надеюсь, тебе понравилось читать эту книгу не меньше, чем мне нравилось ее писать.